Дивер Джеффри

Холодная луна

Меня не видишь ты, но я всегда рядом.

Беги со всех ног, но от меня все равно не уйдешь.

Бейся со мной что есть мочи, но меня тебе никогда не победить.

Я убиваю когда хочу, но никому не призвать меня к ответу. Кто я?

Старик Время

Часть I

Вторник

Время мертво, пока его отсчитывают маленькие колесики; только когда останавливаются часы, время оживает.

Уильям Фолкнер

Глава 1

00.02

Как долго они умирали?

Человек, которому задали этот вопрос, казалось, не слышал его. Он смотрел в зеркало заднего обзора, полностью сосредоточившись на дороге. Только что миновала полночь, и в Нижнем Манхэттене был гололед. Холодный фронт очистил небо от облаков, превратив выпавший незадолго до того снег в гладкую блестящую корку на асфальте. В грохочущем «пластыремобиле», как Умница Винсент прозвал внедорожник желтовато-коричневого цвета, сидели двое мужчин. Машина была уже далеко не новой. Тормоза нуждались в починке, а покрышки – в срочной замене. Но отдавать в починку угнанный автомобиль было бы глупо. Ведь двое его недавних пассажиров теперь трупы.

Водитель, худощавый мужчина лет пятидесяти с гаком, аккуратно подстриженный брюнет, осторожно свернул на боковую улицу и продолжил путь, не увеличивая скорость, с изящной точностью вписываясь в повороты и не выбиваясь из своего ряда. Он будет так же идеально управлять машиной на любом асфальте, в жару и в гололед, и не важно, имел его автомобиль отношение к убийству или нет.

Осторожно, педантично…

«Как долго?»

Большого Винсента, Винсента с длинными, толстыми, как сосиски, всегда влажными пальцами, Винсента, затянутого тугим коричневым ремнем, страшно трясло. После вечерней смены – он занимался компьютерной обработкой текстов – Винсент ждал на углу улицы. На улице был жуткий холод, но Винсент ненавидел вестибюль своего офиса. Освещение там зеленоватого цвета, на стенах – большие зеркала, в которые он мог хорошо разглядеть свою пухлую фигуру под любым углом зрения. Поэтому Винсент вышел на чистый морозный декабрьский воздух и стал мерить шагами асфальт, пожевывая длинный шоколадный батончик. К тому моменту, о котором идет речь, он уже начал второй.

Когда Винсент поднял глаза на полную луну, ослепительно белый диск, на мгновение показавшийся в расщелине между зданиями, Часовщик размышлял вслух:

– Как долго они умирали? Интересно.

Винсент знал Часовщика – настоящее имя которого было Джеральд Дункан – очень недолго, но уже понимал, что задавать подобные вопросы рискованно. Даже самая невинная попытка что-либо уточнить могла вызвать нескончаемый поток объяснений. Уж он-то умел говорить. И отвечал всегда правильно и красиво, словно университетский профессор. Винсент понимал, что молчит Дункан на протяжении нескольких последних минут потому, что обдумывает ответ.

Винсент открыл банку пепси. Он замерз, но организм требовал сладенького. Он выпил содержимое одним глотком, а пустую банку сунул в карман. Закусил арахисовыми крекерами. Дункан взглянул на него, чтобы убедиться, что Винсент в перчатках. В «пластыремобиле» они всегда были в перчатках.

«Педантично…»

– Полагаю, на этот вопрос можно дать несколько разных ответов, – произнес наконец Дункан своим тихим, лишенным интонаций голосом. – К примеру, моей первой жертве было двадцать четыре года, поэтому можно сказать, что он умирал ровно двадцать четыре года.

Ну и хохмач, подумал Умница Винсент с сарказмом подростка, хотя вынужден был признать, что столь очевидный ответ ему самому в голову не пришел.

– Другому, полагаю, было года тридцать два.

Мимо проехал полицейский автомобиль. В противоположном направлении.

Кровь застучала в висках у Винсента, а Дункан и бровью не повел. Копы не проявили ни малейшего интереса к краденому «эксплореру».

– Есть, конечно, и еще один вариант ответа на вопрос, – продолжил Дункан, – он состоит в подсчете времени, прошедшего с момента, как я приступил к делу, до того мгновения, когда их сердца остановились. Вероятно, именно это ты и имел в виду. Видишь ли, людям нравится втискивать время в понятные им рамки. Ну что ж, вполне оправданное занятие, пока оно им помогает. Вынужден согласиться, знание того, что мышечные сокращения происходят через каждые двадцать секунд, очень полезно. Равно как и знание того, что, если легкоатлет пробежит милю за три минуты пятьдесят восемь секунд, то он выиграет соревнования. Ну, если уж отвечать конкретно на вопрос, сколько времени они умирали сегодня… полагаю, не так важно, сколько времени, главное, что смерть наступала медленно. – Он бросил взгляд на Винсента. – Только не подумай, что я пытаюсь критиковать тебя за твой вопрос.

– Нет, конечно, нет, – откликнулся Винсент. Да его, собственно, не так уж и заботило, критикует его Дункан или нет. Винсент Рейнольдс не мог похвастаться обилием друзей, поэтому ему приходилось мириться со многим в характере Джеральда Дункана. – Мне было просто интересно.

– Понимаю. Но я в самом деле не обратил внимания. В следующий раз обязательно засеку время.

– Девушка? Завтра? – Сердце Винсента забилось немного сильнее.

Дункан кивнул.

– Ты хочешь сказать, сегодня вечером.

Было за полночь. Уже наступил новый день. С Джеральдом Дунканом приходилось быть точным во всем, особенно когда дело касалось времени.

– Да, конечно.

Умницу Винсента оттеснял Голодный Винсент, как только он начинал думать о Джоанне, девушке, которая должна была умереть следующей.

«Сегодня вечером…»

Убийца ехал, петляя по улицам, к их временному жилищу в районе Челси на Манхэттене, к югу от центра, у самой реки. Кругом было пусто. Температура перевалила за десять градусов мороза, и холодный ветер свободно гулял по узким улочкам.

Дункан остановил машину у тротуара и выключил мотор. Оба вышли. Полквартала брели под ледяным ветром, дувшим в лицо. Дункан бросил взгляд на свою тень под ногами, которую отбрасывал благодаря свету луны, что сейчас висела в небе у них за спиной.

– Я подумал о еще одном возможном ответе. На вопрос о том, сколько времени они умирали.

Винсент снова задрожал. Из-за сильного холода, конечно, но не только из-за него.

– Если ты попробуешь оценить это время с их точки зрения, – продолжал убийца, – то поймешь, что для них оно длилось вечно.

Глава 2

7.01

Что такое?

В своем скрипучем кресле в теплом кабинете высокий мужчина крепкого телосложения пил кофе, глядя в сторону дальнего конца пирса, освещенного ярким утренним светом. Он руководил утренними работами по ремонту буксирного судна, проводившимися на Гудзоне к северу от Гринич-Виллидж. В док минут через сорок должен был прибыть «Моран», но в данный момент пирс был пуст, и контролер наслаждался теплом внутренней части ангара. Он сидел, положив ноги на стол, а чашку с кофе поставил себе на грудь. Сейчас ему пришлось встать, протереть запотевшее окно и снова взглянуть в ту сторону.

«Что это?»

У самого края пирса со стороны Джерси стояла небольшая черная коробка. Вчера в шесть часов, когда их ангар закрылся, там ничего такого не было, а с тех пор в док явно никто не входил. Значит, коробку принесли с суши. Ангар и прилегающая территория обнесены цепью, чтобы туда не проник никто из пешеходов и случайных прохожих, тем не менее, как было хорошо известно контролеру по время от времени пропадающим инструментам и постоянно появляющемуся мусору, если кому-то захочется проникнуть сюда, его ничто не остановит.

Но зачем бросать здесь какие-то подозрительные предметы?

Контролер несколько минут всматривался в окно. Там, на улице, холодно, ледяной ветер, а здесь такой горячий и вкусный кофе. И все-таки в конце концов решил: нет, черт, лучше проверить. Он натянул толстую серую куртку, перчатки, шапку и, сделав последний глоток кофе, вышел на морозный воздух.

Он шел навстречу ветру вдоль пирса, устремив слезящиеся глаза на черную коробку.

Черт, что это такое? Предмет был прямоугольный, меньше фута в высоту, что-то на передней стороне отражало лучи утреннего солнца. Контролер прищурился, пытаясь рассмотреть, что там такое. Внизу воды Гудзона, покрытые белыми барашками волн, с грохотом бились об ограждения.

На расстоянии десяти футов от коробки он остановился, поняв вдруг, что перед ним.

Часы… Давно вышедшие из употребления, со смешными римскими цифрами и изображением полной луны на циферблате. Кажутся довольно дорогими. Контролер взглянул на собственные наручные часы и понял, что часы на коробке идут, и идут точно. Кому могло прийти в голову оставить здесь такую совсем не дешевую вещь? Ну что ж, как бы то ни было, судьба преподнесла ему милый презент.

Сделав шаг, чтобы поднять их, контролер то ли поскользнулся, то ли нога подвернулась, и на какое-то мгновение его охватила паника: ему показалось, что он сейчас упадет в реку. Но в конце концов контролер все-таки благополучно приземлился на кусок льда, который поначалу не заметил.

Морщась от боли и задыхаясь, контролер поднялся на ноги. Бросил взгляд вниз и понял, что перед ним не обычный лед. Он почему-то был красновато-коричневого цвета.

– О Боже! – прошептал контролер, осознав, что смотрит на огромную лужу замерзшей крови, образовавшуюся как раз рядом с часами. Он наклонился вперед, и ему сделалось совсем не по себе, когда он понял, каким образом туда попала кровь. На деревянном настиле пирса контролер заметил следы, очень напоминавшие окровавленные отпечатки ногтей, словно кто-то с пораненными пальцами или перерезанными венами отчаянно хватался за края опалубки, стараясь удержаться и не упасть в бурлящие воды реки.

Он подполз к краю и взглянул вниз. В бивших о края пирса волнах ничего и никого не было видно. Это контролера не удивило. Замерзшая

кровь означала, что бедняга побывал здесь давно, и если его никто не спас, то к настоящему времени его тело находится где-нибудь на полпути к Либерти-Айленду.

Контролер отступил назад, зубами стянул перчатку, пытаясь нащупать сотовый. Еще один, последний, взгляд на часы, и он спешит назад в ангар, набирает номер полиции толстым трясущимся пальцем.

До и После.

Город изменился после того сентябрьского утра – взрыв, огромные столбы дыма, рухнувшие небоскребы…

Это невозможно забыть. Можно говорить о стойкости, об отваге, спокойной решительности ньюйоркцев, и все сказанное будет правдой. Но люди все равно невольно останавливаются, когда самолеты заходят на посадку, приближаясь к Ла-Гуардиа, и почему-то кажется, что летят они значительно ниже, чем следует. Вы переходите на другую сторону улицы, за много футов обходя брошенный пластиковый пакет. И вас не удивляют солдаты или полицейские в темной форме с черными автоматами в руках.

День благодарения с его парадом прошел без инцидентов, и вот теперь в полном разгаре было Рождество, наполняя улицы толпами гуляющих. Но над всеми торжествами, подобно отражению в праздничной витрине магазина, плавал неизменный образ навсегда исчезнувших башен и вместе с ними навсегда исчезнувших людей. И конечно же, громадный вопрос: что будет следующим?

У Линкольна Райма были свои «До и После», и он очень хорошо понимал значение этих слов. Было время, когда он жил нормально, как все, потом наступило другое время, когда он больше не мог жить нормально. Всего мгновение назад он был здоровым мужиком, как все; он проводил осмотр места преступления, а минуту спустя бревно садануло его по шее, и он стал практически полным паралитиком от плеч до самых ступней.

До и После…

В жизни бывают мгновения, которые меняют вас раз и навсегда.

И все же Линкольн Райм считал, что если из них делать страшную икону, события приобретут над вами еще большую силу. И плохие парни победят.

Именно об этом думал Райм холодным утром вторника, слушая дикторшу Национального общественного радио, уверенным голосом говорившую о параде, намеченном на послезавтра, за которым последуют различные церемонии и выступления правительственных чиновников. Все они по логике должны были бы проходить в столице страны. Но в Штатах царило настроение солидарности с Нью-Йорком, и потому можно было ожидать многолюдных зрительских толп, а также толп протестующих, которые в скором времени запрудят улицы, сделав жизнь полиции в районах вокруг Уолл-стрит невыносимой. В спорте происходило то же, что и в политике: дополнительные матчи, которые должны были проходить в Нью-Джерси, перенесли в Мэдисон-Сквер-гарден в качестве демонстрации патриотизма. Райм не без цинизма задался вопросом: а не стоит ли намеченный на будущий год Бостонский марафон тоже провести в Нью-Йорке?

До и После…

Райм пришел к выводу, что сам он в состоянии «После» мало чем отличается от состояния «До». Его физическое самочувствие, его «горизонт», конечно, изменились. Но по сути он остался тем же человеком, каким был «До»: полицейским и ученым, нетерпеливым, темпераментным (ну да, порой несколько надоедливым), непреклонным, не прощающим некомпетентности и лени. Ему никогда не могло прийти в голову прикрываться своей инвалидностью, предаваться нытью, делать из своего состояния повод для проклятий в адрес всех и вся.

И теперь, слушая новости, он с раздражением узнавал, что в этом городе есть жители, которые только и знают, что жалуются на несправедливость судьбы к ним.

– Я напишу письмо, – сказал он Тому.

Стройный молодой помощник в черных слаксах, белой рубашке и плотном свитере (дом Райма, расположенный к западу от Центрального парка, отличался плохой системой отопления и старой, отслужившей свой срок изоляцией) поднял глаза на Райма от рождественских украшений, развешиванием которых он как раз занимался. Райм оценил, как комично выглядит миниатюрное вечнозеленое деревце на столе, под которым уже лежал распакованный подарок – коробка с бумажными полотенцами.

– Письмо?

Райм стал развивать свою теорию относительно того, насколько патриотичнее в нынешних условиях, несмотря ни на что, продолжать заниматься своим делом, как прежде.

– Я им покажу где раки зимуют. Думаю, послать письмо следует в «Таймс».

– Почему бы и нет? – отозвался помощник, профессия которого очень часто именуется просто «сиделка» (правда, применительно к женщинам). Сам Том заявлял, что, находясь на службе у Линкольна Райма, выполняет обязанности святого.

– Что я и сделаю безотлагательно! – решительно произнес Райм.

– Великолепно… Хотя…

Райм вопросительно поднял бровь. За время болезни он научился добиваться необычайной экспрессии от своих все еще действовавших частей тела: плеч, лица и головы.

– У большинства людей, говорящих, что они хотят написать письмо, на самом деле руки до него так никогда и не доходят. Люди же, которые пишут письма, обычно никому об этом не говорят, а садятся и делают. Без всяких объявлений. Замечали?

– Спасибо за блестящий экскурс в человеческую психологию, Том. Теперь вы понимаете, что меня ничто не способно остановить.

– Прекрасно, – отозвался Том.

Воспользовавшись специальной сенсорной системой управления инвалидным креслом «Сторм эрроу», криминалист подъехал к одному из полудюжины мониторов с плоским экраном, находившихся в комнате.

– Команда, – произнес он в микрофон, присоединенный к креслу и связанный с системой опознавания голоса. – Текстовый процессор.

На экране послушно открылся «Ворд».

– Команда, печать: «Уважаемый господин редактор». Команда, точка. Команда, новый абзац. Команда, печать. «Я обратил внимание…»

В дверь позвонили, и Том отправился посмотреть, кто пришел.

Райм закрыл глаза, сочиняя свое торжественное обращение к миру, когда внезапно послышался голос:

– Эй, Линк! Счастливого Рождества.

– Угу, тебе того же, – пробурчал Райм в ответ вошедшему в дверь пузатому и взъерошенному Лону Селлитто. Толстому детективу пришлось с большой осторожностью маневрировать по комнате. В Викторианскую эпоху она представляла собой изящную гостиную, а теперь была до отказа забита самым разным судебно-медицинским оборудованием: оптическими микроскопами, электронным микроскопом, устройством для проведения газовой хроматографии, лабораторными стаканами, штативами, пипетками, чашками Петри, центрифугами, реактивами, книгами и журналами, компьютерами, а также толстыми проводами, лежавшими практически повсюду. (Когда Райм начал заниматься судебно-медицинской экспертизой на дому, из-за энергоемкого оборудования у него то и дело вылетали пробки. Он, по всей видимости, потреблял столько же электроэнергии, сколько все остальные жители квартала, вместе взятые.)

– Команда: громкость, уровень три.

Устройство контроля окружающей среды послушно понизило уровень шума.

– Я вижу, ты сегодня не в праздничном настроении, – заметил детектив.

Райм ничего не ответил. Он снова перевел взгляд на монитор.

– Привет, Джексон.

Селлитто наклонился и погладил маленького длинношерстного пса, свернувшегося калачиком в коробке с логотипом NYPD.[1] Он нашел себе здесь временное пристанище, после того как его владелица, престарелая тетка Тома, недавно отошла в мир иной в Уэстпорте, штат Коннектикут, после продолжительной болезни. Среди всего прочего молодой человек унаследовал и Джексона, гаванского бишона. Решено было, что Джексон будет жить у Райма до тех пор, пока Том не найдет ему достойного хозяина.

– У нас серьезные проблемы, Л инк, – сказал Селлитто вставая. Он начал было снимать пальто, но потом передумал. – Господи, какая у тебя холодина! Наверное, рекордные морозы установились?

– Не знаю. На канал погоды редко заглядываю. – Он продолжал размышлять над первым абзацем своего письма редактору.

– Серьезные проблемы, – повторил Селлитто.

Райм взглянул на Селлитто, вопросительно приподняв бровь.

– Два убийства при сходных обстоятельствах. Более или менее.

– Серьезных проблем в мире хватает, Лон. В том числе и убийств. В чем же особая серьезность этих? – Как частенько случалось в промежутках между расследованием преступлений, Райм пребывал в отвратительном настроении. Из всех неприятностей самой крупной он считал скуку.

Однако Селлитто проработал с Раймом много лет и за прошедшие годы приобрел стойкий иммунитет к характеру криминалиста.

– Нам позвонили из Большого дома. Боссы хотят назначить на это дело тебя и Амелию. И кажется, они настаивают.

– Ах, они настаивают?

– Я обещал им не говорить тебе, они же знают, как ты не любишь, когда кто-то настаивает.

– Давай лучше перейдем к более серьезной части, Лон. Ты говоришь, дело очень серьезное?

– А где Амелия?

– В Уэстчестере, занимается одним делом. Скоро вернется.

Детектив сделал жест, означающий «подожди минутку!» – зазвонил его сотовый. Затем последовал разговор, в ходе которого он часто кивал и что-то заносил в блокнот. Завершив беседу, Селлитто взглянул на Райма.

– Ну в общем, ситуация такова. Прошлой ночью преступник... Он схватил...

– Он? – переспросил Райм.

– Ну-у... род нам точно не известен.

– Пол.

– Что?

– Род – преимущественно лингвистическое понятие. Он обозначает отнесенность слов к идее мужского или женского в ряде языков. Пол – понятие биологическое, различающее мужские и женские организмы.

– Спасибо за урок грамматики, – пробормотал детектив. – Возможно, он когда-нибудь мне и пригодится. Как бы то ни было, преступник схватил какого-то беднягу и отвез его к пирсу на Гудзоне, где ремонтируют лодки. Мы не можем сказать точно, как убийца это сделал, но он заставил парня или девчонку бродить у реки, а потом перерезал ему или ей вены на руках. Жертва какое-то время держалась, потеряв огромное количество крови, ну а потом испустила дух.

– Тело?

– Еще не нашли. Береговая охрана и спецотряды полиции продолжают поиск. Несколько минут спустя к нам был еще один звонок. Из переулка в центре, неподалеку от Сидар-стрит, около Бродвея. Негодяй нашел себе еще одну жертву. Постовой обнаружил парня, лежащего на спине, рот заклеен скотчем. Подонок положил ему на шею железный брус весом примерно в семьдесят пять фунтов. И бедняге пришлось удерживать его изо всех сил.

– Семьдесят пять фунтов? Да, оценивая упомянутый тобою вес и физические возможности преступника, я склоняюсь к тому же выводу, что и ты: пол у него скорее всего мужской.

В комнату вошел Том с кофе и печеньем в руках. Селлитто, для которого вес тоже был постоянной проблемой, сразу принялся за печенье. Он позволял себе расслабиться только на время праздников. Покончив с половиной угощения и утирая рот, детектив продолжил:

– Итак, бедняга держит брус. И наверное, какое-то время выдерживает. Носам понимаешь: семьдесят пять фунтов. Долго ему все равно не справиться.

– И кто жертва?

– Зовут Теодор Адамс. Жил рядом с Бэттери-Парк. Вчера вечером по номеру девять-один-один позвонила женщина и сообщила, что ее должен был встретить брат – они собирались вместе поужинать, – но он так и не появился. Она назвала имя. Сержант из тамошнего участка должен был позвонить ей сегодня утром.

Линкольн Райм обычно не любил смягченные описания событий. Хотя в данном случае вынужден был признать, что слово «серьезная» как нельзя более точно характеризовало ситуацию.

Равно как и слово «интригующая».

– А почему ты полагаешь, что все это дело рук одного и того же негодяя?

– В обоих случаях подонок оставлял свою «визитную карточку». Часы.

– Как в «Тик-так»?

– Верно. Первые стояли рядом с лужей крови на пирсе. Вторые находились рядом с головой Адамса. Складывается впечатление, что преступник хотел, чтобы его жертвы видели их. И, полагаю, слышали.

– Опиши их. Эти часы.

– Выглядят они довольно старомодно. Вот, пожалуй, и все, что я могу о них сказать.

– Не бомба? – Теперь – во времена, именуемые «После», – все, что тикает, обязательно проверяется на наличие взрывчатки.

– Не-а… Не взрывается. Но их все равно направили в Родмենз-Нек для проверки на наличие биологических или химических элементов. Кажется, и те и другие часы одинаковой марки. Говорят, в них есть что-то зловещее. На циферблате – луна. И на тот случай, если мы плохо просекаем, он оставил еще и записку под часами. Компьютерную распечатку. Он не дурак демонстрировать нам свой почерк.

– И там говорилось?..

Селлитто взглянул на свои записи, не полагаясь на память. Райму нравилась эта привычка детектива. Селлитто не гений сыска, зато он настоящий «бульдог», делает все медленно, но безукоризненно.

Селлитто прочел:

– «В небе полная Холодная Луна освещает труп земли, указывая час смерти и окончания пути, начатого в момент рождения». – Дочитав, детектив поднял глаза на Райма. – Здесь есть подпись. «Часовщик».

Райм приподнял бровь.

– У нас два трупа и лунный мотив. – Упоминания астрономических явлений в подобных случаях, как правило, означали, что убийца намерен совершать подобные преступления еще много-много раз. – У него большие планы.

– Ну вот видишь. А по какой бы другой причине я зашел к тебе, Линк?

Райм бросил взгляд на начало своего послания в «Тайме». И закрыл программу обработки текста. С эссе о «До и После» придется подождать.

Глава 3

8.08

Какой-то едва различимый звук за окном. Похрустывание снега.

Амелия Сакс замерла, выглянула на улицу, в тихий, белый от недавней пороши задний дворик, однако никого не увидела.

Она находилась на расстоянии получаса езды к северу от города, одна в нетронутой временем загородной вилле, построенной в тюдоровском стиле. Здесь царила мертвая тишина. Да уж, действительно мертвая, подумала Амелия, вспомнив, что владельца дома больше нет в живых. По окончании рождественских каникул виллу продадут.

Снова поскрипывание снега за окном. Сакс была девушкой городской, привычной к какофонии звуков Манхэттена, самых разных, как угрожающих, так и безобидных. Любое же нарушение идеальной сельской тишины приводило ее в ужас.

Это были шаги?

Высокая рыжеволосая следователь в черной кожаной куртке, темно-синем свитере и черных джинсах мгновение внимательно вслушивалась, рассеянно почесывая затылок. До нее снова донеслось поскрипывание за окном. Тогда она расстегнула молнию на куртке, чтобы легче было достать «глок». Пригнувшись, выглянула в окно. Ничего…

И вернулась к работе. Амелия расположилась в роскошном офисном кожаном кресле и принялась изучать содержимое громадного письменного стола. Задача не из легких, так как она, собственно, толком не знала, что ищет. Что случалось нередко, когда приходилось осматривать место преступления, которое таковым могло быть названо с большой натяжкой. А этот дом вряд ли вообще можно было назвать местом преступления. Сюда скорее всего не ступала нога ни одного преступника, здесь не находили никаких трупов, не прятали награбленное. Амелия находилась в редко использовавшемся жилище человека по имени Бенджамин Крили, умершего за много миль отсюда и в последний раз навещавшего свой загородный дом больше чем за неделю до смерти.

И тем не менее она должна была провести осмотр дома, и осмотр тщательный, так как Амелия Сакс прибыла сюда не в своей обычной роли – эксперта-криминалиста, специалиста по осмотру месту

совершения преступления. Она выступала в качестве старшего детектива в ее первом собственном деле об убийстве.

Вновь непонятый звук снаружи. Лед? Снег? Ветка дерева? Олень? Белка?.. Она вновь не обратила на него внимания и продолжила поиск, начавшийся благодаря узлу, затянутому на мотке хлопчатобумажной веревки.

Именно на этой бельевой веревке и закончилась жизнь пятидесятишестилетнего Бена Крили. Бена нашли свисающим с перекладины балкона две недели назад у него дома в Верхнем Ист-Сайде. На столе лежала предсмертная записка, и не было заметно никаких признаков насильственной смерти.

Тем не менее практически сразу после гибели мужа в нью-йоркскую полицию явилась Сюзанна Крили, вдова покойного. Как оказалось, она не могла поверить в то, что ее муж был способен покончить с собой. Да, конечно, в последнее время богатый бизнесмен и бухгалтер пребывал далеко не в лучшем расположении духа. Но, по ее мнению, по очень простой и естественной причине: он много и подолгу работал над каким-то особенно сложным проектом. Порой Бен действительно впадал в мрачное настроение, становился нелюдимым, однако это его состояние не имело ничего общего с суицидальной депрессией. Раньше у Крили никогда не было никаких психологических или эмоциональных проблем, он никогда не принимал антидепрессантов. Финансовое положение было вполне устойчивым и не могло внушать опасений. В последнее время он не вносил никаких изменений в завещание и не делал никаких корректив в страховке. Его партнер Джордан Кесслер находился в командировке у одного из их клиентов в Пенсильвании. Следователь имела короткую беседу с Кесслером, и тот подтвердил, что хотя Крили и производил впечатление глубоко подавленного человека, но, по мнению Кесслера, не был похож на самоубийцу.

Сакс была постоянным ассистентом Линкольна Райма и занималась осмотром мест преступления, однако ей хотелось большего. Она постоянно искала возможности самостоятельно заняться расследованием какого-нибудь дела об убийстве или террористического акта. Кто-то в Большом доме решил, что смерть Крили заслуживает более внимательного рассмотрения, и дал Амелии шанс проявить себя. Однако, помимо общего мнения, что у покойного не было суицидальных наклонностей, Сакс не могла найти никаких доказательств того, что в данном случае имело место преступление. И вдруг она сделала неожиданное открытие. Медэксперт сообщил, что на момент смерти у Крили был сломан большой палец и вся его правая рука была загипсована. Что означало одно – он сам никак не смог бы затянуть узел на петле, в которой повесился.

Сакс знала это наверняка, так как раз десять пыталась затянуть петлю. Это невозможно, не пользуясь большим пальцем. Может быть, он завязал ее еще до падения с велосипеда за неделю до смерти. Версия, что кто-то способен завязать петлю и держать ее под рукой в ожидании удобного случая для самоубийства, казалась более чем абсурдной.

Амелия охарактеризовала смерть Крили как подозрительную и открыла дело об убийстве.

Вскоре стало понятно, что расследование предстоит непростое. Касательно убийств существует одно хорошо известное правило: они либо раскрываются в течение первых двадцати четырех часов, либо на их расследование уходят месяцы. Из того небольшого числа имевшихся вещественных доказательств (бутылка, из которой пил покойный перед смертью, записка и веревка) вряд ли можно было получить какую-то полезную информацию. Свидетели отсутствовали. Отчет, представленный полицией, умещался на половине страницы. Детектив, который первоначально занимался этим делом, постарался закрыть его как можно скорее, как часто бывает с самоубийствами, и, естественно, никаких ценных сведений своей преемнице тоже не мог предоставить.

След, который мог привести к каким-нибудь подозреваемым в городе, где работал Крили и где его семья проводила большую часть времени, едва прощупывался. На Манхэттене Сакс оставалось только еще раз более внимательно допросить делового партнера покойного. В данный момент она занималась одним из тех немногих источников, которые могли ей дать хоть какую-то информацию, – осматривала загородный дом семейства Крили, где они, правда, бывали крайне редко.

Но и здесь Амелию ждала неудача. Ничего ценного она не нашла. Сакс откинулась на спинку кресла, глядя на сделанную незадолго до смерти Крили фотографию, на которой он пожимает руку человеку с внешностью преуспевающего бизнесмена. Оба стоят на бетонированной площадке аэропорта перед частным самолетом какой-то компании. На заднем плане выделяются нефтяные вышки и трубопровод. Крили улыбается. И вовсе не выглядит подавленным. Впрочем, на фотографиях редко кто выглядит подавленным.

И тут снова послышался скрип, очень близко, у окна, прямо у нее за спиной. Затем опять, еще ближе.

Это не белка.

Амелия извлекла «глок». Один сверкающий девятимиллиметровый в патроннике и тринадцать под ним. Сакс осторожно вышла в центральную дверь и обошла дом, держа пистолет обеими руками, но не

перед собой (никогда нельзя держать пистолет перед собой, когда огибаешь угол, его могут выбить; в кино всегда все показывают неправильно). Быстрый взгляд по сторонам. Все чисто. Затем она пошла назад, осторожно ступая своими черными ботинками по обледеневшей тропинке.

Остановилась, прислушиваясь.

Да, совершенно определенно шаги. Кто-то неуверенно продвигался, вероятно, к задней двери дома. Остановка. Шаг. Снова остановка.

Готова, сказала себе Сакс.

Она подошла вплотную к заднему углу дома.

И тут поскользнулась на обледеневшем асфальте. Нога Амелии проехала по льду всего несколько дюймов – вполне достаточно, чтобы она невольно, но достаточно громко выдохнула. Еле слышно для нее самой.

И все-таки достаточно громко, чтобы ее услышал тот, другой человек.

До Амелии донесся звук шагов на заднем дворе, поскрипывание снега. Черт!..

Амелия присела – на случай если это был просто маневр, чтобы отвлечь ее, – и выглянула из-за угла, быстро подняв «глок». Она увидела долговязого мужчину в джинсах и толстой куртке, со всех ног бегущего от нее по снегу.

Черт побери! Как она ненавидела бег. Амелия была довольно высокой женщиной, и к тому же ее мучили проблемы с суставами – артрит. Из-за названного сочетания бег для нее превращался в настоящее испытание.

– Стоять! Я офицер полиции! – крикнула она и побежала за ним.

Сакс понимала, что в любом случае преследовать этого человека ей придется одной. Она не сообщила о своем приезде сюда в полицию графства Уэстчестер. Чтобы попросить о помощи, необходимо было набрать 911, а у нее ни мгновения времени.

– Повторяю: стоять!

Они продолжали бежать сначала по большому двору, а затем по лесу, расположенному за домом. Она начала задыхаться, чувствуя колотье в подреберье, к которому присоединилась и боль в коленях. Амелия бежала на пределе возможностей, но разрыв между ними стал заметно увеличиваться.

«Черт, уйдет!»

И тут ей помогла сама природа. Незнакомец зацепился ботинком за выступавший из земли сук и рухнул на землю с громким проклятием, которое Сакс услышала на расстоянии сорока футов. Она подбежала и, задыхаясь, приставила «глок» к шее беглеца. Тот замер.

– Не стреляйте! Пожалуйста!

– Ш-ш-ш… – Амелия вынула из кармана наручники. – Руки за спину!

Незнакомец покосился на нее:

– Мне больно. Я же ничего не сделал!

– Руки!

Он выполнил приказание, но как-то неуклюже, из чего Амелия заключила, что раньше он в подобные переделки не попадал. Незнакомец был моложе, чем она поначалу подумала. Подросток с угреватым лицом.

– Не стреляйте, пожалуйста!

Сакс перевела дыхание и начала обыск. Никаких документов, оружия, наркотиков. Только деньги и связка ключей.

– Как тебя зовут?

– Грег.

– Фамилия?

Пауза.

– Уизерспун.

– Ты где-то здесь живешь?

Он сделал глубокий вдох и кивнул направо:

– Вон тот дом, рядом с Крили.

– Сколько тебе лет?

– Шестнадцать.

– А почему стал убегать?

– Не знаю. Испугался.

– Разве ты не слышал, что я кричала? Что я из полиции?

– Да, но вы не похожи на полицейского… Женщина-полицейский? Вы на самом деле оттуда?

Амелия показала удостоверение.

– А что ты здесь делал?

– Я живу по соседству.

– Ты уже это говорил. Но, пожалуйста, конкретнее, что ты здесь делал?

Она приподняла его, и он сел. Парень до сих пор производил впечатление насмерть перепуганного.

– Мне показалось, что в доме кто-то есть. Я подумал, что, наверное, пришла миссис Крили или кто-то из ее семьи. Мне кое-что нужно ей сообщить. Я заглянул внутрь, увидел вас и пистолет у вас в руках и очень испугался. Подумал, вы одна из них.

– Из кого?

– Тех ребят, что вломились сюда. Именно об этом я хотел рассказать миссис Крили.

– Вломились?

– Я видел, как парочка парней вломилась в их дом. Несколько недель назад. Вскоре после Дня благодарения.

– Ты вызвал полицию?

– Нет. Я потом подумал, что следовало, конечно, позвонить в полицию. Но мне не хотелось впутываться в историю. Те парни были очень крутые. С такими лучше не связываться.

– Расскажи-ка поподробнее, что произошло.

– Я был на улице, на нашем заднем дворе, и увидел, как они идут к боковому входу в дом Крили. Они оглянулись по сторонам, а потом сломали замок и вошли внутрь.

– Белые или черные?

– Вроде белые. Но я ведь находился довольно далеко. И не видел лиц. Я только понял, что это мужики. Джинсы, куртки. Один был заметно крупнее другого.

– А цвет волос?

– Не знаю.

– Сколько времени они находились внутри?

– Около часа, наверное.

– Ты видел их машину?

– Нет, не видел.

– Они что-нибудь забрали из дома?

– Да. Стерео, диски, телевизор. Какие-то игры, наверное. А можно мне встать?

Сакс подняла его на ноги и повела к дому. Она сразу обратила внимание, что боковая дверь взломана. Ловкая работа.

Войдя в дом, Амелия огляделась по сторонам. Большой телевизор с панорамным экраном стоял в гостиной. В буфете масса великолепного фарфора и много серебра очень высокой пробы. Нет, конечно, здесь имело место отнюдь не воровство. Возможно, они и унесли какие-то вещи – исключительно в целях прикрытия.

Она обошла первый этаж. В доме идеальный порядок. За исключением камина. Камин не настоящий, отметила она, газовый, но внутри много пепла. Какой смысл разжигать газовый камин с помощью бумаги? Неужели грабителям пришло в голову разводить в нем огонь?

Не прикасаясь ни к чему внутри камина, Амелия осветила фонариком его содержимое: пепел и какие-то обгоревшие бумаги.

– А ты, случайно, не заметил, не разводили те люди здесь огонь?

– Не знаю. Возможно.

Перед камином были заметны полосы грязи. Амелия привезла с собой основное оборудование для осмотра места преступления. Оно лежало в багажнике. Нужно собрать возможные отпечатки пальцев вокруг

камина, на рабочем столе, пепел, грязь и другие вещественные доказательства, которые удастся отыскать.

И тут зазвонил мобильный. Она взглянула на дисплей. Срочное сообщение от Линкольна Райма. Необходимо немедленно вернуться в город. Амелия отправила уведомление о получении его сообщения.

«И что же они сожгли?» – подумала она, глядя на камин.

– Ну, – произнес Грег, – можно мне теперь идти?

Сакс оглядела его с ног до головы.

– Не знаю, известно ли тебе об этом, но в случае смерти человека полиция проводит полную опись всего имущества в доме на момент смерти его владельца.

– Правда? – Он опустил глаза.

– Через час я вызову сюда полицию графства Уэстчестер, пусть сверят имеющийся у них список вещей с тем, что находится в доме сейчас. Если что-то будет отсутствовать, они пригласят меня, а я, в свою очередь, дам им твое имя, и они позвонят твоим родителям.

– Но…

– Ведь те мужчины ничего с собой не унесли, не так ли? После того как они ушли, ты проник в дом через боковую дверь и без стеснения взял… Итак, что ты взял?

– Только на время. Из комнаты Тодда.

– Сына мистера Крили?

– Да. И одна из игр была моя. Он мне ее так и не вернул.

– А мужчины? Они что-нибудь взяли?

Пауза.

– Вроде бы нет.

Сакс сняла наручники.

– Все, что взял, принеси обратно. Положи в гараже. Я оставлю дверь открытой.

– О да, конечно! Обещаю, – поклялся парень, тяжело дыша. – Можете не сомневаться… Только… – Он начал плакать. – Дело в том, что я съел торт, который стоял в холодильнике. Я не… Я куплю им другой.

– В список вещей еда не включается, – холодно произнесла Сакс.

– Не включается?

– Все остальное верни.

– Клянусь. Поверьте мне. – Он вытер лицо рукавом куртки. Он встал и уже собрался уходить, но Амелия остановила его вопросом:

– Еще одно. Когда ты узнал, что мистер Крили покончил с собой, ты удивился?

– Ну, в общем, да.

– Почему?

Парень рассмеялся:

– У него был «мерс». Длинный такой. А те, кто кончают с собой, ездят на «БМВ». Верно?

Глава 4

9.43

Существует много страшных вариантов смерти.

Амелия видела почти все, по крайней мере ей так казалось. Но нынешние убийства были самыми жестокими из всех, с которыми ей приходилось сталкиваться в практике эксперта.

Райм попросил ее поскорее приехать в Нижний Манхэттен, где от Амелии требовалось осмотреть два места, на которых с промежутком в несколько часов были совершены убийства. Убийца оставил записку, в которой называл себя Часовщиком.

Сакс уже провела осмотр первого из них, на пирсе у Гудзона. Оно оказалось довольно сложным для анализа. Тело отсутствовало, большую часть следов смело или перемешало сильным ветром, дующим с реки. Она сделала фотографии места убийства и сняла его на видео с разных углов зрения. Отметила участок, где стояли часы, с раздражением подумав о том, какой беспорядок там учинил антитеррористический

отряд, когда забирал их на проверку. Впрочем, в сегодняшней ситуации другого выбора просто не было.

Она забрала также и записку, заляпанную запекшейся кровью. Затем взяла образцы замерзшей крови. Отметила отпечатки ногтей на пирсе в том месте, где жертва отчаянно пыталась удержаться, повиснув над бурлящим потоком. Амелия нашла оторванный ноготь, широкий, короткий, неровный, без лака, что свидетельствовало о том, что жертва скорее всего был мужчиной.

Убийца протаранил цепное ограждение пирса. Сакс и отсюда взяла образец, чтобы попытаться найти возможные отпечатки. У места въезда на пирс и у лужицы замерзшей крови она не нашла ничего: ни отпечатков пальцев, ни следов ног, ни следов автомобильных покрышек.

Свидетелей тоже не было. Медэксперт сделал вывод: если жертва упала в Гудзон, что представлялось вполне вероятным, то смерть от переохлаждения наступила в течение примерно десяти минут. Водолазы из полиции и береговая охрана продолжали поиск тела в воде и возможных других улик преступления.

Теперь Сакс находилась на месте второго убийства, в переулке рядом с Сидар-стрит, неподалеку от Бродвея. Труп Теодора Адамса лежал на спине, рот заклеен скотчем, им же связаны колени и запястья. Жертве, судя по всему, было тридцать с небольшим. Убийца закрепил веревку на пожарной лестнице на расстоянии десяти футов над ним, а ко второму концу привязал тяжелый шестифутовый металлический брус с отверстиями по краям, похожими на широкие игольные ушки. Описанное сооружение убийца подвесил над шеей жертвы. Противоположный конец веревки он поместил в руки жертвы. Связанный Теодор никак не мог выскользнуть из-под бруса. Его единственная надежда была в том, чтобы попытаться удерживать эту тяжесть до тех пор, пока какой-нибудь случайный прохожий не спасет его.

Случайных прохожих не оказалось.

Труп лежал здесь уже довольно долго, и брус продолжал давить ему на шею, пока тело совсем не окоченело на декабрьском морозе. Металл почти продавил шею трупа. Оставался всего дюйм – и голова отделилась бы от тела.

Лицо трупа приобрело мертвенно-бледный оттенок, в остекленевших глазах застыло пустое, лишенное всяких эмоций выражение, характерное для мертвецов, но Амелия прекрасно представляла, как выглядело это лицо в течение тех десяти или пятнадцати минут, когда

бедняга боролся за жизнь, вначале краснея от усилий, затем страшно багровея, как вылезали у него глаза из орбит.

Кому, черт возьми, понадобилось убивать таким зверским способом, так садистски мучить свои жертвы?

На Амелии был костюм фирмы «Тайвек», специально предназначенный для того, чтобы ничего из ее одежды случайно не загрязнило место преступления. Обсуждая увиденное с двумя своими коллегами по отделу Нэнси Симпсон и Фрэнком Реттигом, Сакс готовила оборудование для сбора вещественных доказательств. Неподалеку от них стоял большой фургон, оборудованный всем необходимым инструментарием для обследования места преступления.

Амелия обмотала ступни резиновыми лентами, чтобы отличить свои следы от следов преступника. Идея принадлежала Райму. «Зачем такие предосторожности? Я же в «Тайвеке», Райм, а не в обычной обуви», – как-то заметила в беседе с ним Амелия. Он смерил ее усталым критическим взглядом: «Ах, извини. Я и не подумал, что преступнику просто в голову не может прийти купить костюм фирмы «Тайвек». Сколько он там стоит, Амелия? Сорок девять долларов девяносто пять центов?»

Первым ее предположением было, что убийства – дело рук либо мафии, либо какого-то психопата; для многих соперничающих банд преступления такого рода – что-то вроде обмена посланиями. Психопат, с другой стороны, мог пойти на столь изощренное убийство либо в состоянии откровенного умопомешательства, либо с целью удовлетворения садистского импульса, в котором могла быть и сексуальная составляющая, или же просто из чистой жестокости без какой-либо примеси похоти. За время работы в полиции Амелия поняла, что причинение боли другому человеку само по себе есть довольно сильный источник ощущения превосходства и способно вызывать патологическое привыкание.

К ней подошел Рон Пуласки в форме и кожаной куртке. Стройный молодой блондин, он ассистировал Сакс в деле Крили, а кроме того, часто помогал Райму в его расследованиях. После одной стычки с опасным преступником он надолго попал в госпиталь, а после выписки ему предложили инвалидность.

Он рассказывал Амелии, как они с Дженни, его молодой женой, сели и стали обсуждать предложенный Рону вариант. Стоит ему возвращаться на службу или нет? К обсуждению присоединился брат-близнец Рона, тоже полицейский. И в конце концов Пуласки предпочел пройти лечение и вернуться в полицию. Сакс и Райм были в восторге от его

юношеского задора и энергии и, пользуясь своими многочисленными связями в этой среде, добивались, чтобы Рона как можно чаще посылали им в помощь. Потом он как-то признался Сакс (ни в чем подобном Райму он, конечно, признаться не мог), что стойкость криминалиста перед лицом таких страшных ударов судьбы, каким был полный паралич, нежелание сдаваться ни при каких обстоятельствах, его невероятно строгий режим ежедневной терапии стали именно тем, что подтолкнуло Пуласки к принятию решения остаться в полиции.

Рон был в обычной форме, не в «Тайвеке», поэтому он остановился у желтой ленты, преграждавшей вход на место преступления.

– О Господи! – пробормотал он, увидев труп, распростертый под железным брусом.

Хорошо, подумала Сакс. Ей понравилась его реакция. Чтобы эффективно выполнять свою работу, полицейскому необходимо провести четкую разделительную черту между отвлеченным холодным профессионализмом и шоком при виде тех ужасов, свидетелем которых он неизбежно становится. Лучшие сотрудники полиции не перестают испытывать гнев, возмущение, ужас от увиденного на протяжении всей своей карьеры. Амелия сама упорно стремилась к тому, чтобы не утратить это чувство, чтобы не притупилась способность испытывать отвращение при виде нарушения фундаментальных принципов человеческой морали.

Пуласки сообщил ей, что Селлитто и другие полицейские проводят опрос местной охраны и менеджеров расположенных в округе офисов на предмет того, не стали ли они свидетелями преступления и не знали ли Теодора Адамса.

– Антитеррористический отряд все еще проверяет часы, – добавил он, – потом они передадут их Райму… А я соберу номера всех машин, припаркованных в округе. Это поручение детектива Селлитто.

Стоя спиной к Пуласки, Амелия кивнула. На самом деле подобная информация ее мало интересовала. В данный момент она для нее не важна. Следовало как можно внимательнее осмотреть место преступления, и Амелия старалась не отвлекаться на все несущественное. Несмотря на то что ее работа подразумевала «общение» исключительно с неодушевленными предметами, требовалась и определенная эмоциональная «причастность». Чтобы быть эффективным профессионалом, Амелии нужно было психически и эмоционально почувствовать себя преступником. Весь жуткий сценарий преступления проигрывается в воображении полицейского: что думал убийца, где он стоял, когда поднимал пистолет, биту или нож, как настраивался на

совершение задуманного; задержался ли он на несколько мгновений, чтобы насладиться муками умирающей жертвы, или сразу бросился бежать; что привлекло его внимание здесь, что понравилось и что могло испугать; каким был маршрут его ухода. Это не разработка психологического профиля подозреваемых, предназначенная скорее для СМИ, чем для реальной работы, хотя иногда полезная и важная составная часть кропотливого искусства поиска в омерзительной навозной куче места преступления нескольких крупиц «золотой» информации, которые в конечном счете могут привести к преступнику.

В данный момент Сакс пыталась стать тем неизвестным, убийцей, который столь зверским способом расправился с другим человеческим существом.

Взгляд скользил по месту преступления, вверх и вниз, по сторонам: булыжники на мостовой, стены, тело, металлический брус…

«Я – он… Я – он… О чем я думаю? Зачем я решила убить этих несчастных? Почему именно таким способом? Почему именно сейчас, почему на пирсе, почему здесь?»

Но причина смерти была настолько необычной, психология убийцы настолько далека от ее собственной, что она так и не смогла ответить на свои вопросы. Пока не смогла… Амелия надела наушники.

– Райм, ты меня слышишь?

– Ну, пока еще я не оглох, – ответил он с легким раздражением в голосе. – Я ждал. Где ты? На месте второго преступления?

– Да.

– И что ты видишь?

«Я – он…»

– Переулок, Райм, – произнесла она в микрофон. – Это тупик для автомобилей. Сквозного проезда здесь нет. Жертва находится недалеко от улицы.

– Насколько близко?

– Пятнадцать футов. Протяженность переулка – сто футов.

– Как он попал туда?

– Следов покрышек нет, но его явно сюда притащили. На брюках и куртке соль и грязь.

– Рядом с телом есть какие-нибудь двери?

– Есть. Оно как раз и лежит перед одной из них.

– Он что, работал в этом здании?

– Нет. У меня есть его визитка. Он представитель свободной профессии – копирайтер.[2] Здесь указаны и его адрес, квартира.

– Возможно, у него в том районе был какой-нибудь клиент. Или где-то поблизости.

– Лон проверяет.

– Хорошо. А вот та дверь, что рядом с ним… Преступник не мог ждать его за ней?

– Вполне возможно, – ответила Амелия.

– Пусть охранник откроет ее, я хочу, чтобы ты узнала, что там.

Послышался голос Лона Селлитто:

– Никаких свидетелей. Все как будто ослепли. Да и оглохли к тому же… В зданиях, окружающих переулок, должно быть, около сорока или пятидесяти различных учреждений. Если даже кто-то и знал жертву, на проверку уйдет очень много времени.

Сакс закончила разговор с Раймом и передала просьбу криминалиста открыть заднюю дверь, находящуюся рядом с телом.

– Нет проблем, – отозвался Селлитто и отправился выполнять поручение, дыша на закоченевшие руки.

Сакс сделала фотографии места преступления и сняла его на видео. Затем осмотрела жертву на предмет каких-либо сексуальных намерений убийцы, но не обнаружила никаких следов изнасилования. Затем перешла к тому, что именуется «ковровым осмотром» места преступления, дважды проходя каждый квадратный дюйм в поисках каких-либо свидетельств. В отличие от многих криминалистов Райм настаивал, чтобы осмотр места преступления проводился одним специалистом – за исключением случаев катастроф с большим числом жертв, конечно, – поэтому Сакс проводила «ковровый осмотр» в одиночку.

Впрочем, кто бы ни совершил это преступление, он постарался не оставить никаких явных следов, кроме записки, часов, металлического бруса, скотча и веревки.

Она все сообщила Райму.

– Ну что ж, Амелия, не хотят подонки облегчать нам работу.

Его деланная веселость раздражала. Он ведь не стоял здесь, рядом с трупом человека, погибшего чудовищной смертью. Амелия проигнорировала комментарий и продолжила осмотр места преступления: провела базовое обследование трупа, чтобы его можно было передать медицинским экспертам, собрала принадлежавшие ему предметы, отпечатки пальцев, осуществила электростатическую съемку следов обуви с помощью специального клейкого валика, напоминающего тот, с помощью которого удаляется шерсть домашних животных.

Вполне возможно, что преступник заехал сюда на автомобиле, принимая во внимание вес бруса, но следов от покрышек не было. Середина переулка была засыпана каменной солью, вызывавшей таяние снега.

И тут Амелия прищурилась.

– Райм, нечто странное. На земле вокруг тела что-то есть, на расстоянии примерно трех футов от него.

– И что это такое?

Сакс опустилась на колени и с помощью лупы стала внимательно рассматривать то, что на первый взгляд казалось мелкой солью.

Она тут же сообщила о ней Райму.

– Может быть, ею посыпали мостовую, чтобы таял лед?

– Нет! Она только вокруг тела. Больше нигде во всем переулке ее нет. Для таяния снега и льда используется крупная каменная соль. – Она сделала шаг назад. – Здесь только остаток. Такое впечатление... Да-да, именно так и есть, Райм. Он подметал. Метелкой.

– Подметал?

– Я вижу следы метелки. Убийца как будто разбросал здесь несколько горстей какого-то песка, а затем все за собой подмел... Хотя, возможно, это сделал не он. На месте первого преступления, на пирсе, ничего подобного не было.

– А на самой жертве или на брусе есть песок?

– Не знаю… Подожди-ка. Да, есть.

– Значит, он посыпал песком место после совершения преступления, – заключил Райм. – Вероятно, мы имеем дело с каким-то маскирующим веществом.

Аккуратные преступники используют порошок или какой-нибудь гранулированный материал – песок, наполнитель для кошачьего туалета или даже муку – и посыпают им землю после совершения преступления. Затем сметают порошок или убирают его с помощью пылесоса, уничтожая вместе с ним большую часть следов.

– Но зачем ему понадобились подобные сложности? – спросил Райм.

Сакс молча смотрела на тело и на булыжную мостовую.

«Я – это он… Зачем я стала бы подметать?»

Преступники часто стирают отпечатки пальцев и забирают с собой явные улики, но очень редко кто из них идет на подобные ухищрения и пользуется маскирующим реагентом. Амелия закрыла глаза и попыталась представить себя стоящей над молодым человеком, который из последних сил пытается удержать металлический брус. Вообразить себя в подобной ситуации стоило ей немалого труда.

– Может быть, он просто что-то просыпал.

– Маловероятно, – возразил Райм. – Подобные люди не бывают настолько беспечными.

Она согласилась. И продолжала размышлять: «Я, конечно, очень внимательна. Но почему бы я стала подметать? Я – это он…»

– Почему? – прошептал Райм.

– Он…

– Не он, – поправил ее криминалист. – Ты – это он, Сакс. Помни!

– Я предельно педантична. Мне хочется избавиться практически от всех следов.

– Верно, но все, чего ты добьешься, подметая за собой, – заметил Райм, – сводится на нет, поскольку из-за твоего педантизма придется

задержаться на месте преступления. Думаю, здесь должна быть какая-то другая причина.

Амелия пытается еще глубже погрузиться в сознание убийцы. Она поднимает брус, вкладывает веревку в руки жертвы, смотрит на его перекошенное лицо, вылезающие из орбит глаза.

«Я ставлю часы рядом с его головой. Они тикают, тикают… Я наблюдаю затем, как он умирает. Я не оставляю никаких следов, я подметаю…»

– Думай, Сакс. Что он замышляет?

«Я – это он…»

И тут она говорит:

– Я возвращаюсь, Райм.

– Что?

– Я возвращаюсь на место преступления. Я хочу сказать, убийца возвращается. Поэтому он и подметал. Потому что не желал оставлять ни малейших следов, которые могли бы дать нам возможность представить, как он выглядит: никаких волос, следов обуви, даже грязи с подошв. И преступник вовсе не боится того, что мы воспользуемся этим, чтобы выследить его, и застанем его врасплох у него в укрытии. Он слишком хитер, чтобы оставлять подобные следы! Нет, он боится, что мы найдем нечто, что поможет нам узнать его, когда он вернется.

– Да, возможно, что и так. Может быть, он получает эротическое удовольствие от наблюдения за тем, как люди умирают, и за тем, как работают полицейские. А может, хочет узнать, кто за ним охотится… Чтобы начать свою собственную охоту.

Амелия почувствовала, как у нее по спине пробежал холодок страха. Она оглянулась по сторонам. Как обычно, на противоположной стороне улицы стояла небольшая толпа зевак. Возможно, там, среди них, находится и убийца, который внимательно следит за ней.

Тут снова послышался голос Райма:

– А может быть, он уже возвращался. Приезжал сегодня рано утром, чтобы удостовериться, что его жертва мертва. Следовательно…

– …он мог оставить следы в каком-то другом месте. На тротуаре, на улице.

– Совершенно верно.

Амелия нырнула под ленту, ограждавшую место преступления, и оглядела улицу. Затем тротуар перед зданием. В глаза бросились полдюжины следов от обуви на снегу. Она не могла с уверенностью сказать, что какие-то из них принадлежат Часовщику, но некоторые – оставленные зимними сапогами на толстой подошве – явно свидетельствовали, что кто-то, скорее всего мужчина, стоял в течение нескольких минут у входа в переулок, переминаясь с ноги на ногу. Амелия оглянулась по сторонам и решила, что ни у кого не могло быть особых причин для того, чтобы проводить там много времени. У входа в переулок нет ни телефонных автоматов, ни почтовых ящиков, ни окон.

– Какие-то не совсем обычные следы от зимней обуви у входа в переулок, у поворота на Сидар-стрит, – сообщила она Райму. – Довольно большие. – Она обыскала и этот участок, покопалась в снежном отвале. – Кажется, что-то нашла.

– Что?

– Золотой зажим для банкнот. – Пальцы покалывало от мороза сквозь латексные перчатки, но Амелия внимательно пересчитала деньги. – Триста сорок долларов в новых банкнотах по двадцать долларов. Прямо рядом со следами сапог.

– А на жертве обнаружены какие-либо деньги?

– Шестьдесят баксов, тоже очень свеженькие.

– Возможно, убийца взял зажим, а затем бросил его, убегая.

Амелия положила зажим в мешок для вещественных доказательств и закончила осмотр других участков местности, не найдя ничего существенного.

Задняя дверь офисного здания наконец-то открылась. Там стояли Селлитто и охранник из службы безопасности офиса. Амелия начала осмотр двери. Она обнаружила и сфотографировала то, что Райму охарактеризовала как миллион отпечатков (он только ухмыльнулся в ответ). Закончив с дверью, перешла к темному коридору за ней. Но и там не нашла ничего по-настоящему ценного.

Внезапно морозный воздух прорезал испуганный женский голос:

– О Боже, нет!

Коренастая брюнетка лет сорока подбежала к желтой ленте, где ее остановил патрульный офицер. Она всхлипывала, прижимая руки к лицу. К женщине направился Селлитто. Потом к ним подошла Амелия.

– Вы его знали, мадам? – спросил детектив.

– Что случилось? Что случилось? Нет… О Боже…

– Вы его знали? – повторил детектив.

Раздираемая рыданиями, женщина отвернулась от жуткого зрелища.

– Мой брат… Нет, он… Боже… Нет, не может быть…

Она опустилась на обледенелую землю на колени. Скорее всего это та самая женщина, которая вчера вечером сообщила об исчезновении брата, подумала Амелия.

Когда речь заходила о подозреваемых, у Лона Селлитто был характер бультерьера. А вот с жертвами и их родственниками он демонстрировал поразительную мягкость. Тихим голосом с отчетливым бруклинским произношением он сказал:

– Мне очень жаль, мэм, но он действительно мертв.

Он помог женщине встать, и та без сил прислонилась к стене.

– Кто это сделал? Почему?! Кому подобное могло прийти в голову? Кому?

– Пока мы не знаем, мэм, – ответила ей Амелия. – Извините. Но мы его найдем. Я обещаю вам.

Женщина, задыхаясь, повернулась к Сакс:

– Не пускайте сюда мою дочь, пожалуйста.

Амелия взглянула на автомобиль, наполовину въехавший на тротуар. Женщина оставила его там, в панике бросившись к месту преступления. На пассажирском сиденье сидела девочка-подросток и, нахмурившись и слегка наклонив голову, смотрела на Амелию. Детектив подошла к телу, закрыв его от девочки.

Сестра покойного, которую звали Барбара Экхарт, выскочила из автомобиля без пальто и теперь ежилась от холода. Женщина была не в силах совладать с чувствами. Попросила, чтобы ее провели в туалет.

Выходя оттуда, она все еще была бледна и подавлена, но уже достаточно владела собой. Истерика прошла.

Вытирая лицо бумажным полотенцем, она объяснила, что живет в Верхнем Ист-Сайде, а ее брат Тедди жил неподалеку отсюда. Вчера вечером они собирались встретиться в центре и поужинать вместе, однако он не пришел. Она позвонила в полицию, но они ничем не могли ей помочь, так как, по их сведениям, в имевших место дорожных происшествиях и преступлениях не пострадал никто, похожий на ее брата. До полуночи Барбара продолжала безуспешно набирать его номер. Сегодня утром от офицера полиции она узнала, что тело наконец обнаружено. И тут же отправилась сюда вместе с дочерью.

У Барбары не было ни малейшего представления о том, какими могли быть мотивы убийцы. Ее брат, холостяк, работал сам на себя, был копирайтером, свободным сочинителем рекламы. Его все любили, и ни о каких явных его врагах Барбаре ничего не было известно. Он никогда не впутывался ни в какие любовные треугольники, его не преследовали ревнивые мужья, он не занимался ничем незаконным, не принимал наркотиков и уж тем более не торговал ими. И переехал-то он в город всего два года назад.

То, что у жертвы не было никаких явных преступных связей, очень обеспокоило Амелию. На первое место выходил психический фактор, гораздо более опасный для общества, нежели фактор обычного бандитизма.

Сакс объяснила сестре убитого порядок осмотра тела. Судмедэксперт выдаст его ближайшим родственникам в течение двух суток. Лицо Барбары окаменело.

– Почему он убил Тедди таким способом? Что было у него на уме?

На этот вопрос Амелия Сакс ничего не могла ответить.

Наблюдая за тем, как женщина возвращается в машину и Селлитто помогает ей, Амелия не могла оторвать глаз от девочки, которая тоже пристально смотрела на нее. Взгляд девочки было трудно вынести. На данный момент она должна была уже знать, что мертвое тело, лежащее на улице, принадлежит ее дяде, но Амелия читала на лице девочки все еще теплившуюся надежду. Надежду, которая вот-вот будет развеяна.

Мать села в машину и обняла девочку.

Лучшие полицейские должны сохранять способность чувствовать гнев, переживать потрясения… Из-за чего подобные мгновения становятся еще более мучительными.

* * *

Голод.

Винсент Рейнольдс лежал на постели с давно не стиранным бельем в их временном жилище, которое, как ни странно, располагалось в бывшей церкви, и чувствовал в душе страшный голод, беззвучно подражавший урчанию в его похожем на грушу животе.

Старинная католическая постройка в безлюдном районе Манхэттена рядом с Гудзоном стала базой для их «операций». Настоящий дом Джеральда Дункана находился за городом, а квартира Винсента – в Нью-Джерси. Винсент предложил расположиться у него, однако Дункан ответил решительным отказом. Нужно, заявил он, прервать всякую связь с постоянным местом жительства.

И вновь он говорил так, словно читал нотацию. Но без раздражения. Словно отец, наставляющий сына.

– В церкви? – спросил Винсент. – Почему именно в церкви?

– Потому что ее пытаются продать уже в течение четырнадцати с половиной месяцев. Значит, она особенно никому не нужна. И в нынешние холода вряд ли кому-то придет в голову осматривать ее с целью приобретения. – Дункан бросил на Винсента подозрительный взгляд. – Да не беспокойся ты. Это уже давно не святое место, в ней службы сто лет не проводились.

– Правда? – недоверчиво переспросил Винсент, который уже давно решил, что у него на душе достаточно смертных грехов, чтобы обеспечить прямую дорогу в ад, если таковой существует. Самовольный захват церковного здания, освященного или заброшенного, был наименьшим из проступков.

Агент по продаже недвижимости, конечно, держал двери церкви на запоре, но хороший часовщик всегда в основе своей слесарь (первые часовщики, пояснил Дункан, получали слесарную подготовку), и потому ему не составило большого труда сломать замок на одной из задних дверей, а потом повесить там свой. Вследствие его манипуляций они смогли свободно заходить в здание и выходить из него, никем не замеченные. Кроме того, он заменил замок и на парадной двери и

оставил на нем немного воска, чтобы знать, не пытался ли кто-нибудь проникнуть в церковь в их отсутствие.

Внутри здание было мрачным, в нем постоянно сквозило из всех щелей и стоял невыветриваемый запах дешевых чистящих веществ.

В качестве своей комнаты Дункан избрал бывшую спальню священника на втором этаже пристройки, в которой располагались квартиры причта. Через коридор находился рабочий кабинет, где разместился Винсент. Здесь стояли койка, стол, плитка, микроволновка и холодильник (голодному Винсенту, конечно, в первую очередь нужна была кухня). В церкви не отключили электричество на тот случай, если агентам по продаже недвижимости понадобится освещение. А чтобы не разморозилась отопительная система, в нее продолжали подавать тепло.

Впервые увидев церковь, в которой им предстояло жить, и зная пристрастие Дункана ко всему, что связано со временем, Винсент сказал:

– Как жаль, что здесь нет башни с часами. Наподобие Биг-Бена.

– Биг-Бен – название колокола, а не часов.

– На лондонском Тауэре?

– На Часовой башне парламента, – вновь поправил его Дункан. – И назван он в честь сэра Бенджамина Холла. В конце 50-х годов девятнадцатого века Биг-Бен был самым большим колоколом в Англии. А в первых часах именно колокол сообщал о времени. Тогда не было ни циферблата, ни стрелок.

– Вот оно что…

– И само английское слово «clock», «часы», происходит от латинского «cloca», что значит «колокол».

«Этот человек знает все».

Винсенту нравилось всезнание Дункана. Ему многое нравилось в Джеральде Дункане. Он задавался вопросом: а не могли бы они стать настоящими друзьями? У Винсента было очень немного друзей. Иногда у него случались совместные выпивки с кем-нибудь из временных коллег-верстальщиков. Но даже Умница Винсент старался не говорить слишком много, так как боялся сболтнуть лишнего об официантке или о женщине, сидящей за соседним столиком. Из-за голода становишься рассеянным (достаточно вспомнить, что случилось с Салли Энн).

Винсент и Дункан во многих отношениях были противоположностями, но в одном они были похожи: каждый носил в своем сердце страшную тайну. И любой, кто побывал в подобном положении, знает: общий секрет помогает забыть о любых различиях, как в образе жизни, так и в идеологии.

А теперь из-за Винсента их дружба должна подвергнуться серьезному испытанию.

Он принимал холодный душ, вновь думая о Джоанне, той самой брюнетке, которую они собирались посетить сегодня. Она торгует цветами, и ей суждено стать их следующей жертвой.

Винсент открыл маленький холодильник в своей комнате, вытащил оттуда рогалик и разрезал его на две половины охотничьим ножом. У ножа было очень острое восьмидюймовое лезвие. Винсент намазал на рогалик плавленый сыр и съел бутерброд, запив двумя жестянками кока-колы. Нос пощипывало от мороза. Предельный педант во всем, Джеральд Дункан настаивал, чтобы они и здесь не снимали перчаток, что причиняло Винсенту немалые неудобства, но сегодня, в жуткий холод, он не возражал.

Винсент снова лег на койку и попытался представить, как выглядит тело Джоанны. «Сегодня вечером…»

Смертельное чувство голода… Его внутренности усыхали от вожделения, душа готова была испариться. Если ему не удастся поговорить с Джоанной по душам, казалось, он весь изойдет неудовлетворенными желаниями.

Он выпил банку «Доктора Пеппера» и заел ее пакетом картофельных чипсов. Потом еще несколькими солеными кренделями.

Ой, какой мучительный голод…

Голод…

Винсенту Рейнольдсу самому никогда бы не пришла в голову мысль, что страстное желание сексуального насилия над женщиной сродни голоду. Эту идею ему подбросил его терапевт доктор Дженкинс.

Когда Винсента задержали из-за Салли Энн – единственный раз, когда он оказался под арестом, – врач объяснил ему, что он должен смириться с тем, что желания, которые он чувствует, никогда не исчезнут.

– Тебе от них не избавиться. Они сродни голоду… А что нам известно о голоде? Что он вполне естествен. Мы не можем не испытывать голода. Согласен?

– Да, сэр.

Врач добавил, что несмотря на то что от голода полностью избавиться невозможно, его «можно удовлетворять достойными способами. Понимаешь, что я имею в виду? Ты ведь, как правило, употребляешь здоровую пищу, хорошо завтракаешь, обедаешь и ужинаешь в специально отведенные для этого промежутки времени, а не просто перекусываешь на ходу. В случае с людьми ты должен постараться завязать нормальные отношения, основанные на привязанности, которые завершатся браком и созданием семьи».

– Я понял.

– Превосходно. Ну вот видишь, как мы быстро идем на поправку. Согласен?

Слова врача запали глубоко в душу, хотя истолковал он их несколько иначе, по-своему. Винсент подумал, что аналогия с голодом ему действительно может очень помочь. Когда возникнет подобная потребность, он просто «поест», то бишь «поговорит по душам» с девчонкой. Таким образом он утолит свой голод, не будет чувствовать себя потерянным и не превратится в слезливую размазню, как произошло в случае с Салли Энн.

Великолепно!

«Согласны, доктор Дженкинс?»

Винсент покончил с рогаликами и содовой, затем написал еще одно письмо сестре. А на полях Умница Винсент нарисовал несколько карикатур. Ей понравятся его шаржи. Винсент был потрясающим художником.

В дверь постучали.

– Войдите.

Джеральд Дункан распахнул дверь, но не вошел, а остался стоять на пороге. Они пожелали друг другу доброго утра. Комната Джеральда всегда пребывала в идеальном порядке. На столе все предметы разложены с поразительной симметрией. Вся одежда выглажена и развешана в стенном шкафу. Каждая вещь висела на расстоянии ровно

двух дюймов от другой. У их дружбы было единственное препятствие – Винсент был страшный неряха.

– Хочешь перекусить? – спросил Винсент.

– Спасибо, не хочу.

Вот почему Часовщик такой худой. Он редко ест, почти никогда не испытывает голод. А это еще одна помеха для их дружбы. Винсент, однако, решил простить Джеральду упомянутый недостаток. Ведь сестра Винсента тоже очень мало ест, но он ее все равно любит.

Джеральд сварил для себя кофе. Пока вода нагревалась на плитке, он вынул из холодильника банку с кофейными зернами и отмерил ровно две ложки. Засыпал их в ручную мельницу и несколько раз повернул ручку. Затем осторожно пересыпал полученный порошок на бумажный фильтр в кофеварке, разгладил его: поверхность порошка должна быть идеально ровной. Винсенту нравилось наблюдать за тем, как Джеральд Дункан готовит кофе.

«Педант…»

Дункан бросил взгляд на свои золотые карманные часы. Осторожно повернул головку и снова вернул их на место. Он быстро управился со своим кофе – Дункан пил его как лекарство – и посмотрел на Винсента.

– Наша цветочница, – проговорил он, – Джоанна… Скоро мы доберемся и до нее. Сходи-ка проверь. Посмотри, одна ли она, чем занимается.

Что-то сжалось внутри у Винсента. До свиданьица, Умница Винсент.

– Как скажешь.

– А я пойду посмотрю, как дела у полиции в переулке на Сидар-стрит. Хочу знать, с кем мы имеем дело.

«С кем…»

Дункан натянул куртку и перебросил сумку через плечо.

– Готов?

Винсент кивнул и надел парку светло-коричневого цвета, шапку и черные очки.

– Сообщи мне, если у нее много людей с заказами, – наставлял Дункан Винсента. – И если она одна, тоже сообщи. Я бы, конечно, предпочел

управиться с ней прямо там, у нее, но, возможно, придется засовывать ее на заднее сиденье «эксплорера».

Часовщик выяснил, что Джоанна проводит много времени у себя в мастерской на расстоянии нескольких кварталов от ее магазина, где цветы продавались в розницу. Мастерская представляла собой уединенное и довольно темное место. Голодный Винсент не мог выбросить из головы образ этой женщины: ее вьющиеся волосы, удлиненное миловидное лицо.

Они спустились по лестнице и вышли в переулок за церковью.

Дункан запер замок.

– Ах да, я забыл тебе кое-что еще сказать. По поводу завтрашнего дня. Она тоже женщина. Вторая подряд. Я не знаю, насколько часто тебе нужны твои… Как ты их там называешь? Беседы по душам?

– Именно так и называю.

– Кстати, а почему именно так? – спросил Дункан. Убийца, как уже давно понял Винсент, отличался безграничным любопытством.

Фразой «беседа по душам» Винсент был также обязан доктору Дженкинсу, своему «дружку»-врачу из исправительного центра, советовавшему всякий раз, как у него возникнут какие-либо проблемы или просто захочется поболтать, заходить к нему для беседы по душам.

По какой-то причине Винсенту понравилась его фраза. Она звучала гораздо лучше, чем «изнасилование».

– Не знаю. Просто называю, и все. – Затем Винсент добавил, что не имеет ничего против двух женщин подряд.

«Иногда чем больше ешь, тем больше мучает тебя голод, доктор Дженкинс. Согласны?»

Осторожно пройдя по куче обледеневшего снега, они вышли на тротуар, и Винсент спросил:

– Гм… а что ты собираешься сделать с Джоанной?

Расправляясь со своими жертвами, Дункан придерживался одного главного правила: умирать они должны медленно. На практике это совсем не так просто, как может показаться на первый взгляд, пояснил он своим отстраненным холодным тоном. У него была книга, называвшаяся «Допрос под пыткой». В ней говорилось о том, как можно

развязать язык преступникам, подвергая различным мучениям, от которых они в том случае, если не пожелают сознаться, в конечном итоге обязательно погибнут. В ней подробно описывались накладывание тяжестей на горло несчастным, вскрытие вен и тому подобные ужасы.

– В ее случае я не собираюсь излишне затягивать процедуру, – продолжал свои объяснения Дункан. – Просто заклею ей рот и завяжу руки за спиной. Затем положу ее на живот, завяжу шнур на шее, а противоположный конец привяжу ей к лодыжкам.

– Ноги у нее будут согнуты? – Винсент попытался представить себе эту сцену.

– Да. Описание было в книге. Ты видел иллюстрации?

Винсент отрицательно покачал головой.

– Она не сможет долго держать ноги согнутыми под таким углом. Как только начнет выпрямлять их, шнур у нее на шее затянется и она задохнется. Думаю, вся процедура займет не более восьми – десяти минут. – Он улыбнулся. – Я засеку время. Как ты и предлагал. Когда все закончится, я позову тебя и она будет полностью в твоем распоряжении.

«Старый добрый разговор по душам…»

Они вышли из переулка, и в лицо им ударил сильный порыв ледяного ветра. Расстегнутая парка Винсента распахнулась.

Он в испуге остановился. На тротуаре в нескольких футах от них Винсент заметил молодого человека с редкой бороденкой и в потертой куртке. С плеча у него свисала сумка. Студент, решил Винсент. Опустив голову, тот поспешно шел вперед.

Дункан бросил взгляд на товарища.

– В чем дело?

Винсент кивнул, указывая на охотничий нож, который висел у него на поясе в ножнах.

– Мне кажется, он заметил. Из… извини. Мне следовало бы застегнуть куртку, но…

Дункан сжал губы.

Нет, нет… Винсент надеялся, что он не слишком огорчил Дункана.

– Если хочешь, я могу с ним разобраться. Я…

Убийца пристально взглянул на студента, быстрыми шагами удалявшегося от них.

Затем повернулся к Винсенту:

– Ты когда-нибудь кого-нибудь убивал?

Винсент не смог выдержать взгляда этих пронзительных холодных голубых глаз.

– Нет.

– Подожди здесь. – Джеральд Дункан огляделся по сторонам. Улица пустынна, на ней нет никого, кроме студента. Дункан сунул руку в карман, достал оттуда открывалку, с помощью которой он вскрыл вены тому человеку на пирсе, и быстрыми шагами пошел за студентом. Винсент наблюдал затем, как убийца догонял парня. Они свернули за угол.

Ужасно… Винсент такой неряха. Из-за него они оба рисковали. Из-за своей небрежности он ставит на карту все: дружбу с Дунканом, возможность «разговоров по душам». Ему хотелось вопить от досады, хотелось плакать.

Винсент сунул руку в карман, нашел батончик «Кит-Кат» и быстро сжевал его вместе с частью обертки. Дункан вернулся через пять мучительных минут, держа в руке смятую газету.

– Извини, – сказал Винсент.

– Все в порядке. Нормально, – отозвался Дункан. Голос его был тих и спокоен. В газете лежала окровавленная открывалка. Он вытер лезвие бумагой и убрал его. После чего выбросил газету и перчатки. Надел новые. Поэтому он и настаивал на том, чтобы при них постоянно были две или даже три пары.

– Тело в ящике для отбросов, – сообщил Дункан. – Я прикрыл его мусором. Если повезет, оно окажется на свалке или в море до того, как его кто-то заметит.

– С тобой все в порядке? – спросил Винсент, обратив внимание на красную отметину на щеке Дункана.

Тот пожал плечами.

– Когда я напал на него, он начал отбиваться. Пришлось резануть его по глазам. Запомни. Если кто-то начинает сопротивляться, режь по глазам. Они сразу перестают рыпаться, и ты можешь делать с ними все, что захочешь.

«Режь по глазам…» Винсент медленно кивнул.

– Теперь будешь внимательнее? – спросил Дункан.

– О да. Обещаю. На самом деле.

– А теперь иди посмотри, как там дела у нашей цветочницы. Встретимся в музее в три тридцать.

– Да, конечно. Хорошо.

Дункан окинул Винсента взглядом своих светло-голубых глаз. И улыбнулся, что случалось с ним весьма редко.

– Не расстраивайся. Возникла проблема. Ее удалось решить. С точки зрения истории Вселенной это ничто.

Глава 5

10.58

Тело Тедди Адамса унесли, плачущие родственники ушли.

Селлитто уехал к Райму, и место преступления официально стало доступно для всех. Рон Пуласки, Нэнси Симпсон и Фрэнк Реттиг снимали заградительную ленту.

Не в силах забыть выражение отчаянной надежды, застывшее в глазах племянницы убитого, Амелия Сакс продолжала внимательно обследовать место, с еще большим педантизмом, чем делала это обычно. Она проверила все другие двери и возможные выходы, пути побега, которыми мог воспользоваться преступник. Но больше ничего не нашла. Другого такого случая, когда при столь сложном преступлении осталось так мало следов, она вспомнить не могла.

Собрав свое оборудование, Амелия переключилась на дело Бенджамина Крили, позвонила жене покойного, Сюзанне, и сообщила ей, что кто-то проник в их уэстчестерский дом.

– Я ничего не знала. Вам известно, что они похитили?

Амелия несколько раз встречалась с вдовой Крили. Это была очень стройная женщина – она каждый день бегала трусцой – с короткими мелированными волосами, довольно миловидная.

– У меня создалось впечатление, что ничего особенного не пропало. – О соседском мальчишке она решила ничего не говорить, полагая, что достаточно его напугала, чтобы впредь не нарушал закон.

Амелия спросила, не сжигала ли Сюзанна чего-то в камине; та ответила, что уже давно не была в загородном доме.

– Как вы думаете, что все это значит?

– Не знаю. Но версия самоубийства начинает казаться мне все более сомнительной… Кстати, вам понадобится новый замок на боковую дверь.

– Я кого-нибудь приглашу сегодня. Спасибо, детектив. Для меня большое облегчение, что хоть вы мне поверили.

Сразу же после окончания разговора Амелия написала запрос на проведение экспертизы пепла, грязи и других улик, обнаруженных в доме Крили. Все имевшее отношение к делу Крили она положила в отдельную папку. После чего помогла Симпсон уложить собранный материал в фургон. Особых трудов им стоило завернуть тяжелый металлический брус в пластик и перенести его в машину.

Амелия уже закрывала дверь фургона, когда, повернувшись и взглянув на противоположную сторону улицы, у старого ремонтируемого дома на Сидар-стрит около Чейз-Плаза она заметила мужчину с «Пост» в руках. К этому времени мороз разогнал уже большую часть зевак.

Что-то не то, подумала Амелия. В такую погоду нормальный человек не станет читать газету на улице. Если вам вдруг захотелось узнать курс акций или подробности последней катастрофы, вы быстро ее пролистаете, установите, сколько денег потеряли или во что врезался церковный автобус, и пойдете себе дальше.

И уж по крайней мере вы не станете на продуваемой всеми ветрами улице смаковать сплетни с шестой страницы.

Амелия видела только силуэт мужчины, так как большая часть его фигуры была скрыта от нее широкими газетными листами и кучей строительного мусора. Впрочем, одно Амелия разглядела совершенно определенно – зимние сапоги. Они вполне могли оставить тот след, который она нашла на снегу при входе в переулок. Амелия задумалась. Почти все полицейские уже ушли с места преступления. Симпсон и

Реттиг вооружены, но у них отсутствует необходимая тренировка. Подозреваемый же находился за металлической баррикадой в три фута высотой, сложенной специально для намеченного на ближайшее время парада. Если пойти к нему прямо через улицу, он без труда сможет ускользнуть. Необходимо более тщательно продумать захват.

Она подошла к Пуласки и прошептала:

– У тебя за спиной стоит один парень. Мне бы хотелось с ним побеседовать. Тот, с газетой.

– Преступник? – спросил он.

– Не знаю. Возможно. Вот как мы поступим. Я сяду в нашу машину. Меня высадят на углу, вон там, немного дальше к востоку. А ты… Ты можешь водить машину с ручным управлением?

– Конечно.

Она дала ему ключи от своего ярко-красного «камаро».

– Ты отъедешь на запад по Сидар-стрит по направлению к Бродвею футов на сорок. Остановишься, вылезешь из машины, перепрыгнешь через ту баррикаду и возвратишься назад тем же путем.

– Мне нужно вспугнуть его?

– Верно. Если он действительно просто так вышел на улицу, чтобы почитать газету – всякое случается, – мы спокойно побеседуем с ним, проверим документы и вернемся к работе. Если нет, то, полагаю, он повернется и бросится бежать прямо ко мне в лапы. Ты последуешь за ним и прикроешь меня.

– Понял.

Амелия сделала вид, что в последний раз осматривает место преступления, после чего взобралась в большой коричневый фургон и наклонилась вперед к водителю.

– У нас проблема.

Нэнси Симпсон и Фрэнк Реттиг оглянулись на нее. Симпсон расстегнула куртку и положила руку на рукоятку пистолета.

– Нет, этого не нужно. Я сейчас все объясню. – Осветив ситуацию, она обратилась к Симпсон, сидевшей за рулем: – Поезжай в восточном

направлении. На светофоре поверни налево. Немного притормози. И я выскочу.

Пуласки залез в «камаро», включил зажигание и, рванув выхлопом, помчался вперед.

– Нам что, не останавливаться? – спросил Реттиг.

– Не надо, только притормозите. Хочу, чтобы подозреваемый был уверен, что я уезжаю.

– Хорошо, – ответила Симпсон. – Как считаешь нужным.

Фургон двинулся в восточном направлении. В зеркало бокового обзора Амелия наблюдала за действиями Пуласки.

– Потише, – тихо сказала она в микрофон рации. Ему удалось справиться с мотором, настоящим монстром, и машина спокойно покатила вперед в направлении, противоположном тому, в котором ехал их фургон.

На перекрестке Сидар-стрит и Нассау фургон повернул, и Амелия открыла дверцу.

– Продолжайте движение. Не тормозите.

– Удачи, – произнесла Симпсон вдогонку коллеге.

Амелия прыгнула.

Ну вот, немного быстрее, чем она планировала. Она едва не упала, но все-таки удержалась на ногах, возблагодарив отдел городского хозяйства за обильное посыпание улиц солью. Сориентировалась, куда ей следует идти, и пошла по тротуару по направлению к человеку с газетой. Он ее не заметил.

Амелия прошла квартал, затем еще один. Расстегнула куртку, нащупала на поясе «глок». На расстоянии примерно пятидесяти футов от подозреваемого Пуласки внезапно притормозил, вылез из машины и перепрыгнул через баррикаду. Парень с газетой не обратил на него внимания. Они окружили его. С двух других сторон путь ему отрезан баррикадой и зданием на ремонте.

Прекрасный план.

И только одна маленькая деталь, которую не удалось предусмотреть.

На противоположной стороне улицы у здания отдела по строительству жилья находились два вооруженных охранника. Они помогали полиции с охраной места преступления от посторонних. Один из них узнал Амелию. Он помахал ей рукой и крикнул:

– Что-то забыли, детектив?

Черт! Человек с газетой повернулся и увидел ее.

Он бросил газету, перепрыгнул через барьер и что было сил помчался по проезжей части улицы по направлению к Бродвею. На противоположной стороне металлического ограждения с ним поравнялся Пуласки. Парень попытался перепрыгнуть через ограду, зацепился ногой и растянулся на асфальте. Амелия остановилась на мгновение, но, увидев, что он серьезно не ушибся, продолжила преследование. Пуласки присоединился к ней, и они вместе побежали за подозреваемым, которому удалось оторваться от них на тридцать футов, и расстояние между ними продолжало увеличиваться.

Амелия схватила рацию и нажала кнопку связи.

– Детектив пять-восемь-восемь-пять, – выдохнула она в микрофон. – Преследуем подозреваемого в убийстве на Сидар-стрит. Подозреваемый направляется на запад по Сидар-стрит… минутку, теперь он свернул на юг, к Бродвею. Нуждаемся в помощи.

– Принято, пять-восемь-восемь-пять. Направляем к вам дополнительные подразделения.

Несколько других передвижных патрулей сообщили, что находятся неподалеку и уже выехали на перехват подозреваемого.

Когда Сакс и Пуласки приближались к Бэттери-Парк, преследуемый внезапно остановился и чуть было не оступился. Он оглянулся и увидел спуск в подземку.

Только не метро, подумала Амелия. Слишком большая толпа. Преследование в такой толпе практически невозможно.

О нет…

Взгляд через плечо, и он бросается вниз по ступенькам.

Амелия остановилась, крикнув Пуласки:

– Беги за ним! – Глубокий вдох. – Если он станет стрелять, ни в коем случае не начинай перестрелку, если будет хоть малейшая вероятность ранить кого-то из прохожих. Пусть уж лучше он уйдет.

Лицо Пуласки сделалось предельно серьезным, он кивнул. Амелия знала, что парню никогда не приходилось участвовать в перестрелке.

– А ты где будешь? – спросил он.

– Беги за ним! – крикнула она в ответ.

Парень сделал глубокий вдох и возобновил погоню. Амелия подбежала ко входу в метро и увидела, как Пуласки спускается вниз, перепрыгивая по три ступеньки зараз. Затем перешла улицу и, пройдя полквартала на юг, вытащила пистолет и спряталась за афишной тумбой.

Начала отсчет:...четыре... три... два...

Один.

Она вышла, повернулась к выходу из метро как раз в то мгновение, когда подозреваемый появился на ступеньках. Она направила на него пистолет:

– Стоять!

Среди прохожих послышались крики, кто-то упал на землю. Реакцией преследуемого была откровенная досада, вероятно, потому, что его трюк не сработал. Амелия сразу поняла, что он пойдет в эту сторону. Удивление у него на лице при виде входа в метро было притворным. Он бежал в направлении станции, пытаясь ввести их в заблуждение. Незнакомец механически, словно во сне, поднял руки.

– Лечь на землю лицом вниз!

– Да я же...

– Выполнять! – крикнула Амелия.

Он бросил взгляд на ее пистолет и повиновался. Задыхаясь после длительного бега, чувствуя сильную боль в суставах, Амелия опустила колено на спину мужчины и стала надевать на него наручники. Он поморщился. Амелия не обратила на это внимания.

– У них есть подозреваемый.

Линкольн Райм и человек, принесший интересную новость, сидели в лаборатории. Деннис Бейкер, плотный симпатичный мужчина лет под сорок, был лейтенантом в отделе тяжких преступлений – подразделение Селлитто – и занимался контрольными функциями. Он получил приказ от мэрии остановить Часовщика как можно скорее. Бейкер был одним из тех, кто настаивал, чтобы Селлитто поручил дело Райму и Сакс.

Райм приподнял бровь. Подозреваемый? Преступники часто по разным причинам возвращаются на место преступления, и Райм задался вопросом: а не попался ли Амелии на самом деле убийца?

Бейкер вернулся к своему сотовому. Он слушал кого-то, кивая. У лейтенанта, отличавшегося странным сходством с актером Джорджем Клуни, была та способность к суровой концентрации, которая помогает стать неплохим администратором в полиции, но делает из человека наискучнейшего собутыльника.

– Он неплохой парень и может тебе пригодиться, – сказал Селлитто о Бейкере перед тем, как лейтенант прибыл из управления.

– Превосходно, но он не будет совать свой нос, куда его не просят? – спросил Райм у детектива.

– Ни при каких обстоятельствах. Ты это сразу сам поймешь, как только его увидишь.

– На что ты намекаешь?

– Парень хочет, чтобы у него на счету было хотя бы одно раскрытое громкое дело, и полагает, что ты можешь ему таковое обеспечить. Поэтому он предоставит тебе полную свободу действий и любую поддержку, какую ты только пожелаешь.

Замечательно, так как с людскими ресурсами у них проблемы. С ними часто работал еще один детектив из нью-йоркской полиции – Роланд Белл, приехавший с юга. Детектив отличался поразительно легким характером, столь не похожим на характер Райма, но и не меньшим педантизмом. Однако Белл с двумя сыновьями был в отпуске в Северной Каролине, навещал свою подружку, служившую там шерифом.

Кроме того, они часто работали с Фредом Дельреем, агентом ФБР, известным своим участием в антитеррористических расследованиях и разведывательной деятельности. Убийства подобного рода не относятся к числу преступлений федерального значения, но Дельрей помогал Селлитто и Райму в расследовании тяжких преступлений и предоставлял им возможность доступа к ресурсам ФБР. В настоящее время федералы,

казалось, по уши увязли в следствии по нескольким крупным аферам типа «дела Эрона». И Дельрей занимался одним из них.

Поэтому Бейкер, не говоря уже о его связях в управлении, был настоящим даром судьбы. Лейтенант закончил разговор по сотовому и сообщил, что в данный момент Сакс допрашивает подозреваемого, который, как видно, не слишком разговорчив.

Селлитто сидел рядом с Мэлом Купером, судебно-медицинским экспертом, худощавым и стройным, фигурой напоминающим балетного танцовщика. На его привлечении к расследованию настоял сам Райм. Для Купера его аналитические таланты стали настоящим наказанием: Райм мог позвонить ему в любое время дня и ночи и попросить о консультации по поводу того или иного аспекта дела. Он не сразу согласился помочь Райму, когда тот позвонил ему утром в лабораторию в Квинсе. Купер сослался на то, что запланировал поездку на уик-энд во Флориду вместе с матерью и подружкой.

Райм, не задумываясь, ответил:

– Тем более ты должен приехать ко мне как можно скорее и не терять времени на раздумья.

– Хорошо, буду через полчаса, – ответил Купер. Теперь он стоял у лабораторного стола, ожидая поступления материалов для анализа. Надев латексные перчатки, он кормил печеньем Джексона. Пес лежал, свернувшись калачиком у его ног.

– Мне бы не хотелось, чтобы в наших материалах потом обнаружили собачью шерсть, – проворчал Райм.

– Он такой милый, – отозвался Купер, меняя перчатки.

Криминалист что-то пробурчал. Слово «милый» явно не входило в лексикон Линкольна Райма.

Зазвонил телефон Селлитто.

– Береговая охрана и наши водолазы пока не нашли никаких тел. Продолжается проверка списков находящихся в розыске лиц.

Вслед за этим появился фургон с материалами с мест преступления, обследованных Амелией Сакс. Том помог перенести все необходимое в лабораторию.

Бейкер и Купер втащили завернутый в пластик металлический брус.

Орудие убийства…

Офицер из группы осмотра места преступления протянул документы о передаче материалов следствия Куперу, и тот их подписал. После чего распрощался со всеми. Райм не обратил на него никакого внимания. Он смотрел на материалы. Ради этого мгновения он и жил. После инцидента, во время которого он повредил позвоночник, его страсть – можно сказать, даже патологическая привязанность – к интеллектуальным схваткам с преступниками нисколько не угасла, а материалы, получаемые с места преступления, были как раз тем полем, на котором велись его главные сражения.

Райм предвкушал нечто в высшей степени интригующее.

Но в нем пробудилось и что-то похожее на чувство вины. Ведь он не испытал бы подобного восторга, если бы кто-то другой не стал жертвой чудовищного преступления, кто-то не потерял бы своих близких: жертва на пирсе, Теодор Адаме, их семьи, друзья. Да, конечно, Райм чувствовал угрызения совести. Тем не менее он обладал умением отодвигать в сторону свое ощущение трагедии. Многие называли Райма холодным, бесчувственным, и он не спорил. Но те, кто достигает выдающихся результатов в своем деле, добиваются этого только благодаря тому, что ряд черт счастливым образом сочетаются в их характере. Так и у Райма острый, проницательный ум, невероятная настойчивость, упорство, целеустремленность соединились с эмоциональной отстраненностью – ценнейшим качеством лучших криминалистов.

Когда прибыл Рон Пуласки, Райм пристально рассматривал коробки. Райм познакомился с ним, когда парень только что поступил в полицию. Их встреча произошла всего год назад – и Пуласки уже был женат и имел двоих детей, – но Райм прозвал его про себя «парнишкой».

– Я знаю, что Амелия кого-то там задержала, но, если это не преступник, я не желаю тратить на него время, – провозгласил Райм. – Давайте исходить из того, что задержала она не преступника. – И, обратившись к Пуласки, добавил: – Опиши мне место преступления. Начнем с первого, с пирса.

– Хорошо, – отозвался Пуласки и, запинаясь, начал описание: – Пирс расположен примерно у Двадцать второй улицы на реке Гудзон. Он протянулся в реку на пятьдесят два фута и возвышается над поверхностью воды на восемнадцать футов. Убийство…

– Значит, тело все-таки нашли?

– Видимо, нет.

– Значит, ты хотел сказать «предполагаемое убийство»?

– Да, конечно, сэр. Предполагаемое убийство имело место на дальнем конце пирса, то есть на его западном конце между шестью часами вечера и шестью утра. Док в это время был закрыт.

Улик минимум: ноготь, возможно, мужской, кровь, которую Мэл Купер проверил и подтвердил, что она человеческая, АВ положительная, что означало, что в ее плазме присутствовали белки-антигены А и В, а анти-А и анти-В отсутствовали. Кроме того, он также обнаружил отдельный протеин Rh. Сочетание антигенов АВ с протеином Rh являлось свидетельством того, что у жертвы была третья, самая редкая, группа крови, которую имеют всего лишь три с половиной процента населения. Дальнейшие тесты подтвердили, что погибший был мужчина.

Кроме того, удалось выяснить, что он был уже не молод, давно имел проблемы с сердцем, так как принимал антикоагулянт для разжижения крови. Следов других медикаментов или указаний на какие бы то ни было инфекционные или другие заболевания обнаружено не было.

Отсутствовали и какие-либо следы обуви, автомобильных покрышек, отпечатки пальцев.

Амелия подобрала также кусок цепи, ограждавшей пирс. Купер изучил края на обрыве и пришел к заключению, что преступник, чтобы пройти к доку, воспользовался стандартным инструментом для резки металлической проволоки. По отметинам, конечно, можно с достаточной точностью определить инструмент, только это слабое утешение при полном отсутствии других следов.

Райм внимательно просмотрел фотографии места преступления, в особенности узор, который образовывала кровь, стекавшая с пирса. Он предположил, что жертва висела на краю опалубки на уровне груди, отчаянно пытаясь удержаться. Человек просовывал пальцы в пространство между планками. Следы ногтей свидетельствовали, что в конце концов он все-таки сорвался. Райм задался вопросом, сколько времени рядом с несчастным находился его убийца.

– Ну что ж, теперь расскажите мне о втором месте.

– Второе убийство произошло в переулке рядом с Сидар-стрит у Бродвея. Переулок пятнадцать футов шириной, сто четыре фута длиной, покрыт булыжником и заканчивается тупиком.

Тело, вспомнил Райм, находилось на расстоянии пятнадцати футов от входа в переулок.

– Время наступления смерти?

– По меньшей мере за восемь часов до обнаружения трупа. По словам врача. Тело совсем окоченело, поэтому потребуется определенное время, чтобы сделать более точные выводы. – Молодому полицейскому мешало стремление говорить в стиле официального отчета.

– Амелия мне что-то сообщала по поводу запасных дверей и пожарных выходов в переулок. Кто-нибудь из вас спросил, во сколько они запираются на ночь?

– Три здания там принадлежат коммерческим организациям. Два из них запирают свои служебные двери в восемь тридцать, а одна – в десять. А третье – правительственное административное здание. Дверь в нем запирается в шесть. В десять производится вечерний вывоз мусора.

– Когда было обнаружено тело?

– Около семи утра.

– Итак, значит, жертва в переулке была мертва уже примерно часов восемь, последняя дверь была заперта в десять, и вскоре после этого вывезли мусор. Следовательно, преступление имело место где-то между десятью пятнадцатью и одиннадцатью вечера. Как обстоит дело с машинами?

– Я составил список номеров всех машин в радиусе двух кварталов. – Пуласки вытащил громадный блокнот, напоминавший подарочное издание «Моби Дика».

– Что, черт возьми, там у тебя такое?

– Я вписал сюда характеристики всех стоявших там автомобилей. Может оказаться полезным. Точное место стоянки, подозрительные детали.

– Пустая трата времени. Нам нужны только номера, чтобы установить имена и адреса владельцев, – прокомментировал Райм. – Проверить базы данных. Нас не должно интересовать, кому нужен был кузов или у кого лысая резина… Ну что?

– Что?

– Просмотрел номера?

– Нет еще.

Купер вошел в Интернет, решив не откладывать то, что можно сделать немедленно. Никакого криминала ни на одном официальном владельце машин, находившихся неподалеку от места преступления, не обнаружилось. По просьбе Райма он также проверил, не было ли выписано каких-либо штрафных талонов за нарушение правил парковки в той местности во время, близкое ко времени убийства. Не было.

– Ладно… Мэл, введи имя жертвы. Есть ли какой-либо криминал на него?

На Адамса никакого явного криминала не было, и Пуласки вспомнил то, что говорила его сестра: у него не было врагов и никаких проблем в личной жизни, результатом которых могло бы стать убийство.

– Но почему в качестве жертв выбираются именно эти люди? – спросил Райм. – Случайно?.. Я знаю, Дельрей занят, тем не менее вопрос очень важный. Позвоните ему и попросите проверить Адамса. Пусть посмотрит, есть ли у них что-нибудь на него.

Селлитто позвонил в ФБР и пробился к Дельрею, который был в ужасном настроении из-за «чертовой трясины» – финансовой аферы, расследование которой ему поручили. Тем не менее он сразу же по их просьбе просмотрел базы данных и дела, находившиеся в работе. По Теодору Адамсу не отыскал ничего.

– Ладно, – провозгласил Райм, – пока мы не нашли никаких свидетельств противоположного, будем считать, что имеем дело со случайными жертвами маньяка. – Прищурившись, он взглянул на фотографии. – Где, черт возьми, часы?

После звонка в антитеррористический отдел выяснилось, что в часах не нашли никаких опасных биологических или токсических агентов, и их уже отправили Райму.

Деньги в зажиме были взяты незадолго до случившегося из банкомата. Банкноты были чисты, но вот на самом зажиме остались хорошо различимые отпечатки. Когда Купер пропустил их через фэбээровскую автоматизированную систему определения отпечатков, то оказалось, что в системе такие не зарегистрированы.

Немногочисленные отпечатки на банкнотах из кармана Адамса дали тот же результат. Проверка серийных номеров банкнот обнаружила, что они не проходят в министерстве финансов ни по каким делам об отмывании денег и ни по каким другим преступлениям.

– Песок? – спросил Райм, обратив внимание на маскирующее вещество.

– В общем, можно сказать, что да, – отозвался Купер, не поднимая головы от микроскопа. – Такой, который чаще используют на спортивных площадках, нежели в строительстве. Я просмотрю его внимательнее.

А на пирсе песка не было, вспомнил Райм слова Амелии. Потому ли, что, как она полагала, преступник планировал вернуться в переулок, или просто потому, что на пирсе не нужен был никакой маскирующий реагент, так как ураганный ветер с Гудзона вымел место преступления до идеальной чистоты.

– А как насчет трубы? – спросил Райм.

– Чего?

– Бруса, с помощью которого была раздавлена шея жертвы. Это профиль с заушинами на концах. – Райм изучал строительные материалы, применяемые в городе, так как распространенным способом избавиться от трупа было подбросить его на строительную площадку. Купер и Селлитто взвесили металлический брус – он весил восемьдесят один фунт – и положили его на стол. Брус был около шести футов длиной, дюйм шириной и три дюйма высотой. В обоих концах просверлены отверстия. – Такие используют в основном в кораблестроении, тяжелой механизации, в кранах, антеннах и мостах.

– Это, должно быть, самое тяжелое орудие убийства из всех, которые мне когда-либо приходилось видеть, – заметил Купер.

– Тяжелее, чем в случае с «жителем пригорода»? – спросил Райм. Для него точность была превыше всего. Он имел в виду женщину, несколько месяцев назад переехавшую своего неверного мужа громадным внедорожником посередине Третьей авеню.

– Ах да, конечно… «Его лживое сердце…» – пропел Купер писклявым тенорком. Затем просмотрел брус в поисках отпечатков пальцев. Ничего. Купер отделил от бруса несколько стружек. – Возможно, сталь. Вот свидетельство окисления.

– Какая-нибудь маркировка?

– Никакой.

Райм скорбно вздохнул:

– Вот вам еще одна проблема. В городе есть по крайней мере пятьдесят мест, где можно найти подобное «орудие». Амелия упоминала, что поблизости есть стройка…

– Ах да, я совсем забыл. Она попросила меня проверить, – откликнулся Пуласки, – и там мне сказали, что не пользуются металлическими брусьями такого рода.

– Ну конечно, он забыл, – недовольно пробормотал Райм. – Насколько мне известно, городские власти проводят какие-то большие работы на мосту Квинсборо. Давайте попробуем. Свяжитесь с рабочими на Квинсборо и выясните, какие брусья они там используют и не пропал ли один из них.

«Парнишка» кивнул и достал свой мобильник. Купер рассматривал данные по анализу песка.

– Ну вот, здесь кое-что есть. Сульфат таллия.

– Что это такое? – спросил Селлитто.

– Яд, используемый против грызунов, – ответил Райм. – У нас в стране он запрещен, но его иногда можно найти в иммигрантских сообществах или в зданиях, где работают иммигранты. Какова концентрация?

– Очень высокая… Но он отсутствует в образце почвы и в осадке, которые собрала Амелия. Значит, скорее всего его занес на место преступления сам убийца.

– Возможно, он собирался им кого-то отравить? – предположил Пуласки.

Райм покачал головой:

– Этот яд не так-то легко использовать в качестве оружия. Чтобы отравить человека, необходима очень большая доза, и его присутствие в организме легко определить. Выясните, были ли в последнее время какие-либо конфискации или жалобы со стороны учреждений, отвечающих за экологическую безопасность.

Купер сделал необходимые звонки.

– Давайте посмотрим на скотч, – провозгласил Райм.

Эксперт осмотрел куски блестящей ленты серого цвета, с помощью которой преступник связал руки своей жертвы и заклеил ей рот. Купер пришел к выводу, что скотч обычный, такой, который продается в тысячах магазинов, торгующих строительными материалами, и во множестве хозяйственных отделов. Проверка клеящего вещества на пленке практически ничего не дала. Лишь несколько кристаллов соли, применяемой для ускорения таяния снега, которые были полностью

идентичны тем, что Амелия взяла из прилегающей местности, и песок, который Часовщик разбросал, чтобы замести следы.

В разочаровании от скотча, как, впрочем, и от всего остального, Райм обратился к фотографиям тела Адамса, сделанным Амелией. Затем подъехал к столу и взглянул на экран.

– Посмотрите на края ленты.

– Интересно, – согласился Купер, переводя взгляд с цифровых фотографий на ленту.

Больше всего собравшихся поразило то, что куски ленты были отрезаны с поразительной точностью и наклеены аккуратно и тщательно. Обычно в подобных ситуациях следователи имели дело с куском скотча, грубо вырванным из рулона, иногда просто откусанным зубами преступника (благодаря чему на нем оставалась слюна, с помощью которой можно было провести анализ ДНК) и кое-как обмотанным вокруг рук, ног жертвы и наклеенным на рот. Но куски скотча, которыми воспользовался Часовщик, были отрезаны каким-то острым предметом с удивительной точностью. Все они были одинаковой длины. Он что, предварительно вымерял их?

Рон Пуласки закончил телефонный разговор и сообщил:

– В работах на мосту такой профиль не используется.

Ну что ж, Райм и не ожидал простых ответов на свои вопросы.

– А канат, за который он держался?

Купер осмотрел его, затем вошел в какие-то базы данных. И покачал головой:

– Обычный.

Райм кивнул на несколько досок, стоявших в углу лаборатории.

– Давайте приступим к нашим чертежам. Рон… У тебя, кажется, хороший почерк?

– Неплохой.

– То, что нам нужно. Пиши.

Работая над расследованием различных дел, Райм обязательно составлял схемы той информации, которая имелась в его распоряжении.

Для него они были примерно тем же, чем для гадалки является хрустальный шар. Он подолгу всматривался в слова, фотографии, диаграммы, пытаясь понять, кем мог быть преступник, где он может скрываться, где скорее всего совершит свое новое преступление. Созерцание схем было для Райма чем-то вроде медитации.

– Мы воспользуемся его «именем» в качестве заголовка, ведь он был настолько любезен, что поставил нас в известность, как нам его величать. Итак, «Часовщик».

Пока Пуласки писал под диктовку Райма, Купер взял пробирку с небольшим количеством того, что на первый взгляд казалось обычной грязью. Положил ее под микроскоп и начал с наименьшего разрешения (правило номер один: если вы начинаете с сильного разрешения, то неизбежно закончите тем, что будете смотреть на эстетически привлекательные, но с исследовательской точки зрения совершенно бесполезные абстрактные образы).

– Выглядит как вполне обычная грязь. Посмотрим, есть ли в ней что-нибудь еще.

Он подготовил образец для спектрометра. Когда результаты были готовы, Купер взглянул на экран компьютера и объявил:

– Ну вот, у нас есть несколько масел, азот, мочевина, хлорид... и белок. Дайте-ка я посмотрю профиль. – Спустя мгновение компьютер выдал ему дополнительную информацию. – Рыбный белок.

– Может быть, преступник работает в рыбном ресторане? – предположил Пуласки. – Или в рыбном ларьке в Чайнатауне? Или в рыбном отделе магазина?

Райму нравились энергичные молодые люди, но уж слишком часто они говорят, не подумав.

– Рон, – спросил он, – ты когда-нибудь слышал, чтобы выступающий перед аудиторией говорил что-то вроде: «Перед тем как начать, я хотел бы сказать следующее»?

– Гм, да, кажется, приходилось.

– Что довольно странно, так как, если он говорит, то он уже начал, верно?

Пуласки приподнял бровь.

– Я клоню к тому, что, анализируя материалы по делу, ты должен сделать кое-что, прежде чем приступить к анализу.

– И что?

– Установить, откуда поступили эти материалы. Итак, где Сакс взяла грязь, в которой содержится рыбный белок?

Пуласки взглянул на бирку.

– О!

– Ну и где же?

– С куртки жертвы.

– Значит, о ком мы получили дополнительную информацию?

– О жертве, а не о преступнике.

– В том-то и дело! Имеет какое-нибудь значение то, что на его куртке обнаружена эта грязь? Кто знает? Возможно, что да. Но очень важно не посылать сразу же полицию во все точки города, где торгуют рыбой. Ну как, понятно то, о чем я говорил, Рон?

– Конечно, понятно.

– Я рад. Запишите факт наличия грязи с рыбным белком в профиль жертвы и давайте продолжим… Когда мы получим заключение от медэксперта?

– Надо будет подождать, – ответил Купер. – Вы ведь понимаете, какое сейчас время – Рождество.

– «Это время для убийств…» – пропел Селлитто.

Пуласки нахмурился.

– Самое страшное время – периоды жаркой погоды и праздники, – пояснил Райм. – Запомни, Рон: не стресс убивает людей, людей убивают сами люди, но стресс подталкивает их к преступлению.

– Здесь есть волокна коричневого цвета, – провозгласил Купер. Он взглянул на записи, прикрепленные к пакету. – Каблук туфли жертвы и ремешок от его часов.

– Что за волокна?

Купер внимательно рассмотрел их, затем пропустил их характеристики через базу данных ФБР для различных волокон.

– Кажется, автомобильные.

– Вполне естественно. Он явно вез металлический брус в восемьдесят один фунт на машине, не мог же он его нести на руках. Значит, наш Часовщик оставил машину в передней части переулка, а затем потащил жертву к месту предначертанного ей страдания. Есть у нас какая-нибудь информация относительно средства передвижения?

Как оказалось, информации было совсем немного. Волокна были от коврика, используемого более чем в сорока моделях автомобилей, грузовиков и внедорожников. Что касается следов от покрышек, та часть переулка, где преступник оставил машину, была посыпана солью, затруднявшей контакт покрышек с мостовой, и получить четкие следы было практически невозможно.

– Относительно автомобиля большой ноль. Ну что ж, остается только взглянуть на его любовную записку.

Купер извлек белый листок бумаги из пластикового конверта.

В небе полная Холодная Луна освещает труп земли, указывая час смерти и окончания пути, начатого в момент рождения.

Часовщик

– Что, действительно так? – спросил Райм.

– Что? – переспросил Пуласки, не поняв вопроса Райма.

– Полная луна. Сегодня.

Пуласки пролистал несколько страниц номера «Нью-Йорк таймс».

– Да. Полная.

– А что он хотел сказать, написав слова «Холодная Луна» с большой буквы? – спросил Бейкер.

Купер снова вошел в Интернет.

– Месяц по лунному календарю… Мы пользуемся солнечным календарем. У нас в солнечном году триста шестьдесят пять дней. Лунный календарь отмеряет время от одного новолуния до другого. Названия месяцев описывают цикл нашей жизни от рождения до смерти. Они получают символические наименования, связанные со временем года: Земляничный месяц весной, месяц Урожая и месяц Охоты осенью. Месяц Холодной Луны – в декабре, месяц, когда жизнь замирает. Месяц смерти.

Райм уже и раньше замечал, что если для преступника важна лунная тема, то это, как правило, серийный убийца. Он был знаком с литературой, в которой утверждалось, что лунные фазы способны подталкивать людей к совершению преступлений, но считал, что в подобных случаях они скорее всего имеют дело с последствиями внушения. Ведь известно, насколько возросло число обращений в полицию Нью-Йорка по поводу похищения инопланетянами сразу же после выхода на экраны фильма Стивена Спилберга «Близкие контакты третьего рода».

– Введите прозвище Часовщик в базы данных. И Холодную Луну тоже. Да, кстати, и названия других лунных месяцев.

Потратив десять минут на поиски в программе ФБР по тяжким преступлениям и данных Общенационального информационного центра расследования уголовных преступлений, они ничего не нашли.

Райм попросил Купера выяснить, откуда взяты слова в записке Часовщика. Но поиск на десятке литературных веб-сайтов тоже ничего не дал. Купер даже позвонил одному преподавателю литературы из Нью-Йоркского университета, который помогал ему в ряде случаев. Тот никогда ничего подобного не слышал. И приводимые в записке строки принадлежали либо какому-то неизвестному литератору, либо самому Часовщику.

– Что касается самой записки, то она распечатана на обычной бумаге для компьютерного принтера. Лазерный принтер «Хьюлетт-Паккард»… Ничего из ряда вон выходящего.

Райм разочарованно покачал головой. Если они действительно имеют дело с серийным убийцей, это значит, что он уже, вероятно, выслеживает очередную жертву, а может быть, и убивает ее.

Тут появилась Амелия Сакс, на ходу стягивавшая с себя куртку. Ее представили Деннису Бейкеру, который не преминул польстить ей, сказав, что страшно рад, что она взялась за дело Часовщика. «Ваша слава идет впереди вас», – заметил Бейкер, слегка флиртуя с дамой. Амелия на

все его комплименты ответила лишь коротким профессиональным рукопожатием.

Райм ввел ее в курс того, какую информацию им удалось получить на данный момент.

– Негусто, – прокомментировала она. – Парень не промах.

– А что с подозреваемым? – спросил Бейкер.

Амелия кивнула в сторону двери:

– Скоро будет здесь. Бросился бежать, когда мы попытались задержать его, но я не думаю, что он тот, кто нам нужен. Я проверила. Женат, был брокером в той же фирме в течение пяти лет. Ни в каких уголовных делах не замешан. Сомневаюсь, что он смог бы его поднять. – Она кивнула в сторону металлического бруса.

Раздался стук в дверь.

Двое полицейских ввели мужчину в наручниках. Ари Коббу было за тридцать. По-своему привлекательный, он обладал специфическим шармом молодого бизнесмена средней руки. Стройный, в дорогом пальто, скорее всего из кашемира, правда, забрызганном чем-то, что напоминало уличную грязь (вероятно, последствие ареста), Кобб явно чувствовал себя не в своей тарелке…

– Ну, выкладывай, в чем дело, – грубо прохрипел Селлитто.

– Я уже сказал ей… – Неприязненный кивок в сторону Амелии. – Вчера вечером я шел к станции метро на Сидар-стрит и выронил деньги. Это они. – Он кивнул на банкноты и на зажим. – Сегодня утром я понял, что произошло, и вернулся за ними. Увидел полицию. Ну и не знаю, что на меня нашло. Просто не хотел впутываться. Я работаю брокером. У меня есть клиенты, которых очень волнует их репутация. То, что меня задержали, может негативно сказаться на моем бизнесе. – Наверное, только теперь задержанный понял, что Райм сидит в инвалидном кресле. Он растерянно замигал, осознал увиденное, и вновь на его лице появилась маска презрительного возмущения.

Обыск задержанного ничего не дал. На нем не нашли ни песка, обнаруженного на мостовой, ни крови, ни каких-либо других следов, которые позволили бы связать его с убийствами. Так же как и Амелия, Райм сомневался, что перед ними Часовщик. Однако в случае со столь тяжкими преступлениями даже мелкая беспечность непростительна.

– Возьмите у него отпечатки пальцев, – приказал Райм.

Купер снял отпечатки и установил, что точно такие же имеются и на зажиме. Но в соответствующих базах данных они зарегистрированы не были. Связавшись с транспортным управлением, они выяснили, что у Кобба нет собственной машины, а после звонка в его кредитные компании стало понятно, что в последнее время автомобилей, пользуясь кредитной картой, он напрокат не брал.

– Когда вы потеряли деньги? – спросил Селлитто.

Ари Кобб сообщил, что ушел вчера с работы в 7.30 вечера. Зашел в бар с друзьями немного выпить, а в 9.00 пошел к метро. Он помнил, что, проходя по Сидар-стрит, вытащил билет на подземку и, вероятно, в тот момент и выронил зажим. Ничего не заметив, Кобб спустился в метро и домой – живет он в Верхнем Ист-Сайде – приехал в 9.45. Его жена в командировке, поэтому он решил пообедать в баре, расположенном неподалеку. Домой вернулся в 11.00.

Селлитто сделал несколько звонков, чтобы проверить его версию. Ночной охранник в офисе подтвердил, что Ари ушел в 7.30, также удалось установить, что в баре на Уотер-стрит около 9.00 он пользовался своей кредитной картой, консьержка у него в доме и сосед в один голос заявили, что Ари вернулся к себе в квартиру в то самое время, которое он назвал полиции. И наконец, представлялось совершенно невероятным, чтобы Ари похитил двоих мужчин, одного убил на пирсе, а второго придавил металлическим брусом в переулке между 9.15 и 11.00 вечера.

– Мы занимаемся расследованием очень серьезного преступления, – заметил Селлитто. – Оно было совершено неподалеку оттого места, где вы побывали вчера. Вы, случайно, не обратили внимание на что-то такое, что могло бы помочь нам в нашем расследовании?

– Нет, я ничего не видел. Клянусь, я не стал бы скрывать, если бы что-то бросилось мне в глаза.

– А ведь преступник скорее всего не остановится на содеянном, он будет продолжать убивать.

– Мне очень жаль, – ответил молодой бизнесмен, хотя в голосе его совсем не чувствовалось сожаления. – Ноя ведь просто запаниковал. Это ведь не преступление.

Селлитто бросил взгляд на полицейских, которые привели Кобба.

– Выведите его на минуту.

После того как Кобба вывели, Бейкер пробормотал:

– Пустая трата времени.

Амелия покачала головой:

– Он что-то знает. Я чувствую.

Райм считался с ее мнением, когда речь заходила о том, что он со свойственным ему снобизмом называл «человеческой составляющей» работы полиции: свидетели, психология и – упаси Боже! – разного рода предчувствия.

– О'кей, – провозгласил он. – И что прикажешь нам делать с твоим чувством?

За Амелию ответил Лон Селлитто.

– У меня появилась идея! – воскликнул он, расстегнул куртку, представив на всеобщее обозрение свою немыслимо мятую рубашку, и выудил из кармана сотовый.

Глава 6

11.03

Винсент Рейнольдс шел по продуваемым со всех сторон улицам Сохо, в голубоватых отсветах пустынной части района, расположенного к востоку от Бродвея на расстоянии всего нескольких кварталов от шикарных ресторанов и бутиков. Каких-нибудь пятьдесят футов отделяли Винсента от Джоанны, его цветочницы, которая скоро будет полностью принадлежать ему.

Он не сводил с нее взгляда, чувствуя голод, острый, электризующий нервы, почти такой же сильный, как тот, который охватил Винсента в ту ночь, когда он впервые встретил Джеральда Дункана.

После случая с Салли Энн – когда Винсента арестовали из-за того, что он утратил контроль, – он твердо решил, что с этих пор станет умнее. Будет надевать лыжную маску, на женщин станет нападать сзади, чтобы не видели его лица, будет пользоваться презервативами, не будет охотиться за своими жертвами неподалеку от дома, будет разнообразить методы и места нападений. И полиция перестанет считать его серийным насильником. Он будет тщательно планировать нападения и будет готов при малейшей опасности скрыться в любую минуту.

Такова была теория Винсента. Но за последний год ему становилось все труднее и труднее сдерживать голод. Инстинкт овладевал им всякий раз, как он сидел на улице одинокую женщину. Внутренний голос

настойчиво твердил: «Ты должен взять ее. Немедленно! И наплевать, если кто-то заметит».

Вот что может сделать с человеком голод.

Две недели назад Винсент завтракал куском шоколадного торта и кока-колой в закусочной на улице рядом с офисом, где он регулярно подрабатывал. И вот тогда-то он и заметил официантку, новую, которую раньше никогда не видел. У нее была круглая мордашка, стройная фигура, вьющиеся золотистые волосы. Винсент взглянул на ее облегающую голубую блузку, в которой были расстегнуты две верхние пуговицы, и в душе его пробудился голод.

Официантка улыбнулась ему, вручая чек, и он решил, что должен взять ее.

Он слышал, как она предупредила своего босса, что выйдет в переулок за сигаретами. Винсент заплатил и тоже вышел. Он добрел до переулка, посмотрел туда. И увидел ее. Она стояла, запахнув пальто и прислонившись к стене, и смотрела совсем в другую сторону. Было уже довольно поздно – Винсент предпочитал трехчасовую смену одиннадцатичасовой, – и хотя на близлежащей улице он заметил нескольких прохожих, переулок был абсолютно пуст. При вдохе воздух обдавал холодом, а плиты мостовой будут еще холоднее, но это Винсента не заботило. Его согреет ее тело.

Именно в то мгновение он услышал, как кто-то шепнул ему на ухо:

– Подожди пять минут.

Винсент подпрыгнул и резко развернулся. За ним стоял мужчина с круглым лицом и худощавой фигурой, лет пятидесяти, поразительно спокойный и невозмутимый. Он смотрел мимо Винсента в темный переулок.

– Что?

– Подожди.

– Кто ты такой? – Нельзя сказать, что Винсент испугался, – он был на два дюйма выше и на пятьдесят фунтов тяжелее, – но странное выражение неестественно голубых глаз стоявшего у него за спиной человека почти загипнотизировало его.

– Не имеет значения. Сделай вид, что мы беседуем.

– Да пошел ты! – С учащенно бьющимся сердцем и дрожащими руками Винсент попытался отойти.

– Подожди! – очень тихо произнес мужчина. И голос его гипнотизировал так же, как и его глаза.

Насильник застыл на месте.

Мгновение спустя он заметил, как в здании на противоположной стороне переулка открылась задняя дверь ресторана. Официантка прошла к двери и заговорила шепотом с вышедшими оттуда двумя мужчинами. Один из них был в костюме, второй в форме полицейского.

– О Господи!.. – пробормотал Винсент.

– Она стукачка, – послышался голос того, кто стоял у него за спиной. – Сотрудничает с полицией. За владельцем водятся кое-какие грешки, полагаю. Они его взяли на мушку.

Винсент мгновенно пришел в себя.

– Ну и что? Ко мне это отношения не имеет.

– Если бы ты сделал то, что задумал, то уже был бы в наручниках. Или… мертвым.

– Задумал? – переспросил Винсент, изо всех сил стараясь выглядеть невинным агнцем. – Не понимаю, на что ты намекаешь.

Незнакомец только улыбнулся. Затем спросил:

– Ты что, живешь здесь?

Винсент выдержал паузу, прежде чем ответить.

– В Нью-Джерси.

– А работаешь в городе?

– Да.

– Хорошо знаешь Манхэттен?

– Неплохо.

Незнакомец кивнул, оглядев Винсента с ног до головы. Затем представился, назвав себя Джеральдом Дунканом, «с запада», и

предложил куда-нибудь пройтись и побеседовать. Они прошли три квартала до ближайшей забегаловки, где Дункан заказал кофе, а Винсент съел очередной кусок торта и запил содовой.

Они говорили о холодной осени, о погоде, о городском бюджете, о ночном Манхэттене.

Затем Дункан перешел на другую тему:

– Мне в голову пришла одна мысль, Винсент. Если ты не против подзаработать и тебя не слишком волнуют отношения с законом, у меня для тебя кое-что есть. А кроме того, ты сможешь попрактиковаться в своем хобби. – И он мотнул головой в сторону переулка.

– Собирать ситкомы семидесятых? – спросил Умница Винсент.

Дункан снова улыбнулся, и Винсент решил, что парень ему нравится.

– И что я должен делать?

– Я плохо знаю Нью-Йорк, я бывал здесь всего несколько раз. Мне нужен человек, хорошо разбирающийся в лабиринтах его улиц, линиях метро, транспорте, районах… В том, как работает местная полиция. Ну и в ряде других подробностей, о которых я скажу позже.

– А чем ты занимаешься? – спросил Винсент.

– Бизнесом. Не будем вдаваться в несущественные детали.

Винсент понимал: нужно уйти, пока не поздно. Но он никак не мог забыть слов своего нового знакомого относительно возможности попрактиковаться в хобби. Всем, что позволяло ему так или иначе утолить голод, нельзя пренебрегать, даже если это связано с риском. Они беседовали еще с полчаса, обмениваясь информацией и постоянно утаивая друг от друга что-то важное.

Дункан рассказал, что его хобби было собирание дорогих старинных часов, которые он сам и ремонтировал. Некоторые он даже заново восстановил по деталям.

Закончив свой четвертый за день десерт, Винсент спросил:

– Откуда ты узнал, что она сотрудничает с полицией?

Дункан мгновение колебался, прежде чем ответить. А потом произнес:

– Там, в баре, человек у стойки, в самом конце. Помнишь его? В черном костюме.

Винсент кивнул.

– Я слежу за ним уже целый месяц. Я собираюсь убить его.

Винсент улыбнулся:

– Шутишь?

– Ничуть.

И Винсент понял, что Умницы Джеральда не существовало. Или даже Голодного Джеральда. Существовал только один Джеральд – Спокойный и Педантичный, который тем вечером вполне равнодушным тоном высказал свое твердое намерение убить Уолтера Хэндлмана. И он исполнил свое обещание, перерезав Уолтеру вены, и потом долго еще наблюдал, как тот бился, изо всех сил пытаясь удержать жизнь, пока не соскользнул в коричневые ледяные воды Гудзона.

Они продолжали беседу, и Часовщик сообщил Винсенту, что приехал в Нью-Йорк, чтобы убить нескольких человек. Среди них были женщины. Если Винсент будет осторожен и ему хватит двадцати – тридцати минут, Джеральд отдаст в его распоряжение их тела после того, как они умрут, и он сможет делать с ними все, что пожелает. В обмен Винсент должен будет оказать ему некоторую помощь. В качестве проводника по городу и в качестве охранника, а иногда и водителя угнанной машины.

– Итак. Условия принимаются?

– Наверно, да, – глухо ответил Винсент, хотя его подсознание прореагировало с гораздо большим энтузиазмом.

И вот теперь Винсент полностью отдался работе. Он выслеживал третью жертву – Джоанну Харпер, их Цветочницу, как прозвал ее Умница Винсент.

Он видел, как она вынула ключи и через служебную дверь исчезла в своей мастерской.

Винсент остановился, съел шоколадный батончик, прислонившись к фонарному столбу, и начал вглядываться в пыльное окно мастерской.

Рука невольно коснулась выпуклости на поясе, где лежал большой мясницкий нож. Он всматривался в туманные очертания Джоанны, пока

она включала свет, снимала пальто, ходила по мастерской. Она была одна.

Винсент сжал нож.

Он думал о том, есть ли у нее веснушки, какой запах у ее духов, плачет ли она, когда ей больно, и…

Но нет, ему не следует об этом думать. Он пришел сюда, только чтобы собрать информацию. Он не должен нарушать правила и расстраивать Джеральда Дункана. Винсент сделал глубокий вдох, вбирая в себя обжигающий морозный воздух. Он должен ждать.

Джоанна подошла к окну. Теперь он мог ее хорошо разглядеть. О, да она милашка…

Ладони Винсента покрылись потом. Конечно, он может овладеть ею прямо сейчас и оставит ее здесь связанной до прихода Дункана, который и убьет ее, как планировал. Это будет неплохой компромисс. Настоящий друг должен понять и простить.

Ведь иногда бывают такие мгновения, когда просто нет сил терпеть.

Голод сильнее тебя…

«В следующий раз одевайся теплее. О чем только ты думала?»

Кэтрин Дэнс ехала в промозглом такси и держала руки над обогревателем заднего сиденья, исторгавшего из себя воздух, который не был не только горячим, но даже теплым. В лучшем случае, решила она, его можно назвать «нехолодным». Она потерла друг о друга кончики пальцев, завершавшиеся темно-красными наманикюренными ногтями, и подставила под дыхание обогревателя колени, обтянутые черными чулками.

В родных местах Дэнс температура практически круглый год не опускалась ниже 73 градусов,[3] и приходилось долго катить по Кармел-Вэлли-роуд,[4] чтобы осчастливить детей настоящим снегом, на который можно было не только любоваться, но и чуть-чуть поиграть в снежки. Лихорадочно собираясь в поездку на семинар в Нью-Йорк, она совсем забыла, что Восточное побережье плюс декабрь равняется Гималаям.

Кэтрин размышляла: «Здесь я пыталась сбросить последние пять фунтов из тех, что набрала в Мехико во время работы над тамошним делом (в

Мехико она занималась исключительно тем, что сидела в течение пяти дней в прокуренной комнате, допрашивая человека, подозреваемого в похищениях людей). Если мне не удастся сбросить эти пять фунтов, лишний вес может сослужить хоть какую-то службу в качестве защиты от холода. Несправедливо…» Она плотнее запахнулась в свое тонкое пальто.

Кэтрин Дэнс, тридцати с небольшим лет, работала специальным агентом в Калифорнийском бюро расследований, расположенном в Монтерее. Она была одним из крупнейших в США экспертов по проведению допросов и кинезике – науке, основной предмет которой – наблюдение и анализ языка тела и вербального поведения свидетелей и подозреваемых. Последние три дня она проводила в Нью-Йорке семинар по кинезике для сотрудников местной полиции.

Кинезика относилась к числу довольно редких специальностей, но Кэтрин Дэнс обожала ее. У нее был какой-то патологический интерес к людям. Они очаровывали ее, наполняли энергией. И в то же время часто приводили в растерянность и заставляли размышлять. Все эти миллиарды странных существ, населяющие наш мир, говорящие и совершающие немыслимые, чудесные и жуткие вещи. Она умела жить их эмоциями, бояться их страхами и радоваться их радостями.

После окончания колледжа Дэнс работала репортером. Журналистика словно специально создана, чтобы быть профессией для не слишком целеустремленных, но страдающих ненасытным любопытством людей. Очень скоро Кэтрин перешла к уголовной хронике и стала часами просиживать в залах судебных заседаний, наблюдая за адвокатами, подозреваемыми и заседателями. Кое-что новое узнала она и о себе самой: Кэтрин могла, посмотрев на свидетеля, послушав, что он или она говорит, почти безошибочно сказать, говорят ли они правду или лгут. Могла, взглянув на заседателей, мгновенно сделать вывод, устали ли те от слушаний, растеряны, возмущены или потрясены; верят они подозреваемому или нет. С пророческой точностью она способна была предугадать, какие из адвокатов идеально подходят для своей профессии и со временем преуспеют в ней, а какие избрали неверный путь в жизни.

Кэтрин могла определить, кто из работников полиции всю душу отдает своей профессии, а кто просто проводит время. (Один из группы энтузиастов однажды в особенности привлек ее внимание: слишком рано поседевший агент ФБР из Сан-Хосе, с юмором и щегольством выступавший свидетелем на суде преступной группировки, который Дэнс освещала в газете. Она попыталась добиться интервью с ним после вынесения обвинительного приговора, он же воспринял это интервью как их первое свидание. Восемь месяцев спустя они с Уильямом Свенсоном поженились.)

Со временем ей надоела журналистика, и Кэтрин начала подумывать о смене профессии. Жизнь какое-то время шла у нее вразнос, когда она пыталась совместить роли матери двух маленьких детей, жены и аспирантки в Университете Санта-Круса с намерением получить магистерский диплом по психологии и коммуникационным технологиям. Она открыла свой бизнес – консультационное бюро по выбору заседателей. Кэтрин давала советы юристам, каких заседателей отбирать, а от каких отказываться во время предварительных собеседований. Она отличалась несомненным талантом и зарабатывала очень неплохие деньги. Но шесть лет назад ей вновь захотелось совершить очередной профессиональный вираж. При поддержке неутомимого и отзывчивого супруга, а также родителей, живших неподалеку в Кармеле, она вновь пошла учиться. На сей раз в Академию при Калифорнийском бюро расследований в Сакраменто.

Кэтрин Дэнс связала свою жизнь с полицией.

Кинезика в список полицейских специальностей не входит, поэтому Дэнс технически числилась обычным следователем, работающим с убийствами, похищениями людей, наркотиками, терроризмом и тому подобными преступлениями. Тем не менее слух о ее таланте распространялся очень быстро, и Кэтрин стали часто приглашать в качестве эксперта на различные собеседования и допросы (ей это было на руку, так как позволяло отделаться от массы неприятных обязанностей, связанных со следовательской деятельностью).

Она взглянула на часы, задаваясь вопросом, сколько времени может занять выполнение просьбы, с которой к ней обратились представители местной полиции. Вылетела она только во второй половине дня, но ей хотелось иметь побольше времени про запас перед выездом в аэропорт Кеннеди. С транспортом в Нью-Йорке чудовищные проблемы, здесь он еще хуже, чем даже на 101-м шоссе вокруг Сан-Хосе. Она не могла позволить себе опоздать на самолет. Кэтрин уже скучала по детям, да и количество папок с делами на ее рабочем столе за время отсутствия почему-то не уменьшалось, а постоянно увеличивалось.

Такси с визгом затормозило.

Дэнс выглянула из окна.

– Это то самое место?

– Тот адрес, который вы мне дали.

– На полицейский участок совсем не похоже.

Таксист посмотрел на дом, построенный в причудливом стиле.

– Да уж, не похоже. С вас шесть семьдесят пять.

И да, и нет, подумала Дэнс.

С одной стороны, это действительно полицейский участок, с другой стороны – нет.

В холле ее встретил Лон Селлитто. Вчера он присутствовал на занятии по кинезике и попросил ее подойти и помочь в одном сложном деле с несколькими убийствами. Когда он позвонил Кэтрин и дал адрес, она предположила, что он приглашает ее в полицейский участок. И несмотря на то что помещение было до отказа забито разным экспертным оборудованием – не хуже, чем Центральное бюро расследований в Монтерее, – тем не менее это был частный дом.

И принадлежал он не кому-нибудь, а самому Линкольну Райму.

Еще один факт, который забыл упомянуть Селлитто.

Конечно, Дэнс слышала о Райме – многие сотрудники органов следствия знали о блестящем детективе, ставшем жертвой полного паралича, – но ей были неизвестны подробности его жизни и его роль в работе нью-йоркской полиции. Вскоре она совсем забыла, что перед ней полный инвалид. В тех случаях, когда Кэтрин Дэнс не занималась сознательным анализом языка тела с профессиональными целями, она в первую очередь обращала внимание на глаза собеседника. Кроме того, один из ее коллег по работе в полиции тоже был наполовину парализован, и часто в общении с ним она забывала, что имеет дело с человеком в инвалидной коляске.

Селлитто представил ее Райму и высокой энергичной женщине-детективу Амелии Сакс. Дэнс сразу же поняла, что они не просто коллеги. Не нужно было обладать гениальными способностями в кинезике, чтобы прийти к выводу: их связывает нечто большее. Войдя в комнату, Сакс взяла Райма за руку и что-то с улыбкой прошептала ему на ухо.

Амелия тепло поприветствовала Кэтрин, а Селлитто представил ее еще нескольким офицерам полиции.

Селлитто и Амелия рассказали ей о том деле, в котором им потребовалась помощь. Деле, которым занимался Райм.

Райм почти не участвовал в обсуждении. Его взгляд был устремлен на большие доски, на которых в виде схем фиксировались данные экспертизы и другие материалы расследования. Кэтрин слушала подробности дела и время от времени бросала взгляд на Райма, на то, как он всматривается в написанное на доске, тихо что-то бормочет, покачивает головой, словно упрекает себя за что-то упущенное. Иногда он закрывал глаза и о чем-то задумывался. Один или два раза Райм высказал какие-то замечания по делу, но в основном не обращал никакого внимания на Дэнс.

Происходящее здесь удивляло Кэтрин. Она привыкла к скепсису со стороны других полицейских, причиной которого было то, что она совсем не походила на типичного сотрудника полиции. Женщина ростом пять футов и пять дюймов, с темно-русыми волосами, которые она заплетала в тугую косу, пользующаяся светло-лиловой губной помадой, с украшениями из золота и морского жемчуга, подарком матери, не говоря уже о супермодных туфлях (здесь необходимо уточнить, что бег за преступниками не входил в круг повседневных профессиональных обязанностей Дэнс).

Сегодня же она отчетливо ощущала отсутствие всякого интереса к ней у Линкольна Райма. Подобно многим специалистам в уголовной экспертизе, он с демонстративным презрением относился к кинезике и новейшим технологиям ведения допросов. Скорее всего Райм был против ее приглашения.

Что касается самой Дэнс, то она, естественно, признавала ценность вещественных доказательств по делу, но они ей были просто неинтересны. Ее вдохновляла человеческая составляющая преступлений и процесса следствия.

Кинезика против криминалистики… Ну что ж, посмотрим, что победит, детектив Райм.

И пока симпатичный и саркастически настроенный криминалист с явно взрывным темпераментом продолжал игнорировать ее и всматриваться в свои чертежи и схемы, Дэнс слушала подробности дела, которое со всех точек зрения представлялось ей весьма странным. Убийства, совершенные человеком, именовавшим себя Часовщиком, были, без сомнения, чудовищны, но Дэнс они не потрясли. Ей приходилось сталкиваться с преступлениями и пострашнее. И в конце концов, она жила в Калифорнии, где Чарлз Мэнсон в свое время задал предельно высокий стандарт жестокости.

Еще один детектив из нью-йоркской полиции по имени Деннис Бейкер сообщил Кэтрин, что конкретно от нее хотят. Они нашли свидетеля,

который мог располагать полезной информацией, но явно не желал с ними сотрудничать.

– Он заявляет, что ничего не видел, – добавила Амелия. – А у меня такое чувство, почти уверенность, что он лжет.

Дэнс была разочарована, что ей придется беседовать не с подозреваемым, а со свидетелем. Она предпочитала напрямую сталкиваться с коварством преступников, и чем более злобными и хитрыми они были, тем лучше. С другой стороны, беседы со свидетелями занимали гораздо меньше времени, чем попытки одолеть сопротивление преступников, поэтому опоздание на самолет ей скорее всего не грозит.

– Ну что ж, посмотрим, чем я смогу вам помочь. – Кэтрин покопалась в своей дорожной сумке и достала оттуда круглые очки в бледно-розовой оправе.

Амелия в подробностях изложила ей все, что им было известно об Ари Коббе, и то, как он провел вечер накануне, и описала его поведение сегодня утром.

Дэнс внимательно слушала рассказ Амелии, неторопливо потягивая кофе, которое ей приготовил парень, ухаживающий за Раймом.

Получив всю необходимую информацию, Кэтрин попыталась скоординировать свои мысли.

– А теперь позвольте изложить вам свое мнение, – обратилась она к присутствующим. – Ну во-первых, небольшой пропедевтический курс. Лон слушал его вчера на семинаре, но мне необходимо поставить всех остальных в известность относительно того, как я провожу свои беседы. Кинезика традиционно занимается изучением телесного поведения – языка тела – с целью понимания эмоционального состояния людей и того, говорят ли они правду или лгут. Многие, включая и меня, в настоящее время используют упомянутый термин для обозначения всех форм коммуникации – не только языка тела, но и высказанных вслух комментариев и каких-то письменных свидетельств. Вначале я проведу базовый анализ внешних проявлений личности свидетеля: посмотрю, как он ведет себя, как дает правдивые ответы на те элементарные вопросы, на которые ему нет необходимости лгать, – имя, адрес, работа и тому подобное. Я попытаюсь уловить особенности его жестов, позы, выбора слов и сути того, что он говорит. Собрав всю базовую информацию, я начну задавать более серьезные вопросы, чтобы выяснить, в каких случаях он проявляет стрессовые реакции. Что означает, что он либо намеренно лжет, либо с рассматриваемой темой у него связаны какие-то особые эмоциональные ассоциации. До этого

момента мою работу с ним можно назвать собеседованием. Как только у меня возникнут подозрения, что он лжет, мы перейдем в стадию допроса. И тут мне придется воспользоваться рядом методик, как мы говорим, «обстругивания» подозреваемого, чтобы добраться до правды.

– Великолепно! – воскликнул Бейкер.

Хотя расследованием дела занимался Райм, Бейкер, как уже успела понять Кэтрин, представлял здесь начальство. У него было характерное выражение лица человека, который полагает, что на его плечах лежит немыслимый груз ответственности не только за расследуемое дело, но и за безопасность чуть ли не всего населения страны.

– У вас есть карта местности, о которой мы ведем речь? – спросила Дэнс. – Мне бы хотелось знать ее географические характеристики. Невозможно эффективно проводить допрос, не обладая такими сведениями. Я называю это изучением ареала подозреваемого.

Лон Селлитто громко хохотнул. Дэнс улыбнулась и вопросительно взглянула на него.

– Линкольн то же самое говорит о криминалистике. Если вы не знаете особенностей местности, значит, вы работаете в вакууме. Верно, Линк?

– Простите? – переспросил криминалист.

– Слово «ареал» тебе должно понравиться.

– А… – Его вежливая улыбка напомнила Кэтрин равнодушное восклицание ее сына: «А мне-то что?»

Дэнс рассматривала карту Нижнего Манхэттена, попутно запоминая подробности, касавшиеся места преступления и того, чем занимался вчера после работы Ари Кобб, которые пересказывали ей Амелия и молодой патрульный полицейский по имени Пуласки.

Наконец, заключив, что она достаточно информирована, Кэтрин заявила:

– Хорошо, теперь перейдем к работе. Где он?

– В комнате напротив.

– Приведите его.

Глава 7

12.03

Мгновение спустя патрульный полицейский ввел в комнату невысокого элегантного бизнесмена в дорогом костюме. Кэтрин не знала точно, находился ли он под арестом, но по тому, как мужчина потирал запястья, поняла, что на нем только что были наручники.

Она приветствовала свидетеля, одновременно напуганного и возмущенного, и кивком предложила ему сесть в кресло. Сама села напротив, а затем продвинулась немного вперед, чтобы оказаться в проксимальной зоне нейтрального общения – термин, характеризующий физическое пространство между участниками собеседования. Характеристиками названной зоны возможно манипулировать, благодаря этому допрашиваемый чувствует себя то более, то менее благоприятно. В данный момент Кэтрин находилась не слишком близко, чтобы вызвать у него ощущение вторжения в личное пространство, и не слишком далеко, чтобы позволить ему ощутить себя в полной безопасности. «Они должны чувствовать себя на пределе, а ваша задача – этим пределом манипулировать», – говорила она в своих лекциях.

– Мистер Кобб, меня зовут Кэтрин Дэнс. Я сотрудник правоохранительных органов, и мне хотелось бы побеседовать о том, что вы видели вчера вечером.

– Возмутительно! Я уже рассказал им, – кивок в сторону Райма, – все, что видел.

– Я только что приехала. И не имела удовольствия слышать то, что вы им говорили.

Отмечая про себя его реакции, она задала несколько простейших вопросов: о месте работы и проживания, о семейном положении и т. п., что дало ей возможность установить базовый уровень реакций Кобба на стресс. Кэтрин внимательно выслушивала все его ответы. («Наблюдение и слушание – две важнейшие составляющие беседы. То, что вы сами говорите, имеет наименьшее значение».)

Одна из первых задач ведущего беседу заключается в установлении типа личности опрашиваемого – степени его интроверсии или экстраверсии. Большинство толкует слова «интроверт» и «экстраверт» весьма превратно. Экстраверты вовсе не всегда шумные и горластые, а интроверты не всегда застенчивы. Основная разница между названными типами заключается в стиле принятия решений. Интровертом в большей степени управляют интуиция и эмоции, нежели логика и разум; экстравертом – наоборот. Правильное определение личностного типа

позволяет психологу точнее формулировать вопросы, выбирать тон и поведение, задавая их. К примеру, если вы начнете говорить с интровертом в резкой, отрывистой манере, он замкнется и общения не получится.

Впрочем, Ари Кобб оказался классическим экстравертом, и притом довольно заносчивым, в общении с ним не было нужды в «лайковых перчатках». Это был любимый тип Кэтрин. С ними бывало трудно, зато победа над их упрямством и высокомерием доставляла истинное удовлетворение. Кобб перебил ее:

– Вы слишком долго меня здесь задерживаете. Мне необходимо вернуться на работу. То, что произошло, случилось не по моей вине.

Кэтрин улыбнулась. С уважением, но довольно твердо она произнесла:

– Вопрос о вашей вине не стоит. Мы обсуждаем совсем другую проблему… А теперь, Ари, давайте поговорим о том, что случилось прошлым вечером.

– Вы не верите мне. Вы считаете меня лжецом. В момент совершения преступления меня там не было.

– Я вовсе не считаю вас лжецом. Но вы могли видеть нечто такое, что может оказаться нам весьма полезным. Что-то такое, что вы сами не считаете важным. Дело в том, что я стараюсь помочь людям вспомнить то, что они могли забыть. В этом заключается существенная часть моей работы. Давайте еще разок пройдемся по событиям вчерашнего вечера, и, может быть, что-то вам и вспомнится.

– Я ничего не видел. Я просто потерял деньги. И все. Ну и повел себя по-дурацки. И теперь из-за моей дурости мне готовы пришить дело государственной важности. Хрень какая-то.

– Давайте все-таки вернемся к вчерашнему вечеру. И не будем торопиться. Вы работали у себя в офисе. «Стенфелд бразерс инвестментс». В здании Хартсфилда.

– Да.

– Весь день?

– Весь.

– В котором часу вы ушли с работы?

– В семь тридцать. Возможно, чуть-чуть раньше.

– И чем вы занимались потом?

– Пошел в «Ганновер» выпить.

– На Уотер-стрит, – добавила она. Они должны постоянно гадать, что вам о них известно.

– Да. Вчера там был вечер «Мартини и караоке». Они называют такие вечера «Мартьюни». Так же, как мелодии.

– Очень остроумно.

– Я там встречаюсь с ребятами. С друзьями. Близкими друзьями.

По реакции Кобба Кэтрин поняла, что он хотел что-то добавить. А возможно, просто ожидал от нее вопроса о том, как их зовут. Готовность тотчас предоставить алиби, как правило, является одним из надежных свидетельств возможного обмана. Люди такого плана часто склонны полагать, что достаточно предложить доказательства своей невиновности, и полиция не станет их проверять, или что сотрудники полиции недостаточно умны, чтобы догадаться, что факт выпивки с друзьями в 8.00 не исключает возможности участия в воровстве в 7.30.

– Когда вы ушли оттуда?

– В девять или около того.

– И отправились домой?

– Да.

– В Верхний Ист-Сайд.

Кивок.

– Вы сели в обычное такси или наняли лимузин?

– Конечно, нанял лимузин, – отозвался Ари с едким сарказмом. – Поехал на метро.

– С какой станции?

– С «Уолл-стрит».

– Как вы шли туда?

– Осторожно, – ответил Ари с ироничной улыбкой. – Было скользко.

Кэтрин тоже улыбнулась:

– Каким путем?

– Я шел по Уотер-стрит, затем через Сидар перешел на Бродвей, а потом свернул на юг.

– Расскажите мне поподробнее об этом участке Сидар-стрит.

– А что рассказывать? Ничего жуткого я там не видел – ни убийц, ни маньяков, ни привидений. В такое время она обычно безлюдна. Я замерз. И потому ни на что особенно не обращал внимания.

– Не было никаких машин?

– Вроде бы нет. А почему вы спрашиваете?

– Знаете, память иногда нас очень сильно подводит или играет с нами странные шутки, – ответила Кэтрин. – Итак, вы идете по Сидар-стрит, проходите мимо переулка. И не видите ничего необычного?

– Нет, ничего. – Он бросил взгляд на три золотых кольца на двух пальцах Кэтрин и серебряные сережки в виде дельфинов.

– Именно там вы и потеряли свои деньги. Как это произошло? – В ее тоне и вопросах не было совершенно ничего угрожающего, и Ари явно расслабился. Его отношение к ней стало значительно менее агрессивным. Приятная улыбка Кэтрин и ее низкий спокойный голос успокаивали.

– Насколько я помню, они выпали у меня из кармана, когда я вытаскивал проездной на метро.

– Напомните, пожалуйста, сколько их там было?

– Триста.

– Ого!

– Вот именно, ого...

Кэтрин кивнула на пластиковый пакет с деньгами и зажимом.

– Кажется, это произошло сразу же после того, как вы их взяли из банкомата? Самый неприятный момент для потери денег, правда?

– Правда. – Кобб изобразил на лице кислую улыбку.

– Во сколько вы вошли в метро?

– В девять тридцать.

– Не позже, вы уверены?

– Абсолютно. Я уже на платформе посмотрел на часы. Если уж быть совсем точным, то в девять тридцать пять. – Он посмотрел на часы, большие, золотые, фирмы «Ролекс», тем самым, по-видимому, желая подчеркнуть, что такие дорогие часы не могут врать.

– А потом?

– Вернулся домой, поужинал в баре неподалеку. Жена моя сейчас в отъезде. Она адвокат. Занимается юридическими вопросами финансовой деятельности частных компаний.

– И когда вы пришли домой?

– Около одиннадцати. Им ведь сказала консьержка. – Вновь кивок в сторону Селлитто. – Но они все равно не верят.

– Давайте вернемся на Сидар-стрит. Она была освещена? Люди возвращались домой?

– Нет. Там только офисы и магазины. Жилых зданий там нет.

– И ресторанов тоже нет?

– Есть несколько, но они работают только днем в обеденное время.

– Какое-нибудь строительство в окрестностях?

– На южной стороне улицы ремонтируется дом.

– Был ли кто-нибудь на тротуарах?

– Никого.

– Какие-нибудь машины, которые ехали подозрительно медленно?

– Не заметил, – ответил Кобб.

Кэтрин чувствовала, что остальные присутствующие внимательно следят за ней и Коббом. Они явно с нетерпением ждали – как и большинство зрителей в подобных ситуациях – главного «момента признания». Кэтрин старалась не обращать на них внимания. Для нее не

существовало никого, кроме нее самой и допрашиваемого. Она находилась в своем собственном замкнутом мире – в «зоне», как выразился бы ее сын Уэс.

Она просмотрела сделанные записи, после чего закрыла блокнот и сменила одни очки на другие, так, словно переходила от очков для чтения к обычным. На месте больших круглых стекол и оправы пастельного цвета появились маленькие квадратные стекла и черная металлическая оправа, отчего вид у Кэтрин сделался по-настоящему хищный. Она называла их «очками Терминатора». Кэтрин подвинулась ближе к Ари. Кобб скрестил ноги.

Более резким тоном, чем раньше, она спросила:

– Ари, где вы на самом деле взяли эти деньги?

– Что…

– Деньги. Вы ведь получили их не из банкомата. – Именно когда он говорил о деньгах, Кэтрин отметила внезапное повышение уровня стресса: он не отвел взгляда, но веки слегка дрогнули и дыхание немного участилось – довольно значительные отклонения от исходного уровня.

– Вы ошибаетесь. Я получил их именно из банкомата, – возразил он.

– Какого банка? Пауза.

– Вы не имеете права заставлять меня отвечать на подобные вопросы.

– Но мы можем проверить ваши банковские счета. И имеем право задерживать вас здесь до тех пор, пока не получим всей нужной нам информации. На что может уйти день или даже два.

– Я пользовался гребаным банкоматом!

– Я не об этом вас спрашивала. Я спросила: откуда у вас те деньги, что находились в зажиме.

Он опустил глаза.

– Вы не были до конца честны со мной, Ари. А это значит, что у вас серьезные проблемы. А теперь о деньгах.

– Не знаю. Возможно, часть из них я взял из малой кассы своей фирмы.

– Вчера?

– Думаю, что да.

– Сколько?

– Я…

– Мы можем проверить бухгалтерские документы и вашего работодателя.

На лице Ари отобразился ужас.

– Тысячу долларов, – выпалил он.

– А где остальные? В зажиме для денег всего триста сорок долларов. Где же остальные?

– Часть из них я потратил в «Ганновере». Это деловые траты. В них нет ничего противозаконного. Моя работа…

– Я спрашивала, где остальные?

Пауза.

– Кое-что я оставил дома.

– Дома? Миссис Кобб вернулась? Она может подтвердить ваши слова?

– Нет, она все еще в отъезде.

– В таком случае нам придется послать полицейского, чтобы он нашел деньги. Где они у вас лежат?

– Не помню.

– Пятьсот долларов? Разве можно забыть, куда вы положили пятьсот долларов?

– Не знаю. Вы меня напугали. Я запутался.

– Что вы заказывали в баре на ужин вчера вечером?

– Я просто купил гамбургер.

– Только гамбургер?

– Гм… картошку фри.

– Кто вас обслуживал?

– Гм… бармен. Там было слишком много народу и не было свободных столиков.

– Как зовут бармена?

– Э-э… Джек. Фамилии не знаю. Если вы…

– Как вы оплачивали счет?

– Наличными.

– И сколько заплатили?

– Около десяти долларов.

– Вы брали какие-нибудь напитки?

– Два раза заказывал пиво.

– И это – гамбургер и два пива – вам обошлось в десять долларов. Не маловато ли?

– Десять долларов стоил только гамбургер.

– Я спросила вас, сколько вы вообще заплатили, а не только за один гамбургер.

– Я подумал, что вы спрашиваете про гамбургер.

Задержки в считанные миллисекунды практически перед ответом на каждый из бесчисленных мелких вопросов Кэтрин свидетельствовали, что Ари Кобб вчера вечером в баре не был. Она подвинулась ближе, заняв еще более угрожающее положение.

– Итак, чем же вы на самом деле занимались на Сидар-стрит?

– Шел в гребаное метро.

Кэтрин взяла карту Манхэттена.

– Вот где «Ганновер». А вот где вход в метро. – Каждый раз, касаясь пальцем карты, она громко ударяла им по плотной бумаге. – Совершенно бессмысленно идти по Сидар-стрит, чтобы добраться от «Ганновера» до станции метро на Уолл-стрит. Почему вы решили идти именно этим путем?

– Мне захотелось пройтись. Поразмять косточки.

– Пройтись по обледенелым мостовым в такой мороз? Вы часто занимаетесь подобным спортом?

– Не-а… Только вчера вечером.

– Но если вы редко совершаете такие прогулки, откуда вам так много известно о Сидар-стрит? То, что там нет жилых домов, во сколько закрываются рестораны, что одно из зданий на улице ремонтируется?

– Просто знаю, и все. Черт, к чему вы клоните? – На лбу Ари выступили капельки пота.

– Когда вы потеряли деньги, вы снимали перчатки, чтобы вытащить из кармана проездной на метро?

– Не помню.

– Полагаю, что снимали. Нельзя засунуть руку в карман в зимней перчатке.

– Ну вот, – огрызнулся Ари, – вы знаете больше меня.

– И почему же на таком морозе вам пришло в голову доставать проездной за десять минут до того, как вы вошли в метро?

– Вы не имеете права разговаривать со мной в таком тоне.

– И вы ведь не смотрели на часы, оказавшись на платформе метро, не так ли? – произнесла Кэтрин тихо, но твердо.

– Нет, как раз смотрел. Было девять тридцать пять.

– Неправда. Невозможно поверить, чтобы вы стали демонстрировать наручные часы за пять тысяч долларов на платформе подземки поздно вечером.

– Ладно, хватит. Я больше ничего не скажу.

Когда во время допроса подозреваемый лжет, он испытывает сильнейший стресс и начинает искать самые разные способы избежать его. Наиболее деструктивной и сложной реакцией в подобном случае является гнев, за которым следует депрессия, затем отрицание и, наконец, попытка торговаться с допрашивающим. Задача последнего состоит в том, чтобы определить характер стрессовой реакции подозреваемого и нейтрализовать ее, а затем и все дальнейшие, пока допрашиваемый не достигнет стадии принятия, то есть признания.

Кэтрин поняла: несмотря на то что Кобб проявляет гнев, он все еще находится в стадии отрицания. Такие подозреваемые, как правило, очень быстро начинают ссылаться на проблемы с памятью и обвинять допрашивающего в том, что он неправильно истолковал их слова. Самый лучший способ сломать сопротивление человека, находящегося в стадии отрицания, – сделать то, что сделала Дэнс, – осуществить атаку на факты. Если общаетесь с экстравертом, вам просто следует демонстрировать все слабости и противоречия в их словах до тех пор, пока их защитные механизмы не рухнут окончательно.

– Ари, вы ушли с работы в семь тридцать и отправились в «Ганновер». Это нам известно. Вы находились там примерно полтора часа. Затем вы по какой-то причине пошли кружным путем, миновав два квартала к Сидар-стрит. Вам хорошо известна Сидар-стрит, потому что там вы находите проституток. Вчера вечером вскоре после девяти часов одна из них остановила свой автомобиль рядом с переулком. Вы договорились о цене и заплатили. Затем сели в ее машину. Вышли из нее около десяти пятнадцати. Вот тогда-то вы и выронили деньги на мостовую, возможно, в тот момент, когда вынимали сотовый, чтобы проверить, не звонила ли вам жена, или просто чтобы дать девушке чаевые. Тем временем в переулок заехал убийца. Вы заметили его и увидели что-то еще. Что? Что вы увидели?

– Нет, я не…

– Да, вы увидели, – спокойно, но настойчиво произнесла Кэтрин. Она пристально всматривалась в него.

В конце концов Кобб опустил голову и весь как-то обмяк. Губы его дрожали. Он еще не дошел до стадии признания, тем не менее ей удалось его продвинуть на один шаг в последовательности реакций на стресс – от отрицания до попытки договориться. Теперь настало время сменить тактику и самой Кэтрин. Необходимо проявить сочувствие и предложить ему вариант исправления ситуации. Даже наиболее готовые к сотрудничеству допрашиваемые будут на этой стадии продолжать лгать или отмалчиваться, если вы не поддержите в них чувство собственного достоинства и не предоставите им возможность избежать худших последствий содеянного.

Она сняла очки и откинулась на спинку кресла.

– Послушайте, Ари, мы не хотим ломать вам жизнь. Вы напуганы. Что вполне естественно. Но мы пытаемся остановить очень опасного преступника. Он уже убил двоих и, возможно, собирается убить еще нескольких. Если вы сможете помочь нам найти его, все, что мы узнали о

вас сегодня, останется между нами. Не будет никаких проверок документов, никаких звонков вашей жене и боссу.

Дэнс бросила взгляд на детектива Бейкера, и тот подтвердил:

– Могу дать полную гарантию.

Кобб тяжело вздохнул. Уставившись в пол, он пробормотал:

– Черт! Из-за каких-то трехсот дерьмовых долларов. И зачем я только решил вернуться туда сегодня утром?

Из-за жадности и глупости, подумала Кэтрин, а вслух сказала:

– Нам всем свойственно время от времени совершать ошибки.

Колебания. И снова тяжелый вздох.

– Все это полная ерунда. Я почти ничего не видел. Вы можете мне не верить. Практически ничего. Я даже и людей-то никаких не видел.

– Если вы будете действительно откровенны с нами, мы поверим всему, что вы скажете. Продолжайте.

– Было около десяти тридцати, может, немного позже. После того как я вышел из… машины девушки, я направился к входу в метро. Вы правы. Я остановился и вытащил из кармана сотовый. Включил его и просмотрел поступившие сообщения. Думаю, именно тогда у меня и выпали деньги. Я находился в переулке, бросил взгляд на дорогу и увидел в самом конце свет задних огней автомобиля.

– Какого автомобиля? – спросила Амелия.

– Самого автомобиля я не видел. Только свет задних огней. Клянусь вам.

Кэтрин поверила ему и кивнула Амелии.

– Минутку! – внезапно вмешался Райм. – В конце переулка? Значит, криминалист все-таки внимательно их слушает.

– Да. В самом конце. Затем зажглись фары заднего хода, машина подалась назад и поехала по направлению ко мне. Она двигалась довольно быстро, а я продолжал идти. Потом я услышал визг тормозов, машина остановилась, водитель заглушил мотор. Автомобиль оставался в переулке. А я шел. И услышал, как хлопнула дверца и такой звук, как будто что-то металлическое упало на землю. Вот и все. Я никого не видел. Через несколько секунд я уже вышел из переулка. Клянусь.

Райм бросил взгляд на Кэтрин, и та кивнула – парень говорит правду.

– Опишите девицу, с которой вы провели время, – попросил Деннис Бейкер, – мне бы хотелось с ней тоже переговорить.

– За тридцать, афроамериканка, короткие курчавые волосы, – быстро проговорил Кобб. – Автомобиль, кажется, «хонда». Номеров не видел. Хорошенькая. – Последнее он произнес таким тоном, словно пытался оправдать свое поведение.

– Имя?

Кобб вновь тяжело вздохнул.

– Тиффани.

Райм едва слышно хохотнул.

– Позвоните в полицию нравов и спросите, какие девушки регулярно работают на Сидар-стрит, – приказал он Куперу.

Кэтрин задала еще несколько вопросов, затем кивнула Селлитто и произнесла:

– Полагаю, мистер Кобб сообщил нам все, что ему известно. – Взглянула на молодого бизнесмена и совершенно искренне улыбнулась: – Спасибо за помощь.

Он заморгал, не зная, как воспринимать ее слова. Но сарказма в тоне Кэтрин не было никакого. Она никогда не обижалась на высказывания, злобные взгляды (а порой и плевки и швыряние в нее предметами) допрашиваемых. Специалист по кинезике всегда должен помнить, что его врагом является не допрашиваемый, а те барьеры на пути к истине, которые он воздвигает, порой совершенно непреднамеренно.

Селлитто, Бейкер и Сакс несколько минут совещались, а затем решили отпустить Кобба, не предъявив ему никаких обвинений.

Легкомысленный бизнесмен ушел, бросив на Кэтрин взгляд, который ей был очень знаком, – в нем смешались благоговейный ужас, отвращение и ненависть.

После того как свидетель удалился, Райм, разглядывавший диаграмму места преступления, проговорил:

– Странно. По какой-то причине убийца решил, что ему следует расправиться с жертвой не в конце переулка, а ближе к началу, поэтому

он отъехал назад и выбрал место на расстоянии пятнадцати футов от тротуара… Интересно. Но важно ли?

Амелия кивнула:

– Может быть, и важно. Кажется, в конце переулка вообще нет снега. И потому ту часть, наверное, вообще не посыпали солью. И мы смогли бы обнаружить там следы ног или автомобильных покрышек.

Райм позвонил, воспользовавшись новейшей программой распознавания голоса, и отправил нескольких полицейских обратно на место преступления. Вскоре они перезвонили и сообщили, что в конце переулка удалось обнаружить свежие следы покрышек, а также коричневые волокна, совпадавшие с теми, что были найдены на обуви жертвы и на его наручных часах. Они сбросили на компьютер цифровые изображения волокон, следов и размеры колес.

Несмотря на отсутствие большого интереса к криминалистике, Кэтрин почувствовала, что заинтригована этими скрупулезными изысканиями. Райм и Сакс представляли собой в высшей степени профессиональную группу. На нее произвело сильное впечатление, когда десять минут спустя эксперт Мэл Купер поднял голову от компьютерного экрана и сказал:

– При таких характеристиках колесной базы и волокон скорее всего мы имеем дело с «фордом-эксплорером» со сроком эксплуатации в два-три года.

– Есть шанс, что он старше, – заметил Райм. «Почему?» – подумала Кэтрин.

Амелия заметила озадаченное выражение у нее на лице и пояснила:

– Тормоза скрипели.

– А…

Селлитто повернулся к Дэнс:

– Превосходно, Кэтрин. Вы его прижали к стенке.

– Как вам это удается? – спросила Амелия.

Кэтрин подробно описала используемую ею методику.

– Я постепенно выуживала из него информацию. Еще раз прошлась по всему тому, что он нам рассказал: посещение бара после работы, метро,

деньги и зажим, проход по переулку, последовательность событий, их география – и задала ему вопросы обо всем перечисленном. Я оценивала кинезическую реакцию на все мои вопросы. В особенности же он прореагировал на вопросы о деньгах. Значит, он сделал с ними что-то непозволительное. Бизнесмен экстравертного нарциссического типа. Я решила, что это, должно быть, либо наркотики, либо секс. Однако брокер, работающий на Уолл-стрит, вряд ли будет покупать наркотики на улице. Если он их употребляет, то должен пользоваться особыми связями. Оставались проститутки. Все очень просто.

– Супер, правда, Линкольн? – воскликнул Купер.

Криминалист пожал плечами, и Кэтрин удивилась, что он способен ими двигать. В ответ он произнес равнодушным тоном:

– Неплохо сработано. Мы получили сведения, которые в противном случае нам пришлось бы довольно долго добывать.

И снова отвернулся к диаграмме.

– Ну что ты, Линк! Теперь нам известна модель его машины. Если бы не Кэтрин, мы не имели бы этой информации. – Селлитто подмигнул Дэнс: – Не обращайте внимания. Он не доверяет свидетелям.

Райм хмуро взглянул на детектива:

– У нас здесь не соревнования, Лон. Наша цель – истина, а по опыту я знаю: надежность информации, полученной от свидетелей, несколько меньше, чем у почерпнутой из анализа вещественных доказательств. Вот и все. Я никого не хотел обидеть.

Кэтрин кивнула.

– Как мы совпали с вами во мнении! Я говорю слушателям на своих лекциях: наша главная цель как сотрудников полиции заключается вовсе не в том, чтобы бросить за решетку как можно больше плохих парней, а в том, чтобы узнать правду. – Она пожала плечами. – У нас в Калифорнии недавно был случай: подсудимого, приговоренного к смерти, оправдали за день до назначенной казни. Один мой знакомый частный детектив в течение трех лет добивался, чтобы адвокат осужденного докопался до сути происшедшего. Он никак не мог поверить, что все было именно так, как представляли материалы дела. От смерти заключенного отделяли всего тринадцать часов, и выяснилось, что он совершенно невиновен… Если бы мой знакомый не добивался бы истины в течение всех тех лет, невинный человек был бы уже мертв.

– И я знаю, что произошло, – отозвался Райм. – Обвиняемый был осужден на основании лжесвидетельства, а благодаря анализу ДНК освобожден, верно?

Кэтрин повернулась к нему:

– Нет, никаких свидетелей убийства не было. Настоящий убийца подделал улики таким образом, что подозрение пало на этого человека.

– Ну как? – произнес Селлитто, и они с Амелией обменялись улыбками.

Райм холодно взглянул на них обоих.

– Что ж, – сказал он, обращаясь к Кэтрин, – всякое может случиться. А теперь я лучше вернусь к работе. – И он снова развернулся к доске.

Дэнс попрощалась со всеми присутствующими, натянула пальто, и Лон Селлитто проводил ее на улицу. Там она вставила в уши наушники и включила плейер. В списке ее любимых произведений были фолк-рок, традиционные ирландские мелодии и немного «Роллинг Стоунз» (однажды на концерте она по просьбе своего мужа и друзей провела кинезический анализ Мика Джаггера и Кейта Ричардса).

Кэтрин уже махнула рукой, подзывая такси, когда вдруг поняла, что ее что-то мучает. Прошло несколько мгновений, прежде чем ей удалось разобраться в своих чувствах. Она испытывала подспудное сожаление из-за того, что ее работа с делом Часовщика продолжалась так недолго и уже закончилась.

Джоанна Харпер чувствовала себя великолепно.

Элегантная тридцатидвухлетняя дама сидела в собственной мастерской на расстоянии нескольких кварталов к востоку от своего цветочного магазина в Сохо в окружении «друзей».

Ее «друзьями» были розы, орхидеи цимбидиум, райские птицы, лилии, геликонии, красный антуриум и красный имбирь.

Цех располагался на первом этаже в обширном помещении, которое раньше сдавалось под склады. Здесь постоянно сквозило, было холодно и большей частью темно, так как многие растения нуждались в защите от излишнего света. Тем не менее Джоанне очень нравилось в мастерской: прохлада, тусклое освещение, аромат сирени и удобрений. Оставаясь в самом центре Манхэттена, она могла чувствовать себя в лесной чаще.

Джоанна добавила еще немного пены в стоявшую перед ней большую керамическую вазу.

Она чувствует себя превосходно… По двум причинам: потому что работает над очень выгодным проектом, в котором располагает полной свободой действий, и потому что у нее еще не прошел потрясающий кайф от вчерашнего свидания. С Кевином, который знает, что бругмансии для хорошего роста нужна исключительно надежная система дренажа, что красный очиток весь сентябрь цветет ярко-малиновыми цветами и что благодаря Донну Кленденону «Метсы» побили «Балтимор» в 1969 году.

Кевин – клевый парень. Кевин с его ямочками и обворожительной улыбкой. Sans[5] бывших и нынешних жен.

Можно ли представить себе что-либо лучше?

На витрине появилась какая-то тень. Джоанна взглянула в ту сторону – никого. Мастерская располагалась на безлюдном отрезке Ист-Спринг-стрит, и прохожие здесь были очень редки. Она внимательнее посмотрела на окна. Надо обязательно сказать Рамону, чтобы вымыл их. Хотя, наверное, стоит подождать погоды потеплее.

И Джоанна продолжила оформлять вазу, думая о Кевине. Получится у них что-нибудь серьезное или нет?

Возможно.

А может, и нет.

На самом деле это не имеет принципиального значения (конечно, имеет, но тридцатидвухлетняя ОГЖ – одинокая городская женщина – не должна обращать внимания на такие вещи). Как бы то ни было, вчера у них все великолепно получилось. По прошествии нескольких лет после развода Джоанна наконец почувствовала необходимость поразвлечься с новым мужчиной.

Джоанна Харпер, очень похожая на «рыжую» из «Секса в большом городе», приехала сюда десять лет назад, чтобы стать знаменитой художницей, жить в шикарной студии в Ист-Виллидж и продавать картины в галерее «ТрайБеКа». Но мир искусства судил иначе. Он предпочитал жесткое, пошлое, ну и, в общем, нехудожественное. От произведения искусства требовалось, чтобы оно было либо шокирующим, либо безумным, либо суперсексуальным. Джоанна решила отказаться от живописи и какое-то время занималась графическим дизайном, но и он ее разочаровал. По минутной прихоти

она устроилась на работу в компанию по флористическому оформлению интерьеров в «ТрайБеКа» и практически сразу влюбилась в эту профессию. Джоанна пришла к выводу, что если ей суждено терпеть лишения, то пусть уж лучше она будет голодать, занимаясь тем, к чему чувствует страстное влечение.

Парадокс, однако, состоял в том, что она добилась успеха. Несколько лет назад Джоанна сумела основать собственную компанию. Теперь в нее входили магазин на Бродвее и цех на Спринг-стрит, обслуживавшие компании и организации, ежедневно поставлявшие цветы в офисы, а также занимавшиеся оформлением встреч, торжественных церемоний и мероприятий разного рода.

Джоанна продолжала украшать вазу флористической пеной, травой, веточками эвкалипта и шариками. Цветами она займется в самую последнюю очередь. В помещении был пронизывающий холод, и по спине у нее время от времени пробегала дрожь. Она бросила взгляд на часы, висевшие на тусклой стене мастерской. Ждать остается совсем недолго, подумала она. Сегодня Кевину нужно развести парочку заказов. Он позвонил утром и сообщил, что будет к полудню. И, эй, если ты не слишком занята, мы смогли бы сходить куда-нибудь выпить чашку капуччино. Кофе на следующий день после свидания? Да, конечно…

И вновь на окно упала тень.

Джоанна быстро подняла глаза на витрину. Никого. В это мгновение она впервые ощутила настоящее беспокойство и перевела взгляд на парадную дверь, которой никогда не пользовалась. Перед ней была навалена гора коробок. Дверь заперта… Заперта ли?

Джоанна попыталась попристальнее вглядеться в то, что происходит на улице, но яркое зимнее солнце слепило глаза. Тогда она встала, обошла рабочий стол, чтобы окончательно удостовериться, что рядом с окном никого нет и что дверь действительно заперта.

Проверила замок. Да, закрыто. Подняла глаза, и у нее перехватило дыхание.

На расстоянии нескольких футов от нее на тротуаре за окном стоял громадных размеров мужчина и пристально смотрел на нее. Высокий и толстый, он наклонился вперед и, прикрыв глаза ладонью от солнца, всматривался в витрину мастерской. На нем были старомодные авиационные темные очки с зеркальными линзами, бейсболка и серовато-белая длинная куртка с капюшоном. Из-за яркого солнца и грязи на окнах он не понял, что она находится прямо перед ним.

Джоанна застыла от ужаса. Прохожие иногда из любопытства заглядывали в ее мастерскую, но в позе незнакомца, в том, как он нависал над витриной, было что-то такое, от чего мороз пробегал по коже. Парадная дверь из обычного стекла. Ее можно разбить простым молотком или кирпичом. А при абсолютном отсутствии пешеходов в этой части Сохо нападение может пройти никем не замеченным. Джоанна сделала шаг назад.

Возможно, его глаза привыкли к яркому свету или ему удалось отыскать чистый участок стекла. Как бы то ни было, он заметил Джоанну. И, несколько озадаченный, отшатнулся от окна. Казалось, он о чем-то раздумывал, на что-то решаясь. Затем повернулся, отошел от витрины и исчез.

Подойдя вплотную, Джоанна прижалась лицом к окну, но, как ни всматривалась, не смогла разглядеть, куда он пошел. В мужчине было что-то жуткое. В том, как он стоял, сгорбившись, наклонив голову, засунув руки в карманы, вглядываясь внутрь мастерской сквозь солнечные очки.

Джоанна отодвинула вазу в сторону и снова посмотрела на улицу. Никаких признаков подозрительного незнакомца. У нее возникло сильное желание тут же уйти из мастерской в магазин, просмотреть там утренние заказы и поболтать с сотрудниками до прихода Кевина.

Джоанна надела пальто, колебалась еще несколько минут, а потом вышла через служебную дверь. Прежде чем идти дальше, оглядела улицу. Никого. Она направилась в сторону Бродвея, на запад, туда, куда, вероятно, пошел тот громила. Джоанна шагнула на участок улицы, освещенный ярким солнцем. Там было почти жарко. Блеск ослепил ее, она прищурилась в панике. Ушел ли тот человек? Или он ждет ее, где-нибудь затаившись?

Она решила сменить направление, пойти на восток, чтобы попасть на Бродвей через Принс-стрит. Эта местность более пустынна, но по крайней мере не придется проходить по переулкам и тупикам. Джоанна поплотнее запахнула пальто и, опустив голову, быстрым шагом пошла по улице. Вскоре образ жуткого толстяка улетучился у нее из памяти, вытесненный воспоминаниями о Кевине.

Деннис Бейкер отправился в центр сообщить об их продвижении, остальные вернулись к изучению материалов дела.

Зазвонил факс, и Райм взглянул на аппарат с надеждой, что пришло нечто важное. Но поступившая информация предназначилась для Амелии Сакс. Пока она читала, Райм внимательно наблюдал за ней. Он знал это выражение ее лица. Как у собаки, идущей по следу лисы.

– Что там, Амелия?

Она покачала головой:

– Анализ материалов из дома Бена Крили в Уэстчестере. Соответствия найденных отпечатков имеющимся в базе данных ИАФИС не отмечено, но на каминном инструментарии и на рабочем столе Крили обнаружены следы кожи. Кому могло прийти в голову открывать ящики стола в кожаных перчатках?

Конечно, базы данных с отпечатками перчаток не существовало. Однако если Амелии удастся найти подобную пару у подозреваемого, она станет серьезной уликой в пользу его виновности.

Она продолжала чтение.

– А грязь, которую я обнаружила перед камином… Она не совпадает по характеристикам с грязью во дворе дома Крили. Более высокое содержание кислот и ряда загрязняющих веществ. Создается впечатление, что она была занесена туда из какой-то промзоны. В камине имеются следы сожженного кокаина. – Она посмотрела на Райма и лукаво улыбнулась: – Да, кажется, жертва первого расследуемого мной убийства вовсе не так невинна, как можно было предположить.

Райм пожал плечами:

– Кто бы ни стал жертвой, монахиня или наркоторговец, убийство остается убийством. Что там еще у тебя?

– Пепел, который я нашла в камине. В лаборатории не удалось почти ничего восстановить, но они обнаружили вот это. – Амелия протянула Райму фотографию того, что напоминало бухгалтерские книги, ведомости или гроссбух, в которых значились миллионные суммы. – Эксперты нашли часть какого-то логотипа на гроссбухе. Они продолжают анализ. А затем пошлют криминалисту, специализирующемуся в бухгалтерии, он попытается разобраться. Кроме того, они обнаружили часть календаря Крили. Там есть запись о заливке автомобильного масла, о стрижке в парикмахерской. Вряд ли все упомянутое стал бы планировать человек, собиравшийся покончить с собой. А накануне гибели он ходил в закусочную «Сент-Джеймс». – Она постучала пальцем по листу бумаги, на котором было отпечатано

содержимое календаря. Затем была получена информация от Нэнси Симпсон с описанием места. Бар на Восточной Девятой улице. Район с весьма сомнительной репутацией. С какой стати экономисту с доходом в миллион долларов идти туда? Выглядит довольно странно.

– Вовсе не обязательно.

Она проследила за взглядом Райма, а затем прошла в угол комнаты. Он проследовал за ней в своем кресле.

Амелия присела на корточки рядом. Райму хотелось, чтобы она взяла его за руку (чувствительность частично восстановилась в пальцах правой руки и в запястье, и для Райма теперь очень большое значение имели рукопожатия). Нет – между их личной и профессиональной жизнью пролегла тонкая, но глубокая грань, и Амелия сохраняла внешнюю отчужденность.

– Райм, – прошептала она.

– Я знаю, что…

– Позволь мне договорить.

Он пробурчал что-то недовольное.

– Я должна продолжать это дело.

– Нельзя забывать о приоритетах. Твое дело не такое срочное, как дело Часовщика, Амелия. Что бы ни случилось с Крили, даже если с ним действительно кто-то расправился, его убийца не столь опасен, как Часовщик. Он у нас первый на очереди. Все материалы по делу Крили мы внимательно рассмотрим и проанализируем после того, как накроем нашего парня.

Амелия покачала головой:

– Я не согласна, Райм. Я нажала на спуск. Я начала задавать вопросы. И ты прекрасно знаешь, что за этим следует. О деле быстро распространятся слухи. И у нас из-под носа станут разбегаться подозреваемые и исчезать улики.

– А Часовщик, возможно, уже в данный момент держит кого-то на прицеле. А может быть, и убивает кого-то… И поверь мне, если он совершит еще одно преступление, которое мы провороним, нам, а не кому-нибудь придется за него расплачиваться. Бейкер говорил мне, что запрос на наши услуги пришел с самого верха.

– Я ничего не провороню. У тебя свое дело, у меня – свое. Если Боб Хауманн решит проводить тактическую операцию, я буду участвовать.

Райм нахмурился, изображая преувеличенное неудовольствие:

– Тактическую? К десерту не приступают, пока не доедены овощи.

Она рассмеялась, и он наконец почувствовал ее крепкое и теплое рукопожатие.

– Да ладно тебе, Райм. Мы ведь подданные царства копов. Ты что, не знаешь его законов? Никто не работает только над одним делом. Большинство столов детективов по особо тяжким преступлениям завалены десятками папок. Почему бы мне не заниматься сразу всего лишь двумя? Я справлюсь.

Райма беспокоило нечто другое, но что, он и сам толком не мог понять. После небольшого колебания он сказал:

– Будем надеяться, Сакс. Будем надеяться. Лучшее благословение, на какое он был способен.

Глава 8

13.25

«Он приходил сюда?!»

Амелия Сакс стояла рядом с цветочным горшком, от которого несло мочевиной. Оттуда торчал засохший желтый стебель. Она заглянула в грязное окно.

Узнав адрес, Амелия сразу же поняла, что место будет не из лучших, но такого предположить не могла. Она стояла у закусочной «Сент-Джеймс», на краю торчащей из мостовой сломанной бетонной плиты. Бар находился на Восточной Девятой улице, в Алфабет-Сити, получившем это название благодаря улицам, проходившим здесь с севера на юг: A, B, C и D. Несколько лет назад здешний район – остаток прежних пустырей в Нижнем Ист-Сайде, на которых властвовали местные банды, – пользовался весьма дурной славой. За последнее время его репутация несколько улучшилась, однако в глазах большинства он все еще оставался районом крайне подозрительным. Под ногами у Амелии в снег была воткнута использованная игла, а на подоконнике на расстоянии шести дюймов от ее физиономии лежал одноразовый шприц.

Что, черт возьми, забыл в подобном месте крупный экономист, располагавший значительными капиталами, владелец дорогой

недвижимости и шикарного автомобиля, Бенджамин Крили? Что он мог делать здесь накануне своей гибели?

Сейчас, днем, большая и грязная забегаловка не была заполнена и наполовину. Сквозь замызганные окна Амелия разглядела у барной стойки и за столами нескольких местных стариков, рыхлых расплывшихся женщин и тощих костлявых мужчин, получавших большую часть своих дневных калорий из бутылки со спиртным. В задней комнатенке собрались панки – белые, в джинсах, комбинезонах и рабочих рубахах. Их было четверо, все разговаривали очень громко – даже сквозь окно Амелия слышала грубые голоса и хриплый хохот. Она сразу вспомнила тех панков, что часами просиживают в старых мафиозных клубах. Некоторые из них тупые, ни на что дельное не способные ребята, другие просто лентяи, но все как один наглые и опасные. Ей было достаточно одного взгляда, чтобы понять: эти из самых задиристых.

Войдя в бар, Амелия нашла табурет в самом конце барной стойки, загнутой буквой «L», где она была меньше заметна. Барменом здесь работала женщина лет пятидесяти с узким лицом и ярко-красным маникюром, прической напоминавшая исполнителя песен в стиле «кантри» со Среднего Запада. Во всем ее облике чувствовалась страшная усталость. Бедняга выглядит так, подумала Сакс, не из-за того, что ей пришлось повидать в таких барах, а из-за того, что и видала-то она в своей жизни только такие бары.

Детектив заказала диетическую колу.

– Эй, Соня! – послышался голос из заднего помещения. Посмотрев в грязное зеркало за барной стойкой, Амелия поняла, что голос принадлежит блондину в узких джинсах и кожаной куртке. Лицом он был похож на хорька и явно пил уже не первый час. – Дики хочет, чтобы ты пришла. Он ведь скромняга. Ну, иди. Развлеки нашего скромнягу.

– Пошел ты!.. – крикнул кто-то еще. Наверное, Дики.

– Ну, Соня, милашка, иди! Посиди на коленях у мальчугана. Тебе понравится. Там все ровно и гладко. Ни кочек, ни выступов.

Хохот и улюлюканье.

Соня, конечно, понимает, что они и над ней смеются, делая предметом своих унизительных шуток, тем не менее отвечает им игривым тоном:

– Дики? Да он же моложе моего сына.

– Все нормально, дорогуша, он любит заниматься этим с мамочкой!

Дикий хохот из задней комнаты.

Соня встретилась взглядом с Амелией и тут же отвела глаза, словно ее застали за участием в надругательстве над честью и достоинством всех женщин мира. Однако у пьяных есть одно преимущество: они ни на чем не способны задерживаться надолго – будь то радость или жестокость, – и вскоре они перешли к спорту и грубым анекдотам. Амелия глотнула газировки и обратилась к Соне с вопросом:

– Ну и как оно?

Барменша ответила непроницаемой улыбкой.

– Нормально.

Ей было неприятно сочувствие со стороны более молодой и более привлекательной женщины, которой не приходится обслуживать отвязных посетителей в баре, подобном этому.

Что ж, ее можно понять. Амелия сразу перешла к делу. Она молча продемонстрировала свою бляху сотрудника нью-йоркской полиции, а затем показала фотографию Бенджамина Крили.

– Вы его здесь когда-нибудь видели?

– Его? Да, несколько раз. А что такое?

– Вы его знали?

– Да, собственно, нет. Просто продавала ему выпивку. Вино, насколько помню. Он всегда просил, чтобы ему принесли красное вино. У нас тут дерьмовое вино, однако он не возражал. Выглядел таким джентльменом. Был не похож на некоторых из тех, что сюда часто заходят. – И без взгляда в заднюю комнату было ясно, кого она имеет в виду. – Но я уже давно его не видела. Наверное, месяц. В последний раз он ввязался здесь в драку, так что я решила, что он больше не придет.

– И что же случилось?

– Не знаю. Я просто услышала какие-то крики и потом увидела, как он вылетел в дверь.

– А с кем он повздорил?

– Я ничего не видела. Только слышала.

– А вы, случайно, не замечали, он не употреблял наркотики?

– Нет.

– А вам известно, что он покончил с собой?

Соня заморгала.

– Черт!.. Нет.

– Мы расследуем обстоятельства его смерти. Поэтому, пожалуйста, не распространяйтесь пока ни с кем на эту тему. Я буду вам очень признательна.

– Да, конечно.

– А вы можете мне что-нибудь о нем рассказать?

– О Господи, я даже не знаю его имени. Наверное, он был здесь раза три. А у него есть семья?

– Да.

– Тяжело им придется. Ничего не попишешь.

– Остался мальчик-подросток.

Соня печально покачала головой и добавила:

– Может, Герта знала его лучше. Она второй бармен. Она работает чаще, чем я.

– Сейчас она здесь?

– Нет. Но скоро придет. Хотите, чтобы я попросила ее вам перезвонить?

– Дайте мне ее номер.

Барменша записала его на клочке бумаги. Амелия наклонилась вперед и кивнула на фотографию Крили:

– Он ни с кем здесь не встречался?

– Я знаю только, что ходил он вон туда. Где они обычно сидят. – И она кивнула в сторону задней комнаты.

Бизнесмен-мультимиллионер – и такое отребье? Возможно, двое из них и вломились в уэстчестерский особняк Крили и устроили «пикник» у его камина?

Амелия взглянула в зеркало, обвела глазами стол, заваленный пивными бутылками, пепельницами, обглоданными куриными крылышками. Те ребята, должно быть, состояли в какой-то бандитской группировке. Возможно, молодые капо[6] из мафиозного подразделения. В городе полно районов, в которых хозяйничали свои «Сопрано». В основном это были мелкие воры и вымогатели, но часто они сбивались в группы, которые могли стать опаснее традиционной мафии, как правило, избегавшей непосредственного столкновения с гражданским населением, торговли крэком и денатуратом и прочих наиболее низменных проявлений криминальной вселенной. Амелия попыталась освоиться с мыслью о том, что у Бенджамина Крили могли быть связи с гангстерами. Непросто вообразить подобное.

– Вы видели у него марихуану, кокаин, вообще какие-либо наркотики?

Соня отрицательно покачала головой:

– Нет.

Амелия наклонилась вперед и прошептала:

– А вы не знаете, с какой группой он был связан?

– Группой?

– Бандой. Вам известно, кто у них главарь, кому они подчиняются?

Мгновение Соня ничего не отвечала. Она смотрела на Амелию с таким видом, словно хотела удостовериться, говорит ли та серьезно, а затем рассмеялась:

– Какая банда! Я думала, вы знаете. Они ж полицейские.

Наконец из антитеррористического подразделения прибыли часы – «визитные карточки» Часовщика с удостоверением их полной чистоты по всем параметрам.

– Ах, они все-таки не обнаружили в них никакого микроскопического оружия массового уничтожения? – ядовито заметил Райм. Его раздражало, что часы у него забрали и затем задержали с возвращением.

Пуласки подписал все необходимые бумаги по поводу получения вещественных доказательств по делу, и патрульный полицейский, принесший их, ушел.

– Посмотрим, чем мы располагаем. – Райм подъехал на своем кресле к столу. Купер тем временем вынимал часы из пластиковых мешочков.

Они были абсолютно одинаковы; единственное, что отличало их, была кровь, запекшаяся у основания часов, оставленных на пирсе. Часы производили впечатление довольно старых и заводились вручную. Но детали были совсем новые.

Механизм находился внутри в запечатанной коробке, которую вскрыли в антитеррористическом подразделении. Тем не менее часы продолжали идти и показывать правильное время. Корпус был деревянный, выкрашенный в черный цвет, а циферблат – из белого металла, стилизованного под старину. Цифры – римские; часовая и минутная стрелки, также черного цвета, заканчивались имитацией острых стрел. Секундная стрелка отсутствовала, тем не менее часы громко отсчитывали каждую секунду.

Самым необычным в них было широкое окошечко в верхней части циферблата, в котором виднелся диск с изображением фаз луны: новолуние, первая четверть, полнолуние, последняя четверть и вновь новолуние. В самом центре окошечка теперь виднелась полная луна, уподобленная зловещему человеческому лицу, угрожающе взирающему на мир, поджав тонкие губы.

«В небе полная Холодная Луна…»

Купер с присущей ему тщательностью осмотрел часы и сообщил, что на них нет отпечатков и вообще очень мало каких-либо следов, которые соответствуют образцам, собранным Амелией на обоих местах преступления. Это значит, что часы были взяты не из машины и не из квартиры Часовщика.

– Создается впечатление, что сзади имелись этикетки, – добавил эксперт, – но их удалили. Остались треугольники клеящего вещества. Однако они слишком велики для ценников и вряд ли сообщали какую-то информацию о производителе. Она вытиснена на деревянном корпусе.

– На стикерах, возможно, указывалось место продажи, – предположил Пуласки.

– Ты думаешь? – переспросил Райм с таким сарказмом в голосе, что у Рона на лице невольно появилось возмущенное выражение. – Кто их производит?

– «Арнольд продактс». Фрэмингем, Массачусетс. – Купер вошел в «Гугл» и прочел с сайта. – Они продают часы, кожаные изделия, предметы оформления офиса, подарки. Довольно высокого качества. Продукция не дешевая. Десяток разных моделей часов. Эта модель – в викторианском стиле. Механизм из настоящей бронзы, корпус из полированного дуба, имитация английских часов, продававшихся в XIX веке. Оптовая цена – пятьдесят четыре доллара. Товар распространяется через посредство агентов по продажам.

– Серийные номера?

– Только на механизме. На самих часах отсутствуют.

– Ладно, – откликнулся Райм. – Позвони.

– Я? – спросил Пуласки, заморгав.

– Да. Ты.

– Я должен…

– Позвонить производителю часов и сообщить ему серийный номер механизма.

Пуласки кивнул:

– И узнать, смогут ли они сказать нам, в какой магазин были доставлены часы.

– Сто процентов, – ответил Райм.

Парень вынул свой телефон и набрал номер, который ему дал Купер.

Конечно, не следовало исключать и того, что часы мог купить вовсе и не убийца. Или он мог украсть их из магазина. Или у кого-то. Он мог приобрести их на комиссионной распродаже.

Фраза «мог бы» – неизбежная обуза начального этапа расследования.

Так или иначе, начинать с чего-то надо.

СХЕМА № 1

Часовщик

Место преступления № 1

Место расположения:

• Ремонтный пирс на Гудзоне, на 22-й улице.

Жертва:

• Личность не установлена.

• Пол – мужской.

• Возможно, среднего возраста или даже старше, вероятно, страдающий гипертонией или сердечной недостаточностью (в крови обнаружено наличие антикоагулянтов).

• Наличия каких-либо других медикаментов и наркотиков в крови не установлено, так же как и возбудителей инфекционных заболеваний.

• Береговая охрана и водолазы продолжают поиски тела и других улик в гавани Нью-Йорка.

• Проводится проверка сообщений о пропаже людей.

Преступник:

• См. ниже.

Обстоятельства преступления:

• Преступник заставил повисшую над водой жертву цепляться за край опалубки дока до тех пор, пока, выбившись из сил, мужчина не упал в воду.

• Время преступления: между 18.00 понедельника и 6.00 вторника.

Имеющиеся свидетельства:

• Кровь, тип АВ положительный.

• Вырванный ноготь, неполированный, широкий.

• Кусок разорванной оградительной цепи, разрезанной обычным инструментом для резки проволоки; инструмент отыскать невозможно.

• Часы. См. ниже.

• Послание. См. ниже.

• Отметины ногтей на опалубке.

• Никаких явных следов: никаких отпечатков пальцев, следов ног и автомобильных шин.

Место преступления № 2

Место расположения:

• Переулок за Сидар-стрит, около Бродвея, за тремя коммерческими зданиями (задние двери закрываются между 20.30 и 22.00) и одним правительственным административным зданием (задние двери закрываются в 18.00).

• Переулок представляет собой тупик. Пятнадцать футов шириной, сто четыре фута длиной, вымощен булыжником, тело находилось на расстоянии пятнадцати футов от Сидар-стрит.

Жертва:

• Теодор Адамс.

• Проживал в Бэттери-Парк.

• Автор рекламных объявлений.

• Явных врагов не имел.

• К судебной ответственности не привлекался.

• Связь с каким-либо из зданий, расположенных вокруг переулка, не установлена.

• На жертве обнаружена грязь, содержащая рыбный белок.

Преступник:

• Часовщик.

• Пол – мужской.

• Никаких компьютерных данных по Часовщику. Обстоятельства преступления:

• Жертву перетащили от автомобиля в переулок, где ему на шею положили металлический брус, который спустя некоторое время раздавил ему глотку.

• Ожидается поступление медицинского заключения с подтверждением обстоятельств гибели.

• Никаких свидетельств сексуального насилия.

• Время наступления смерти: приблизительно от 22.15 до 23.00 в ночь понедельника. Должно быть подтверждено медицинским заключением.

Имеющиеся улики:

• Часы.

• Никаких взрывчатых веществ, химикатов и биоагентов не обнаружено.

• Идентичны часам, найденным на пирсе.

• Никаких отпечатков пальцев, минимум следов.

• «Арнольд продактс», Фрэмингем, Массачусетс. Наводятся справки относительно дистрибьюторов и продавцов в розницу.

• Послание, оставленное преступником на обоих местах преступления.

• Отпечатано на компьютерном принтере, на обычной бумаге, чернилами для лазерного принтера.

• Текст: «В небе полная Холодная Луна освещает труп земли, указывая час смерти и окончания пути, начатого в момент рождения. Часовщик».

• В каких-либо базах данных отсутствует; возможно, его собственного сочинения.

• Холодная Луна – один из месяцев по лунному календарю, месяц смерти.

• 60 долларов в банкнотах; отпечатки пальцев отсутствуют.

• Мелкий песок, используемый в качестве «маскирующего реагента». Песок обычный, свежий. Использовался потому, что преступник собирался вернуться на место преступления?

• Металлический брус, 81 фунт весом. В строительстве в близлежащей местности не используется. Другие источники происхождения не найдены.

• Скотч, обычный, но очень аккуратно и с исключительной точностью отрезан, что очень странно. Все куски совершенно одинаковой длины.

• В песке обнаружен сульфат таллия (яд, используемый против грызунов).

• Внутри куртки жертвы – грязь, содержащая рыбный белок.

• Обнаружено очень мало следов.

• Волокна коричневого цвета, возможно, от обивки салона автомобиля.

Прочее:

• Автомобиль.

• Вероятно, «форд-эксплорер», три года эксплуатации. С коричневой обивкой салона.

• Проверка номеров автомобилей в указанном квартале на вечер и ночь понедельника не выявила никаких нарушений.

• Наводятся справки в полиции нравов о проститутках, которые могли стать свидетелями преступления.

В городских администрациях существует сеть дружеских связей, некая матрица, основанная на деньгах, покровительстве и власти и проникающая, подобно стальной паутине, повсюду, вниз и вверх, связывающая политиков, госслужащих, партнеров по бизнесу, руководителей фирм и даже простых сотрудников… Сеть эта бесконечна.

И Нью-Йорк, само собой, не является исключением, но в той сети, в которой неожиданно для себя запуталась Амелия Сакс, было одно существенное отличие: главным в ней был не «друг», а «подруга».

Упомянутой даме было за пятьдесят, она носила синюю форму с множеством всякой мишуры на груди: награды, ленты, значки, планки. И конечно же, стикер с американским флагом. Подобно политикам, высшие чины нью-йоркской полиции, появляясь на публике, должны надевать красное, белое и синее. У дамы были длинные прямые волосы с проседью, обрамлявшие узкий овал угрюмого лица.

Мэрилин Флаэрти была инспектором, одной из немногих женщин в этой должности в департаменте (должность инспектора считалась поважнее капитанского звания). Она принадлежала к числу старших офицеров оперативного отдела. Данное подразделение подчинялось непосредственно руководителю департамента полиции. У оперативного отдела была масса разнообразных функций. Среди них связь с другими организациями и учреждениями по поводу главнейших городских событий, запланированных, типа визита видных политиков, и незапланированных, типа нападения террористов. Главная же обязанность Флаэрти состояла в осуществлении контактов управления полиции с мэрией.

Флаэрти прошла всю служебную лестницу в полиции, также как Сакс, поднимаясь от чина к чину (общим между ними было также и то, что обе выросли в Бруклине недалеко друг от друга). Инспектор начинала свою карьеру в полиции с патрульной службы. Отходив свое, она была переведена в Бюро расследований в чине лейтенанта. И там быстро пошла вверх. Суровая и не слишком общительная, Флаэрти во всех отношениях производила внушительное и грозное впечатление. Широкая, толстая, обладавшая всем необходимым для женщины «снаряжением» для маневрирования на «минном поле» верхних этажей органов правопорядка.

Чтобы убедиться в том, что ей это успешно удавалось, вам достаточно было взглянуть на стену, обратив внимание на фотографии друзей в рамочках: высшие городские чиновники, владельцы крупных строительных фирм, известные бизнесмены… На одной из них Флаэрти была запечатлена вместе с импозантным лысым мужчиной на веранде шикарной виллы на побережье. На другой она в «Метрополитен-опера» стоит рядом с человеком, в котором Амелия сразу узнала бизнесмена из разряда Дональда Трампа. Еще одним доказательством успеха был размер занимаемого Флаэрти кабинета в управлении полиции, где они сейчас сидели. Ей каким-то образом удалось обеспечить себе обширное угловое помещение с роскошным видом на нью-йоркскую гавань, в то время как все другие инспектора, известные Амелии, довольствовались гораздо более скромными прибежищами.

Сакс сидела напротив Флаэрти, их разделял широкий полированный стол. Кроме них, в комнате находился помощник мэра Роберт Уоллес. Он демонстрировал сытую румяную физиономию уверенного в себе преуспевающего чиновника и идеальную стрижку седой шевелюры. В данный момент на Уоллесе был неофициальный костюм. Опасность возникновения коррупции в полиции – одно из самых страшных пугал для мэрии, поэтому Уоллес не раздумывая прервал свои рождественские каникулы и, не медля ни минуты, прикатил сюда из своего дома на Лонг-Айленде.

– Вы дочь Германа Сакса, – произнесла Флаэрти. И, не дожидаясь ответа, перевела взгляд на Уоллеса. – Патрульный офицер. Очень хороший полицейский. Я присутствовала на церемонии, когда ему вручали награду.

Отец Амелии за долгие годы службы получил много наград. Интересно, на вручении какой из них присутствовала ее собеседница? Той, которую он получил за то, что ему удалось, не применяя силы, успокоить пьяного мужчину, пытавшегося перерезать горло жене? Или полученной за то, что он, находясь не на дежурстве, разоружил грабителя в круглосуточном магазине, разбив витрину из цельного стекла? Или медали, врученной за помощь в родах в кинотеатре «Риальто» какой-то мексиканке, которая, хрипя, билась в родовых схватках на засыпанном поп-корном полу, а на серебристом экране тем временем Стив Маккин вовсю сражался с плохими парнями?

– В чем все-таки дело? – спросил Уоллес. – Насколько я понял, какие-то сотрудники полиции оказались вовлечены в преступления?

Флаэрти обратила на Амелию взгляд своих стального цвета глаз и молча кивнула. После паузы она произнесла со свойственной ей весомостью:

– Возможно… Здесь замешаны наркотики. И подозрительная смерть.

– Ну что-о ж, – проговорил Уоллес, со вздохом растягивая слоги.

Бывший бизнесмен, ныне один из ближайших сотрудников мэра в должности специального уполномоченного по искоренению коррупции в городской администрации, в своей работе он мог горы свернуть. За прошедший год Уоллесу практически в одиночку удалось изобличить серьезные случаи нарушения законодательства среди инспекторов по строительству и чиновников в профсоюзе учителей. Сама мысль о том, что коррупция проникла в полицию, вызывала у него ужас.

Изборожденное морщинами лицо Флаэрти в отличие от лица Уоллеса оставалось непроницаемым.

Под пристальным взглядом инспектора Амелия начала рассказывать о самоубийстве Бенджамина Крили, подозрительном из-за сломанного пальца, а также из-за материалов, сожженных у него в камине, следов кокаина и возможных связей с полицейскими, частенько захаживавшими в «Сент-Джеймс».

– Полицейские из один-один-восемь.

В виду имелся 118-й округ, расположенный в Ист-Виллидж. Закусочная «Сент-Джеймс», как ей удалось выяснить, служила чем-то вроде распивочной для местного полицейского участка.

– В тот момент, когда я пришла туда, там было четверо полицейских, но время от времени заходили и другие. Не знаю, с кем встречался Крили. И было ли их двое, один или полдюжины.

– Вам известны имена? – спросил Уоллес.

– Нет. Мне не хотелось на данном этапе задавать слишком много вопросов. Да и у меня нет прямых свидетельств того, что Крили встречался с кем-то из полиции. Хотя это очень вероятно.

Флаэрти коснулась кольца с бриллиантом на среднем пальце. Бриллиант был огромных размеров. Кроме него и массивного золотого браслета, на ней не было никаких других украшений. Инспектор казалась совершенно невозмутимой, тем не менее Амелия прекрасно понимала, что сведения, предоставленные ею, взволновали Флаэрти. Простого намека на грязные дела в полицейской среде было достаточно, чтобы дрожь ужаса охватила всю городскую администрацию, но проблема в 118-м округе представлялась особенно неприятной. Это был образцовый округ, с большим числом раскрытых преступлений, хотя, с другой

стороны, и с немалым количеством жертв среди личного состава. Старших офицеров из 118-го округа чаще переводили на более высокие посты в управление, чем сотрудников полиции из других округов.

– Раньше там отмечались какие-нибудь проблемы? – спросил Уоллес.

Флаэрти отрицательно покачала головой:

– Нет, я ни о чем подобном не слышала.

– После того как я заподозрила, что между ними и Крили может быть какая-то связь, – продолжала Амелия, – я пошла к банкомату и взяла две сотни долларов. Затем поменяла их на выручку, которая была в кассе «Сент-Джеймса». Часть тех денег попала туда от полицейских.

Флаэрти кивнула:

– Хорошо. И вы проверили регистрационные номера. – Она рассеянно катала свою ручку «Монблан» по столу.

– Да, конечно. Отрицательный результат по министерству финансов и министерству юстиции. Но практически все банкноты дали положительную реакцию на кокаин. И одна на героин.

– О Боже! – не сдержался Уоллес.

– Не следует делать поспешных выводов, – заметила Флаэрти.

Сакс кивнула и объяснила помощнику мэра, что имела в виду инспектор: на многих двадцатидолларовых банкнотах, изымаемых из обращения, находят наркотики. Поводом для серьезной озабоченности был не сам этот факт, а то, что практически все банкноты, которыми расплачивались полицейские в «Сент-Джеймсе», содержали следы наркотических веществ.

– С тем же составом, что и кокаин, найденный в камине Крили? – спросила Флаэрти.

– Нет. И барменша утверждала, что никогда не видела у них наркотиков.

– У вас есть какие-нибудь прямые доказательства того, что сотрудники полиции причастны к его гибели?

– О нет. Я это даже не имела в виду. Сценарий, который мне представляется более вероятным, следующий: если полицейские вообще здесь замешаны, то они скорее всего, узнав, что Крили связан с

отмыванием денег, пытались снять с него определенный навар или процент с прибыли от продажи наркотиков.

– В прошлом он арестовывался?

– Крили? Нет. И я звонила его жене. Она сказала, что ни разу не видела у него никаких наркотиков. Впрочем, многие наркоманы умудряются довольно долго скрывать свое пристрастие от близких. Не говоря уже о торговцах, которым это не составляет большого труда. Конечно, если они сами не употребляют.

Инспектор пожала плечами:

– За всем тем, о чем мы сейчас говорим, могут стоять вполне невинные веши. Возможно, Крили просто встречался с каким-нибудь деловым партнером в «Сент-Джеймсе». Вы упомянули, что он с кем-то поссорился там накануне своей смерти?

– Да, вроде.

– Значит, с какой-то сделкой у него не выгорело. Вполне возможно, что это не имеет никакого отношения к один-один-восемь.

Амелия энергично кивнула:

– Да, конечно. Могло быть чистейшим совпадением то, что «Сент-Джеймс» стал обычной забегаловкой для полицейских... А Крили могли убить, потому что он занял деньги у бандитов или сделался случайным свидетелем какого-то преступления.

Уоллес потянулся и посмотрел окно на яркое холодное небо.

– У нас имеется факт смерти, поэтому мы должны ускорить с выяснением всех обстоятельств. Предельно ускорить. Подключите к работе отдел внутренней безопасности.

Отдел внутренней безопасности – самый логичный выбор для проведения расследования преступлений, в которых замешана полиция. Тем не менее Амелии не хотелось, чтобы сотрудников отдела подключали на данном этапе. Конечно, она передаст им дело позже, но прежде сама накроет преступников.

Флаэрти взяла ручку из мраморного письменного прибора. Мужчины могут позволить себе разные прихоти. Женщины – нет, по крайней мере не женщины, занимающие столь высокие посты. Идеально наманикюренными пальцами Флаэрти опустила ручку в элегантный держатель.

– Нет, отдел не нужно.

– Почему?

Инспектор покачала головой:

– Слишком близко к сто восемнадцатому. Могут пойти слухи.

Уоллес медленно кивнул:

– Если вы думаете, что так лучше…

– Да, так будет лучше.

Но радость Амелии по поводу того, что отдел внутренней безопасности решено было не подключать, длилась недолго, так как Флаэрти добавила:

– Я найду кого-нибудь здесь, кому можно будет передать это дело. Кого-нибудь из опытных сотрудников.

Колебания Амелии длились всего одно мгновение.

– Мне бы хотелось продолжить расследование, инспектор.

– Вы новичок в нашей работе, – ответила Флаэрти. – У вас нет опыта ведения подобных дел. Внутренние расследования – особая, очень сложная и ответственная категория.

– Я понимаю. Но я справлюсь.

«Я начала это дело, – думала Амелия, – я довела его до нынешней стадии. Мое первое дело об убийстве. Черт возьми! Я не позволю, чтобы его забрали у меня!»

– Здесь у нас не обычная экспертиза места преступления.

– Я ведущий следователь по делу об убийстве Крили, а вовсе не технический эксперт, – спокойно возразила Амелия.

– И все-таки я полагаю, что так будет лучше… Итак, будьте любезны представьте мне все папки по делу, все, что у вас имеется.

Амелия подвинулась вперед на стуле, ноготь указательного пальца от волнения вонзился в подушечку большого пальца. Как же ей удержать дело у себя?

В эту минуту в разговор вступил заместитель мэра. Нахмурившись, он спросил:

– Постойте-ка. А не вы ли, случайно, работаете с бывшим полицейским в инвалидной коляске?

– С Линкольном Раймом? Да, я.

Мгновение он раздумывал, а потом, взглянув на Флаэрти, произнес:

– Пусть она продолжает работать, Мэрилин.

– Почему?

– У нее превосходная профессиональная репутация.

– И что нам от ее репутации? Нам нужен кто-то с опытом. Извините, уважаемая, не хотела вас оскорбить.

– Ничего, – холодно ответила Амелия.

– Дело в высшей степени деликатное. Я бы даже сказала – взрывоопасное.

Уоллес принял окончательное решение.

– Мэру понравится. Она связана с Раймом. А Райма любят журналисты. И он в данный момент не полицейский. Таким образом, расследование будет восприниматься как полностью независимое.

Будет восприниматься… кем? Конечно же, прессой. Сакс поняла сразу, кто имелся в виду.

– Мне не нужно долгое беспорядочное расследование с вовлечением массы разных людей, – возразила Флаэрти.

– Расследование не будет ни долгим, ни беспорядочным, – вмешалась Амелия. – И со мной работает еще только один полицейский.

– Кто?

– Из патрульной службы. Рональд Пуласки. Хороший и ответственный сотрудник. Молодой, но очень достойный.

После паузы Флаэрти спросила:

– Ну и как вы предполагаете продолжить?

– Прояснить связи Крили с один-один-восемь и с «Сент-Джеймсом». Узнать побольше о его жизни. Попытаться понять, не было ли каких-либо других причин убрать его. Я хочу побеседовать с его партнером по бизнесу. Возможно, у него были какие-то проблемы с клиентами или с работой. И необходимо получить больше информации относительно того, какое отношение Крили имел к наркотикам.

Флаэрти сказанное Амелией, по-видимому, не очень устроило, тем не менее она заключила:

– Ладно. Пусть будет по-вашему. Но вы должны постоянно держать меня в курсе. Только меня, и никого больше. Поняли?

Амелия ощутила сильнейшее облегчение.

– Да, конечно.

– Всю информацию передавать мне по телефону или лично. Никаких электронных посланий и служебных записок. – Она нахмурилась. – И еще одно. Вы работаете с какими-то другими делами?

Инспектором невозможно стать, не обладая развитым шестым чувством. Флаэрти задала тот самый вопрос, которого больше всего боялась Амелия.

– Я помогаю в расследовании дела об убийствах… В деле Часовщика.

Флаэрти нахмурилась:

– Ах, значит, вы и этим занимаетесь? Я не знала… По сравнению с серийным убийцей ситуация в «Сент-Джеймсе» далеко не столь серьезна.

В голове Амелии прозвучали слова Райма: «Твое дело не такое срочное, как дело Часовщика».

Уоллес задумался, затем взглянул на Флаэрти:

– Полагаю, нам в данном случае нужно мыслить по-взрослому. Что хуже для города? Убийца, на счету у которого всего несколько человек, или скандал в самом полицейском управлении, который, не успеем мы и оглянуться, пресса разнесет по всей стране? Репортеры реагируют на продажных полицейских, словно акулы на кровь. Нет, для меня это дело важнее.

Амелию уязвило замечание Уоллеса. «Убийца, на счету у которого всего несколько человек…»

Однако у нее с Уоллесом были общие цели. Она хотела довести дело Крили до конца.

И уже во второй раз за сегодняшний день она сказала: – Я могу работать с обоими делами. Обещаю, я справлюсь. А в голове у нее скептический голос ехидно шептал: «Будем надеяться, Сакс, будем надеяться».

Глава 9

13.57

Амелия Сакс забрала Пуласки у Райма. Криминалист, как она поняла, остался не очень доволен этим похищением, хотя в данный момент парень и не был особенно занят.

– Как быстро она у тебя бегает? – Пуласки коснулся панели ее «камаро» 1969 года.

– Со мной тебе не нужна политкорректность, Рон. Меня хорошо вымуштровали в сто восемьдесят седьмом.

– Ого!

– Ты любишь автомобили?

– Больше я люблю мотоциклы. У нас с братом были два собственных, когда мы учились в старших классах.

– Одинаковые?

– Что?

– Мотоциклы.

– А… ты про то, что мы близнецы. Нет, мы никогда не стремились быть похожими во всем. Одеваться одинаково и тому подобное. Мать часто пыталась нас заставить, но мы и без того были как две капли воды. Теперь она смеется, конечно, из-за формы, которую мы носим. И ты не думай, что мы могли пойти и купить все, что пожелаем, – две одинаковые «Хонды-850», например, или что-то в этом роде. Мы покупали то, на что у нас хватало денег – из вторых или даже из третьих рук. – Он лукаво ухмыльнулся. – Однажды ночью, когда Тони спал, я прошмыгнул в гараж и поменял моторы. Он так и не догадался.

– Ты все еще ездишь?

– Говорят, Бог ставит нас перед выбором: либо дети, либо мотоциклы. Через неделю после того, как Дженни забеременела, один счастливчик в Квинсе приобрел себе за хорошую цену суперский «мото-гуччи». – Он усмехнулся. – С исключительным мотором.

Амелия рассмеялась. После чего объяснила ему цель их поездки. Нужно отследить несколько имеющихся у нее нитей. Вторая барменша в «Сент-Джеймсе» по имени Герта скоро должна была прийти на работу, и Амелии необходимо было с ней поговорить. Кроме того, она хотела побеседовать с деловым партнером Крили Джорданом Кесслером, возвращавшимся из командировки в Питсбург.

Но главной была совсем другая задача.

– Как бы ты отнесся к тому, если бы я попросила тебя разыграть роль тайного агента? – спросила она.

– Думаю, что нормально.

– Несколько ребят из один-один-восемь, вероятно, обратили на меня внимание в «Сент-Джеймсе». Поэтому мне нужна твоя помощь. И никакой записывающей аппаратуры. Мы собираем не улики, а просто информацию.

– Так что мне нужно делать?

– В моем портфеле. На заднем сиденье. – Она резко снизила скорость, хорошо вписалась в поворот и повела мощный автомобиль по прямой. Пуласки поднял портфель с пола.

– Нашел.

– Бланки наверху.

Он кивнул, просматривая бумаги. Там Пуласки обнаружил служебную записку, в которой разъяснялись новые правила относительно проверки материалов следствия, могущих представлять опасность: огнестрельного оружия, взрывчатых веществ, химикатов и так далее.

– Никогда ни о чем подобном не слышал.

– Не слышал, потому что я сама это придумала.

Амелия объяснила Пуласки, что им нужно располагать правдоподобным поводом для проникновения в недра 118-го округа и сравнения журналов регистрации следственных материалов с реальными материалами.

– Ты скажешь им, что тебя интересуют следственные материалы, но мне бы хотелось, чтобы ты просмотрел у них регистрацию наркотиков, конфискованных за последний год. Выпиши имя задержанного, дату, количество изъятого и проведенные аресты. А затем мы сравним собранные тобой сведения с тем, что имеется у районного прокурора по тем же самым делам. Пуласки слушал ее и кивал:

– Таким образом мы выясним, исчезли ли какие-то наркотики между временем регистрации и временем суда над торговцами… Все ясно, прекрасно придумано.

– Надеюсь. Не думаю, что нам сразу же удастся узнать, кто конкретно их взял, но это только начало. Ну а теперь приступим к игре в шпионов. – Амелия остановила автомобиль на расстоянии квартала от 118-го округа, на запущенной улице с многоквартирными домами Ист-Виллидж. Бросила испытующий взгляд на Пуласки: – У тебя не появилось никаких сомнений насчет своей роли?

– Должен признаться, что ничем подобным никогда не занимался. Хотя, конечно, стоит попробовать. – Мгновение он колебался, рассматривая бланки, затем сделал глубокий вдох и вылез из машины.

Когда Пуласки ушел, Амелия позвонила нескольким своим коллегам по нью-йоркскому управлению полиции, ФБР и администрации по контролю за применением законов о наркотиках, которым она полностью доверяла и на которых могла положиться. Ей хотелось выяснить, были ли в 118-м округе не доведены до завершения или приостановлены какие-либо дела об организованной преступности, убийствах и распространении наркотиков. Никто из ее знакомых не слышал ни о чем подобном, тем не менее статистика по округу свидетельствовала, что, несмотря на его блестящую репутацию, до суда там доходило очень немного дел об организованной преступности. А это наводило на мысль о том, что детективы, возможно, прикрывают местные банды. Один агент ФБР сообщил Амелии, что есть сведения, будто бандиты снова начали осуществлять периодические рейды в Ист-Виллидж после того, как район начал потихоньку обуржуазиваться.

Затем Амелия позвонила одному своему знакомому, руководившему оперативной группой по борьбе с бандитизмом в центральных районах города. Он рассказал ей, что в Ист-Виллидж действуют две группировки: ямайская и «белая». Они занимаются торговлей денатуратом и кокаином и без колебаний пришьют свидетеля и уберут любого, кто попытается провести их или вовремя не заплатит. Тем не менее, признал детектив, инсценировка самоубийства не в их стиле. Они просто прикончили бы Крили на месте из «Макарова» или «узи», а потом как ни в чем не бывало отправились бы в ближайшую пивную.

Некоторое время спустя явился Пуласки с типичной для него кипой заметок. Этот парень записывает абсолютно все…

– Ну как?

Пуласки изо всех сил пытался сдержать улыбку.

– Думаю, нормально.

– Провел их?

Парень пожал плечами.

– Сержант на входе не хотел меня пропускать, но я на него посмотрел своим обычным взглядом, типа: «Ты спятил, меня не пропускаешь? Хочешь, чтобы я позвонил в управление и сказал им, что из-за тебя твой полицейский участок не получит необходимых документов?» Он мгновенно уступил. Я даже удивился.

– Превосходная работа. – Они стукнулись кулаками, как бы поздравляя друг друга с удачей.

Не теряя ни минуты, выехали из Ист-Виллидж. Как только Амелия убедилась, что полицейский участок остался далеко позади, она остановила машину и они приступили к сравнению двух наборов цифр.

Минут через десять обнаружились первые результаты. Данные в отчетности полицейского округа и данные управления окружной прокуратуры практически совпадали. За весь год без объяснений остались только семь унций марихуаны и четыре унции кокаина.

– И их документация не производит впечатления подделанной. Я подумал, что и это следует проверить.

– Правильно подумал, – отозвалась Амелия.

Значит, один мотив, что группа из «Сент-Джеймса» и Крили торговали наркотиками, похищенными из 118-го полицейского участка, отпал. То небольшое количество наркотиков, для которого не находилось объяснения, было слишком незначительным. Оно могло быть потеряно при осмотре места преступления или просто возникнуть из-за неточной оценки объема вещества.

Однако полученные данные не являлись окончательным доказательством невиновности полицейских. Они могли брать наркотики непосредственно у поставщиков. Или изымать при аресте и

вообще не вносить в документацию. А возможно, поставщиком был сам Крили.

Первая операция, проведенная Пуласки в роли шпиона, дала ответ на один вопрос, но остальные пока оставались без ответа.

– Ну что ж, не будем останавливаться на достигнутом, Рон. А теперь скажи мне, с кем ты хотел бы пообщаться: с барменшей или с бизнесменом?

– Да мне все равно. Может, монетку бросим?

– Наш загадочный друг скорее всего приобрел часы в часовом магазине Халлерштайна, – сообщил Мэл Купер Райму и Селлитто, закончив телефонный разговор. – В районе «Утюга».

До того как Амелия увела его на расследование дела Крили, Пуласки успел получить информацию от директора отдела продаж фирмы-производителя в Массачусетсе относительно того, куда поступили часы с указанными серийными номерами.

Купер узнал, что дистрибьютор не ведет учета доставки часов по серийным номерам, но в Нью-Йорке они могли продаваться только у Халлерштайна. Это единственное место здесь, куда они поступают. Магазин располагался к югу от центра в районе, получившем название в честь знаменитого треугольного здания на перекрестке Пятой авеню и Двадцать третьей улицы, напоминавшего старомодный утюг.

– Наведите справки о магазине, – раздался голос Райма.

Купер вошел в Интернет. Своего сайта у «Халлерштайна» не было, но он упоминался на нескольких других сайтах продажи антикварных часов. Он функционировал уже на протяжении многих лет. Владельца звали Виктор Халлерштайн. Однако лично о нем не удалось получить никакой информации. Тогда Селлитто позвонил в «Халлерштайн» и не представившись попросил назвать ему время работы магазина. Он сказал, что уже как-то заходил к ним, и спросил, с кем он разговаривает. Его собеседник ответил, что он говорите владельцем магазина Халлерштайном. Селлитто поблагодарил и повесил трубку.

– Съезжу поговорю с ним, узнаю, что ему известно. – Селлитто натянул пальто. Всегда лучше приходить к свидетелям, когда они тебя не ждут. Предварительный звонок с предупреждением давал возможность выдумать массу лжи независимо от того, было им что скрывать или нет.

– Постой, Рон, – окликнул его Райм.

Детектив оглянулся.

– А что, если он все-таки не продавал часы Часовщику?

Селлитто кивнул:

– Да, я уже об этом думал. Что Часовщиком может быть он сам, или его партнер, или друг.

– Возможно и то, что он стоит за всем «проектом», а Часовщик всего лишь работает на него.

– И такой вариант я тоже принимал во внимание. Ладно, не будем волноваться раньше времени. Справимся.

Звуки ирландской арфы лились в уши Кэтрин Дэнс; она рассеянно созерцала проносящиеся мимо улицы Нижнего Манхэттена по пути в аэропорт Кеннеди: рождественская мишура, разноцветные лампочки, коробки с подарками…

И влюбленные пары. Рука об руку. Ходят по магазинам в поисках подарков. Или просто прогуливаются, проводят каникулы.

Она подумала о Билле. Спросила себя, понравилось бы ему здесь?

Как странно, что в памяти после двух с половиной лет – время, которое при других обстоятельствах показалось бы бесконечно долгим, – остаются самые незначительные мелочи.

«Миссис Свенсон?»

«Это Кэтрин Дэнс. Свенсон – фамилия моего мужа».

«А-а… С вами говорит сержант Уилкинс. Калифорнийский дорожный патруль».

По какому поводу дорожный патруль может звонить ей домой?

Дэнс была на кухне, готовила обед, вполголоса напевая песню Роберты Флейк, и пыталась вычислить, какая из насадок на кухонный комбайн нужна ей в данный момент. Она собиралась приготовить гороховый суп-пюре.

«Боюсь, я должен вам кое-что сообщить, миссис Дэнс. О вашем муже».

Держа телефонную трубку в одной руке, а поваренную книгу в другой, Кэтрин остановилась посреди кухни и уставилась на рецепт супа, слушая слова полицейского. Дэнс и сейчас в мельчайших подробностях помнит эту страницу, хотя видела ее всего однажды. Она даже помнит надпись под рисунком. «Великолепный вкусный суп, который вы приготовите за несколько минут. И очень питательный».

Она и сейчас смогла бы приготовить его по памяти.

Хотя с тех пор никогда и не пыталась.

Кэтрин Дэнс понимала, что должно пройти определенное время, прежде чем она исцелится от своего горя. «Исцелится» – именно этим словом воспользовался ее психоаналитик. Он ошибался, как очень скоро поняла Кэтрин, от настоящего горя невозможно исцелиться полностью. Шрам, затягивающий глубокую рану, остается шрамом. Со временем на место боли приходит онемение. Но здоровую кожу под шрамом уже никогда не восстановить.

Дэнс улыбнулась, осознав вдруг, что здесь, в такси, она скрестила руки и поджала ноги. Эксперту в кинезике прекрасно известно, что означают подобные жесты.

Улицы казались совершенно одинаковыми: темные каньоны между громадинами зданий, серые и мутно-коричневые, расцвеченные неоном реклам: «АТМ», «Закусочная», «Маникюр за 9,95$». Какой контраст с полуостровом Монтерей, с его дубами и эвкалиптами, песчаными участками, перемежающимися зарослями суккулентов. Такси ехало довольно медленно. У Кэтрин была масса времени для воспоминаний. Городок, в котором она живет, Пасифик-Гроув, на самом деле представляет собой викторианскую деревню в 120 милях к югу от Сан-Франциско. Население в нем всего 18 тысяч душ, он примостился между шикарным Кармелем и трудолюбивым Монтереем, прославленный в «Консервном ряду» Стейнбека; за то время, которое потребовалось такси, чтобы миновать восемь нью-йоркских кварталов, Пасифик-Гроув можно проехать весь из конца в конец.

Нью-Йорк… Темный, до предела перенаселенный, в общем, жуткий и чудовищный город. И тем не менее, несмотря ни на что, она любила его. В конце концов, не надо забывать, что больше всего на свете Кэтрин интересовали люди, а здесь их собралось больше, чем где бы то ни было еще.

Кэтрин подумала: а как на ее идею отреагируют дети?

Мэгги она понравится, Кэтрин в этом не сомневалась. Она без труда представила свою десятилетнюю дочурку стоящей посередине Таймс-сквер. Волосы, схваченные в хвост, мотаются из стороны в сторону, когда она переводит зачарованный взгляд с реклам на прохожих, а с них – на разъездных торговцев, потом – на бесконечную вереницу автомобилей, направляющихся в сторону бродвейских театров.

Уэс? С ним будет посложнее. Мальчику было двенадцать, когда погиб отец, и он очень тяжело перенес случившееся. Но кажется, и к нему постепенно возвращаются чувство юмора и уверенность в себе. Несколько месяцев назад Кэтрин впервые решилась оставить его со своими родителями и поехать в Мехико по делу об экстрадиции преступника, в первую заграничную командировку со времени гибели Билла. Их первое длительное расставание Уэс вроде бы перенес нормально, поэтому Кэтрин и согласилась наконец провести в Нью-Йорке семинар, о котором управление полиции штата просило ее уже в течение целого года.

И все-таки время от времени красивый худощавый мальчик с волнистыми волосами и зелеными глазами, как и у Кэтрин, становился вдруг мрачным, отстраненным и злобным.

Что-то в этом поведении было типичным проявлением взросления будущего мужчины, а что-то – психологическим осадком от не до конца пережитой утраты отца в раннем возрасте. Обычное поведение, объяснил его психолог, не о чем беспокоиться. Но Кэтрин понимала, что сыну потребуется определенное время, чтобы привыкнуть к нью-йоркскому хаосу, а она ни при каких обстоятельствах не станет его торопить и принуждать. Хотя, с другой стороны, и для самого Уэса переезд будет шагом вперед в личностном развитии. Сразу же по возвращении она задаст ему вопрос о возможном посещении Нью-Йорка. Кэтрин не понимала тех родителей, которые считают, что необходимы магические заклинания, чтобы добиться правды от детей. Единственное, что требуется от родителя, – самому быть искренним и просто, без уловок задать тот вопрос, на который он хочет получить ответ.

Решено, подумала Кэтрин, если с Уэсом все будет в порядке, она привезет сюда обоих детей на будущий год перед Рождеством. Сама она родилась и выросла в Бостоне, и потому главным ее возражением против жизни на калифорнийском побережье было практическое отсутствие там времен года. Погода, конечно, всегда превосходная, но в пору Рождества так хочется, чтобы морозец немного пощипал нос и уши, хочется настоящей метели и чтобы в камине потрескивали сухие бревна, а окна покрывались роскошным зимним кружевом.

От размышлений Кэтрин отвлекло музыкальное чириканье сотового телефона. Мелодия в нем менялась очень часто – шутка, придуманная детьми (хотя главное правило – никогда не программировать телефон полицейского на тихий режим – соблюдалось неукоснительно).

Кэтрин взглянула на выходные данные звонившего.

Гм… Интересно. Да или нет?

Кэтрин подчинилась импульсивному желанию и нажала на кнопку ответа.

Глава 10

14.45

Сидя в машине, детектив беспокойно ерзал на сиденье, потирал свой большой живот, дергал воротник.

Кэтрин Дэнс внимательно изучала язык тела Лона Селлитто, пока он несся на своем «краун-вике» – том же служебном автомобиле, который был и у нее в Калифорнии, – по улицам Нью-Йорка, отключив сирену, но сверкая мигалками.

Позвонил ей в такси тогда он и вновь попросил помочь в расследовании того же самого дела.

– Я знаю, что у вас билет на самолет, и я знаю, что вам хочется как можно скорее оказаться дома, но…

Лон объяснил, что им удалось обнаружить магазин, где были куплены часы, оставленные на месте преступления и что он хочет, чтобы она побеседовала с человеком, который, по всей вероятности, продал их убийце. Существовал шанс, хоть и очень незначительный, что продавец сам является Часовщиком, и следователю необходимо было ее мнение на этот счет.

Сомнения мучили Кэтрин всего несколько мгновений, и она согласилась. В глубине души она жалела, что вообще уехала из дома Линкольна Райма. Больше всего на свете Кэтрин Дэнс не любила бросать неоконченное дело, даже если не она вела его. Она попросила водителя повернуть такси обратно к Райму, где Лон Селлитто ждал ее.

Сидя в машине детектива, она спросила:

– Пригласить меня была ваша идея, не так ли?

– То есть?

– То есть не Линкольна. Он, как я поняла, не особенно верит в то, что от меня может быть какой-то прок.

Длившаяся всего одну секунду заминка Селлитто была достаточно красноречивым ответом.

– Вы прекрасно выполнили работу со свидетелем, – сказал Селлитто.

Кэтрин улыбнулась:

– Я знаю. Но Линкольн все-таки не верит, что от меня может быть какой-то прок.

Следующая пауза.

– Ему нравятся его методы.

– У всех свои слабости.

Детектив засмеялся, нажал на кнопку сирены, и они проскочили на красный свет.

Пока ехали, Кэтрин смотрела на Лона, наблюдала за его руками и глазами, прислушивалась к его голосу. И пришла к выводу: детективом полностью завладела проблема поимки Часовщика, а другие дела, которые, вне всякого сомнения, заполняют его рабочий стол, кажутся ему теперь совершенно незначительными по сравнению с этим. И, как она заметила еще вчера, когда он присутствовал у нее на занятии, Лон принадлежит к числу настойчивых и смышленых полицейских – многие из тех проблем, которые она ставила перед слушателями, он схватывал на лету и находил остроумные и удачные решения.

В его энергичности есть некий элемент нервозности, хотя и очень отличающийся от нервозности Амелии Сакс. Ворчит по привычке, но по природе Лон – довольный собой и жизнью человек.

Анализ личности Кэтрин производила автоматически, рефлекторно. Жест, взгляд, мимоходом брошенная фраза – все становилось для нее кусочком того загадочного узора, которым были человеческие существа. Правда, при желании она, конечно, могла на время отключить в себе эту способность. Что за удовольствие пойти с друзьями в бар, заказать вино или пиво и затем начать подробный и доскональный анализ соседей по столику (уж не говоря об «удовольствии» для них самих)? Впрочем, иногда все получалось как-то само собой и не мешало общению.

Способность к психологическому анализу невозможно было отделить от сути ее личности.

«Моей патологической потребности в проникновении в суть человеческого характера…»

– У вас есть семья? – спросил Лон.

– Да, двое детей.

– И чем занимается ваш муж?

– Я вдова. – Так как одной из составных частей работы Кэтрин была интерпретация впечатления, которое производит различная интонация, то свои слова она произнесла одновременно отстраненно и мрачно, что должно было быть истолковано как: «Я не хочу говорить на эту тему». Если бы рядом с ней сидела женщина, она, наверное, сочувственно взяла бы Кэтрин за руку и попыталась бы ее успокоить. Селлитто поступил так, как на его месте поступило бы большинство мужчин. Он пробормотал неуклюжее, но искреннее «извините» и несколько секунд ехал молча. Затем стал говорить о новых обнаруженных ими уликах и нескольких «ключах», которые, как оказалось, «ключами» вовсе и не были. Он раздражался и оттого выглядел смешным.

«Эй, Билл… Знаешь что? Думаю, тебе понравился бы этот парень». Кэтрин была уверена.

Лон упомянул о магазине, в котором скорее всего были куплены часы.

– Мы, конечно, не думаем, что Халлерштайн – Часовщик. Но, даже не будучи убийцей, он может быть причастен к преступлению. Не исключено, что дело примет жутковатый оборот.

– Я не вооружена, – заметила Кэтрин.

Законы, определяющие права на провоз оружия из одного административного округа в другой, очень строги, и большинству полицейских запрещено при поездке в другой штат брать с собой оружие. Да это и не имело принципиального значения. Кэтрин никогда не стреляла из своего «глока», разве что в тире, и надеялась на банкете по случаю своего ухода на пенсию похвастаться тем, что ни разу за все годы работы в полиции не применила оружия.

– Я буду рядом, – заверил ее Селлитто.

Магазин часов Халлерштайна размещался посередине довольно мрачного квартала. Рядом велась оптовая торговля и находились

товарные склады. Кэтрин внимательно оглядела местность. Фасад здания был покрыт облупившейся краской и грязью, но витрина «Халлерштайна», защищенная толстыми стальными брусьями и демонстрировавшая разнообразную подборку часов, была безупречна.

Подходя к двери, Кэтрин сказала:

– Если не возражаете, детектив, вы отрекомендуетесь, а затем предоставите все поле деятельности мне. Хорошо?

Некоторым полицейским, которые пекутся о собственном авторитете и власти на подотчетной им территории, было бы с ней трудновато. Кэтрин уже давно поняла, что Селлитто к таковым не относился (у него не было проблем с самооценкой), но ей все равно нужно было задать подобный вопрос.

– Конечно, это ведь ваша игра. Потому-то мы вас и пригласили.

– Мне придется говорить такие вещи, которые могут показаться несколько странными, но они часть моего плана. Если я почувствую, что он и есть преступник, я наклонюсь вперед и скрещу пальцы. Вот так. – Жест, который сделает ее более уязвимой и заставит убийцу немного расслабиться, и он вряд ли попробует воспользоваться оружием. – Если же я пойму, что он невиновен, то сниму сумочку с плеча и поставлю ее на прилавок.

– Понял.

– Готовы?

– После вас.

Кэтрин нажала на кнопку, и дверь с легким жужжанием впустила их в магазин, каковой представлял собой не очень больших размеров помещение, доверху заполненное часами всех размеров и форм: высоченными напольными с маятником; тяжелыми настольными; причудливыми скульптурами с часами в качестве вставки; оригинальными современными и сотнями других. Среди последних было пятьдесят или шестьдесят образцов очень старых антикварных часов.

Они сразу прошли в глубь магазина, откуда на них из-за прилавка пристально смотрел коренастый лысеющий мужчина. Перед ним лежал извлеченный из корпуса часовой механизм, над которым он трудился.

– День добрый, – произнес Селлитто.

Мужчина кивнул в ответ:

– Привет.

– Я детектив Селлитто из департамента полиции, а это агент Дэнс. – Селлитто показал свое удостоверение. – Вы Виктор Халлерштайн?

– Да. – Мужчина снял очки с дополнительным увеличительным стеклом на одной линзе и взглянул на значок Селлитто, улыбнулся губами, но не глазами и пожал руки обоим визитерам.

– Вы владелец магазина? – спросила Кэтрин.

– Да, владелец. И шеф-повар, и посудомойка. Магазин принадлежит мне уже десять лет. Все время здесь. Почти одиннадцать лет.

Бессмысленная информация. Часто признак лжи. А возможно, просто свидетельство того, что он чувствует себя крайне неуютно из-за визита двух полицейских. Одно из главных правил кинезики: отдельно взятый жест или другой элемент поведения практически ничего не значит. Изолированную реакцию никогда нельзя правильно истолковать, она приобретает смысл только в сочетании. К примеру, такое поведенческое проявление, как скрещенные руки, можно интерпретировать только в связи с особенностями взгляда, движения кистей, интонации, содержания сказанного, характером выбора слов.

И действительное значение для следствия имеет только систематически повторяющиеся реакции на соответствующие раздражители.

Кинезический анализ, говорила в своих лекциях Кэтрин Дэнс, направлен на расшифровку хорошо продуманной игры.

– Чем я могу быть вам полезен? Полиция, говорите? Еще одно ограбление в округе?

Селлитто бросил взгляд на Кэтрин. Она ничего не ответила, просто усмехнулась и огляделась по сторонам.

– Никогда в жизни не видела столько часов.

– Я уже довольно давно продаю их.

– И что, их все можно купить?

– Ну, если вы сделаете мне предложение, от которого я не смогу отказаться… – Смех. – А если серьезно, некоторые из них я, конечно же,

не продам. Но большинство к вашим услугам. Ведь это магазин, не так ли?

– А вот те просто замечательные.

Халлерштайн взглянул на часы, которые имела в виду Кэтрин. Стиль ар-нуво, в золотом корпусе, с очень простым циферблатом.

– «Сет Томас», изготовлены в тысяча девятьсот пятом году. Стильные, надежные.

– Дорогие?

– Триста. Они позолоченные. Массовая продукция... А вам нужно что-то по-настоящему дорогое? – Он указал на часы в керамическом корпусе, расписанные не просто цветочками, но и всеми оттенками розового, голубого и лилового. Кэтрин не видела ничего более вызывающе вульгарного. – В пять раз дороже.

– А...

– Понимаю, понимаю. Но в мире коллекционеров то, что непосвященный воспринимает как пошлость, знаток ценит как истинное произведение искусства. – Он улыбнулся. Настороженность и озабоченность сохранялись, однако Халлерштайн уже заметно расслабился.

Кэтрин нахмурилась:

– А как же в полдень? Вам что, приходится затыкать уши?

Халлерштайн рассмеялся:

– У большинства часов бой очень легко отключается. Вот только кукушки меня действительно сводят с ума. Фигурально выражаясь, конечно.

Кэтрин задала еще несколько вопросов по поводу его работы, собирая информацию о характерных жестах, взглядах, интонациях, словах для установления базовых особенностей его поведения.

Наконец, сохраняя обычный тон беседы, она спросила:

– Сэр, нам бы хотелось знать, не покупал ли кто-нибудь в последнее время двое часов, похожих на эти? – И она продемонстрировала ему фотографию часов фирмы «Арнольд продактс», оставленных на месте преступления. Кэтрин внимательно разглядывала его, пока он

рассматривал фотографию. Лицо Халлерштайна оставалось абсолютно невозмутимым. Она пришла к выводу, что он слишком долго разглядывает снимок – знак того, что его мучают какие-то сомнения.

– Что-то не припоминаю. Я продаю массу часов, уж поверьте.

Неверная память – признак стресса в фазе отрицания у человека, склонного ко лжи, как ранее в случае с Ари Коббом. Халлерштайн вновь окинул внимательным взглядом фотографию, словно изо всех сил пытаясь оказаться полезным своим гостям. Затем, слегка повернувшись к Кэтрин, наклонив голову и повысив голос, произнес:

– Нет, в самом деле не припомню. Извините, ничем не могу помочь.

Кэтрин почуяла ложь. В случае Халлерштайна это было нейтральное выражение лица, которое отличалось от характерной для него мимики. Скорее всего он узнал часы. Но почему он лжет? Потому ли, что просто не хочет связываться, или потому, что ему известно, что он продал часы вероятному преступнику, или потому, что сам причастен к убийствам?

Определяя личностный тип своего первого здешнего несговорчивого свидетеля Ари Кобба, Кэтрин отнесла его к экстравертам. Халлерштайн явно принадлежал к противоположному типу – был интровертом, то есть принимал решения на основе интуиции и эмоций. Она сделала такой вывод, так как сразу же отметила его страсть к часам и факт, что успех его бизнеса более чем средний (он скорее будет продавать то, что ему нравится, чем сбывать массовую продукцию и иметь на этом хороший доход).

Чтобы добиться правды от интроверта, необходимо установить с ним личную связь. Он должен чувствовать себя в безопасности. Решительное наступление на него, подобное тому, какое Кэтрин предприняла на Кобба, сразу заставило бы Халлерштайна замкнуться.

Кэтрин покачала головой:

– А вы ведь были нашей последней надеждой. – Она вздохнула, бросила взгляд на Селлитто, который, к счастью, сумел без особого труда изобразить разочарованного добродушного полисмена, скорчившего мрачную гримасу и тоже сокрушенно покачивающего головой.

– Надеждой? – переспросил Халлерштайн.

– Человек, приобретший эти часы, совершил очень серьезное преступление. У нас была единственная нить.

На лице Халлерштайна появилось выражение искренней озабоченности, но Кэтрин Дэнс в своей практике встречала множество прекрасных актеров. Она положила фотографию обратно в сумочку.

– Часы, которые вы видели, нашли рядом с его жертвами.

Взгляд продавца застыл на мгновение. Он явно был сильно потрясен.

– Убийство?

– Да. Прошлой ночью были убиты два человека. Рядом с их телами были оставлены двое часов. Возможно, в качестве некоего послания. Пока мы не уверены. – Кэтрин нахмурилась. – Все очень непонятно. Если бы я хотела кого-то убить и оставить какой-то знак, я бы не стала прятать его на расстоянии тридцати футов от жертвы. Я бы оставила его гораздо ближе и на открытом месте. Короче говоря, мы просто ничего не знаем.

Кэтрин внимательно следила за его реакцией. На ее хорошо продуманное признание в собственной беспомощности Халлерштайн отреагировал так же, как и любой другой не знакомый с ситуацией человек, – просто сочувственно покачал головой. Будь он убийцей, он скорее всего выдал бы «реакцию узнавания», главным образом концентрирующуюся в зоне вокруг глаз и носа, делая вид, что ее слова не совпадают с тем, что ему известно. Он бы подумал: я ведь оставил их рядом с телом. Зачем кому-то пришло в голову их передвигать? А эта мысль неизбежно сопровождалась бы весьма специфическими жестами и движениями.

Опытный лжец способен минимизировать «реакцию узнавания» так, что большинство даже не заметят ее, но «радар» Кэтрин работал на полную мощность, и она решила, что владелец магазина успешно прошел тест. Она была уверена, что он на месте преступления не был.

Кэтрин поставила сумочку на прилавок.

Лон Селлитто отвел руку от бедра, где все это время держал ее.

Впрочем, работа Кэтрин только начиналась. Они установили, что Халлерштайн не является убийцей, но он, вне всякого сомнения, владеет какой-то информацией. И Кэтрин была преисполнена решимости ее вытянуть.

– Мистер Халлерштайн, убитые умерли жуткой смертью.

– Погодите-ка, я вспомнил, они были в новостях. Мужчину, кажется, раздавили металлическим брусом? А другого бросили в реку. Да-да, было в новостях.

– Верно.

– И… те часы были там?

Он чуть было не произнес «мои часы». Но все-таки не произнес…

Вести его надо с предельной осторожностью, напомнила себе Кэтрин.

Она кивнула.

– У нас есть основания думать, что убийца на этом не остановится. И, как я уже говорила, вы были нашей последней надеждой. На отслеживание других торговцев, которые могли продать ему часы, уйдет несколько недель.

На лице Халлерштайна вновь появилось выражение озабоченности.

Смятение легко прочитывается на человеческом лице, но оно может возникнуть в результате множества самых разных эмоций: глубокого сочувствия, боли, разочарования, горя, растерянности. И только кинезика способна указать настоящий его источник, если сам человек не желает делиться информацией со следователем.

Кэтрин Дэнс внимательно изучала глаза Халлерштайна, его пальцы, поглаживавшие лежащий перед ним часовой механизм, язык, касающийся уголков губ. И внезапно она поняла: Халлерштайн демонстрирует характерную реакцию запуганного.

Он боится… за собственную безопасность.

Понятно…

– Мистер Халлерштайн, если вы вспомните что-то такое, что поможет нам в расследовании, мы со своей стороны полностью гарантируем вашу безопасность. – Взгляд в сторону Селлитто, который тут же кивнул в подтверждение ее слов. – В случае надобности мы поставим полицейского у входа в ваш магазин.

Халлерштайн поигрывал крошечной отверткой. Кэтрин вновь извлекла фотографию из сумочки:

– Взгляните еще разок. Может быть, что-то и вспомните.

Ему не было нужды смотреть еще раз. Он весь как-то осел, наклонился вперед, опустив голову. Кэтрин поняла, что Халлерштайн быстро переходит в «состояние принятия».

– Извините. Я вам солгал, – прошептал он.

Кэтрин давала ему возможность найти какое-нибудь извинение своей лжи – сказать, к примеру, что рассмотрел фотографию недостаточно внимательно или что был смущен. Но Халлерштайна, по всей видимости, не заботили оправдания. Настало время чистосердечных признаний, простых и ясных.

– Я сразу узнал эти часы. Дело в том, что он пригрозил, что, если я кому-нибудь скажу, он вернется, расправится со мной, уничтожит все мои часы, всю коллекцию! Но я ничего не знал ни о каких убийствах. Клянусь. Я подумал, что он просто сумасшедший.

Нижняя челюсть торговца тряслась, он опустил руку на часовой механизм, над которым работал. Этот жест Кэтрин интерпретировала как проявление отчаянных поисков поддержки и утешения.

Впрочем, она почувствовала и кое-что еще. Эксперты по кинезике должны уметь различать, на что реагируют их клиенты: на вопросы, которые им задаются, или на факты, которые им сообщаются. Халлерштайна, конечно, очень обеспокоило сообщение об убийствах, он боялся за собственную безопасность и за безопасность своих сокровищ, но его реакция явно была чрезмерной.

Кэтрин уже собиралась начать анализ странного поведения Халлерштайна, как вдруг он сам без всякого принуждения объяснил, в чем дело.

– Он оставляет эти часы там, где убивает свои жертвы?

Селлитто кивнул.

– В таком случае я должен вам сказать кое-что еще. – Голос его дрогнул и сорвался, и дальше он говорил шепотом: – Он купил не двое часов. Он купил их десять.

Глава 11

15.30

– Сколько? – переспросил Райм, качая головой и повторяя то, что ему только что сказал Селлитто. – Он планирует десять убийств?!

– Видимо, так.

Сидя в лаборатории по обе стороны от Райма, Кэтрин Дэнс и Селлитто демонстрировали ему фоторобот Часовщика, который изготовили прямо

на месте в часовом магазине, воспользовавшись компьютерной программой идентификации лица, воспроизводящей черты подозреваемого на основе описаний, предоставленных свидетелем. На экране перед ними предстал образ белого мужчины около пятидесяти лет с округлым лицом, двойным подбородком, толстым носом и необычайно светлыми голубыми глазами. Торговец добавил также, что убийца был чуть выше шести футов, худощавый, с черными волосами средней длины. На нем не было никаких украшений. Халлерштайн отметил, что одет он был в черное, но конкретно что на нем было, припомнить не смог.

Затем Кэтрин сообщила, что случилось с Халлерштайном. Примерно месяц назад в магазин зашел мужчина и спросил часы определенного образца, не какую-то конкретную марку, а просто что-нибудь компактное, с фазами луны и громким тиканьем.

– Последнее было самым важным, – заметила Кэтрин. – Луна и громкое тиканье. Вероятно, чтобы жертвы, умирая, слышали этот звук.

Торговец заказал десять таких часов. Когда они прибыли, тот человек пришел и заплатил за них наличными. Он не назвал ни своего имени, ни откуда прибыл, ни зачем ему нужны часы, но было видно, что в часах он разбирается превосходно. Они беседовали о коллекционерах, в последнее время приобретших известные и дорогие образцы на аукционах, и о проводившихся в городе выставках.

Часовщик не позволил Халлерштайну помочь ему донести часы до машины. Он несколько раз приезжал за ними.

В конце концов он вошел в магазин и уставился на Халлерштайна. Затем очень спокойным и ровным голосом сказал, что, если кто-нибудь узнает, что он покупал у него часы, он вернется, переломает Халлерштайну пальцы и разобьет всю его коллекцию.

Что касается улик, то в магазине ничего обнаружить не удалось. Халлерштайн практически не торговал за наличные, поэтому большая часть тех девятисот долларов, которыми расплатился Часовщик, все еще лежала у него в кассе. Но торговец сразу же разочаровал Селлитто, заметив:

– Даже не пытайтесь искать отпечатки. Он был в перчатках.

Купер тем не менее проверил деньги и нашел только отпечатки самого торговца, которые Селлитто снял в качестве контрольных. Серийные номера банкнот также нигде не значились. Пыль без каких-либо особых характеристик.

Затем они попытались установить время, когда Часовщик контактировал с торговцем, и, просмотрев список звонков, остановились на нескольких наиболее вероятных. Но как сразу же выяснилось, все они были сделаны из платных телефонов-автоматов, расположенных в центре Манхэттена.

Тем временем поступил звонок из отдела полиции нравов. Они сообщили, что не нашли никакой проститутки по имени Тиффани в районе Уолл-стрит. Звонивший детектив заверил, что будет продолжать поиски, но, так как в этом районе было совершено убийство, все девушки уже поспешили перебазироваться.

И вот тут-то взгляд Райма упал на записи в его схеме.

«…грязь, содержащая рыбный белок…»

«Жертву перетащили от автомобиля в переулок…»

Затем он снова взглянул на фотографии места преступления.

– Том!

– Что? – отозвался помощник из коридора.

– Ты мне нужен.

Молодой человек мгновенно появился в дверях.

– Что случилось?

– Ложись на пол.

– Что вы хотите, чтобы я сделал?!

– Ложись на пол. А ты, Мэл, тащи его к столу.

– Я подумал, что-то случилось, – пробормотал Том.

– Случилось. Мне нужно, чтобы ты лег на пол. Немедленно!

Помощник взглянул на Райма с выражением явного недоверия в глазах:

– Вы шутите.

– Быстрее.

– Но не на пол же!

– Сколько раз я тебе говорил приходить на работу в простых джинсах. А ты все время появляешься в супердорогих слаксах. Надень куртку. Вон ту, что на вешалке. И поторапливайся. На спину!

Тяжелый вздох.

– Не расплатитесь, босс.

Помощник натянул куртку и улегся на пол.

– Минутку! Уберите-ка отсюда собаку, – приказал Райм. Джексон выскочил из своей коробки, явно подумав, что настало время для игры. Купер взял пса на руки и передал его Кэтрин.

– Ну что ж, вроде все в порядке. Нет, застегни молнию на куртке. Все-таки зима на дворе.

– Действительно, на дворе, – отозвался Купер.

Том застегнул куртку до самой шеи и снова лег.

– Мэл, нанеси немного алюминиевой пыли себе на пальцы и тащи его по комнате.

Эксперт понимал, что задавать вопросы относительно целей этого упражнения бессмысленно. Он опустил пальцы в темно-серый порошок для снятия отпечатков и подошел к Тому.

– Как мне его тащить?

– Вот над этим я как раз сейчас и думаю, – отозвался Райм. Он прищурился. – Какой способ самый эффективный? – Затем попросил Купера взяться за нижние края куртки, натянуть ее на лицо Тома и тащить его головой вперед.

Купер снял очки и ухватился за куртку.

– Извините, – пробормотал он, обращаясь к помощнику Райма.

– Я понимаю, вы только выполняете приказ.

Эксперт тяжело дышат от усилия, но помощник плавно скользил по полу. Селлитто наблюдал за происходящим, стараясь сохранить полную серьезность, а Кэтрин изо всех сил пыталась удержаться от улыбки.

– Достаточно. Сними с него куртку и дай мне посмотреть.

Приподнявшись, Том разоблачился.

– Мне можно встать?

– Да, да, да. – Райм уставился на куртку. Помощник поднялся на ноги и стряхивал с себя пыль.

– Что все это значит? – спросил Селлитто.

Райм состроил гримасу.

– Черт побери! Парень был прав!

– Пуласки?

– Да. Он предположил, что следы от рыбы оставил Часовщик. А я полагал, что жертва. Но посмотрите на куртку. Какой же я дурак!

Пальцы Купера оставили следы алюминиевой пыли внутри куртки, в точности в тех самых местах, где грязь была обнаружена на теле Теодора Адамса. Часовщик сам оставил эту грязь на своей жертве, когда тащил ее в переулок.

– Дурак! – повторил Райм. Невнимательность раздражала его больше всего, особенно собственная. – Теперь следующий шаг. Я хочу знать все, что возможно, о рыбном белке.

Когда Купер вернулся к компьютеру, Райм заметил, что Кэтрин посматривает на часы.

– Опоздали на самолет? – спросил Селлитто.

– У меня еще час. Хотя вряд ли у меня есть шанс. В Рождество при таких толпах на улицах и системе контроля в аэропорту.

– Все по нашей вине, – смущенно заметил детектив.

– Если моя помощь оказалась небесполезной, значит, дело того стоит.

Селлитто снял телефон с ремня:

– Я приглашу специальную машину. И мы доставим вас в аэропорт за полчаса. С мигалками и сиренами.

– Потрясающе! Тогда я могу успеть.

Райм не отрываясь смотрел на свою схему.

– У меня есть к вам предложение, – произнес он вдруг.

Селлитто и Дэнс повернулись к нему.

Он взглянул на гостью из Калифорнии.

– Как вы отнесетесь к полностью оплаченной ночи в блистательном Нью-Йорк-Сити?

Бровь Кэтрин удивленно приподнялась. Брови изогнулись и у Амелии.

– Меня интересует, не сможете ли вы остаться еще надень?

Селлитто рассмеялся.

– Линк, я не верю ушам. Ты постоянно жалуешься, что свидетели совершенно бессмысленны. Ты что, принципиально изменил свое мнение по этому вопросу?

Райм нахмурился:

– Нет, Лон. Ты ошибаешься. Меня раздражают не свидетели, а то, как многие с ними работают. На чистой интуиции, прощупывают вслепую, каким-то шарлатанством занимаются. Вот оно-то, по-моему, совершенно бессмысленно. Кэтрин – совсем другое дело. Она пользуется методологией, основанной на воспроизводимых, вполне объективных реакциях на стимулы, из которых делает достаточно логичные выводы. Конечно, они не столь убедительны, как, к примеру, реагент АЛО в ходе экспертизы наркотиков, но ее методика тем не менее… – мгновение он подыскивал подходящее слово, – весьма полезна.

Том рассмеялся:

– Это лучший комплимент, на который вы можете рассчитывать. «Весьма полезна».

– Тебе нет необходимости вмешиваться, Том, – огрызнулся Райм и, повернувшись к Кэтрин, спросил: – Ну как насчет моего предложения?

Она просмотрела его схему, и Райм заметил, что взгляд Кэтрин останавливается не на его скупых записях, а на изображениях. В особенности же на фотографиях тела Тедди Адамса с устремленными вверх остекленевшими глазами.

– Я остаюсь, – сказала она.

Винсент медленно поднимался по ступенькам музея «Метрополитен» на Пятой авеню. Тяжело дыша, он достиг последней ступеньки. На руки он не жаловался, они были у него достаточно сильные. Они очень помогали в «беседах по душам» с девчонками, но вот быстро двигаться ему было трудновато.

После посещения лавки цветочницы Винсент хорошо пообедал (его главным правилом было – еда трижды в день, и весьма обильная) и на метро приехал сюда.

Он чуть было не поддался искушению и не изнасиловал цветочницу Джоанну. Но в самую последнюю минуту над ним взяла верх другая его «инкарнация» – Умница Винсент – самый утонченный из всего выводка, населявшего его душу. Соблазн, конечно, слишком велик, но ведь Винсент не должен подводить своего друга. (А еще он не хотел расстраивать человека, для которого самым верным способом решения любого конфликта было «полоснуть бритвой по глазам».)

Он заплатил за билет и вошел в музей, обратив внимание на женщину, очень похожую на его сестру. На прошлой неделе Винсент написал ей и просил приехать в Нью-Йорк на Рождество, но не получил ответа. Ему хотелось показать сестре достопримечательности. Хотя вряд ли ее приезд был бы удобен сейчас, когда они с Дунканом так заняты. Хотя он очень по ней соскучился. Винсент почему-то был уверен, что присутствие сестры изменит его жизнь к лучшему. Оно принесет стабильность, и он не будет чувствовать себя постоянно голодным. Ему не будут так часто требоваться «беседы по душам» с девушками.

«Я совсем не против немного перемениться, доктор Дженкинс. Согласны?»

Может быть, она все-таки приедет на Новый год. Они пойдут на Таймс-сквер и увидят, как будет опускаться шар.

Винсент продвигался по залам музея. Он прекрасно знал, где можно найти Джеральда Дункана. Он находился в той части здания, где были выставлены экспонаты, привезенные из отдаленных уголков земли: сокровища Нила, например, или драгоценности Британской империи. Теперь на втором этаже размещалась выставка греческих древностей. Называлась она «Измерение времени в древности».

Дункан приходил сюда уже несколько раз. Его притягивала выставка примерно так же, как Винсента притягивали порномагазины. Обычно отстраненное, лишенное всяких эмоций лицо Дункана здесь при взгляде на экспонаты озарялось радостью и живым интересом. Винсенту было

приятно видеть, что его друг способен хоть от чего-то получать искреннее удовольствие.

В данный момент Дункан рассматривал несколько старинных предметов, называвшихся «ладанные часы». Винсент пристроился рядом.

– Ну, какие результаты? – спросил Дункан, не поворачивая головы. Он увидел отражение Винсента в стекле стенда. Да уж, он всегда такой: всегда настороже, всегда видит то, что ему нужно увидеть.

– Она была одна в мастерской все то время, пока я был рядом. Внутрь никто не входил. А примерно полчаса назад пошла в свой магазин на Бродвее и встретилась там с парнем, который у нее занимается доставкой. И они ушли вместе. Я позвонил и спросил ее…

– Из…

– Из телефона-автомата. Конечно.

Педант.

– И служащий ответил, что она вышла выпить кофе. Вернется примерно через час, но не в магазин. Наверное, он имел в виду, что она пойдет обратно в мастерскую.

– Хорошо, – кивнул Дункан.

– А у тебя какие результаты?

– Пирс огородили канатом, но там никого нет. Я видел полицейские катера на реке. Значит, они еще не нашли тело. К Сидар-стрит я не смог подойти близко. Они очень серьезно подошли к расследованию. Масса полиции. Главных среди них, по-видимому, двое. Одна из них женщина, и симпатичная.

– Женщина, да? – Голодный Винсент навострил уши. Мысль о «беседе по душам» с женщиной-полицейским никогда ему раньше не приходила в голову. Но идея ему сразу понравилась. И очень понравилась.

– Молодая. Едва за тридцать. Рыжая. Тебе нравятся рыжие?

Винсент так и не смог забыть рыжие волосы Салли Энн, каскадом ниспадавшие на старое вонючее одеяло, на котором лежал он.

Острый голод вновь проснулся у него в душе. Даже слюнки потекли. Винсент сунул руку в карман, вытащил оттуда шоколадный батончик и

поспешно его съел. К чему клонит Дункан, подумал он, своими словами о рыжих волосах и о симпатичной женщине из полиции? Но убийца больше ничего не сказал. Он прошел к другому стенду, в котором были выставлены старинные часы с маятником.

– А ты знаешь, чему мы обязаны тем, что нам известно точное время?

Профессор снова ступил за кафедру, подумал Умница Винсент, на мгновение после проглоченного шоколадного батончика заместивший Голодного Винсента.

– Нет.

– Поездам.

– Тем, что ходят по железным дорогам?

– Да, именно им. Когда люди целую жизнь проводили в одном городе, никогда и никуда не выезжая, каждый населенный пункт мог начинать день, когда ему заблагорассудится. Шесть часов утра в Лондоне могли соответствовать шести восемнадцати в Оксфорде. Никому не было никакого дела. А если тебе нужно было отправиться из Лондона в Оксфорд, ты просто садился на лошадь и точное время не имело для тебя никакого значения. А после появления железных дорог все изменилось. Если один поезд не выедет со станции вовремя, а другой понесется на предельной скорости, результат может быть весьма плачевным.

– Да уж, верно.

Дункан отвернулся от стенда. Винсент надеялся, что теперь-то они уйдут из музея, поедут в центр и возьмут Джоанну. Но Дункан прошел через весь зал к большому шкафу из толстого стекла. Он был огражден специальными канатами из бархата. Рядом стоял громила-охранник.

Дункан уставился на находившийся внутри предмет: коробку из золота и серебра размером в два фута на два фута и восемь дюймов глубиной. На передней панели этой коробки находилось с десяток различных циферблатов, на которые были нанесены изображения каких-то сфер и того, что походило на планеты, звезды и кометы, а также множество всяких непонятных букв и символов, как в астрологии. На коробке со всех сторон тоже были вырезаны различные изображения, и она была украшена драгоценными камнями.

– Что это такое? – спросил Винсент.

– Дельфийский механизм, – ответил Дункан. – Из Греции. Ему более полутора тысяч лет. Сейчас его возят по миру.

– И что он может делать?

– О, очень многое! Видишь вон те циферблаты? Они показывают движение солнца, луны и планет. – Он посмотрел на Винсента. – На самом деле механизм, который ты видишь, основан на предположении, что Земля и планеты вращаются вокруг Солнца, а не наоборот. Для того времени подобный взгляд был довольно революционным и еретическим. Представь, за тысячу лет до Коперника! Потрясающе!

Винсент что-то смутно помнил о Копернике из уроков астрономии в старших классах школы, хотя в основном у него в памяти осталась, конечно, девочка из его класса, Рита Йохансон. А особенно хорошо он запомнил маленькую и толстую брюнетку, лежащую на животе в поле неподалеку от школы однажды осенью с сумкой из мешковины на голове и едва слышно шепчущую: «Пожалуйста, не надо, пожалуйста, не надо».

– А взгляни на этот циферблат. – Голос Дункана прервал приятные воспоминания Винсента.

– Серебряный?

– Платиновый. Перед тобой чистая платина.

– Которая дороже золота, правда?

Дункан ничего не ответил.

– Это лунный календарь. Но особый. В григорианском календаре, которым мы пользуемся, триста шестьдесят пять дней и месяцы разной продолжительности. Лунный календарь более последователен, чем солнечный григорианский, – месяцы в нем всегда одинаковой протяженности. Только он не совпадает с солнечным календарем. Это значит, что если в нынешнем году начало лунного месяца падает на пятое апреля, в будущем году оно будет приходиться совсем на другое число. Но Дельфийский механизм показывает лунно-солнечный календарь, соединяющий и тот, и другой. Я ненавижу как григорианский, так и чисто лунный. – Последнюю фразу он произнес с какой-то неуместной страстностью в голосе. – Они слишком неряшливы.

«Он их ненавидит?» – подумал Винсент.

– А вот лунно-солнечный календарь элегантен, гармоничен. Прекрасен.

Дункан кивнул в сторону Дельфийского механизма:

– Многие считают его подделкой, так как ученые не могут в точности воспроизвести его показания без помощи компьютеров. Невозможно

поверить, что кто-то изобрел столь сложную машину почти две тысячи лет назад. А я верю, я убежден в том, что он настоящий.

– А он дорого стоит?

– Он бесценен. – После минутной паузы Дункан добавил: – О нем ходит множество слухов. К примеру, что в нем содержатся ключи ко всем тайнам жизни и Вселенной.

– И ты так думаешь?

Дункан продолжал внимательно всматриваться в блестящий металл.

– В каком-то смысле да. Считаю ли я этот механизм чем-то сверхъестественным? Конечно, нет. Но он совершает нечто чрезвычайно важное: он соединяет время. Он помогает нам понять, что время – бесконечная река. Для механизма нет никакой разницы между секундой и тысячелетием. И каким-то загадочным образом ему удается измерять все интервалы времени почти со стопроцентной точностью. – Он кивнул в сторону механизма. – Древние считали время особой силой, неким божеством, обладающим огромной властью. И механизм был ключом к их пониманию времени. Мне кажется, мы бы очень выиграли, если бы смотрели на время так, как это когда-то делали они. Одна секунда сейчас может изменить целое тысячелетие в будущем. Изменить полностью…

«Великий план Вселенной…»

– Да уж, сильно…

Хотя как ни старался Винсент, интонация его выдавала отсутствие в нем и сотой доли того энтузиазма, который отличал Дункана.

Впрочем, Дункан не обратил на его слова никакого внимания. Он взглянул на свои карманные часы и рассмеялся, что случалось с ним довольно редко.

– Тебе, наверное, надоела моя безумная болтовня. Ну что ж, пойдем навестим нашу цветочницу.

Жизнь патрульного полицейского Рона Пуласки была проста и безыскусна. Жена, дети, его родители, брат-близнец, дом с тремя спальнями в Квинсе, маленькие радости пикников с друзьями и их женами (он готовил свой непревзойденный соус для барбекю), бег трусцой, вылазки с женой в кино после того, как собрано достаточно

денег на приходящую няню, а также работа в палисаднике, настолько маленьком, что брат Рона называл его «травяным половичком».

Все очень, очень просто. Поэтому Рону было очень не по себе, когда он отправлялся на встречу с Джорданом Кесслером, деловым партнером Бенджамина Крили. Они с Амелией в ее «камаро» бросили монетку, и ему выпало повидаться с Кесслером, а ей – с барменшей. Рон позвонил Кесслеру, только что вернувшемуся из командировки, и договорился о встрече. (Его самолет, в самом прямом смысле его, то есть ему принадлежащий, только что приземлился, и личный шофер вез Кесслера в город.)

Теперь Рон жалел, что сразу не согласился на барменшу. С богачами он чувствовал себя неуютно.

Кесслер направлялся в офис одного своего клиента в Нижнем Манхэттене и хотел отложить рандеву с Пуласки. Но Амелия потребовала, чтобы он настоял на немедленной встрече, и Рон выполнил ее просьбу. Кесслер согласился увидеться с ним в кафе на первом этаже того здания, в котором располагался офис его клиента.

Пуласки вошел в вестибюль «Пени энерджи трансфер». То еще местечко! Кругом стекло, хромированная сталь и мраморные скульптуры. На стенах – громадные фотографии трубопроводов компании, раскрашенных в разные цвета. Для простой фабричной арматуры они казались слишком живописными. Пуласки очень понравились снимки.

В кафе Кесслер его сразу заметил и помахал издалека рукой. Пуласки купил себе кофе, бизнесмен уже успел выпить чашку, и они обменялись рукопожатием. Кесслер был крупный мужчина с не очень привлекательной манерой зачесывать редеющие волосы поверх лысой макушки. На нем была темно-синяя рубашка, накрахмаленная до такой степени, что стала напоминать пробковую древесину. Воротник и манжеты белого цвета, а тяжелые запонки – из золота высокой пробы.

– Спасибо, что согласились встретиться со мной здесь, внизу, – сказал Кесслер. – Бог знает, что мог бы подумать клиент, узнав, что ко мне на офисный этаж пришел полицейский.

– А в чем состоят ваши обязанности?

– Ах, обычная жизнь бухгалтера. Ни минуты отдыха. – Кесслер сделал глоток из второй чашки кофе и, закинув ногу за ногу, произнес почти шепотом: – Смерть Бена – это кошмар. Просто кошмар. Первое время не мог поверить, когда узнал… Как его жена и сын? – Покачав головой, он

ответил на собственный вопрос: – Но что я спрашиваю! Конечно же, они раздавлены горем. Так чем я могу быть вам полезен, офицер?

– Как я уже вам говорил, мы проводим расследование обстоятельств его смерти.

– Да, конечно, если я действительно могу быть вам чем-то полезен, я к вашим услугам.

В Кесслере не было заметно нервозности, характерной для человека, беседующего с полицейским. И в его манерах не было снисходительности, присущей многим из тех, кто общается с людьми, зарабатывающими в тысячу раз меньше их.

– У мистера Крили были какие-нибудь проблемы с наркотическими средствами?

– С наркотическими средствами? По крайней мере я никогда не замечал. Знаю только, что одно время он принимал таблетки от болей в спине. Впрочем, это было уже давно. И я никогда его не видел… как там говорится?.. Я никогда не видел его нетрезвым. В широком смысле слова. Одно я вам должен сразу сказать: мы очень мало общались. У нас разные характеры. Мы вместе занимались одним делом и знали друг друга в течение нескольких лет, но личная жизнь у каждого из нас была своя. Они у нас никак не пересекались. Если не считать наши совместные официальные обеды с клиентами, за столом мы с ним встречались не более одного-двух раз в год.

Пуласки попытался вернуться к основному предмету их разговора:

– Все-таки как насчет запрещенных наркотических средств?

– Бен? Нет! – Кесслер рассмеялся.

Пуласки стал припоминать, какой второй вопрос он собирался задать. Амелия приказала ему все их выучить наизусть. Если постоянно заглядывать в свои записи, поучала она молодого полицейского, будешь выглядеть весьма непрофессионально.

– А он встречался с кем-нибудь, кого вы могли бы охарактеризовать как опасного, возможно, с кем-то, кто произвел на вас впечатление преступника?

– Никогда.

– Вы говорили детективу Сакс, что он пребывал в подавленном состоянии.

– Да, верно.

– Вам известно, чем он был подавлен?

– Нет. Я ведь вам говорил, о личной жизни мы с ним практически не беседовали. – Кесслер опустил руку на столик, и массивная запонка громко стукнулась о его поверхность. Ее стоимость, наверное, была равна целой месячной зарплате Пуласки.

В голове Пуласки звучал голос его жены: «Расслабься, милый, у тебя все хорошо получается».

К ее голосу присоединялся голос брата: «У него золотые запонки, зато у тебя большой пистолет».

– А кроме депрессии, вы ничего особенного не замечали в нем в последнее время?

– Замечал. Он пил больше обычного. И пристрастился к игре. Пару раз ездил в Вегас, в Атлантик-Сити. Раньше за ним ничего подобного не водилось.

– Вы не могли бы определить, что это такое? – Пуласки протянул бизнесмену копию того, что удалось восстановить из сожженных бумаг в загородном доме Крили в Уэстчестере. – Какая-то бухгалтерская таблица. Может быть, отчет.

– Я вижу. – В голосе Кесслера наконец-то появилась снисходительная нотка, но, кажется, ненамеренно.

– Они принадлежали мистеру Крили. Вам они что-нибудь говорят?

– Ничего. Откуда они у вас? И почему они в таком состоянии?

– Мы их такими нашли.

«Не говори ничего о том, что их пытались сжечь», – предупредила его Амелия. Он не умел лгать. И потому покраснел. Его брат никогда бы так не сплоховал. У них все гены были общими, кроме гена смущения.

– На них указаны довольно большие суммы.

Кесслер снова взглянул на копии.

– Не такие уж и большие, всего несколько миллионов.

– У него были хорошие отношения с женой и сыном?

– Кажется, да. Никогда мне на них не жаловался.

– Но вернемся к депрессии. Как вы узнали, что он подавлен? Если он сам не говорил об этом?

– Он просто сделался каким-то безучастным. Стал раздражительным. Рассеянным. Что-то, несомненно, его мучило.

– Он что-нибудь говорил о закусочной «Сент-Джеймс»?

– О чем?..

– Это бар на Манхэттене.

– Нет. Правда, мне известно, что время от времени он рано уходил с работы. Думаю, выпивал с друзьями. Он никогда не говорил с кем.

– Он когда-нибудь был под следствием?

– То есть?

– За что-то противозаконное?

– Нет. Я бы знал.

– У мистера Крили были какие-нибудь проблемы с клиентами?

– Нет. У нас великолепные отношения со всеми нашими клиентами. Их средняя прибыль в три-четыре раза превышает вложения. Кто будет недоволен подобным?

Пуласки не понял, о чем его собеседник ведет речь. Однако занес к себе в блокнот. Вместе со словом «недоволен».

– А не могли бы вы прислать мне список клиентов?

Кесслер заколебался.

– Откровенно говоря, мне бы не хотелось, чтобы вы с ними контактировали. – Он немного опустил голову и посмотрел прямо в глаза Пуласки.

Полицейский не отвел взгляда.

– Почему?

– Неловкая ситуация. Может плохо сказаться на бизнесе. Я ведь с этого и начал наш разговор.

– Извините, сэр, но мне представляется, что нет ничего необычного в том, что полиция после гибели человека задает вопросы людям, знавшим покойного.

– Я так не думаю.

– Но ведь всем вашим клиентам известно, что произошло с мистером Крили?

– Да.

– Поэтому, что касается нашего расследования… В принципе они должны ожидать, что их попросят ответить на ряд вопросов.

– Некоторые – да, другие – нет.

– В любом случае вы ведь не пустили ситуацию на самотек? Прибегли к услугам фирмы по связям с общественностью или сами попытались успокоить клиентов?

Кесслер явно колебался.

– Хорошо, – сказал он наконец, – я составлю список и пришлю его вам.

«Есть! Гол!» – подумал Пуласки, изо всех сил стараясь не улыбнуться.

Амелия Сакс учила его оставлять главный вопрос на самый конец беседы.

– А что произошло с долей мистера Крили?

Вопрос, естественно, содержал микроскопический намек на то, что Кесслер мог убить своего партнера, чтобы завладеть его частью их общего бизнеса. Кесслер либо не понял намека, либо не особенно на него обиделся, так как вполне спокойным тоном ответил:

– Я его выкупил. Это предусматривалось нашим партнерским соглашением. Сюзанна – его жена – получила хорошую рыночную цену за долю мужа. Весьма круглую сумму, скажу я вам.

Пуласки записал его слова и указал на фотографию трубопроводов, видневшуюся сквозь стеклянную дверь.

– Большая часть ваших клиентов такие же крупные компании, как та, что на снимках?

– Мы в основном работаем на отдельных предпринимателей, управляющих фирмами и членов советов компаний… – Кесслер высыпал пакетик сахара в свой кофе и стал его помешивать. – А вы сами когда-нибудь занимались бизнесом?

– Я? – На лице Пуласки появилась широкая улыбка. – Я – нет. Дядя когда-то занимался. Но прогорел. Не он, собственно. Его ресторан.

– Знаете, в том, чтобы создать дело и вырастить его в нечто действительно крупное, есть что-то по-настояшему вдохновляющее. – Кесслер сделал глоток кофе, затем снова помешал его и наклонился к собеседнику. – Не надо быть слишком проницательным, чтобы понять: вы полагаете, за самоубийством Крили кроется что-то серьезное.

– Мы хотим проверить все варианты. – Пуласки ограничился первой довольно туманной фразой, пришедшей ему на ум. Источник его вопросов иссяк. – Думаю, на этом мы и закончим, сэр. Спасибо за помощь.

Кесслер допил кофе.

– Если я вдруг что-нибудь еще припомню, я вам позвоню. У вас есть визитная карточка?

Пуласки протянул свою визитку бизнесмену, и тот спросил:

– Прошлый раз я беседовал с женщиной-детективом. Не напомните ее имя?

– Детектив Сакс.

– Да-да. Если я не смогу вас найти, мне можно будет позвонить ей? Она ведь продолжает заниматься расследованием этого дела?

– Да, сэр.

Пуласки продиктовал, и Кесслер записал имя Сакс и номер мобильного телефона на обратной стороне визитной карточки. Пуласки также дал ему ее номер у Райма.

Кесслер кивнул:

– Ну что ж, по-видимому, пора возвращаться к работе.

Пуласки снова поблагодарил его, допил свой кофе и вышел в вестибюль. Последний взгляд на фотографии трубопроводов. Вот уж действительно зрелище! Такую бы повесить у себя в комнате отдыха. Но вряд ли

компания «Пенн энерджи» содержит магазин сувениров. Это вам не «Дисней».

Глава 12

15.53

Крупная женщина вошла в маленькое кафе. Черное пальто, короткие волосы, джинсы. Так она описала себя. Амелия Сакс, сидевшая за дальним столиком, помахала ей рукой.

Это была Герта, вторая барменша из «Сент-Джеймса». Она шла на работу и согласилась встретиться с Амелией до начала смены.

На стене висел знак «Не курить!», но женщина продолжала вертеть в руке тлеющую сигарету. Никто из здешнего обслуживающего персонала не сделал ей замечания. Профессиональная вежливость ресторанного мира, решила Амелия.

Темные глаза барменши прищурились, когда она заглянула в удостоверение Амелии.

– Соня сказала, что у вас есть ко мне вопросы. Но не сообщила какие. – Голос у нее был низкий и грубый.

Амелия, однако, почувствовала, что Соня наверняка передала ей полностью весь их разговор. Детектив решила подыграть своей собеседнице и вновь изложила все самые существенные подробности – по крайней мере те, которые можно было разглашать, – и затем продемонстрировала фотографию Бена Крили.

– Он покончил с собой. – В глазах Герты ни тени удивления. – Мы расследуем обстоятельства его смерти.

– Я видела его, наверное, раза два или три. – Она взглянула на стенд с меню. – В «Сент-Джеймсе» я питаюсь бесплатно. Но сегодня могу пропустить обед. Из-за того, что провожу время здесь. С вами.

– Если хотите, я могу вам что-нибудь купить.

Без лишних слов Герта махнула официантке и сделала заказ.

– А вам чего-нибудь принести? – спросила официантка Амелию.

– У вас есть травяной чай?

– Если «Липтон» – трава то есть.

– «Липтон» так «Липтон».

– А поесть?

– Спасибо, не надо.

Герта оглядела фигуру детектива и грубо расхохоталась. А затем спросила:

– Тот парень, что покончил с собой… У него была семья?

– Была.

– Да уж… А как его звали?

Вопрос, вызывавший сомнения относительно того, что Герта может быть источником полезной информации. И действительно, она не сообщила почти ничего нового, вспомнила только, что видела его в баре примерно раза три в течение трех последних месяцев. У нес тоже сложилось впечатление, что он проводил время с полицейскими в заднем помещении, но утверждать с полной уверенностью Герта не могла.

– У нас всегда так много народу, знаете.

«Зависит оттого, что вы понимаете под словом "много"», – подумала Амелия.

– А вы знакомы с кем-нибудь из захаживающих к вам полицейских?

– Из округа? Да, с некоторыми знакома.

Когда принесли напитки, Герта назвала несколько имен и дала описание своих знакомых. Фамилий их она не знала.

– Большинство тех, кто к нам приходит, нормальные парни. Некоторые, правда, дерьмо. Впрочем, как и везде. Да вот, кстати, по его поводу… – Она кивнула на фотографию Крили. – Помню, он почти не смеялся. И постоянно оглядывался через плечо, посматривал в окно. Был очень нервный. – Герта налила сливки и положила сахар в кофе, помногу и того, и другого.

– Соня говорила, что он с кем-то подрался, когда в последний раз приходил к вам. Вы помните какие-нибудь другие драки с его участием?

– Нет. – Громко отхлебнула кофе. – В мою смену ничего такого не было.

– А какие-нибудь наркотики вы у него видели?

– Нет, не видела.

Бессмысленный разговор, подумала Амелия. Какой-то тупик.

Барменша затянулась сигаретой и выдохнула облако дыма в потолок, затем, прищурившись, взглянула на Амелию, и ее ярко красные губы искривились в бессмысленной улыбке.

– А почему вас так интересует этот парень?

– Обычное полицейское расследование.

Герта окинула ее многозначительным взглядом и провозгласила:

– Обычное расследование, ха! Два парня ходили в «Сент-Джеймс», и не успели мы оглянуться, как оба отправились на тот свет.

– Два?

– А вы что, не знали?

– Нет.

– Да я и сама уже поняла, что не знаете. Иначе вы бы уже давно что-нибудь на этот счет сказали.

– Ну так просветите меня.

Герта замолчала и отвернулась. Амелия было подумала, что барменша чего-то испугалась. Куда там – она просто с вожделением взирала на гамбургер с жареной картошкой, который ей несла официантка.

– Спасибо, дорогуша, – прорычала Герта. Затем снова перевела взгляд на Амелию и, пожав плечами, произнесла: – Сарковски. Фрэнк Сарковски.

– И что же случилось?

– Его убили во время ограбления, как я слышала.

– Когда?

– В начале ноября. Примерно.

– Он с кем-то встречался в «Сент-Джеймсе»?

Герта снова пожала плечами:

– Я знаю только, что он тоже ходил в заднюю комнату.

– А они были знакомы? – Кивок на фотографию Крили.

Барменша пожала плечами и перевела взгляд на свой гамбургер. Полила его майонезом и стала открывать коробочку с кетчупом. Амелия помогла ей справиться с крышкой.

– И что случилось?

– Точно не знаю. Ограбление или что-то в этом роде. В общем, застрелили его.

– А кто он такой был?

– Бизнесмен. Вообще-то он выглядел как самый настоящий бомж, но я слышала, что он живет на Манхэттене и имеет приличные бабки. Носил джинсы «Гуччи». Я с ним практически не разговаривала. Только когда принимала заказ.

– А как вы узнали о том, что произошло?

– Случайно услышала, как они это обсуждают.

– Полицейские из вашего округа?

Она кивнула.

– А вы о каких-нибудь других смертях не слышали?

– Не слышала.

– А о преступлениях? Вымогательстве, нападениях, взятках?

Барменша отрицательно покачала головой, полив гамбургер кетчупом и обмакнув в соус картофель.

– Ничего. Я вам рассказала все, что мне известно.

– Спасибо. – Амелия положила на стол десятку – плату за обед Герты.

Та взглянула на деньги и проговорила с набитым ртом:

– Здесь десерт неплохой. Пирог. Попробуйте здешнего пирога.

Детектив добавила еще пятерку. Герта взглянула на нее и лукаво улыбнулась.

– Почему я вам все это выкладываю? Вы не задумывались?

Амелия с улыбкой кивнула.

– Да вы и не поймете. Те ребята в задней комнате, копы... То, как они смотрят на нас, на Соню и на меня, то, что они нам говорят, и то, что не говорят... Какие шуточки они по нашему поводу отпускают, когда думают, что мы их не слышим... – Она покачала головой и мрачно произнесла: – Да, я разливаю выпивку, чтобы заработать на жизнь. Таков мой удел. Но это никому не дает права издеваться надо мной. У каждого человека есть свое достоинство, ведь так?

Джоанна Харпер, мечта Винсента, еще не вернулась в свою мастерскую.

Оба друга сидели в «пластыремобиле», припаркованном на Ист-Спринг-стрит как раз напротив полутемной мастерской, где Дункан собирался расправиться со своей третьей жертвой, а Винсент впервые за долгое-долгое время снова поговорить с девушкой «по душам».

Внедорожник не был чем-то особенным, зато был безопасен. Часовщик угнал его из одного места, где, по его словам, на пропажу автомобиля еще долго не обратят внимания. Они нацепили на него нью-йоркские номера, которые стащили с другого «эксплорера» коричневого цвета, чтобы проскочить первоначальную проверку, если за ними начнется охота (в полиции редко проверяют идентификационный номер автомобиля, только номера на самой машине, наставлял Винсента Часовщик).

Хитро-то оно хитро, подумал Винсент, и все-таки спросил:

– А что, если какой-нибудь полицейский решит проверить идентификационный номер? Он не совпадет с номерами на машине, и тот поймет, что она угнана.

– О, тогда я убью его, – ответил Дункан.

Вот так, очень просто...

Дункан взглянул на свои карманные часы, убрал их и застегнул молнию на кармане. Открыл сумку, в которой были аккуратно разложены большие часы с луной и другие аксессуары, необходимые для очередного убийства. Дункан завел часы, поставил время и застегнул сумку. Винсент слышал тиканье сквозь нейлон.

Они подключили наушники к своим мобильным, и Винсент положил на сиденье рядом с собой полицейскую рацию (идея Дункана, разумеется). Он включил ее и услышал повседневную болтовню о дорожных

происшествиях, о перекрытии улиц из-за какого-то инцидента в четверг, о сердечном приступе на Бродвее…

Что поделаешь, жизнь в большом городе.

Дункан окинул себя внимательным взглядом, проверил, все ли его карманы тщательно застегнуты. Затем прошелся по всему телу щеткой для собачьей шерсти, чтобы счистить все, что могло бы впоследствии послужить полиции уликой, и напомнил Винсенту, что он должен сделать то же самое, прежде чем войти в мастерскую для «разговора по душам» с Джоанной.

«Педант…»

– Готов?

Винсент кивнул. Дункан вылез из автомобиля, оглядел улицу и прошел к служебному входу. Он вскрыл замок за каких-нибудь десять секунд. Потрясающе! Винсент улыбнулся. Он съел два шоколадных батончика, сжевал их с животной алчностью.

Мгновение спустя завибрировал его телефон, и он нажал кнопку ответа.

– Я внутри, – послышался голос Дункана. – Что на улице?

– Время от времени проезжают машины. На тротуарах никого. Все чисто.

Винсент услышал несколько металлических щелчков, а затем шепот:

– Я позвоню тебе, когда она будет готова.

Несколько минут спустя Винсент заметил, что кто-то в темном пальто идет по направлению к мастерской. По осанке и походке было ясно, что это женщина. Да, она, его цветочница!

Немыслимый приступ голода овладел им.

Винсент низко нагнул голову, так, чтобы она не увидела его, и нажал кнопку на телефоне.

Услышал щелчок на телефоне Дункана. Никакого «привет» или «да».

Винсент слегка приподнял голову. Джоанна подошла к двери. Он произнес в телефон:

– Она. Одна. Сейчас войдет.

Убийца ничего не ответил. Винсент услышал звук отключаемого телефона.

Джоанна Харпер и Кевин выпили у «Космо» три чашки кофе. Обычно это довольно скучная своей функциональностью забегаловка в Сохо, но сегодня в ней было что-то особенное. Теперь Джоанна направлялась по переулку к задней двери мастерской, жалея о том, что Кевин не задержался еще на полчасика. И Кевин был не против – у него в запасе имелась еще масса анекдотов и разных историй, – только вот работа есть работа. Она должна быть готова только завтра к вечеру, но клиент относился к числу самых важных для Джоанны, и она должна сделать все, чтобы дизайн был действительно идеальным. Ей стоило немалых усилий сказать Кевину, что она должна вернуться к себе.

Джоанна огляделась по сторонам, в памяти у нее все еще маячил неприятный образ толстого мужчины в куртке с капюшоном и жутких солнечных очках. Но на улице, кажется, никого не было. Войдя в мастерскую, она захлопнула дверь и закрыла ее на два замка.

Повесив пальто на крючок, Джоанна, как обычно, входя сюда, сделала глубокий вдох, вбирая в себя мириады ароматов, которыми была наполнена мастерская: жасмина, роз, сирени, лилий, гардений, удобрений, флористической пены, мульчи. Они одурманивали ее.

Затем зажгла свет. Пора заняться второй композицией. Она направилась к шкафчику, чтобы отыскать подходящую вазу и… вскрикнула.

Она зацепилась за что-то ногой. И это что-то побежало от нее прочь. Джоанна отскочила, подумав: крыса!

И, взглянув на пол, рассмеялась. Она просто поддала ногой моток проволоки, валявшийся в центре прохода. Но как он туда попал? Все мотки висели на стене напротив. Джоанна прищурилась, вглядываясь в полумрак мастерской, и обнаружила, что он каким-то образом слетел и прикатился по полу сюда. Странно.

Наверное, призраки работавших здесь прежде флористов, подумала она и практически сразу пожалела о своей шутке. Место и без того жуткое, да и в памяти мгновенно всплыл образ толстяка в солнечных очках. Если ты и так напуган, зачем нагонять еще больше страху?

Она подняла моток и поняла, почему он упал: крючок выпал из деревянной обшивки стены. И всего-то. Но Джоанна заметила и кое-что еще странное. Моток был совсем новый. Она им еще не пользовалась.

Нет, должно быть, она все-таки ошибается. Часть проволоки от него была отрезана.

Джоанна рассмеялась. Только любовь способна сделать девушку такой забывчивой. Она остановилась, прислушиваясь. Послышался какой-то незнакомый звук.

Что бы это могло быть?

Как странно… капающая вода?

Нет, скорее какой-то механический звук. Металлический…

Как-то жутковато. Впечатление такое, что где-то тикают часы. Но где? В глубине мастерской висят большие настенные часы – они электрические и не тикают. Джоанна оглянулась по сторонам. Источник странного звука, заключила она, находится в маленьком рабочем чуланчике без окон, расположенном прямо за комнатой, предназначенной для охлаждения. Надо проверить.

Но вначале она решила исправить крючок.

Глава 13

16.36

Амелия Сакс притормозила машину рядом с Роном Пуласки. Как только он заскочил внутрь, она развернула автомобиль на север и включила мотор.

Парень во всех подробностях описал ей свою встречу с Джорданом Кесслером.

– Вполне нормальный мужик, – добавил он. – Думаю, что говорит правду. Но решил, что мне самому нужно получить от миссис Крили подтверждение его слов относительно того, выигрывал ли он что-то в результате смерти Крили. Она сказала, что доверяет ему и что все по-честному. Особых выгод от смерти Крили он не имел. Но я был не до конца уверен и потому позвонил адвокату Крили. Надеюсь, поступил правильно.

– А почему «надеюсь»?

– Не знаю, просто на всякий случай.

– В нашем деле перестраховаться никогда не вредно, – заметила Амелия. – Проблемы возникают, когда кто-то что-то чуть-чуть не довел до конца.

Пуласки покачал головой:

– Не могу себе представить, чтобы кто-то работал бы на Линкольна и был лентяем.

Амелия загадочно усмехнулась:

– И что сказал адвокат?

– По сути, то же самое, что и Кесслер, и миссис Крили. Предусматривалось, что он выкупит долю Крили по приемлемой рыночной цене. Все законно. Кесслер также сообщил мне, что его партнер в последнее время много пил и пристрастился к игре. А его жена призналась, что ее это очень удивило. По ее мнению, он не принадлежал к тому типу людей, которые ездят в Атлантик-Сити.

Амелия кивнула.

– Возможно, он был связан с тамошней мафией. Торговал наркотиками или просто употреблял для расслабления. Может быть, отмывал деньги.

– У меня создалось впечатление, что он проиграл очень большую сумму. И возникло подозрение, не связался ли он, чтобы покрыть потерю, с каким-нибудь мафиози, дающим деньги под проценты. Но его жена возразила, что с доходами Крили это не было существенной проблемой. Пара сотен тысяч для него мелочь. Конечно, подобные разговоры ее совсем не обрадовали, можешь себе представить. По словам Кесслера, у Крили со всеми клиентами были очень хорошие отношения. Но я все-таки попросил у него список. Мне думается, мы должны с ними сами побеседовать.

– Хорошо, – отозвалась Амелия и добавила: – Дела, кажется, завязываются в тугой узел. Я натолкнулась еще на одно убийство. Совершенное, вероятно, во время ограбления. – Амелия рассказала ему о своей встрече с Гертой и историю Фрэнка Сарковски. – Мне нужно, чтобы ты отыскал его дело.

– Без проблем.

– Я…

Она замолчала, посмотрев в зеркало заднего вида. Внутри у нее все сжалось.

– Гм…

– Что? – спросил Пуласки.

Амелия ничего не ответила, медленно повернула направо, проехала несколько кварталов, а затем резко свернула налево.

– Вполне вероятно, что нам кто-то сел на хвост. Я заметила это несколько минут назад. Какой-то «мерседес» едет за нами. Нет, не оборачивайся.

«Мерседес» был темный, с тонированными стеклами.

Она вновь резко повернула и гак же резко затормозила. Пуласки даже невольно вскрикнул от неожиданности. «Мерседес» проехал мимо. Амелия оглянулась, но не успела разглядеть номера, однако заметила, что автомобиль модели «АМГ», дорогая усовершенствованная версия немецкой машины.

Она развернула свой «камаро», но тут им преградил дорогу громадный грузовик. К тому времени, когда она сумела его объехать, «мерседес» уже исчез.

– Как ты думаешь, кто это был?

Амелия покачала головой.

– Возможно, просто совпадение. Как-то редко случалось, чтобы ко мне кто-то садился на хвост. И уж поверь мне, маловероятно, чтобы слежку устраивал какой-то придурок на машине стоимостью в сто сорок тысяч долларов.

Он касается холодного тела, тела цветочницы, лежащей на бетонном полу с лицом таким же белым, как те розы, что разбросаны по полу.

Холодное тело, холодное, как Холодная Луна, но все еще мягкое. Окоченение смерти еще не наступило.

Он разрезает платье, блузку, бюстгальтер…

Он касается…

Пробует на вкус…

Все эти образы каскадом проносились в голове Винсента Рейнольдса, сидевшего на водительском месте их автомобиля и всматривавшегося в

темные окна мастерской на противоположной стороне улицы. Он тяжело дышал, предвкушая то, что сейчас сделает с Джоанной. Его сковал мучительный голод.

Мечтания Винсента прервали голоса из рации.

– Патрульная машина сорок два, нужно добавить несколько ограждений в Нассау и Пайне. Помогите им.

– Да, конечно, сейчас мы подъедем. Отбой.

Сказанное не представляло никакого интереса и тем более угрозы для них с Дунканом, поэтому Винсент снова окунулся в свои грезы.

Пробует на вкус, касается…

Винсент представил, что убийца, вероятно, в данный момент бросает Джоанну на пол и связывает ее. И тут он нахмурился. А будет ли Дункан прикасаться к ней в определенных местах? К груди, между ног?

В Винсенте проснулась ревность.

Джоанна его подружка, а не Дункана. Черт возьми! Если ему захотелось потрахаться, пусть идет и найдет себе девчонку…

Он приказал себе успокоиться. Это все из-за голода. Из-за него иногда начинаешь сходить с ума, он овладевает тобой, как духи зла в тех страшилках про зомби, которые Винсент смотрел в больших количествах. «Дункан – мой друг. Если ему хочется поиграть с ней, пусть играет». Винсент может поделиться.

Винсент нетерпеливо взглянул на часы. Как же до-о-о-олго! Дункан говорил ему, что время не абсолютно. Какие-то ученые провели эксперимент: поставили одни часы на высокой башне, а другие на уровне моря. Те, которые стояли высоко, шли быстрее, чем те, которые стояли на земле. Закон физики, ничего не попишешь. Да и психологически, добавил Дункан, время тоже относительно. Если вы занимаетесь чем-то, что вам нравится, время течет гораздо быстрее. А если ждете чего-то, оно движется как улитка.

Вот как теперь. Ну давай, ну давай, скорее!

Из рации на приборном щитке вновь раздался шум. Опять какая-то информация дорожной полиции, подумал он.

На сей раз Винсент ошибался.

– Центр всем патрульным машинам в Нижнем Манхэттене. Следуйте на Спринг-стрит к востоку от Бродвея. В направлении мастерской флориста. В связи с убийствами, совершенными прошлой ночью на пирсе на Двадцать второй улице и в переулке у Сидар-стрит. Следуйте осторожно.

– О Господи!.. – пробормотал Винсент вслух, уставившись на рацию. Нажав кнопку повторного набора номера на телефоне, он огляделся по сторонам. Пока никаких признаков полиции.

Один звонок, два…

– Ну, возьми же трубку!

Щелчок. Дункан молчит – в соответствии с договоренностью. Но Винсент знает, он его слышит.

– Уходи! Скорее! Сюда едет полиция!

Винсент услышал едва приглушенный вздох. Затем гудки.

– Говорит дорожный патруль три-три-семь… Мы в трех минутах езды от указанного места.

– Принято, три-три-семь… Следуйте по упомянутому адресу. Мы получили сообщение, десять-три-четыре, совершено нападение в шестнадцать восемнадцать, Спринг-стрит. Все свободные подразделения, следуйте в том же направлении.

– Принято.

– Говорит дорожный патруль четыре-шесь-один. Мы следуем в том же направлении.

– Ну скорее, ради Бога! – бормотал Винсент. Он включил зажигание.

В это мгновение раздался страшный грохот разбившейся стеклянной двери мастерской. На тротуар упала большая керамическая ваза, за ней выскочил Дункан. Он пробежал по осколкам стекла, чуть было не упал, поскользнувшись на льду, подскочил к автомобилю и запрыгнул на пассажирское сиденье. Машина рванулась с места.

– Помедленнее, – скомандовал убийца. – Сверни на ближайшую улицу.

Винсент сбавил скорость. И на их счастье, так как прямо перед ними из-за угла появилась полицейская машина. Затем еще две въехали на улицу, и из них выскочили полицейские.

– Красный свет, тормози, – спокойно сказал Дункан. – Не паникуй.

Винсент почувствовал, как по телу пробежала дрожь. Ему хотелось проскочить, испытать судьбу. Дункан почувствовал это.

– Нет, ты должен вести себя как все. Не стесняйся, смотри на полицейские машины. Веди себя нормально.

Винсент взглянул на светофор.

Загорелся желтый свет.

– Медленно.

Он проехал вперед.

Мимо пронеслось несколько патрульных машин, откликнувшихся на вызов.

По рации сообщили, что в пути находятся еще машины. Какой-то полицейский известил, что личность преступника до сих пор не установлена. Их автомобиль в переговорах не упоминался. Руки Винсента дрожали, тем не менее ему удавалось держать громоздкий внедорожник под контролем, двигаться точно в середине своей полосы и сохранять нужную скорость. Наконец, когда они отъехали на безопасное расстояние от мастерской флористки, Винсент еле слышно пробормотал:

– Они знали про нас.

Дункан повернулся к нему:

– Они – что?

– Полиция. Сообщение по рации, когда они посылали машины к мастерской цветочницы… там говорилось, что это связано с убийствами, совершенными прошлой ночью.

Джеральд Дункан задумался. Он совсем не производил впечатление человека потрясенного или насмерть перепуганного. Он просто нахмурился:

– Говоришь, они знали, что мы там? Странно. Откуда они могли знать?

– Куда мне ехать? – вместо ответа спросил Винсент.

Его друг тоже не ответил. Он продолжал задумчиво всматриваться в улицы за окном машины. В конце концов он произнес спокойным голосом:

– Пока просто поезжай вперед. Мне нужно подумать.

– Он удрал? – рявкнул Райм в микрофон «Моторолы». – Но почему? Что случилось?

Лон Селлитто, стоящий рядом с Амелией перед входом в мастерскую, ответил:

– Хорошо рассчитал время. Просто удача. Черт его знает!

– Удача? – резко крикнул Райм в трубку, так, словно это было неизвестное ему иностранное слово. Затем помолчал немного. – Подождите-ка... Вы пользуетесь шифрованной частотой?

– Для тактических целей – да, – ответил Селлитто, – но не для звонков девять-один-один. Он, должно быть, поймал исходный вызов. Черт! Хорошо, теперь в деле о Часовщике мы перейдем на шифрованную частоту.

– Амелия, что с местом преступления? – спросил Райм.

– Я только что сюда приехала.

– Ну, давай приступай к осмотру.

Щелчок.

Селлитто и Сакс обменялись взглядами. Как только поступило сообщение по поводу 10–34 по Спринг-стрит, она поручила Пуласки поиски документации по делу об убийстве Сарковски, а сама поспешила сюда, на очередное место преступления.

«Я справлюсь с обоими делами».

«Будем надеяться, Амелия».

Она бросила сумку на заднее сиденье «камаро», заперла дверцу и отправилась осматривать место преступления. По дороге заметила Кэтрин Дэнс, которая шла по улице от магазина Джоанны Харпер, где опрашивала владелицу, чуть было не ставшую третьей жертвой Часовщика.

Автомобиль без опознавательных знаков остановился у тротуара. Деннис Бейкер вылез из машины и поспешил за Амелией.

– Это был он? – спросил Бейкер.

– Да, – ответил Селлитто. – Внутри мастерской обнаружили еще одни часы. Такого же образца.

Трое часов пошли в дело, осталось еще семь, мрачно подумала Амелия.

– И «любовное послание»?

– На сей раз нет. Но мы едва успели. Думаю, у него просто не хватило времени на послание.

– Я слышал вызов, – сказал Бейкер. – Как вам удалось его вычислить?

– Нам повезло. Какое-то время назад в нескольких кварталах отсюда отдел экологической безопасности проводил серьезную проверку: там обнаружился склад запрещенного к применению крысиного яда – сульфата таллия. Кроме того, Линкольну удалось установить, что рыбный белок, найденный на месте убийства Тедди Адамса, в основном используется в качестве удобрения для орхидей. И мы дали задание искать какие-либо флористические мастерские или компании по ландшафтному дизайну в окрестностях того места, где проводилась операция по уничтожению яда.

– Крысиный яд. – Бейкер расхохотался. – Вот вам Райм, ничего не упустит!

– Да уж, даже трудно поверить, – согласился Селлитто.

К ним подошла Кэтрин. Она сообщила то, что ей удалось узнать в ходе беседы с пострадавшей. Джоанна Харпер вернулась из бара и обнаружила, что на полу валяется проволока, которая должна была висеть на стене.

– Правда, это ее не слишком обеспокоило. Но тут она услышала тиканье и какие-то подозрительные шорохи в соседней комнате. И сразу позвонила девять-один-один.

– Атак как несколько наших машин уже ехало сюда для проверки, – продолжил Селлитто, – мы успели вовремя – она осталась жива.

Кэтрин добавила, что Джоанна не может себе представить, почему кому-то захотелось убить ее. Она уже много лет в разводе и давно ничего не слышала о бывшем муже. Никаких врагов у нее нет.

Кроме того, Джоанна сказала Кэтрин, что за несколько часов до нападения кто-то заглядывал к ней в окно: мужчина плотного сложения, белый, в куртке кремового цвета с капюшоном и в бейсболке. Лица она его толком на разглядела из-за грязи на окнах, низко надвинутого козырька и солнечных очков. Кэтрин спросила ее, не знала ли она Тедди Адамса, первую жертву убийцы, но Джоанна ответила, что никогда о нем не слышала.

– А как она себя чувствует? – спросила Амелия.

– Естественно, в шоке, но вернулась к работе. Хотя и не в мастерскую. В магазин на Бродвее.

– До поимки преступника я направлю одну машину дежурить рядом с магазином, – сказал Селлитто, вынул рацию и отдал распоряжение.

К Амелии подошли Нэнси Симпсон и Фрэнк Реттиг. Между ними шел молодой человек в шерстяной вязаной шапочке и «дутой» куртке. Он был очень худой и почти дрожал от холода.

– Этот молодой джентльмен желает нам помочь, – сообщила Нэнси. – Он подошел к нашему автомобилю.

Кэтрин бросила взгляд на Амелию, та кивнула, и Кэтрин спросила, что же он видел. Однако необходимости в кинезике на сей раз не было никакой. Парень был счастлив исполнить свой гражданский долг. Он сообщил, что шел по улице и увидел, как кто-то выпрыгнул из окна мастерской. Мужчина средних лет в темной куртке. Взглянув на компьютерный фоторобот, сделанный Селлитто с Дэнс в часовом магазине, парень кивнул и сказал:

– Да, наверное, он.

Он побежал к светло-коричневому внедорожнику, за рулем которого сидел круглолицый парень в солнечных очках. Больше никаких особенностей внешности водителя свидетель не отметил.

– Значит, их двое? – выдохнул Бейкер. – У него есть сообщник.

Возможно, тот, которого Джоанна видела в окно своей мастерской.

– Машина была марки «эксплорер»?

– Я не отличу «эксплорер» от любого другого внедорожника.

Селлитто спросил о номерах. Свидетель их не видел.

– Ну что ж, по крайней мере мы знаем цвет.

Селлитто извлек аварийную рацию. Он собирался оповестить все патрульные машины, а также других полицейских на каких-либо видах транспорта, находящихся поблизости, о необходимости немедленного поиска светло-коричневого «эксплорера» с двумя белыми мужчинами в салоне.

Симпсон и Реттиг помогли Амелии собрать оборудование для обследования места преступления. Собственно, даже не места, а нескольких мест: самого магазина, переулка, участка вокруг входной двери, через которую бежал преступник, а также квадрата парковки «эксплорера».

Кэтрин Дэнс и Селлитто вернулись к Райму, а Бейкер занялся собиранием сведений о преступниках. Он показывал фоторобот Часовщика людям на улице и работникам складов и офисов вдоль Спринг-стрит.

Амелия продолжала осмотр места преступления и поиск возможных улик. Так как в первых часах не было обнаружено взрывчатки, то привлекать антитеррористические подразделения не было никакой необходимости. Несложного теста на наличие нитратов было вполне достаточно. Она упаковала часы вместе со всем остальным, затем сняла «Тайвек» и надела свою кожаную куртку. Затем перебежала улицу, плюхнулась на сиденье своего «камаро» и включила зажигание и обогреватель на полную катушку.

Она потянулась назад за сумочкой, чтобы вынуть из нее перчатки. Но стоило ей взять сумку, как все содержимое высыпалось.

Амелия нахмурилась. Она всегда закрывала сумку на замок. Нельзя позволить себе растерять ее содержимое: две обоймы для «глока» и баллончик со слезоточивым газом. Она прекрасно помнила, что, выходя, закрыла сумку на замок.

Амелия бросила взгляд на окно рядом с местом пассажира. Пятна на стекле могли быть оставлены перчатками человека, вскрывавшего замок на автомобильной дверце. Кроме того, резиновая прокладка на окне была слегка сдвинута.

Ограблена в то время, пока проводила осмотр места преступления! Нечто невиданное!

Амелия просмотрела содержимое сумки, предмет за предметом. Ничего не пропало. Деньги и кредитные карточки на месте. Хотя теперь ей

придется созваниваться с кредитными компаниями на тот случай, если грабитель сумел снять их номера. Обоймы к «глоку» и баллончик со слезоточивым газом не тронуты. Нащупав пистолет, она оглянулась по сторонам. Вокруг собралась небольшая толпа, привлеченная обилием полицейских машин. Амелия вылезла из машины и, подойдя к стоящим на тротуаре, спросила, не видел ли кто-нибудь взломщика. Никто ничего не видел.

Вернувшись к полицейскому фургону, Амелия извлекла из него набор инструментов для осмотра преступления и с его помощью провела обследование своего автомобиля, ища отпечатки пальцев, следы ног. Ничего не нашла. Вернув оборудование на место, вновь уселась на водительское место автомобиля.

И вот тут-то на расстоянии половины квартала Амелия заметила, что из переулка выезжает большой черный автомобиль. Она сразу вспомнила «мерседес», который они видели с Пуласки. Правда, точно разобрать модель Амелия не смогла, а машина исчезла в потоке уличного движения быстрее, чем она успела отправиться за ней в погоню.

«Простое совпадение или все-таки нет?» – спрашивала она себя.

Большой мотор гнал в салон тепло, Амелия пристегнулась и включила первую передачу. Наклонившись вперед, она сказала себе: «Ладно, проник грабитель в машину или нет, но ведь ничего же не украл».

Она проехала полквартала, переключив на третью, когда вдруг мысль молнией пронзила ей мозг: «Что он искал?» Деньги и кредитки на месте, значит, злоумышленнику нужно было что-то другое.

Амелия Сакс по опыту знала, что самыми опасными преступниками, как правило, бывают те, чьи мотивы сложно понять.

Глава 14

17.34

Приехав к Райму, Амелия представила все собранные материалы Мэлу Куперу.

Прежде чем надеть латексные перчатки, она подошла к жестяной коробке, достала оттуда несколько пластинок собачьих бисквитов и скормила их Джексону. Он их проглотил мгновенно.

– А ты не подумывал о том, чтобы завести собаку-помощника? – спросила Амелия.

– Джексон и есть собака-помошник.

– Джексон? – Амелия нахмурилась.

– Да. Он мне очень помогает. Он развлекает моих гостей, поэтому мне нет необходимости тратить на них время.

Амелия рассмеялась.

– Я не шучу.

Эту идею предложил один из его врачей. У многих частично или полностью парализованных пациентов есть собаки-помощники. Когда вскоре после получения травмы его психотерапевт впервые заговорил на тему приобретения собаки, Райм решительно отказался. Он не мог точно объяснить почему, но, по-видимому, все-таки потому, что не хотел ни от кого и ни от чего зависеть. Теперь же эта идея представлялась ему вполне приемлемой.

Он нахмурился.

– А ты смогла бы научить их наливать виски? – Криминалист перевел взгляд с собаки на Амелию. – Кстати, тебе звонили. Некто назвавшийся Джорданом Кесслером.

– Кто?

– Он сказал, что ты его знаешь.

– А… постой, да, конечно, это же партнер Крили.

– Он хотел с тобой побеседовать. Я объяснил, что тебя здесь нет, и тогда он попросил передать тебе, что говорил с другими сотрудниками компании и они все согласились, что Крили в последнее время был очень подавлен. А еще он составляет для тебя список клиентов, но, чтобы его закончить, ему потребуется день или два.

– Два дня?

– Так он сказал.

Взгляд Райма застыл на материалах, которые она складывала на столе рядом с Купером.

Мысли криминалиста от ситуации в «Сент-Джеймсе» – того, что он называл «другим делом» – перешли к «своему делу», делу Часовщика.

– Давайте приступим к анализу материалов, – провозгласил он.

Амелия натянула латексные перчатки и начала распаковывать коробки и сумку.

Часы были абсолютной копией первых: они шли и показывали точное время. Единственное отличие заключалось в том, что Луна на них уже чуть-чуть пошла на убыль.

Купер и Сакс вместе разобрали их, но не нашли ничего, что заслуживало бы внимания.

В мастерской флористки преступник вновь не оставил никаких следов, никакого оружия – ничего. У Райма возникла мысль, что, возможно, убийца пользовался специальным инструментом для разрезания проволоки или применил какой-то особый метод, который мог бы указывать на его бывшую или нынешнюю профессию или на какие-то навыки. Но и здесь криминалиста ждало разочарование. Часовщик пользовался флористическими ножницами, принадлежащими Джоанне. Так же как в свое время скотч, проволока была аккуратно разрезана на идеально совпадающие по длине отрезки. Каждый по шесть футов длиной. Что он собирался делать с проволокой, подумал Райм, – связать ею женщину, или именно проволока и должна была стать орудием убийства?

Джоанна Харпер закрыла дверь на замок перед тем, как пойти с другом пить кофе. Ясно, что преступник, чтобы проникнуть внутрь, должен был взломать замок. Это ничуть не удивило Райма. Человек, так хорошо разбирающийся в часовой механике, без труда одолеет любой замок.

В результате поиска автомобиля по описанию свидетеля выяснилось, что в городе есть 423 светло-коричневых «эксплорера». Затем данный список сопоставили с информацией по людям, сведения на которых имелись в полиции. Итог был более чем скромный: шестидесятилетний мужчина, находящийся в розыске за неуплату десятков штрафов за парковку в неположенном месте; и молодой человек, обвиняемый в торговле кокаином. Райм подумал было, что, возможно, именно этот последний и есть сообщник Часовщика, но вскоре обнаружилось, что парень находится в тюрьме. Конечно, один из более четырехсот оставшихся автомобилей, по всей вероятности, принадлежал Часовщику, однако было практически невозможно проверить их все, хотя Селлитто все-таки решил просмотреть хотя бы те, что были зарегистрированы в Нижнем Манхэттене. Было получено несколько сообщений от патрульных машин, но описания водителей не совпадали с портретом Часовщика и его спутника.

Амелия взяла пробы в мастерской и обнаружила, что грязь и рыбный белок в форме удобрения там присутствовали. Немного и того, и другого было в самом здании, но на улице рядом она нашла гораздо большее количество, в особенности там, где лежали выброшенные мешки из-под удобрений.

Райм качал головой.

– Что-нибудь не так? – спросил Селлитто.

– Дело не в самом белке. А в том, что его нашли на второй жертве, на Адамсе.

– Потому что?..

– Это значит, что преступник осматривал мастерскую ранее, возможно, хотел удостовериться в присутствии жертвы и в отсутствии сигнализации и камер слежения. Он хотел «застолбить» место охоты. Отсюда следует еще один вывод: его выбор жертв не случаен. Но на чем, черт возьми, он основан?

Человек, которого нашли мертвым в переулке, не был причастен ни к каким преступлениям, и у него было никаких явных врагов. То же самое относилось и к Джоанне Харпер. И она никогда не слышала об Адамсе. Между ними не могло существовать никакой связи. Тем не менее именно их по какой-то таинственной причине выбрал Часовщик. Почему их? – задавался вопросом Райм. Неустановленная жертва на пирсе, молодой бизнесмен, флористка… и семеро других неизвестных. Что в них есть такого, что заставляет его убивать их? Что их связывает?

– Что еще вы нашли?

– Черные хлопья, – ответил Купер, поднимая пластиковый конверт. Внутри находилось нечто напоминающее высушенные чернила.

– Мы нашли их в том месте, где он взял моток проволоки и где, вероятно, прятался. Кроме того, я нашла несколько прямо перед входной дверью, где он наступил на осколки стекла, когда бежал к «эксплореру».

– Хорошо, просмотрите их на хроматографе.

Купер включил оборудование и положил в него образец черных хлопьев. Через несколько минут на экране появились результаты.

– Ну и что там у нас, Мэл?

Эксперт сдвинул очки на переносицу и наклонился вперед.

– Что-то органическое… семьдесят три процента эн-алканов, затем полициклические ароматические углеводороды и тиа-арены.

– А, кровельная мастика. – Райм прищурился.

Кэтрин Дэнс рассмеялась:

– И такие вещи вам знакомы?

– В былые времена Линкольн бродил по городу и собирал все, что мог найти для своих баз данных, – пояснил Селлитто. – Весело, наверное, с тобой было ходить в ресторан, Линк. С кучей пробирок и пластиковых пакетов.

– Моя бывшая супруга может тебе все подробно рассказать, – ответил Райм с довольным посапыванием. Но внимание его было полностью поглощено черными кусочками мастики. – Могу поклясться, что он выслеживал очередную жертву в каком-то здании, где заново перекрывают крышу.

– А может быть, он сам живет в таком месте, – предложил свой вариант Купер.

– Очень сомневаюсь, что он в такую погоду станет проводить время за коктейлями на заходе солнца на собственной крыше, – ответил Райм. – Давайте будем исходить из того, что крыша не его. Мне необходимы данные относительно того, в каком количестве зданий в настоящее время производится перекрытие кровель.

– Их может быть сотни, даже тысячи, – ответил Селлитто.

– Вряд ли в такую погоду.

– И как, черт возьми, мы будем их искать? – воскликнул детектив.

– Через «АСТЕР».

– Что это такое? – спросила Кэтрин.

– Усовершенствованная модель радиометра, – ответил Райм, – установленная на спутнике «Терра», совместном проекте НАСА и японского правительства. Он регистрирует тепловые сигналы. Обращается вокруг Земли… за сколько времени, Мэл?

– За девяносто восемь минут. Но чтобы покрыть всю Землю, ему требуется шестнадцать дней.

– Выясните, когда он в самое ближайшее время окажется над Нью-Йорком. Сообщите им, что мне нужны тепловые изображения, и узнайте, смогут ли они выделить тепловые зоны с температурой более двухсот градусов. Мне представляется, что это наименьшая температура применения мастики.

– Вам нужны данные по всему городу? – спросил Купер.

– Создается впечатление, что он охотится в основном на Манхэттене. Давайте начнем отсюда.

Купер позвонил по телефону.

– Они поняли задание. Постараются сделать все, что в их силах.

Том ввел в комнату Денниса Бейкера.

– Других свидетелей вокруг мастерской найти не удалось, – сообщил лейтенант, снимая пальто и с благодарностью принимая от Тома чашку горячего кофе. – Мы целый час искали. Либо никто действительно ничего не видел, либо просто боятся сказать правду. Господин Часовщик всех до смерти напугал.

– Этого недостаточно. – Райм взглянул на диаграмму места преступления, подготовленную Амелией. – Где был припаркован внедорожник?

– На противоположной стороне улицы у мастерской, – ответила Амелия.

– Ты обыскала место его парковки. – Интонация не вопросительная, так как Райм прекрасно знает, что Амелия подобное никогда не упустила бы. – Какие-нибудь другие машины перед или за ним?

– Никаких.

– Хорошо, он бежит к автомобилю, едет до ближайшего перекрестка, поворачивает, пытаясь скрыться в потоке машин. Он не нарушает никаких правил и потому делает осторожный, правильный и… резкий поворот. – При резких и медленных поворотах важные следы исчезают с автомобильных покрышек. – Если улица все еще закрыта для движения, мне бы хотелось, чтобы ваша группа внимательно обследовала перекресток. Маловероятно, но стоит попробовать. – Он повернулся к Бейкеру: – Вы ведь недавно уехали оттуда? Минут десять – пятнадцать назад?

– Примерно, – ответил Бейкер, сев, потянувшись и налив еще кофе. Он действительно выглядел очень усталым.

– Улица все еще закрыта?

– Откровенно говоря, особого внимания не обратил. Но кажется, да.

– Выясните, – сказал Райм, обращаясь к Селлитто, – и если да, то пошлите туда группу экспертов.

После звонка детектива выяснилось, что улицу уже открыли для движения. Все следы, оставленные «эксплорером» убийцы, были уничтожены первым же или вторым автомобилем, сделавшим аналогичный поворот.

– Черт! – пробормотал Райм и вновь повернулся к своей схеме, подумав, что уже очень давно не сталкивался с настолько сложным делом.

В дверь постучал Том и ввел в комнату женщину средних лет в дорогом черном пальто. Райму она показалась знакомой.

– Привет, Линкольн.

И тут он вспомнил.

– Инспектор.

Мэрилин Флаэрти была постарше Райма, но они оба в свое время, будучи еще в звании капитана, работали вместе в нескольких особых комиссиях. Он хорошо помнил Флаэрти как умную, проницательную и очень амбициозную даму, а также (видимо, по необходимости, диктуемой обстоятельствами) чуть-чуть более жесткую и более целеустремленную, чем ее коллеги-мужчины. Несколько минут они беседовали об общих знакомых и друзьях из прошлого и настоящего. Затем она задала несколько вопросов о деле Часовщика.

Закончив беседу с Раймом, инспектор отвела в сторону Амелию и спросила ее о том, как идет расследование, имея в виду, конечно, «другое дело». До Райма долетели слова Амелии о том, что она не нашла ничего существенного. Никакой крупной утечки наркотиков из помещения по хранению следственных материалов 118-го округа не обнаружено. Партнер Крили и его коллеги подтвердили, что покойный бизнесмен последнее время находился в депрессии и сообщили, что перед своей гибелью он начал больше пить. Выяснилось, что недавно он ездил в Лас-Вегас и/или Атлантик-Сити.

– Возможно, связи с организованной преступностью, – заметила Флаэрти.

– И я об этом думала, – подтвердила Амелия. Затем добавила, что, кажется, у клиентов не было никаких особых претензий к Крили, но ей вот-вот должны были предоставить список клиентов для проверки их отношений с покойным бизнесменом.

Тем не менее Сюзанна Крили убеждена, что ее муж не мог иметь никаких дел с наркотиками и не мог быть замешан в уголовных преступлениях. Да и в его самоубийство она не верит.

– И, – заключила Амелия, – я натолкнулась на еще одну смерть.

– Еще одну?

– Человека, который тоже несколько раз приходил в «Сент-Джеймс». Возможно, даже встречался с теми же людьми, что и Крили.

«Еще одна смерть?» – подумал Райм. Ему пришлось признать, что в «другом деле» появились интересные аспекты.

– И кто он такой? – спросила Флаэрти.

– Тоже бизнесмен. Фрэнк Сарковски. Жил на Манхэттене.

Флаэрти окинула взглядом лабораторию, схемы Райма, оборудование и нахмурилась.

– Какие-нибудь подозрения относительно того, кто мог его убить?

– Кажется, это случилось во время ограбления. Но точно я узнаю, только когда сама прочту материалы его дела.

Райм заметил, как омрачилось лицо Флаэрти.

Амелия тоже была напряжена. И он понимал почему. Но как только Флаэрти сказала: «Думаю, пока мы не будем прибегать к услугам отдела по вопросам внутренней безопасности», Амелия немного расслабилась. Значит, они не отберут у нее дело. Райм был рад за Амелию, хотя в глубине души все-таки предпочел бы, чтобы она передала «другое дело» внутренней безопасности, а все силы посвятила бы работе над «его делом».

– А тот молодой полицейский? – спросила Флаэрти. – Рон Пуласки? Он сотрудничает с вами?

– Да, и неплохо.

– Я должна доложить Уоллесу, детектив. – Инспектор кивнула Райму. – Линкольн, была рада повидаться. До свидания.

– До свидания, инспектор.

Флаэрти прошла к двери и удалилась походкой генерала, принявшего парад.

Амелия уже собиралась позвонить Пуласки и узнать у него, что ему удалось выяснить относительно Сарковски, как вдруг услышала голос у самого своего уха:

– Великий инквизитор.

Амелия повернулась и взглянула на Селлитто, который клал кусочек сахара в кофе.

– Пройдем-ка в мой кабинет. – Он сделал жест в сторону коридора.

Оба детектива вышли в холл.

– Инквизитор. Так называют Флаэрти? – спросила Амелия.

– Верно. Но она совсем не так плоха.

– Знаю. Я проверила.

– Гм, – пробурчал детектив, допил кофе и доел печенье. – Послушай, я по уши погряз в этих психах-часовщиках, поэтому совершенно не в курсе, что там за дело такое с «Сент-Джеймсом». Если получается, что в нем замешаны копы, то почему им ты занимаешься, а не отдел внутренней безопасности?

– Флаэрти пока не хочет их привлекать. Уоллес хотел было, но она наложила вето.

– Уоллес?

– Роберт Уоллес. Заместитель мэра.

– А, я его знаю. Принципиальный парень. Вполне естественно и правильно привлечь сюда отдел внутренней безопасности. Почему же она не хочет?

– Она хотела отдать это дело кому-нибудь из своих подчиненных. Сказала, что сто восемнадцатый слишком близко к Большому дому. Кто-нибудь обязательно узнает о привлечении отдела внутренней безопасности, и может начаться серьезный скандал.

Селлитто задумчиво выпятил нижнюю губу.

– Вполне, вполне возможно. – Затем, понизив голос, добавил: – И тебе не пришлось слишком много спорить, чтобы заполучить дело.

Она пристально взглянула на него:

– Да, не пришлось.

– Значит, ты просто попросила, и тебе его дали. – Он издал суховатый смешок.

– И?..

– И теперь ты движущаяся мишень.

– Почему?

– Ну, просто ты должна знать, чем тебе придется расплачиваться за свою «удачу». Теперь, если что-нибудь пойдет не так… все, что угодно – будут очернены репутации достойных людей, а недостойные уйдут от заслуженной кары, – во всем будут винить тебя, даже если ты все будешь делать по правилам. Реноме мадам Флаэрти полностью защищено, и отдел внутренней безопасности ничем не запятнан. Ты хватаешь опасных преступников, и вот тут-то в игру вступают упомянутые господа, они отбирают у тебя дело, и внезапно все о тебе забывают.

– Ты хочешь сказать, что меня подставили? – Амелия покачала головой. – Но Флаэрти не хотела отдавать мне дело. Напротив, она собиралась передать его кому-то из своих.

– Ладно, Амелия. Конец свиданки, парень говорит: «Все было очень хорошо, но, наверное, будет лучше, если я не поднимусь к тебе?» Что ответит ему девушка?

– «Давай поднимемся». То, что ему и было нужно. Так ты намекаешь на то, что Флаэрти играла со мной?

– Единственное, что я говорю, – это то, что она не отобрала у тебя дело, верно? Что могла при желании сделать в течение пяти секунд.

Амелия рассеянно почесывала голову ногтем. Все внутри у нее переворачивалось при мысли о запутанной дипломатии на верхах полицейского ведомства, совершенной terra incognita для нее.

– А теперь я хочу прямо и без обиняков высказать тебе все, что я по этому поводу думаю. Я считаю, что тебе не следовало начинать свою карьеру с такого дела. Впрочем, раз уж ты за него взялась, могу порекомендовать тебе: будь осторожна и поменьше высовывайся. Старайся быть как можно более незаметной.

– Я…

– Дай мне закончить. Незаметной по двум причинам. Во-первых, потому, что очень скоро все узнают, что ты ведешь расследование преступления, совершенного полицейскими, и тут же поползут слухи, что тот берет взятки, другой торгует наркотиками и тому подобное. И то, что все они будут лживы, ни черта не значит. Ведь сплетни – как зараза. Не заметишь, как запачкаешься. Они распространяются сами собой и губят карьеры вполне достойных людей.

– Какова же вторая причина?

– Не думай, что, если у тебя есть полицейский значок, ты хорошо защищена. Продажный коп в сто восемнадцатом – да, он вряд ли к тебе полезет. Такое редко случается. А вот гражданские, с которыми они проворачивают свои дела, не станут к ним прислушиваться. Они не задумываясь засунут твое бездыханное тело в багажник машины и оставят ее на долговременной стоянке у аэропорта Кеннеди… Да хранит тебя Господь, детка. Иди за ними по следу. Но будь осторожна. Мне бы не хотелось принести Райму дурные новости. Он мне этого не простит.

Рон Пуласки вернулся к Райму и встретил Амелию в коридоре в тот момент, когда она стояла, заглядывая на кухню, и размышляла о том, что ей только что сказал Селлитто.

Амелия кратко сообщила Рону последние новости в деле Часовщика и затем спросила:

– Как ситуация с Сарковски?

Он пролистал свои записи.

– Я отыскал его жену и допросил ее. Вот что я узнал. Покойному было пятьдесят семь лет, белый, пол мужской, бизнесом занимался на Манхэттене. Уголовного прошлого не имеет. Убит четвертого ноября нынешнего года. У него остались упомянутая жена и двое

детей-подростков, мальчик и девочка. Смерть наступила в результате огнестрельного ранения. Он…

– Рон, – перебила его Амелия, как будто напоминая о чем-то.

Он поморщился:

– Ах, извини. Понял, перехожу на нормальный язык.

С этой его привычкой к полицейской канцелярщине Амелия давно, но пока безуспешно боролась.

Немного расслабившись, Пуласки продолжал:

– У него был свой дом в Вест-Сайде, на Манхэттене, где он и жил. Кроме того, ему принадлежала компания, занимавшаяся уборкой мусора и отходов крупных компаний и коммунальных служб по всему городу. Его деловая репутация абсолютно чиста. За ним ничего не числится ни на федеральном, ни на городском уровне, ни на уровне штата. Никаких связей с организованной преступностью, никакой причастности к делам, находящимся в следствии. Никогда не арестовывался, никаких серьезных штрафов, за исключением штрафа за превышение скорости в прошлом году.

– Какие-либо подозреваемые в его убийстве?

– Никаких.

– А какой округ вел расследование?

– Сто тридцать первый.

– Значит, он погиб в Квинсе, а не на Манхэттене?

– Да.

– И где?

– Его жена точно не знает. Убийца отобрал у него бумажник, всю наличность, а потом трижды выстрелил в грудь.

– А «Сент-Джеймс»? Он что-нибудь говорил ей про это заведение?

– Ничего.

– Он был знаком с Крили?

– Его жена точно не знает, но думает, что скорее нет. Я показал ей фотографию, и она его не узнала. – На мгновение он замолчал, а потом добавил: – И еще одно. Кажется, я снова видел тот «мерседес».

– Вот как?

– После того как ты меня высадила, я очень быстро перешел улицу, чтобы успеть на зеленый свет, и оглянулся, есть ли за мной машины. Я не совсем уверен, хотя полагаю, что это был он. Номера не разглядел.

Амелия покачала головой.

– У меня тоже был посетитель. – И она рассказала ему о взломе машины. И добавила, что тоже видела «мерседес». – Водитель, видать, очень активный парень. – Амелия перевела взгляд на руки Пуласки. Он держал только толстый блокнот. – А где само дело?

– В том-то и проблема. Никакого дела, никаких улик. Я просмотрел всю картотеку следственных материалов в сто тридцать первом. Ничего.

– Интересно-интересно. Значит, никаких сведений?

– Полностью отсутствуют.

– Есть ли отметка об их изъятии?

– Сведений о них нет даже в компьютере. Они обязательно должны были там находиться, если бы кому-то потребовались материалы следствия или если бы их куда-то отослали. Но мне удалось узнать имя детектива, занимавшегося этим делом. Он живет в Квинсе. Недавно ушел в отставку. Арт Шнайдер. – Пуласки протянул ей лист бумаги с именем и адресом упомянутого детектива. – Мне с ним поговорить?

– Не надо, я сама его найду. Ты останешься здесь и нанесешь все имеющиеся у нас сведения на доску. Я хочу видеть целостную картину. Но пожалуйста, не в лаборатории. Здесь слишком много народу. – Масса полицейских постоянно входила и выходила из комнаты Райма. В столь деликатном деле, касающемся коррупции в полиции, нужно поддерживать значительно большую меру секретности, чем в любом другом. Амелия кивнула в сторону тренировочной комнаты Райма, где находились его спортивные снаряды. – Будем ее держать вон там.

Рон кивнул:

– Хорошо. Но ведь это не займет много времени. Когда я закончу, мне заехать за тобой к Шнайдеру?

Амелия снова подумала о «мерседесе». И в голове ее вновь зазвучали слова Селлитто.

«Багажник автомобиля на стоянке в аэропорту им. Джона Кеннеди».

– Не надо. Когда освободишься, оставайся здесь и помоги Линкольну. – Она рассмеялась. – Может, у него настроение улучшится.

СХЕМА № 2

Часовщик

Место преступления № 1

Место расположения:

• Ремонтный пирс на Гудзоне, на 22-й улице.

Жертва:

• Личность не установлена.

• Пол – мужской.

• Возможно, среднего возраста или даже старше, вероятно, страдающий гипертонией или сердечной недостаточностью (в крови обнаружено наличие антикоагулянтов).

• Наличия каких-либо других медикаментов и наркотиков в крови не установлено, так же как и возбудителей инфекционных заболеваний.

• Береговая охрана и водолазы продолжают поиски тела и других улик в гавани Нью-Йорка.

• Проводится проверка сообщений о пропаже людей.

Преступник:

• См. ниже.

Обстоятельства преступления:

• Преступник заставил повисшую над водой жертву цепляться за край опалубки дока до тех пор, пока, выбившись из сил, мужчина не упал в воду.

• Время преступления: между 18.00 понедельника и 6.00 вторника.

Имеющиеся материальные свидетельства:

• Кровь, тип АВ положительный.

• Вырванный ноготь, неполированный, широкий.

• Кусок разорванной оградительной цепи, разрезанной обычным инструментом для резки проволоки; инструмент отыскать невозможно.

• Часы. См. ниже.

• Послание. См. ниже.

• Отметины ногтей на опалубке.

• Никаких явных следов: никаких отпечатков пальцев, следов ног и автомобильных шин.

Место преступления № 2

Место расположения:

• Переулок за Сидар-стрит, около Бродвея, за тремя коммерческими зданиями (задние двери закрываются между 20.30 и 22.00) и одним правительственным административным зданием (задние двери закрываются в 18.00).

• Переулок представляет собой тупик. Пятнадцать футов шириной, сто четыре фута длиной, вымощен булыжником, тело находилось на расстоянии пятнадцати футов от Сидар-стрит.

Жертва:

• Теодор Адамс.

• Проживал в Бэттери-Парк.

• Автор рекламных объявлений.

• Явных врагов не имел.

• К судебной ответственности не привлекался.

• Связь с каким-либо из зданий, расположенных вокруг переулка, не установлена.

Преступник:

• Часовщик.

• Пол – мужской.

• Никаких компьютерных данных по Часовщику.

• Обнаружена грязь с наличием рыбного белка на руках.

Обстоятельства преступления:

• Жертву перетащили от автомобиля в переулок, где ему на шею положили металлический брус, который спустя некоторое время раздавил ему глотку.

• Ожидается поступление медицинского заключения с подтверждением обстоятельств гибели.

• Никаких свидетельств сексуального насилия.

• Время наступления смерти: приблизительно от 22.15 до 23.00 в ночь понедельника. Должно быть подтверждено медицинским заключением.

Имеющиеся материальные свидетельства:

• Часы.

• Никаких взрывчатых веществ, химикатов и биоагентов не обнаружено.

• Идентичны часам, найденным на пирсе.

• Никаких отпечатков пальцев, минимум следов.

• «Арнольд продактс», Фрэмингем, Массачусетс.

• Приобретены в часовом магазине Халлерштайна на Манхэттене.

• Послание, оставленное преступником на обоих местах преступления.

• Отпечатано на компьютерном принтере, на обычной бумаге, чернилами для лазерного принтера.

• Текст: «В небе полная Холодная Луна освещает труп земли, указывая час смерти и окончания пути, начатого в момент рождения. Часовщик».

• В каких-либо базах данных отсутствует; возможно, его собственного сочинения.

• Холодная Луна – один из месяцев по лунному календарю, месяц смерти.

• 60 долларов в банкнотах; отпечатки пальцев отсутствуют.

• Мелкий песок, используемый в качестве «маскирующего реагента». Песок обычный, свежий. Использовался потому, что преступник собирался вернуться на место преступления?

• Металлический брус, 81 фунт весом. В строительстве в близлежащей местности не используется. Другие источники происхождения не обнаружены.

• Скотч, обычный, но очень аккуратно и с исключительной точностью отрезан, что очень странно. Все куски совершенно одинаковой длины.

• В песке обнаружен сульфат таллия (яд, используемый против грызунов).

• Грязь, содержащая рыбный белок, – от преступника, а не от жертвы.

• Обнаружено очень мало следов.

• Волокна коричневого цвета, возможно, от обивки салона автомобиля.

Прочее:

• Автомобиль.

• Вероятно, «форд-эксплорер», три года эксплуатации. С коричневой обивкой салона.

• Проверка номеров автомобилей в указанном квартале на вечер и ночь понедельника не выявила никаких нарушений.

• Наводятся справки в полиции нравов о проститутках, которые могли стать свидетелями преступления.

• Никаких данных.

Беседа с Халлерштайном

Преступник:

• Фоторобот Часовщика: около пятидесяти лет или за пятьдесят, круглое лицо, двойной подбородок, толстый нос, глаза необычного очень светло-голубого цвета. Выше шести футов, худощавый, волосы черные средней длины, никаких украшений, одежда темного цвета. Имя неизвестно.

• Хорошо разбирается в часах, знает, какие редкие хронографы продавались на недавних аукционах и были представлены на выставках в Нью-Йорке.

• Угрозами заставил владельца хранить информацию о его покупках в тайне.

• Приобрел 10 часов. Для 10 жертв?

• Расплатился наличными.

• Требовал, чтобы на циферблате было изображение луны и чтобы часы громко тикали.

Имеющиеся материальные свидетельства:

• Место покупки часов – часовой магазин Халлерштайна в районе «Утюга».

• Никаких отпечатков на деньгах, заплаченных за часы, серийные номера банкнот не проходят ни по каким преступлениям. Никаких следов.

• Звонил из телефонов-автоматов.

Место преступления № 3

Место расположения:

• Спринг-стрит, 481.

Жертва:

• Джоанна Харпер.

• Никаких явных мотивов.

• Вторую жертву Часовщика, Адамса, не знает.

Преступник:

• Часовщик.

• Помощник.

• Возможно, тот человек, которого жертва видела раньше у окна своей мастерской.

• Белый, крепкого телосложения, в солнечных очках, куртке с капюшоном и кепке. Вел внедорожник.

Обстоятельства преступления:

• Чтобы проникнуть внутрь, преступник взломал замок.

• Способ нападения неизвестен. Возможно, планировал воспользоваться флористической проволокой.

Имеющиеся материальные свидетельства:

• Рыбный белок – из мастерской Джоанны (удобрение для орхидей).

• Источник сульфата таллия также обнаружен неподалеку.

• Флористическая проволока разрезана на куски, идеально совпадающие по длине. (Предполагалось использовать в качестве орудия убийства?)

• Часы.

• Такие же, как и остальные. Никаких нитратов.

• Никаких следов.

• Никакой записки или послания.

• Не оставлено никаких отпечатков пальцев, следов ног, оружия и т. п.

• Черные хлопья – кровельная мастика.

• Проверка с помощью «АСТЕР» на возможный источник происхождения.

Дополнительно:

• Преступник отслеживал жертву перед нападением. Выбирал конкретную цель по конкретной причине? Какой?

• В его распоряжении имеется полицейская рация. Меняем частоту.

• Автомобиль.

• Светло-коричневый внедорожник.

• Номеров нет.

• Ведется отслеживание на улицах.

• В городе 423 владельца светло-коричневых «эксплореров». Проверка на наличие правонарушений. Найдено двое. Один слишком стар. Второй находится в тюрьме по обвинению в торговле наркотиками.

Убийство Бенджамина Крили

• Бен Крили, 56 лет, предположительно покончил с собой, повесившись. На бельевой веревке. Но у него на момент смерти был сломан палец, и он не смог бы завязать петлю.

• Напечатанная на компьютере предсмертная записка с упоминанием о депрессии. Но депрессия у него явно не была столь сильной, чтобы подтолкнуть к самоубийству. Никаких психических или эмоциональных проблем в прошлом.

• Накануне Дня благодарения двое мужчин вломились к нему в дом и, возможно, сожгли улики. Белые, описание лиц отсутствует. Один крупнее другого. Находились внутри около часа.

• Материальные свидетельства в уэстчестерском доме:

• Взломан замок; аккуратная профессиональная работа.

• Следы кожи на каминных инструментах и на рабочем столе Крили.

• В грязи перед камином более высокое содержание кислот, чем в грязи вокруг дома, имеются вредные вещества. Возможно, с какой-нибудь стройки?

• Следы сгоревшего кокаина в камине.

• Пепел в камине.

• Финансовые документы, сводная ведомость, упоминания о миллионах долларов.

• Проверка логотипов на документах, отсылка бумаг в криминалистическую лабораторию специалисту по бухгалтерским документам.

• Дневниковые записи: смена масла в машине, стрижка у парикмахера и посещение бара «Сент-Джеймс».

• Бар «Сент-Джеймс».

• Крили приходил сюда несколько раз.

• Находясь там, явно не употреблял наркотики.

• Наверняка неизвестно, с кем он там встречался, но, возможно, с полицейскими из 118-го округа, расположенного неподалеку.

• В последнее свое посещение бара – как раз накануне смерти – подрался с неизвестными.

• Проверена наличность от полицейских в «Сент-Джеймсе». Серийные номера нигде не проходят, но обнаружены следы кокаина и героина. Похищены из участка?

• Отсутствует очень небольшое количество наркотиков. Только 6 или 7 унций марихуаны и 4 – кокаина.

• В 118-м участке подозрительно мало зарегистрированных дел по организованной преступности, но никаких прямых доказательств укрывательства.

• Причастность двух банд в Ист-Виллидж возможна, но маловероятна.

• Беседа с Джорданом Кесслером, партнером Крили и беседа с супругой Крили.

• Подтверждено отсутствие явных случаев употребления наркотиков.

• Никаких очевидных связей с преступным миром.

• Большее, чем обычно, употребление алкоголя, пристрастие к игре. Поездки в Вегас и Атлантик-Сити. Крупные проигрыши, но для Крили не катастрофические.

• Неясны причины депрессии.

• Составляется список клиентов.

• Создается впечатление, что Кесслер ничего не выиграл от смерти Крили.

• За Сакс и Пуласки следовал «мерседес АМГ».

Убийство Фрэнка Сарковски

• Сарковски, 57 лет, бизнесмен на Манхэттене, убит 4 ноября этого года. Остались жена и двое детей-подростков.

• Убитый владел зданием и бизнесом на Манхэттене. Бизнес: обслуживание и утилизация мусора для других компаний и учреждений.

• Следствие по делу вел детектив Арт Шнайдер.

• Никаких подозреваемых.

• Убийство при ограблении?

• Неудачная сделка?

• Убит в Квинсе. Неясно, по каким причинам он там находился.

• Дело, улики, материалы следствия отсутствуют.

• Никаких явных связей с Крили.

• Никакого уголовного прошлого. Никаких конфликтов с законом ни у самого Сарковски, ни у его компании.

Глава 15

18.27

Бунгало располагалось в Лонг-Айленд-Сити, в той части района Квинс, которая находится прямо напротив Манхэттена за Ист-Ривер и островом Рузвельта.

Рождественские украшения – а их было огромное количество – пребывали здесь в идеальном порядке, так же как и тротуары, безукоризненно чистые, свободные от снега и наледи, да и сама дорога ничем не напоминала о недавнем снегопаде. С оконных рам только что счистили следы старой краски, чтобы покрыть новой, а неподалеку виднелась горка кирпичей, скорее всего для новой дорожки или патио.

Перед Амелией был дом человека, у которого появилось много свободного времени и вполне конкретные планы, чем его занять.

Амелия открыла вторую, «зимнюю», дверь и постучалась.

Через несколько секунд отворилась главная дверь и солидный мужчина лет шестидесяти окинул ее пристальным взглядом. На нем был зеленый велюровый спортивный костюм.

– Детектив Шнайдер? – Амелия понимала, что обращаться к нему лучше с упоминанием его бывшей профессии. Вежливостью можно добиться гораздо большего, чем пистолетом, – часто говаривал ей отец.

– Да, заходите. А вы Амелия, верно?

Как много говорит выбор имени или фамилии при обращении, подумала Амелия. Она улыбнулась, пожала ему руку и проследовала за ним в дом. Голубоватый отсвет зимнего заката медленно гас на стенах комнат, и гостиная показалась ей холодной и неуютной. Она сразу ощутила запах дыма от сыроватых дров в камине и почувствовала присутствие кота. Амелия сняла куртку и уселась на «одышливый» диван. Ей сразу стало ясно, что громадное кресло, рядом с которым лежали три пульта управления, – хозяйский трон.

– Жена в отъезде, – провозгласил он. И прищурился. – Вы дочка Германа Сакса?

– Да. А вы с ним работали?

– Немного. Пара незначительных дел на Манхэттене. Неплохой парень. Слышал, что вечеринка по поводу ухода в отставку была потрясающей. Длилась всю ночь. Будете содовую, воду или что-то еще? К сожалению, никакого алкоголя. – Он произнес это таким тоном, по которому, так же как и по проступающим сосудам на носу, Амелия поняла, что у него, как и у многих других полицейских определенного возраста, проблемы на почве спиртного. А сейчас он, по-видимому, пытается бороться со своим пристрастием. Дай Бог ему удачи.

– Спасибо, не беспокойтесь… Я просто хочу задать вам несколько вопросов. Как раз перед уходом в отставку вы занимались одним делом, связанным с убийством при ограблении. Жертву преступления звали Фрэнк Сарковски.

Пожилой детектив опустил глаза, уставившись в ковер.

– Да, помню его. Какой-то бизнесмен. Застрелен грабителями, кажется.

– Я хотела посмотреть его дело. Но оно исчезло. И все другие материалы следствия.

– Не нашли дела? – Шнайдер пожал плечами с выражением удивления на лице, правда, не слишком сильного. – Хранение документации у них… оставляет желать лучшего.

– Мне все-таки необходимо выяснить, что произошло.

– Да Господи, я уже почти ничего не помню. – Шнайдер почесал тыльную сторону своей мускулистой кисти, пораженной экземой. – Знаете, одно из таких дел… Никаких улик вообще. Другими словами, полный тупик. Такие дела через неделю забываются. Вам, наверное, тоже когда-нибудь придется с ними столкнуться.

Его реплика прозвучала почти насмешкой, намеком на то, что Амелия в их профессии новичок и с подобными делами еще не работала. Впрочем, как и с любыми другими.

Амелия никак не отреагировала на его укол.

– В таком случае расскажите мне, что помните.

– Нашли его в пустынной местности, мертвого, рядом с машиной. Денег и кошелька не было. Ну, и оружие валялось неподалеку.

– И что это было?

– Холодный «смитти». Правда, его очень хорошо вытерли перед тем, как выбросить. Никаких отпечатков.

Интересно. «Холодный» означало «без серийного номера». Бандиты покупали их с рук, если им нужно было оружие, не оставляющее никаких следов. На выпущенном в США пистолете невозможно полностью стереть серийный номер, который ставится на нем в ходе производства – таково главное требование для всех производителей оружия в США, – но некоторые иностранные компании выпускают продукцию без номеров. Именно ими и пользуются профессиональные убийцы. Часто бросающие их на месте преступления.

– А наши стукачи ничего потом не слышали?

Многие убийства были раскрыты благодаря тому, что убийца был настолько неосторожен, что похвастался собутыльникам своей ловкостью во время ограбления, преувеличив похищенную сумму. Слух часто доходил до стукачей, которые с радостью в обмен на поблажки от полиции выдавали хвастуна.

– Ничего.

– Но где же находилась та пустынная местность?

– У канала. Знаете, там такие большие резервуары.

– Резервуары с природным газом?

– Да.

– И что он там делал?

Шнайдер пожал плечами:

– Не имею представления. Он ведь владел компанией по уборке мусора. Думаю, в той местности находился кто-то из его клиентов и он осуществлял проверку или что-то в этом роде.

– Криминалисты нашли что-нибудь существенное на месте преступления? Следы? Отпечатки пальцев?

– Ничего особенно не привлекло нашего внимания. – Шнайдер продолжал всматриваться в нее покрасневшими глазами. Казалось, его что-то немного удивляет. Он, по-видимому, думал: «Вот оно, новое поколение нью-йоркских полицейских! Как хорошо, что я вовремя смотал удочки».

– Вы были абсолютно уверены, что впечатление и реальная картина преступления полностью совпадали, что в самом деле имело место какое-то не совсем удачное ограбление?

Он помолчал в нерешительности, а потом ответил:

– В общем, да, уверен.

– Но все-таки не абсолютно уверены?

– Полагаю, грабеж был только ширмой. – Шнайдер пожал плечами. – Знаете, там ведь вообще вокруг никого нет. Чтобы дойти до ближайшей заселенной людьми улицы, вам надо пройти полмили. А вокруг только фабрики, хранилища и прочее. Проститутки туда не заходят. Там им делать нечего. Я подумал, что убийца забрал бумажник и деньги, чтобы преступление производило впечатление ограбления. И то, что он бросил пистолет, тоже казалось подозрительным.

– Никаких связей с преступным миром?

– По крайней мере я ничего не обнаружил. Хотя один из его сотрудников говорил мне, что у Сарковски не выгорело с одной важной сделкой. Он

потерял на этом громадные деньги. Я попытался проверить, но так ни на что существенное и не вышел.

Значит, Сарковски – а возможно, и Крили – мог быть связан с какой-нибудь преступной группировкой: наркотики или отмывание денег. Что-то пошло не так, и они убили его. Тогда становится понятен и «мерседес»: «хозяева» или их наймиты следили за тем, как идет ее расследование. А копы из сто восемнадцатого их просто прикрывают.

– Имя Бенджамина Крили всплывало во время расследования?

Он отрицательно покачал головой.

– А вы знали о том, что Сарковски частенько наведывался в «Сент-Джеймс»?

– «Сент-Джеймс»… Минутку, бар в Алфабет-Сити? За углом от… – Он внезапно замолчал.

– Верно. За углом от сто восемнадцатого.

Шнайдер молчал. Было ясно, что он встревожен.

– Я этого не знал, – произнес он наконец, – не знал.

– Ну вот, а дело обстояло именно так. Странно, человек, живущий в Вест-Сайде, работающий в центре, становится завсегдатаем подобной дыры. Вам что-нибудь известно о тамошних посетителях?

– Нет. Ничего. – Шнайдер мрачно огляделся по сторонам. – Но если вы хотите спросить меня, не подходил ли ко мне кто-то из сто восемнадцатого и не просил ли «похоронить» дело Сарковски, я отвечу: нет, не подходил и не просил. Мы провели расследование в соответствии с инструкциями, как полагается, и затем перешли к другим делам.

Амелия взглянула ему прямо в глаза:

– А что вам вообще известно о сто восемнадцатом?

Шнайдер взял один из пультов, покрутил его в руках и снова положил на столик.

– Я кое-что спросила.

– Что? – переспросил он угрюмо. Она заметила, что его взгляд переместился на пустой бар. На деревянной полке все еще виднелись круги от когда-то стоявших там бутылок.

– У меня отвратительная память, – призналась она.

– Память?

– Я с трудом запоминаю собственное имя.

Шнайдер смутился.

– Такая молодая?..

– Да, в самом деле, – рассмеялась Амелия. – В ту же минуту, как я выйду от вас, я мгновенно забуду, что была здесь. Забуду, как вас зовут, ваше лицо. Все мгновенно улетучится. Очень странно.

Он понял намек. Но отрицательно покачал головой.

– Зачем вам это? – спросил он шепотом. – Вы молоды. Вам следует понять, что в некоторых случаях лучше не будить спящих собак.

– А что, если они не спят? – спросила она, наклонившись вперед. – Ведь остались две вдовы и дети без отцов.

– Две?

– Крили, тот парень, которого я упомянула. Он ходил в тот же бар, что и Сарковски. У меня есть ощущение, что они знали каких-то ребят из сто восемнадцатого. И они оба мертвы.

Он смотрел на плоский экран телевизора. И молчал.

– Итак, что вы слышали? – спросила Амелия.

Шнайдер снова опустил взгляд и начал разглядывать пол, как будто заметил какие-то пятна. Возможно, он добавит замену ковра в список ближайших планов по дому. Наконец Арт выдавил из себя:

– Только слухи. Вот и все. Я с вами откровенен. Имена мне неизвестны. И конкретные детали тоже.

Амелия кивнула:

– Слухи меня вполне устроят.

– Говорилось что-то о каких-то деньгах. Вот и все.

– О деньгах? И о каких суммах?

– Возможно, об очень больших. А может быть, и о мелочи.

– Поподробнее, пожалуйста.

– Я никаких подробностей не знаю. У меня информации не больше, чем у того человека, что работает на улице, и кто-то что-то говорит стоящему рядом полицейскому; он слышит несколько отрывочных фраз, и у него создастся общее представление о сказанном, вполне вероятно, ошибочное.

– Вы помните какие-нибудь имена?

– Нет, нет. Это было так давно. Помню только, что разговор шел о деньгах. Я даже не знаю, кому и как они платились. И сколько. Мне известно, что там был кто-то, кто собирал их, и что они имели какое-то отношение к Мэриленду. Туда и шли все упомянутые деньги.

– А куда конкретно?

– Не знаю.

Амелия задумалась: каким же мог быть полный сценарий? Не было ли у Крили или у Сарковски дома в Мэриленде, возможно, дома на воде, в Оушен-Сити или Рехобетс? Или у кого-то из полицейских из 118-го? Или речь шла о каком-то балтиморском синдикате? В этом последнем предположении что-то было. Оно могло объяснить, почему не удалось найти выходов на группировки Манхэттена, Бруклина или Нью-Джерси.

– Я хотела бы посмотреть дело Сарковски. Вы не могли бы мне помочь?

Шнайдер явно колебался.

– Мне необходимо сделать несколько звонков.

– Спасибо.

Амелия поднялась.

– Постойте, – остановил ее Шнайдер. – Я хочу вам кое-что еще сказать. Я называл вас молоденькой. Извините. Вижу, вы настоящий полицейский, умны, упорны. Любому ясно, что вы не отступите. Но как бы то ни было, вы новичок в нашей профессии. Вы должны понять: что бы вы ни думали о сто восемнадцатом, даже если в слухах и есть какая-то правда, ситуация на самом деле гораздо сложнее и ее нельзя воспринимать только в черно-белых тонах. Задайтесь вопросом: а какая, к черту, разница? Несколько долларов туда, несколько долларов сюда. А ведь бывает и так, что продажный коп спасает жизнь ребенку. А честный коп, который не берет взяток, на поверку выходит жалким трусом. Такова

наша работа и люди в ней. – Он снова нахмурился и озабоченно взглянул на Амелию: – Ведь кому, как не вам, знать об этом.

– Мне?

– Да, конечно, вам. – Он смерил ее взглядом. – «Клуб Шестнадцатой авеню».

– Я не понимаю, о чем вы говорите.

– Держу пари, поймете.

И он рассказал ей все, что знал.

– Я слышал, она прекрасный стрелок. Это так? – спросил у Райма Деннис Бейкер.

В лаборатории в данный момент остались одни мужчины. Кэтрин Дэнс вернулась в отель, чтобы продлить свое пребывание там, Амелия занималась «другим делом». У Райма оставались Пуласки, Купер, Селлитто и пес Джексон.

Райм рассказывал остальным о занятиях Амелии стрельбой и об ее участии в соревнованиях. Он с гордостью сообщил Бейкеру, что Сакс была признана одним из лучших стрелков в нью-йоркской полиции. В будущем году она снова собирается принять участие в соревновании и надеется на сей раз быть первой.

Бейкер кивнул.

– Кажется, она в очень хорошей форме, как и большинство молодых ребят, только что закончивших академию. – Он похлопал себя по животу. – Мне самому давно бы следовало поработать над собой.

Парадоксально, однако прикованный к инвалидной коляске Райм теперь тренировался гораздо больше, чем до несчастного случая. Он ежедневно занимался на эргометре и специально приспособленной бегущей дорожке. Несколько раз в неделю проходил акватерапию. С помощью описанного режима Райм достигал двух целей. Во-первых, он позволял ему поддерживать мышечную массу на должном уровне для того времени, когда – в это он твердо верил – он снова сможет ходить. Упражнения приближали его к названной цели, улучшая функционирование периферийной нервной системы в поврежденных частях тела. За несколько прошедших лет Райму удалось восстановить те функции, которые, по мнению врачей, он утратил навсегда.

Но Райм почувствовал, что Бейкера не особенно интересуют спортивные успехи Амелии. Его подозрения подтвердились, когда Бейкер задал следующий вопрос:

– Я слышал, у вас, ребята, что-то намечается.

Амелия Сакс была тем источником света, который привлекает много всякой мошкары, и Райма нисколько не удивило, что детектив проверяет доступность пламени. Он посмеялся осторожной фразе собеседника и ответил:

– Да, можно и так назвать.

– Должно быть, тяжело. – Бейкер покраснел и заморгал. – Нет-нет, я совсем не то имел в виду.

Райм прекрасно понял, что имел в виду детектив. Он намекал вовсе не на сложности взаимоотношений между инвалидом и здоровым человеком – Бейкер почти не замечал состояния, в котором находился Райм. Нет, он намекал на другую трудность.

– Ты имел в виду отношения между двумя полицейскими.

«Другое дело» против «его дела»...

Бейкер кивнул.

– Однажды был у меня романчик с агентом ФБР. И в наших отношениях очень скоро возникли юридические проблемы.

Райм рассмеялся:

– Да уж, именно так их и нужно назвать. Но с другой стороны, моя бывшая не работала в полиции, а у нас с ней проблем было не меньше. Из-за Блейн я лишился нескольких великолепных ламп. И микроскопа фирмы «Бауш и Ломб». Наверное, не следовало бы приносить его домой... Нет, домой-то ладно. Не следовало ставить его на прикроватную тумбочку в спальне.

– Я бы не стал так смело шутить по поводу микроскопа в спальне, – отозвался Селлитто с противоположного конца комнаты.

– Сдается мне, ты именно этим сейчас и занимаешься.

Удачно сменив тему, Райм подъехал к Пуласки и Куперу, пытавшимся отыскать отпечатки на мотке проволоки из мастерской флористки. Райм надеялся, что Часовщик не смог размотать металлические нити в

перчатках и потому вынужден был освободить руки. Его надежды не оправдались.

Райм слышал, как открылась дверь, и мгновение спустя в лабораторию вошла Амелия. Сняла кожаную куртку и рассеянно бросила ее на стул. Она была как-то странно и мрачно задумчива, на лице отсутствовала привычная улыбка.

Она поприветствовала присутствующих кивком и спросила:

– Что-нибудь новенькое?

– Пока ничего.

Амелия взглянула на схему, которую Рон Пуласки составил по делу Крили. Но Райм заметил, что она ничего не видит и думает о чем-то своем. Повернувшись к Рону, она сказала:

– Рон, детектив, занимавшийся делом Сарковски, сообщил мне, что до него доходили слухи о каких-то деньгах, которые получали наши друзья по «Сент-Джеймсу» из сто восемнадцатого. И о какой-то связи с Мэрилендом. Нам нужно найти их, найти деньги и установить имена. Мне кажется, здесь чувствуется рука балтиморской мафии.

– Мафии?

– Я надеюсь, ты понимаешь, что значит это слово.

– Извини.

– Выясни, пожалуйста, действует ли кто-то из балтиморских группировок в Нью-Йорке. А также попробуй установить, имелись ли у Крили, Сарковски или у кого-то из сто восемнадцатого какая-нибудь недвижимость или бизнес в Мэриленде.

– Я заеду в участок и...

– Нет, просто позвони. Не хочу, чтобы они знали твое имя.

– Лучше подобные вопросы прояснять лично. Я мог бы...

– Лучше делать, – произнесла она резко, – то, что я тебе говорю.

– Ладно. – Он поднял руки в знак полного повиновения.

– Эге, вижу, твой стиль передается и твоим подчиненным, Линк, – проговорил со своего места Селлитто.

Амелия сжала губы. Но мгновение спустя сдалась.

– Так будет безопаснее, Рон, – сказала она. Извинение в стиле Линкольна Райма, то есть почти и не извинение вовсе, но Рон его принял.

– Да, конечно.

Амелия отвернулась от досок.

– Мне нужно поговорить с тобой, Райм. Наедине. – Взгляд в сторону Бейкера. – Не возражаете?

Он покачал головой:

– Нисколько. Меня ждут еще несколько дел. – Он натянул пальто. – Я буду в центре на случай, если вдруг понадоблюсь.

– Ну что? – тихо спросил Райм Амелию.

– Нет, наверху. Наедине.

Райм кивнул:

– Хорошо.

Что же все-таки происходит?

Амелия и Райм поднялись на крошечном лифте на второй этаж, Райм проехал в спальню, Амелия следовала за ним.

Войдя в комнату, она сразу уселась за компьютер и начала с каким-то непонятным неистовством барабанить по клавиатуре.

– Что случилось? – спросил Райм.

– Подожди минутку. – Амелия просматривала какие-то документы.

Райм внимательно наблюдал за ней и уже отметил две особенности: во-первых, она постоянно нервно почесывала голову, впиваясь ногтем в кожу, и на пальце у нее уже была кровь. Во-вторых, он был почти уверен, что до прихода к нему она плакала. Что случалось всего лишь дважды или трижды за время их знакомства.

Амелия печатала все быстрее, страницы пролетали мгновенно, он даже не успевал разобрать, что на них написано.

Это его раздражало. И беспокоило. Наконец, не в состоянии больше ждать, Райм произнес:

– Ну, говори, что там у тебя.

Она не отрываясь смотрела на экран и качала головой. Затем повернулась к нему:

– Мой отец… он такой же продажный коп, как и они…

У нее перехватило дыхание.

Райм подъехал ближе, а Амелия снова перевела взгляд на документы на экране. Теперь Райм видел, что перед ним газетные статьи.

Она вся напряглась.

– Он брал взятки, – прошептала Амелия.

– Не может быть! – Райм не знал Германа Сакса, умершего от рака еще до того, как они с Амелией встретились. В его жилах текла кровь потомственных полицейских. Его отец Генрих Сакс эмигрировал из Германии в 1937-м вместе с отцом своей невесты, детективом берлинской полиции. Получив американское гражданство, Генрих поступил на службу в нью-йоркскую полицию.

Райм просто не мог представить себе, что кто-то в семействе Саксов мог быть продажным полицейским.

– Я только что беседовала с детективом, занимавшимся делом, связанным с «Сент-Джеймсом». Он работал с отцом. В конце семидесятых в полиции был большой скандал. Вымогательства, взятки, даже нападения. С десяток полицейских и детективов были арестованы. Их называли «клуб Шестнадцатой авеню».

– Да, конечно, я очень хорошо помню.

– Я была тогда совсем ребенком. – Голос ее задрожал. – И ничего не слышала об этом деле, даже после того как поступила на работу в полицию. Мать и отец никогда ни о чем подобном не упоминали. Но он был одним из них.

– Амелия, я не могу поверить. Ты спрашивала у матери?

Она кивнула.

– Мать ответила мне, что ничего серьезного не было. Несколько арестованных полицейских стали называть имена, чтобы выбить себе поблажку у прокурора.

– Да, такое часто случается в подобных ситуациях. Все подставляют всех, даже невинных. А потом все проясняется.

– Нет, Райм. Не все. Я зашла в архив отдела внутренней безопасности и отыскала то дело. Они были убеждены в его виновности. Двое полицейских, замешанных в этой истории, сообщили под присягой, что видели, как отец оказывал давление на владельцев магазинов и прикрывал бандитов и даже способствовал исчезновению документов и улик по некоторым очень важным делам по бруклинским группировкам.

– Не более чем слухи.

– Отнюдь, реальные факты, – отрезала она. – У них были реальные доказательства. Его отпечатки на банкнотах. И на незарегистрированном оружии, которое он прятал в гараже. – Амелия перешла на шепот. – Баллистическая экспертиза установила, что одна из винтовок использовалась в ходе нападения за год до расследования. Райм, представь, мой отец прятал оружие, использовавшееся преступниками. И все это есть в его деле. Я видела отчет криминалиста, исследовавшего отпечатки. Я видела сами отпечатки.

Райм молчал. Наконец после долгой паузы он спросил:

– Ну и как ему удалось выпутаться?

Амелия рассмеялась мрачным смехом:

– Здесь-то и кроется вся странность, Райм. Эксперты, обследовавшие место преступления, все запороли. Бланки описи вещественных доказательств были заполнены неверно, и его адвокат на слушаниях отверг улики как не заслуживающие доверия.

Бланки описи вещественных доказательств введены для того, чтобы свести к минимуму возможность подделки или случайного изменения следственных материалов, при котором вынесение обвинительного приговора становится более вероятным. Но в случае с Германом Саксом подобная подделка была практически исключена. Невозможно представить себе, чтобы на оружии были отпечатки пальцев человека, который к нему не прикасался. Тем не менее если существуют какие-то правила, они должны неукоснительно соблюдаться во всех случаях. И если бланки заполнены неверно, улики практически всегда признаются не заслуживающими доверия.

– Я заехала домой. – Амелия вытерла глаза. – И просмотрела все его старые фотографии. На сотнях из них он снят рядом с теми полицейскими, которые были осуждены. А с некоторыми из них и на пляже. И даже в казино. И потом… потом… я нашла ту, на которой он сидит рядом с Тони Галланте.

Один из крупнейших главарей мафии Бэй-Ридж.

– Твой отец и Галланте?

– Они обедали вместе, Райм. Я позвонила полицейскому, с которым отец работал, Джо Ноксу. Он тоже был в «клубе Шестнадцатой авеню». Его арестовали. И я напрямую спросила его об отце. Поначалу Нокс вообще ничего не хотел говорить. Его потряс уже сам звонок, тем не менее в конце концов он все-таки признал: все, что я узнала об отце, правда. Отец, Нокс и парочка других ребят целый год снимали бабки с владельцев магазинов и арендаторов. Они подделывали улики и даже угрожали тем, кто собирался пожаловаться. Все думали, что отец надолго засядет, но благодаря элементарной ошибке следствия ему удалось выйти сухим из воды. Они прозвали его «ускользнувшей рыбкой».

Вытирая слезы, Амелия продолжала просматривать компьютерные файлы. Там были и официальные бумаги, закрытые для широкого доступа, но не для Райма, так как он работал на отдел. Он подъехал еще ближе, настолько близко, что почувствовал аромат ее мыла.

– Двенадцать полицейских из «клуба Шестнадцатой авеню» были осуждены, – продолжала Амелия. – Отдел внутренней безопасности знал еще о троих, но их не смогли привлечь из-за неоднозначности улик. И отец был одним из этих троих. Боже мой! Рыбка, которая ускользнула…

Она согнулась в кресле, обхватив голову руками и впиваясь ногтями в кожу. Поняла вдруг, что делает, и опустила руки на колени. На ногтях осталась свежая кровь.

– Когда подобное случилось с Ником, – начала Амелия, сделав глубокий вдох, – я думала только одно: ничего не может быть хуже продажного полицейского. Ничего… И вот теперь я узнаю, что мой отец был одним из таких полицейских.

– Амелия… – Райму было очень тяжело из-за того, что он не может поднять руку, чтобы взять Амелию за руку и попытаться немного смягчить ее боль. Его охватил приступ раздражения из-за собственной беспомощности.

Но Амелия продолжала:

– Они брали взятки за уничтожение улик, Райм. Ты понимаешь, что это значит. Сколько преступников остались на свободе и не получили по заслугам из-за моего отца, Райм? – Она снова повернулась к компьютеру. – Сколько убийц ушло от наказания! И сколько невинных людей погибло!

Глава 16

19.20

Голод возвращался к Винсенту, накатывая тяжело и удушающе, словно приливная волна, и он не мог оторвать жадного взгляда от женщин на улицах.

Вот блондинка с короткой стрижкой, несет большую сумку. Винсент представил, как он лежит на ней и сжимает ей голову.

А вот брюнетка, длинные волосы ниспадают прядями из-под вязаной шапочки, как у Салли Энн. Он почти физически ощутил подрагивание мышц девушки, представив, как его рука спускается по ее спине к ягодицам.

Еще одна блондинка в костюме и с дипломатом. Винсент задался вопросом, будет ли она кричать или просто заплачет, когда он начнет «беседу». Нет, наверное, заорет.

Теперь их машину вел Джеральд Дункан. Они проехали по узенькому переулку и вернулись на большую улицу. Все это время они двигались на север.

– Больше никаких сообщений. – Убийца кивнул на рацию, из которой раздавались только обычные вызовы и сообщения о транспортных пробках. – Они изменили частоту.

– Попытаюсь настроиться?

– Они закодировали ее. Странно, что они не поступили так с самого начала.

Винсент увидел еще одну брюнетку. О, как хороша! Она вышла из «Старбакса». В сапогах. Винсенту нравились девчонки в сапогах.

«Сколько я еще смогу продержаться?» – подумал он.

Явно не очень долго. Может быть, до вечера, а может, до завтра. Когда Винсент познакомился с Дунканом, тот настоял, чтобы он отказался от своих «бесед по душам» до тех пор, пока они не приступят к выполнению своего «проекта». Винсент согласился. Почему бы и нет? Часовщик сообщил ему, что среди его жертв будет пять женщин. Две из них постарше, среднего возраста («Конечно, работка не из самых приятных, но и ее тоже нужно кому-то делать», – саркастически заметил себе Умница Винсент).

Значит, все это время он предавался воздержанию. Дункан покачал головой:

– Я пытался понять, как им удалось нас вычислить. «Нас? Он иногда так неопределенно изъясняется».

– Ты можешь мне что-нибудь подсказать?

– Не-а, – отозвался Винсент.

Дункан совсем не был раздражен и не злился, что особенно удивляло Винсента. Отчим Винсента орал на него, брызгал слюной, когда что-то шло не так, как ему хотелось бы. К примеру, после случая с Салли Энн. И Винсент сам выходил из себя, когда какая-нибудь из его женщин начинала отбиваться и причиняла ему боль. Но к Дункану это не относилось. Он всегда говорил, что гнев – самая непродуктивная эмоция. Нужно уметь видеть высший замысел, заключенный во всем, говорил он. Во всем есть свой сокровенный план, и мелкие помехи не имеют принципиального значения, на них не стоит растрачивать энергию. «Подумай о времени». По-настоящему важны только столетия и тысячелетия. То же самое и с человеческими существами. Отдельная жизнь ничто. Значимы только поколения.

Винсент думал, что он, наверное, согласен, но для него каждая «беседа по душам» имела огромное значение. И ему не хотелось терять ни единой возможности подобной «беседы». Поэтому он спросил:

– А не сделать ли нам еще одну попытку с Джоанной?

– Не сейчас, – ответил убийца. – Там у нее, наверное, поставили охрану. И даже если нам удастся добраться до нее, они поймут, что я хотел ее смерти по конкретной причине. Мне важно, чтобы они думали, что все жертвы случайные. Сейчас мы…

Он замолчал, внимательно всматриваясь в зеркало заднего обзора.

– Что такое?

– Полиция. Полицейская машина выехала из боковой улицы. Вначале она направлялась в ту сторону, но теперь едет за нами. Нью-йоркская полиция-.

Винсент бросил взгляд через плечо. Он увидел белый автомобиль со светящейся планкой наверху примерно на расстоянии квартала от них. Казалось, он набирает скорость.

– Кажется, они нас преследуют.

Дункан быстро свернул на узенькую улочку и тоже увеличил скорость. На ближайшем перекрестке повернул на юг.

– Что-нибудь видишь?

– Не знаю… Подожди-ка. Да, вот они. Едут за нами. Определенно.

– По той улице, что через квартал. Направо. Тебе она знакома? Идет к Вестсайдскому шоссе?

– Да. Поезжай. – Винсент почувствовал, как вспотели его ладони.

Дункан повернул и поехал по улице с односторонним движением, затем свернул на шоссе и направился на юг.

– Перед нами… Что это такое? Какие-то мерцающие огни?

– Да. – Винсент видел их отчетливо. Они направлялись в ту же сторону, и, повысив голос, он спросил: – Что будем делать?

– Продолжать, – спокойно ответил Дункан, затем резко повернул руль, без малейшего усилия вписавшись в немыслимый поворот.

Линкольн Райм пытался не слушать монотонную болтовню Селлитто по сотовому и не слышать звонков Рона Пуласки по поводу балтиморской мафии.

Отключиться от них… чтобы добраться до собственных мыслей и сосредоточиться на них.

Он даже не знал точно, до каких. До каких-то смутных воспоминаний, которые поднимались из сокровенных глубин памяти.

Имя какого-то человека, какое-то происшествие, название какого-то места? Нет, он не знал точно. Единственное, в чем Райм был абсолютно уверен, информация об этом жизненно важна.

Райм закрыл глаза, и ему показалось, что на сотую долю секунды он приблизился к ускользающему воспоминанию. Но нет, оно ушло, как и раньше.

Такое же эфемерное, как грибы-дождевики, лопавшиеся и разбрасывавшие облако спор, за которым он маленьким мальчиком любил гоняться, когда жил еще на Среднем Западе под Чикаго. Он бежал и бежал за ними по полю. Бежал... Линкольн Райм любил бегать, любил ловить споры дождевиков и вертящиеся, похожие на ушки семена, падающие с деревьев и долго парящие в воздухе, подобно вертолетикам. Любил гоняться за стрекозами, мухами и пчелами.

А затем изучать их, узнавать о них новое и интересное. Линкольн Райм родился с ненасытным любопытством, с детских лет он был настоящим исследователем во всем.

Он бежал... так, что захватывало дух.

И вот теперь почти полностью парализованный человек тоже «бежал», пытаясь схватить ускользающее семечко совсем иного рода. И несмотря на то что это преследование он мог осуществлять только в воображении, оно было не менее напряженным и энергичным, чем бег, столь любимый им в детстве.

Ну вот же, вот...

Он почти схватил ее.

Нет, не совсем.

Черт!

Не думай так напряженно, не насилуй мысль. Пусть она придет сама.

У него в голове проносились целые картины и отрывочные воспоминания, примерно так же, как когда-то его босые ноги неслись по душистой траве и нагретой солнцем земле, по шелестящему тростнику и кукурузным полям под громадными грозовыми тучами, простиравшимися на мили на голубом летнем небе.

Тысячи семян, слетевших с деревьев, грибов-дождевиков, бурых и зеленых кузнечиков и птичьих перьев.

Тысячи воспоминаний об убийствах, похищениях, ограблениях, фотографий мест преступления, отчетов в вышестоящие инстанции, списков вещественных доказательств, странных образов, возникавших под стеклом микроскопа, «вершин», «пропастей» и «долин», появлявшихся на экране хроматографа.

Вот-вот, ближе… ближе…

Райм открыл глаза.

– Люпонте, – прошептал он.

Чувство глубочайшего удовлетворения наполнило тело, неспособное ни к каким ощущениям. Он еще не мог понять почему, но уже был практически уверен, что с именем Люпонте связано что-то очень важное.

– Мне нужно одно дело. – Райм взглянул на Селлитто, продолжавшего всматриваться в экран компьютера. – Дело! – воскликнул Райм. – Мне нужно одно дело!

Детектив оглянулся на него:

– Ты со мной разговариваешь?

– Да, я с тобой разговариваю.

Селлитто ухмыльнулся:

– Дело? А оно у меня есть?

– Нет. Мне нужно, чтобы ты его нашел.

– Что за дело? Какое-то преступление?

– Думаю, да. Времени я не знаю. Мне известно только, что в нем должно фигурировать имя Люпонте. – Он произнес его по буквам. – Оно из давних.

– Преступник?

– Не думаю. Хотя возможно. А возможно, просто свидетель. Мог быть кто угодно. Даже кто-то из полиции. Тот, кто производил арест, надзиратель. Кто-то из начальства. Я не знаю.

Люпонте…

– У тебя вид – как у кота, которому достались сливки, – прокомментировал Селлитто.

– Это что, какая-то поговорка? – Райм нахмурился.

– Не знаю. Мне просто нравится. Ну что ж, дело Люпонте так дело Люпонте. Сейчас позвоню. А оно действительно такое важное?

– Неужели ты думаешь, Лон, что я заставил бы тебя тратить время на поиски чего-то, не имеющего никакого значения, именно сейчас, когда мы занимаемся поисками убийцы-маньяка?

Прибыл факс.

– Наши тепловые изображения от «АСТЕР»? – спросил с надеждой в голосе Райм.

– Нет, это Амелии, – ответил Купер. – А где она?

– Наверху.

Райм уже собирался ей позвонить, но тут она сама вошла в комнату. На лице ни следа слез. Трудно поверить, что всего несколько минут назад она плакала. Амелия очень редко пользовалась косметикой, и Райм задался вопросом, не сделала ли она исключение, чтобы скрыть свое состояние.

– Тебе, – сказал ей Купер, глядя поверх факса. – Вторичный анализ пепла и обгорелых бумаг излома... как там его звали?

– Крили.

– В лаборатории все-таки удалось восстановить логотип, который был на счетной ведомости. Она из программного обеспечения, используемого в корпоративной бухгалтерии. Ничего особенного. Оно продается тысячам дипломированных бухгалтеров по всей стране.

Амелия пожала плечами, взяла таблицу и стала читать.

– Эксперт по бухгалтерии просмотрел все восстановленные данные. Это стандартная платежная ведомость и данные по компенсации для сотрудников в какой-то компании. В них нет ничего необычного. – Амелия покачала головой. – Наверное, действительно ничего важного. Думаю, взломщики решили сжечь все, что могли найти, уничтожить все, что было связано с Крили и «Сент-Джеймсом».

Райм вглядывался в ее встревоженные глаза.

– Обычная практика сжигать материалы, не имеющие отношения к делу, чтобы сбить следствие со следа, – напомнил он.

Амелия кивнула:

– Да, конечно. Спасибо за напоминание, Райм.

Зазвонил ее телефон.

Амелия слушала и еще больше хмурилась.

– Где? – спросила она. – Хорошо. – Затем что-то записала в блокнот. – Сейчас буду. – И, обернувшись к Пуласки, она сказала: – Вполне возможно, что нашлась ниточка к делу Сарковски. Надо проверить.

– Мне с тобой ехать? – осторожно спросил он.

Теперь Амелия была намного спокойнее. Она улыбалась, хотя Райм видел, что улыбка у нее вымученная.

– Нет, не нужно. Оставайся здесь, Рон. Спасибо.

Она схватила свою куртку и, не произнеся больше ни слова, выбежала из комнаты.

Как только за ней захлопнулась входная дверь, зазвонил телефон Селлитто. Было видно, как он весь напрягся, слушая. Затем торжественно сообщил присутствующим:

– Локатор засек светло-коричневый «эксплорер» с двумя белыми мужчинами в салоне. Пытаются скрыться от дорожного патруля. Их преследуют. – Поступило еще одно сообщение. – Ну вот. – Он отключил телефон. – Они проследовали за ними к тем большим гаражам, что на реке у Хьюстона на Вестсайдском шоссе. Все выходы закрыты. Вполне вероятно, что это наши клиенты.

Они продолжали слушать сообщения из патрульных машин, и все находившиеся в лаборатории напряженно всматривались в маленькие пластиковые колонки. Наконец патрульные офицеры сообщили, что обнаружили «эксплорер» на втором этаже большого гаража, но он пуст. Нигде никаких признаков людей, приехавших в нем.

– Я хорошо знаю тот гараж, – заметил Селлитто. – Настоящее решето. Они в любой момент могли бросить машину и ускользнуть.

Боб Хауманн и местный лейтенант полиции сообщили, что отправили целое подразделение на прочесывание улиц вокруг гаража.

Селлитто мрачно покачал головой:

– Ну что ж, у нас теперь хоть их машина есть. Она нам многое о них расскажет. Нужно вызвать Амелию и попросить ее «пройтись» по ней.

Райм задумался. Он предчувствовал, что между двумя расследованиями может рано или поздно возникнуть конфликт, хотя и не предполагал, что это произойдет так скоро.

Да, конечно, ее нужно вернуть.

И все-таки не стоит торопиться. Он знал Амелию, возможно, даже лучше, чем себя, и понимал, что ей необходимо продолжить расследование дела «Сент-Джеймс».

«Нет ничего хуже, чем продажный полицейский…»

Он ей поможет.

– Нет. Пусть пока занимается своим делом.

– Но, Линк…

– Мы найдем кого-нибудь еще.

Воцарилась напряженная тишина, которая, казалось, длилась вечно. И вдруг ее прервал молодой голос:

– Я могу ее заменить, сэр.

Райм бросил взгляд направо.

– Ты, Рон?

– Да, сэр. Я справлюсь.

– Не думаю.

Парень взглянул ему прямо в глаза и произнес как по писаному:

– Важно помнить, что место, где обнаружен труп жертвы, часто является наименее значимым из всех мест, связанных с преступлением, в том случае, если мы имеем дело с преднамеренным убийством, так как преступники, как правило, стараются очистить его от всех следов и оставить вместо них ложные, чтобы запутать следствие. Гораздо существеннее…

– Это…

– Цитата из вашего учебника, сэр. Я его прочел. Даже два раза.

– И ты выучил его наизусть?

– Только самые важные части.

– А какие же из них не важные?

– Я хотел сказать, что заучил все основные правила.

Райм задумался. Парень молод, неопытен. Но по крайней мере ему известны «участники игры», и он очень наблюдателен.

– Хорошо, Рон. Только при одном условии: ты не сделаешь ни единого самостоятельного шага на месте без постоянной связи со мной.

– Превосходно, сэр.

– Ах, значит, превосходно? – лукаво переспросил Райм. – Спасибо за одобрение, парень. А теперь иди.

Они задыхались после долгого бега. Дункан с Винсентом тащили с собой еще и большие холщовые мешки с содержимым автомобиля. У парка рядом с Гудзоном перешли с бега на ходьбу. От гаража, где они бросили внедорожник, спасаясь от полиции, они удалились уже на расстояние примерно двух кварталов.

Значит, то, что они надевали перчатки – а Винсенту поначалу подобная предосторожность казалась проявлением паранойи, – все-таки сослужило им хорошую службу.

Винсент оглянулся:

– За нами никто не гонится. Они нас не заметили.

Дункан прислонился к молоденькому деревцу, откашлялся и сплюнул на траву. Винсент сжимал грудь, болевшую от бега. Изо рта и носа у них вырывались облака пара. Убийцу даже необходимость спасаться бегством не вывела из себя, а только еще больше подхлестнула его любопытство.

– Значит, и об «эксплорере» тоже. Они знали о машине. Не понимаю. Откуда они могли узнать? И кто нас преследует?.. Та рыжая

женщина-полицейский, которую я видел на Сидар-стрит? Может быть, она.

Она…

Дункан скосил взгляд в сторону и нахмурился. Его мешок был открыт.

– Твою мать!.. – прошептал он.

Наконец-то хоть что-то его напугало.

– Что случилось?

Убийца опустился на колени и начал рыться в своем мешке.

– Кое-чего недостает. Книга и патроны остались в машине.

– Но на них ведь нет наших имен. И отпечатков пальцев. Ведь так?

– Нет. Они все равно не смогут нас по ним найти. – Дункан бросил взгляд на Винсента. – А все твои пакеты с едой и банки? Ты ведь не снимал перчатки?

Винсент больше всего на свете боялся разочаровать своего друга и всегда был крайне осторожен. Он кивнул. Дункан оглянулся на гараж.

– И все-таки… любая самая мелкая улика подобна еще одной детали от часового механизма. И стоит вам собрать достаточное их количество, если вы более-менее сообразительны, то без особого труда поймете, как он работает. Вы даже сможете предположить, кем он изготовлен.

Дункан снял куртку, протянул ее Винсенту. Под курткой у него была серая толстовка. Он вынул из мешка бейсболку и натянул ее.

– Встретимся в церкви. Иди прямо туда. Нигде не останавливайся.

– Что ты собираешься делать? – прошептал Винсент.

– Гараж темный и большой. У них явно недостаточно колов, чтобы контролировать его весь. А ту боковую дверь, через которую мы туда прошли, практически невозможно увидеть с улицы. Там скорее всего нет никакой охраны… Вполне вероятно, что они еще не нашли «эксплорер». И я смогу забрать оставленные нами вещи.

Он вынул открывалку и сунул ее в носок. Затем вытащил из кармана маленький пистолет, убедился, что он заряжен, и снова положил в карман.

– Но что, если они нашли его? – спросил Винсент.

Своим неизменно спокойным голосом Дункан ответил:

– Зависит от обстоятельств. Может статься, я все равно смогу их добыть.

Глава 17

20.13

Рону Пуласки, стоящему в холодном гараже и пристально всматривающемуся в светло-коричневый «эксплорер», освещенный яркими прожекторами, казалось, что он никогда прежде не испытывал подобного давления.

Он находился в полном одиночестве.

Лон Селлитто и Боб Хауманн – две живые легенды нью-йоркской полиции – остались на командном посту, расположенном ниже этого уровня. Два техника зажгли прожектора, вручили Рону чемоданчики с инструментарием и ушли, пожелав удачи немного зловещим тоном.

На Пуласки поверх формы был «Тайвек». Куртку пришлось снять, и он дрожал от холода.

«Ну, Дженни, – мысленно обратился Рон к жене, как часто делал в особо напряженные моменты, – пожелай мне удачи. – И добавил, обращаясь к себе: – Главное – не запороть поручение».

Рон надел наушники. Его предупредили, что они настроены на частоту Линкольна Райма, хотя пока Рон слышал только радиопомехи.

И вдруг…

– Ну что там у тебя? – раздался резкий голос Райма.

Пуласки даже подпрыгнул от неожиданности. Пришлось уменьшить громкость.

– Сэр, передо мной внедорожник. На расстоянии примерно двадцати футов. Он припаркован в относительно пустой части…

– Относительно пустой. Все равно что «довольно уникальный» или «отчасти беременная». Там есть еще какие-нибудь машины или нет?

– Есть.

– Сколько?

– Шесть, сэр. Они находятся на расстоянии от десяти до двадцати футов от исследуемого автомобиля.

– Можешь обходиться без всяких «сэров». Прибереги дыхание для более важных вещей.

– Слушаюсь.

– Автомобили пусты? В них никто не прячется?

– Их уже осмотрели.

– Капоты горячие?

– Гм… не знаю. Проверю. – Стоило бы подумать об этом раньше.

Он потрогал все капоты тыльной стороной ладони, чтобы не оставить отпечатков.

– Нет. Все холодные. Стоят здесь довольно долго.

– Хорошо, значит, никаких свидетелей. Какие-нибудь следы недавней езды, следы шин по направлению к выходу?

– Свежего явно ничего нет. Кроме следов от «эксплорера».

– Значит, у них, по-видимому, не было запасных колес. Из чего следует, что из гаража они уходили пешком. Ну что ж, тем лучше для нас… Теперь, Рон, огляди все место в целом.

– Глава третья.

– Я написал чертову книгу. И мне нет необходимости заново ее выслушивать.

– Хорошо. Общая характеристика: автомобиль припаркован наспех.

– Ну конечно, им пришлось как можно скорее уносить ноги, – откликнулся Райм. – Они ведь знали, что их преследуют. Какие-нибудь явные следы ног?

– Нет, пол сухой.

– Где расположена ближайшая дверь?

– Выход на лестницу, на расстоянии двадцати футов.

– Спецподразделения ее осмотрели?

– Да.

– Какие еще общие впечатления?

Пуласки внимательно оглядывался по сторонам. Это гараж. Пожалуй, все, что можно о нем сказать... Он прищурился, стараясь разглядеть что-то не очень заметное, но важное. Ничего.

Нехотя он признался:

– Не знаю.

– В нашем деле мы никогда ничего не знаем наверняка, – произнес Райм ровным голосом, мгновенно превратившись в терпеливого преподавателя. – Нам помогает случайность. Что привлекает твое внимание? Что удивляет? Впечатления. Выкладывай, не стесняйся.

Мгновение Рону ничего не приходило в голову. И вдруг его осенило.

– А почему они вообще припарковали автомобиль здесь?

– Что?

– Вы спросили, что меня удивляет. Как-то странно, что они припарковали автомобиль здесь, так далеко от выхода. Почему прямо к нему не подъехать? И почему не попытаться спрятать «эксплорер» получше?

– Хорошо замечено, Рон. Мне стоило бы самому задаться подобным вопросом. Ну и что ты думаешь? Почему они решили припарковаться именно здесь?

– Может быть, запаниковали?

– Возможно. Нас такой вариант устраивает. Для следователя нет ничего лучше, чем невнимательный преступник... Продумаем эту версию. Ладно, а теперь обойди помещение вначале по направлению к выходу, а затем от него и вокруг машины. Взгляни под нее и на крышу. Ты представляешь план помещения?

– Да, – ответил Рон и чуть было не добавил «сэр».

В течение ближайших двадцати минут Пуласки ходил взад-вперед, рассматривая пол гаража и потолок вокруг автомобиля. Он не пропустил ни миллиметра. Принюхался и... не сделал никакого определенного

вывода на основании аромата из смеси выхлопов, масел и дезинфектантов. И вновь в некоторой растерянности Рон вызвал Райма и сообщил, что ничего не нашел. Криминалист, однако, никак на его слова не отреагировал и только попросил осмотреть автомобиль.

К тому времени они уже успели проверить базу данных с номерами внедорожников и обнаружили, что «эксплорер» на самом деле принадлежал одному из тех людей, которых Селлитто уже раньше выделил в качестве подозреваемых. Его владельцем был тот самый парень, который в настоящее время отбывал годичный срок на Райкерс-Айленд за хранение кокаина. «Эксплорер» конфисковали, так как в нем были найдены наркотики. Это значило, что Часовщик угнал его со стоянки, где автомобиль ожидал выставления на аукцион. Неплохая идея, подумал Райм, так как процесс регистрации конфискованных машин в управлении автомобильным транспортом иногда занимал несколько недель, а еще несколько месяцев уходило на то, чтобы продать машину. Номерные знаки были похищены с другого светло-коричневого «эксплорера» со стоянки в Ньюаркском аэропорту.

Странным глухим голосом Райм произнес:

– Я люблю автомобили, Рон. Они так много могут нам рассказать. Они похожи на книги.

Пуласки сразу же вспомнил те страницы учебника Райма, на которых содержалась информация по обследованию автомобилей. Он не стал цитировать, а просто перечислил:

– Да, конечно. Номер транспортного средства, номерные знаки, стикеры на бампере, стикер агента по продаже, проверка…

В ответ прозвучал смех.

– Да, если преступник – законный владелец машины. Но наш автомобиль – краденый, поэтому места, где он менял масло, или то, что он был лучшим учеником в школе Джона Адамса, нам не помогут.

– Думаю, что не помогут.

– Думаю, что не помогут, – повторил Райм. – Какую информацию способна дать украденная машина?

– Ну, отпечатки пальцев…

– Прекрасно. Ведь в автомобиле так много всяких вещей, которых нужно касаться руками: рулевое колесо, переключатель передач, обогреватель, радио, всякие рукоятки, сотни всего. И у них у всех такие блестящие

поверхности. Спасибо тебе, Детройт… Ну и, конечно, Токио, Гамбург и многие другие города. И еще одно: для большинства их автомобили – что-то вроде портфелей или кухонных шкафчиков. Знаешь такие кухонные шкафчики, в которые складывают все подряд? Склад личных вещей. Нечто сходное с дневником, в котором все стараются писать правду. Поищи что-то в этом роде. Нечто личное…

Физические улики, вспомнил Пуласки.

Когда молодой полисмен наклонился над машиной, он услышал за спиной странный звук – как будто кто-то царапал по металлу. Он отскочил назад и огляделся по сторонам, всматриваясь в полумрак гаража. Рон знал, что Райм, как правило, настаивает на том, чтобы эксперт проводил осмотр места преступления в одиночку, поэтому он отослал остальных ребят, приехавших с ним. Возможно, всего лишь крыса. Подтаявший и упавший кусок льда. Затем Пуласки услышал еще один звук. Он чем-то напомнил ему тиканье часов.

«Да ладно, – брось, сказал себе детектив. – Скорее всего просто разогревшиеся прожектора. Не будь таким рохлей. Ты сам напросился на эту работу».

Он внимательно осмотрел передние сиденья.

– Здесь крошки. Очень много крошек.

– Крошки?

– В основном от чего-то вроде чипсов. Да, кукурузные чипсы, картофельные чипсы, крошки от булочек, кусочки шоколада. Какие-то липкие пятна. Скорее всего от содовой. О, минутку, здесь есть и кое-что еще под задним сиденьем… Превосходно. Коробка с патронами.

– Какими?

– «Ремингтон». Тридцать второго калибра.

– А что внутри коробки?

– Гм… полагаю, патроны.

– Уверен?

– Я не открывал ее. Открыть?

Молчание Райма означало утвердительный ответ.

– Да. Патроны. Тридцать второй калибр. Коробка не полная.

– Скольких не хватает?

– Семи.

– А! Это важно.

– Почему?

– Потом.

– Да, и кое-что еще. Какое-то руководство по ведению допросов. Скорее даже по пыткам.

– Пыткам?

– Да.

– Книга приобретена в магазине или взята в библиотеке?

– Внутри нет никаких наклеек, никаких вкладышей и библиотечных отметок. Но кто бы ни был ее владелец, он ею часто пользовался.

– Хорошо сказано, Рон. Хорошо, что ты не употребил слово «преступники». Нужно избегать окончательных суждений. Всегда.

Похвала была не слишком значительная, но Рона она все равно порадовала.

Затем Пуласки снял отпечатки с пола автомобиля, с пространства между сиденьями.

– Кажется, все основное я сделал.

– Бардачок.

– Проверил. Там пусто.

– Педали?

– Их отчистили. Практически никаких следов.

– Подголовники? – спросил Райм. – На них могут оставаться волосы и следы лосьона.

– Наверняка подозреваемые были в шапках, – возразил Пуласки.

– Давай будем исходить из незначительного шанса, – резко ответил ему Райм, – что Часовщик не сикх, не монахиня, не космонавт, не ныряльщик за губками или кто-то еще, у кого голова покрыта полностью. Сделай мне одолжение, осмотри подголовники.

– Да, конечно.

И мгновение спустя Пуласки уже заметил два волоска – серый и черный. Он сразу сообщил об этом Райму. Криминалист избавил его от традиционного в подобных случаях восклицания: «Ну, что я тебе говорил!» – а просто сказал:

– Превосходно. Упакуй их в пластиковый пакет. А теперь отпечатки пальцев. Я хочу выяснить, кто же такой на самом деле наш Часовщик.

Пуласки, потея даже в такой жуткий сырой холод, в течение десяти минут работал со щеткой «Магна», порошками, специальными фонарями и в очках с увеличительными стеклами.

И когда в наушниках прозвучал нетерпеливый голос Райма: «Ну как?», ему пришлось признать:

– Практически ничего.

– Ты хочешь сказать, что не нашел целых отпечатков. Это нормально. Сойдут и частичные.

– Нет, я имел в виду то, что их вообще нет, сэр. Нигде. Во всей машине.

– Невероятно.

Из учебника Райма Пуласки помнил, что существует три разновидности отпечатков: пластические, трехмерные отображения, которые можно обнаружить в грязи или глине; видимые, которые можно увидеть невооруженным глазом; и латентные, которые становятся видимыми только при наличии специального оборудования. Пластические отпечатки – крайне редкий случай, видимые тоже встречаются не так уж часто, но латентные постоянно обнаруживают практически на любом месте преступления.

За исключением «эксплорера» Часовщика.

– Размазаны?

– Нет.

– Безумие какое-то. Конечно, за пять минут они не смогли бы протереть всю машину. Осмотри снаружи. Все до миллиметра. В особенности рядом с дверцами и с крышкой бензобака.

Пуласки, волнуясь, продолжил поиск. Может, он неправильно пользовался щеткой? Или неверно распылял химикаты? Надел не те очки?

Сильная черепно-мозговая травма, которую Рон перенес незадолго до того, оставила серьезные последствия, выражавшиеся в посттравматическом стрессе и частых приступах паники. Он стал часто впадать в состояние, о котором жене говорил: «Мысли становятся какими-то мутными». Кроме того, после инцидента Рона начала преследовать навязчивая идея, что он уже какой-то не такой, «поврежденный», больше никогда не сможет тягаться с братом, хотя когда-то у них был совершенно одинаковый ай-кью. Но в наибольшей степени его беспокоило то, что он теперь уступает в интеллекте преступникам, с которыми имеет дело, работая на Линкольна Райма.

А затем он сказал себе: «Хватит! Ты думаешь, что все запорол. Черт, ведь в академии ты был среди пяти процентов лучших. Ты прекрасно знаешь, что делаешь. Ты работаешь в два раза больше других копов».

И он твердо произнес в микрофон:

– Я уверен, Линкольн. Каким-то образом им удалось не оставить следов… Минутку, минутку, постойте-ка…

– Я вроде бы никуда и не собирался уходить, Рон.

Пуласки надел очки с увеличительными стеклами.

– Кажется, что-то нашел. Я смотрю на хлопчатобумажные волокна. Бежевого цвета. Скорее, даже телесного цвета. Да, именно телесного цвета. Могу поклясться, что от перчаток.

– Значит, он и его помощник весьма осторожны и хитры. – В голосе Райма появилась какая-то напряженная нотка, которая встревожила Пуласки. Ему не хотелось думать, что на свете может существовать что-то такое, что способно поставить Линкольна Райма в тупик. Холодок пробежал у него по спине и вовсе не от постоянно усиливавшегося холода. Он вспомнил тот непонятный скрежет. И тиканье. Тик-так…

– Может быть, что-нибудь в покрышках, радиаторной решетке? – предположил Райм.

Рон начал искать.

– В основном грязь.

– Возьми образцы.

– Сделано.

– Снимки и видео. Знаешь как?

Он знал. Пуласки фотографировал и снимал на свадьбе у брата.

– А теперь необходимо обследовать возможные пути их бегства.

Пуласки снова огляделся по сторонам. Это снова скрежет или звук шагов? Капает вода. И ее капанье тоже напоминает звук тикающих часов, что еще больше нервировало Рона. И он вновь начал обходить помещение взад-вперед, продвигаясь к выходу, глядя вверх и вниз, так, как Райм писал в своей книге.

«Место преступления – трехмерное пространство…»

– Пока ничего.

И вновь недовольное ворчание Райма в микрофон. Пуласки замер на месте. Он услышал нечто напоминающее звук шагов.

Рука рванулась к бедру. И только тут он понял, что его «глок» недосягаем под «Тайвеком». Как глупо! Но что делать? Расстегнуть костюм, вынуть пистолет и перевесить его поверх «Тайвека»?

Он может вызвать загрязнение обследуемого места. И Рон Пуласки решил оставить пистолет под костюмом. «Ты ведь всего лишь в старом гараже, – напомнил он себе, – и здесь полно всяких шумов. Расслабься».

С «визитных карточек» Часовщика на Линкольна Райма взирали непроницаемые лунные лики. Жуткие глаза, неспособные ничего поведать.

До него доносилось только тиканье. Голоса Рона больше не было слышно. Затем появились какие-то странные звуки. Какое-то царапанье, лязг. Или это просто обычные помехи?

– Рон? Чем ты занят?

Ничего, и только тик… тик… тик…

– Рон?

Затем удар, громкий. Чем-то металлическим. Райм даже непроизвольно наклонил голову.

– Рон? Что происходит?

И вновь никакого ответа.

Райм уже собирался попросить, чтобы переключили частоту, и приказать Хауманну посмотреть, что произошло с парнем, когда внезапно в наушниках снова зазвучал испуганный голос Рона:

– …нужна помощь. Десять-тринадцать, десять… Я…

10-13 – самый срочный из всех вызовов в полиции.

– Ответь мне, Рон! – крикнул Райм. – Где ты?

– Я не могу…

Какое-то мычание в микрофон.

Рация замолчала. Черт!

– Мэл, вызови Хауманна!

Эксперт нажал несколько кнопок и крикнул:

– Вы соединены.

– Бо, это Райм. Пуласки попал в беду. Послал сигнал десять-тринадцать на мою линию. Вы не слышали?

– Нет. Сейчас проверим.

Он собирался обследовать лестничный пролет, ближайший к «эксплореру».

– Принято.

Теперь, находясь на основной частоте, Райм слышал все сообщения. Хауманн направлял к Пуласки несколько подразделений тактической поддержки и вызывал медиков. А также отдал приказ своим людям рассредоточиться по гаражу и прикрыть выходы.

Райм от бессильной злобы вжал голову в кресло. Он злился на Амелию за то, что она променяла «его дело» на «другое» и вынудила Райма

согласиться на кандидатуру Пуласки. Он злился на себя за то, что позволил неопытному парню в одиночку обследовать достаточно опасное место.

– Линк, мы на подходе. Мы его не видим. – Голос Селлитто.

– Только, ради всего святого, не сообщайте мне о том, чего вы не нашли.

– На этом уровне ничего нет.

– Здесь внедорожник.

– Где он?

– Там кто-то есть.

– Больше света! Нам нужно больше света!

Наступили мгновения тишины, которые показались часами. «Что происходит? Черт побери, кто-нибудь мне что-нибудь скажет!»

Ответа на его молчаливое требование не последовало. Райм переключился на частоту Пуласки.

– Рон?

Вместо ответа он услышал серию каких-то хлюпающих звуков, словно кто-то, кому перерезали горло, пытается говорить, забыв о том, что уже навсегда лишился голоса.

Глава 18

20.26

– Эй, Эми. Нужно поговорить.

– Да, конечно.

Сакс в ходе своих поисков дела Фрэнка Сарковски направлялась на Адскую Кухню, расположенную в самой оживленной части Манхэттена. Впрочем, думала Амелия совсем не об этом. Думала она о часах, оставляемых убийцей на месте преступления. Думала о времени, движущемся вперед, и о времени остановившемся. Думала о тех мгновениях, когда мы хотим, чтобы время как можно скорее бежало и избавило нас от боли, которую мы испытываем. Но время никогда нам не повинуется. Именно в такие мгновения оно начинает тянуться

невероятно медленно, а иногда почти останавливается, словно сердце приговоренного к смерти в момент казни.

– Нужно поговорить.

Амелия Сакс вспоминала другие разговоры давно минувших дней.

Ник продолжал:

– Вопрос очень серьезный.

Двое влюбленных в бруклинской квартире Амелии. Она совсем девчонка, в форме, туфли начищены так, что в них можно смотреться, как в зеркало. (Слова, которые любил повторять ее отец: «Хорошо начищенными туфлями ты сможешь добиться гораздо большего уважения, чем идеально отутюженной формой, милая. Всегда помни об этом». И она всегда помнила.)

Темноволосый красавец с вздувающимися мышцами, Ник (он мог бы тоже стать моделью) – полицейский. Старше ее по званию. Настоящий ковбой. Амелия сидит на краешке изящного кофейного столика из тика, купленного годом раньше на остатки денег, заработанных в модельном бизнесе.

Сегодня Ник выступает в роли тайного агента. Он в майке, джинсах, а на бедре у него маленький револьвер. Он давно не брился, но Амелии нравится его щетина. Планы на сегодняшний вечер таковы: он приходит к ней домой и они ужинают. Она запаслась вином, свечами, салатом, лососиной. Все уже стоит на столе, создавая уют.

С другой стороны, Ник уже несколько ночей не был дома. Поэтому, возможно, они поужинают позже.

Может быть, они вообще не будут ужинать.

Но сейчас действительно что-то случилось. И что-то очень серьезное.

Он стоит перед ней, он не убит и не ранен, его не застрелили при выполнении секретного поручения на самом опасном задании в полиции. Он следовал за машинами мафии. Там были большие деньги и большое количество оружия. Ника сопровождали три его ближайших друга. У нее возникает страшное подозрение, от которого сжимается сердце: а что, если один из них убит? Она ведь их всех прекрасно знает.

Или что-то еще?

Может, он хочет с ней порвать?

Мерзко… мерзко… но все-таки лучше, чем известие о том, что кого-то из знакомых пришили в перестрелке с бандой из восточных районов Нью-Йорка.

– Ну давай, выкладывай, – говорит она.

– Послушай, Эми. – Так ее всегда называл отец. Только им двоим она и позволяла так к себе обращаться. – Дело в том, что…

– Выкладывай, – повторяет она. Амелия Сакс привыкла прямо и без обиняков сообщать новости, того же она ждет и от других.

– Ты все равно рано или поздно об этом узнаешь. Я хотел сообщить тебе первым. У меня проблемы.

Ей кажется, что она понимает. Ник – настоящий ковбой, в любое мгновение готовый вытащить свой «МР-5» и обменяться свинцом с преступником. Амелия, гораздо лучший стрелок, по крайней мере из пистолета, сто раз подумает, прежде чем нажать на курок. (Она снова вспоминает слова отца: «Выпущенные пули назад не возьмешь».) Наверное, была перестрелка, думает она, и Ник кого-нибудь застрелил, возможно, даже невиновного. Ну что ж… Его отстранят до того, как соберется специальная комиссия и решит, насколько были оправданны его действия.

Сердце Амелии полно сочувствия к нему, и она уже готова все это высказать вслух и добавить: ничего страшного, переживем, как вдруг он говорит:

– Меня арестуют.

– Тебя…

– Меня и Сэмми… И Фрэнка тоже… за ограбления… за вымогательство. Нас поймали. По-настоящему. – Его голос дрожал. Конечно, Амелия никогда не слышала, как Ник плачет, но сейчас до нее доносится что-то похожее на всхлипывания.

– Ты занимался вымогательством? – выдыхает она в ужасе.

Он опускает голову, уставившись на зеленый ковер. Наконец она слышит шепот:

– Да… Мы преступники. Мы сами с них трясли деньги.

– Ты хочешь сказать, сегодня вечером вы… – Ее голос сорвался.

– О, Эми, не только сегодня. А целый год. Целый чертов год! У нас были свои ребята на складах, которые сообщали нам о перевозках. Мы задерживали машины… ну, и сама понимаешь. Да тебе и не нужно знать подробности. – Он потер свое внезапно осунувшееся лицо. – До нас дошел слух, что выданы ордера на наш арест. Кто-то нас заложил. Все, на мне крест.

Амелия вспоминала те ночи, когда Ник выходил на дежурство, работал под прикрытием, ловил угонщиков. По крайней мере раз в неделю.

– Меня засосала эта трясина. У меня не оставалось выбора…

Ей не было нужды возражать ему, говорить: нет, нет, нет, нет, о Господи! У нас всегда есть выбор. Амелия Сакс никогда не искала оправданий для себя и не признавала их у других. Да, конечно, она любит его…

Она любила его.

И он сдается.

– Я облажался, Эми. Облажался. Я пришел сообщить тебе.

– Ты собираешься явиться с повинной?

– Думаю, да. Я не знаю, что мне делать. Черт!

У нее в голове абсолютная пустота, она не знает, что ему сказать. Она вспоминает время, проведенное с ним: часы на полигоне, где они расходовали килограммы патронов; в барах на Бродвее за ледяными дайкири; или на полу перед камином в ее бруклинской квартире.

– Они будут рассматривать мою жизнь под микроскопом, Эми. Конечно, я скажу, что ты ничего не знала, только ведь они все равно будут задавать тебе вопросы. Я постараюсь, чтобы тебя ничего не коснулось. Но они зададут тебе очень много вопросов.

Амелии хочется спросить его, почему он пошел на такое. Какие у него могли быть причины? Ник вырос в Бруклине в благополучной и вполне состоятельной семье. На какое-то короткое время связался с дурной компанией, но отец хорошенько поучил его, и он порвал с ними. Почему же он снова оступился? Захотелось пощекотать себе нервы? Или внезапно в Нике проснулась дремавшая до поры алчность? Значит, и это свое качество он сумел от нее спрятать. Как это он ухитрился? Как?

Ответа на вопросы она так и не получила.

– Мне нужно идти. Я люблю тебя.

Он поцеловал ее в макушку. И вышел.

Амелия вспоминала те бесконечные мгновения, бесконечную ночь, когда время остановилось и она сидела, уставившись на горящие свечи, пока они не догорели до конца, превратившись в лужицы расплавленного воска.

«Я позвоню тебе позже…»

Больше не было никаких звонков.

Все совпало, его преступление и конец их отношений. А Амелия решила уйти из патрульной полиции. Заняться кабинетной работой. И только случайная встреча с Линкольном Раймом заставила ее пересмотреть решение. Происшедшее породило в душе у Амелии глубокое отвращение к продажным полицейским, которые стали для нее чем-то гораздо более страшным, нежели лживые политики, неверные мужья и жестокие преступники.

Именно поэтому ничто не могло остановить ее теперь в поиске ответа на вопрос: не является ли компания в «Сент-Джеймсе» группой продажных копов из 118-го округа? И если да, то ничто не остановит ее в желании добиться для них и их сообщников самого сурового наказания.

Ее «камаро» затормозил у обочины. Амелия прикрепила парковочную карточку сотрудника полиции к лобовому стеклу, вылезла из машины, хлопнув дверью с такой силой, словно пыталась закрыть пропасть, разверзшуюся между ее настоящим и неприятным прошлым.

– Черт, ужас!

На верхнем этаже гаража, где был обнаружен внедорожник Часовщика, патрульный офицер, произнесший эту фразу, смотрел на фигуру, лежащую на животе на полу.

– Да уж! – откликнулся один из его товарищей. – Бог ты мой!

А третий провозгласил:

– Угу!

Мгновение спустя появились Селлитто и Боб Хауманн.

– Ты в порядке? Ты в порядке? – кричал Селлитто.

Он обращался к Рону Пуласки, стоявшему над человеком, который лежал на полу, покрытый вонючим мусором. Рон, которого тоже украшали отбросы, тяжело дышал. Пуласки кивнул.

– До смерти меня напугал. Со мной все нормально. Для бомжа он вообще-то довольно крепкий.

Подбежал врач и перевернул нападавшего на спину. Пуласки уже успел надеть на него наручники, и теперь металлические браслеты громко зазвенели. Взгляд незнакомца безумно метался из стороны в сторону, а одежда была рваной и грязной. Вонь, исходившая от тела, становилась нестерпимой. Он недавно помочился прямо в штаны.

– Что произошло? – спросил Хауманн.

– Я проводил осмотр гаража… – Пуласки указал на площадку. – И у меня возникло подозрение, что преступники вышли вон там… И спустились по той лестнице. Я абсолютно уверен. Я стал искать там в надежде обнаружить следы. И тут услышал у себя за спиной какие-то звуки и обернулся. Этот парень шел прямо на меня. – Он продемонстрировал трубу, которую нес в руках бомж. – Я не смог вовремя достать пистолет и потому бросил в него урну с мусором. Минуту или две мы боролись, а затем я применил шоковый прием и скрутил его.

– Мы такими приемами не пользуемся, – напомнил ему Хауманн.

– Я просто хотел сказать, что с помощью специальных мануальных методов сумел успешно сдержать его.

Его шеф удовлетворенно кивнул:

– Хорошо.

Пуласки нашел наушники и включил их. Он поморщился, когда в них раздался оглушительный голос криминалиста:

– Ради всего святого! Ты живой или мертвый? Что происходит?

– О, извините, детектив Райм.

Пуласки объяснил, что случилось.

– С тобой все в порядке?

– В полном.

– Отлично, – отозвался Райм. – А теперь ответь мне, почему, черт возьми, твой пистолет оказался под комбинезоном?

– По недосмотру, сэр. Больше не повторится, сэр.

– Надеюсь. Как звучит правило номер один относительно работы на «горячем месте»?

– Горячем...

– «Горячим местом» мы называем такое место преступления, рядом с которым все еще может находиться злоумышленник. Правило состоит в следующем: «Внимательно все осматривай, но не забудь прикрыть задницу». Понял?

– Да, сэр.

– Короче говоря, путь их бегства загрязнен, – проворчал Райм.

– Ну, он просто завален мусором. Мне пришлось останавливать нападавшего с помощью урны с отходами. И она была полна до краев.

– Мусор! Отходы! – возмущенно откликнулся Райм. – В таком случае, я полагаю, тебе самое время начать уборку. Мне нужны собранные материалы через двадцать минут. Абсолютно все. Успеешь?

– Да, сэр. Я...

Райм резко прервал связь.

И пока два полицейских, натянув латексные перчатки, выводили бомжа, Пуласки согнулся и начал убирать мусор. Он пытался вспомнить, что такого знакомого было в тоне Райма. Наконец его осенило. Это была та же самая смесь гнева и облегчения, которая слышалась в голосе отца братьев Пуласки, когда он застал обоих близнецов бегающими наперегонки по рельсам скоростной железной дороги, проходившей неподалеку от их дома.

Вылитый шпион.

Артур Шнайдер, стоявший на углу улицы в Адской Кухне, был в плаще и старой тирольской шляпе с маленьким пером. И он напоминал помятого, видавшего виды агента из романа Джона Ле Карре.

Амелия подошла к нему.

Шнайдер отреагировал на ее приближение мимолетным взглядом и, оглянувшись по сторонам, повернулся и проследовал на запад, подальше от шумной Таймс-сквер и прилегающих к ней улиц.

– Спасибо за звонок.

Шнайдер пожал плечами.

– Куда мы идем? – спросила она.

– Я должен встретиться с одним товарищем. Мы каждую неделю играем с ним здесь в бильярд. Я не хотел говорить по телефону.

Шпионы…

Его дернул за рукав, прося о подаянии, какой-то истощенный мужчина с прилизанными, желтого цвета, волосами, не светло-русыми, а именно желтыми. Шнайдер пристально взглянул на него и протянул доллар. Мужчина пошел дальше, пробормотав «спасибо» с обидой в голосе, так, словно ожидал, что ему подадут никак не меньше пяти.

Они шли по плохо освещенной части улицы, когда Амелия почувствовала, как что-то дважды коснулось ее бедра. На мгновение она подумала, что Арт пытается заигрывать с ней. Но, опустив глаза, увидела, что он хочет незаметно передать ей сложенный листок бумаги.

Амелия взяла бумагу, когда они проходили под уличным фонарем, и сразу просмотрела ее.

Листок представлял собой фотокопию страницы из папки или из книги.

Шнайдер наклонился к ней и прошептал:

– Это страница из журнала регистрации. Из сто тридцать первого.

В середине имелась запись:

Номер дела: 3453496, Сарковски, Фрэнк.

Предмет: убийство.

Отослано: в 158-й округ.

Запрос подан:

Дата отсылки: 28 ноября.

Дата возвращения:

– Патрульный полицейский, с которым я работаю, – заметила Амелия, – проверял и сообщил мне, что в журнале регистрации не было отметки о выдаче дела.

– Вероятно, он смотрел только в компьютере. Я там тоже посмотрел. Скорее всего сведения о выдаче были и на жестком диске, а потом их просто стерли. А это из дубликата.

– А почему дело отправили в сто пятьдесят восьмой?

– Не знаю. Никаких причин для подобной передачи не было.

– А где вы взяли копию? – спросила Амелия, кивком указав на листок бумаги.

– Один знакомый нашел. Полицейский, с которым я работал. Очень достойный парень. Уже забыл о том, что я просил.

– А в сто пятьдесят восьмом куда должно было поступить дело?

Шнайдер пожал плечами:

– Без понятия.

– Спасибо и за это.

Он снова пожал плечами и потер ладони.

– Чертовский холод. – Оглянулся. Амелия тоже оглянулась. Что за черный автомобиль притормозил на перекрестке?

Шнайдер остановился, кивнул на старенькую ветхую витрину с надписью: «Бильярдная Фланнагана. Основана в 1954».

– Мне сюда.

– Большое спасибо, – произнесла на прощание Амелия.

Шнайдер заглянул внутрь бильярдной, затем посмотрел на часы.

– Теперь совсем немного таких заведений осталось в районе Таймс-сквер, – сказал он. – Когда-то очень давно я был патрульным полицейским. Знаете...

– Сорок вторая улица. Я тоже по ней ходила. – Амелия снова оглянулась. Черный автомобиль исчез.

Арт смотрел внутрь бильярдной и говорил тихим голосом:

– Лучше всего я помню летние дни. В августе. Бывало так жарко, что все бандиты сидели по домам. Я помню рестораны, бары, кинотеатры. На некоторых из них висели объявления, наверное, еще с сороковых или пятидесятых годов, сообщавшие, что в них имеются кондиционеры. Смешно все-таки, когда заведение пытается завлечь посетителей фактом наличия в нем кондиционеров. Теперь все по-другому. Времена меняются. – Шнайдер открыл дверь и вошел в прокуренное помещение. – Времена наверняка меняются.

Глава 19

21.01

Их новым автомобилем был «бьюик ле сабр».

– Где ты его раздобыл? – спросил Винсент Дункана, залезая на место пассажира. Автомобиль стоял у обочины перед церковью.

– В Нижнем Ист-Сайде. – Дункан бросил на него пристальный взгляд.

– И тебя никто не видел?

– Почему... Владелец видел. Но недолго. И он уже ничего никому не скажет. – Дункан похлопал себя по карману, в котором лежал пистолет, а затем кивнул в сторону того угла, где немногим раньше он перерезал глотку студенту. – Полиции поблизости нет?

– Нет. То есть... я никого не видел.

– Хорошо. Служба уборки улиц, видимо, вывезла мусорный бак вместе с телом на барже в море.

«Режь по глазам...»

– А что случилось в гараже? – спросил Винсент.

Дункан скорчил гримасу.

– Я так и не смог подойти к «эксплореру». Полицейских там практически не было, зато нарисовался какой-то бездомный. Он устроил такой шум, что отовсюду стала сбегаться полиция. Пришлось уходить.

Они отъехали от обочины. Винсент не представлял, куда они едут. Дункан позвонил ему за десять минут до того и сказал, что они должны встретиться внизу. «Бьюик» был старый и весь пропах табачным дымом. Винсент даже не мог придумать ему прозвище. Он был темно-синего цвета. «Синемобиль» звучало совсем не смешно. Никакое другое название не приходило в голову. В данный момент Умница Винсент плохо соображал. По прошествии нескольких минут, в течение которых они ехали молча, он спросил:

– А что ты больше всего любишь есть?

– Я?..

– Да, есть. Какая твоя любимая еда?

Дункан слегка прищурился. Он часто так делал. Ко всему относился очень серьезно и выговаривал ответы так, как будто давно их приготовил. Но этот вопрос поставил его в затруднительное положение. Он едва слышно рассмеялся.

– Знаешь, я не так уж много ем.

– У тебя ведь должна быть какая-то любимая еда.

– Никогда не задумывался над подобными вопросами. А почему ты спрашиваешь?

– Я просто подумал, что могу иногда готовить для нас обоих обед. Я ведь знаю рецепты очень многих блюд. Ну, например, пасты, то есть спагетти. Ты любишь спагетти? Я их делаю с фрикадельками. Я умею делать сливочный соус. Он называется «Альфредо». Или томатный.

– Я, наверное, выберу томатный, – ответил его собеседник. – Я всегда заказываю томатный соус в ресторанах.

– Ну, тогда я его обязательно для тебя сделаю. А если ко мне приедет сестра, то мы можем даже устроить большой торжественный обед. Ну конечно, только для троих.

– Это… – Дункан покачал головой. Он явно был тронут предложением Винсента. – Никто не готовил для меня обед с тех пор, как… В общем, никто не готовил для меня обед уже много-много времени.

– Может быть, через месяц.

– Через месяц вполне подойдет. Расскажи о своей сестре.

– Она на два года моложе меня. Работает в банке. Она тоже очень худая. Я не к тому, что ты худой. Просто вы оба в хорошей форме.

– Она замужем? У нее есть дети?

– О нет. Она вся в работе. И неплохо с ней справляется.

Дункан кивнул.

– Через месяц. Я наверняка вернусь сюда. Мы сможем вместе пообедать. Но я ничем не смогу тебе помочь. Я не умею готовить.

– О, готовить буду я. Мне нравится готовить. Я постоянно смотрю кулинарный канал.

– Я могу привезти кое-какой десерт. Что-нибудь уже готовое. Я знаю, ты любишь конфеты.

– Это будет просто чудесно! – в полном восторге воскликнул Винсент. Он оглядел холодные голубоватые улицы. – А куда мы направляемся?

Мгновение Дункан молчал. Он остановил автомобиль на красный свет, передние колеса застыли в точности на грязно-белой стоп-линии.

– Можно мне рассказать тебе одну историю? – спросил он.

Винсент окинул своего друга удивленным взглядом.

– В тысяча семьсот четырнадцатом году британский парламент предложил вознаграждение в двадцать тысяч фунтов тому, кто сумеет изобрести портативные часы, достаточно точные, чтобы использовать их на кораблях.

– В те времена это были большие деньги, верно?

– Громадные. Часы нужны были для кораблей, потому что ежегодно тысячи моряков погибали из-за навигационных ошибок. Видишь ли, чтобы определить курс корабля, необходимо знать широту и долготу. Долготу можно установить с помощью астрономических методов. А для определения широты необходимо знать точное время. Английский часовщик по имени Джон Харрисон решил попытать счастья. Он начал работу над проектом в тысяча семьсот тридцать пятом году и создал часы небольшого размера, которые можно было использовать во время

морских плаваний и которые в течение перехода через Атлантику ошибались всего на несколько секунд. Но как ты думаешь, когда он завершил свою работу? В тысяча семьсот шестьдесят первом.

– Так долго?

– Ему пришлось преодолевать массу преград: политических, моральных, зависть коллег, хитроумные интриги коварных бизнесменов и членов парламента, ну и, конечно же, чисто механические сложности, связанные с созданием часов и казавшиеся почти неразрешимыми. Но он не сдавался, упорно продолжая работать в течение двадцати шести лет.

Загорелся зеленый свет, и Дункан начал медленно набирать скорость.

– А теперь я отвечу на твой вопрос: мы поедем ко второй девушке, которая стоит в нашем списке. Мы пережили неудачу, но это не должно нас останавливать. Ничего страшного не произошло. Мелочи...

– В великом плане Вселенной.

Улыбка на короткое мгновение появилась на лице убийцы. И он кивнул Винсенту.

– Ну во-первых, есть у них в гараже камеры слежения? – спросил Райм.

На вопрос Селлитто ответил громким смехом – размечтался!

Он, Пуласки и Бейкер вернулись в квартиру Райма и приступили к анализу того, что собрал в гараже Рон. Бездомный, напавший на Пуласки, находился в Бельвью. Никакого отношения к делу он не имел, а просто страдал шизофренией с параноидальными приступами.

– Не в то время и не в том месте, как говорится, – отозвался Пуласки.

– Ты или он? – нашелся Райм и тут же переключился на другую проблему. – А были ли камеры слежения на той стоянке конфискованных машин, с которой преступник угнал внедорожник?

И вновь смех.

Райму ничего не оставалось, как тяжело вздохнуть.

– Давайте посмотрим, что нашел Рон. Во-первых, патроны.

Купер принес коробку Райму и открыл ее.

Патроны для «АСР» 32-го калибра – необычно круглой формы. Пуля для полуавтоматического пистолета отличается большей дальнобойностью, чем для меньшего оружия двадцать второго калибра, но не очень большой энергией, как у более мощных пистолетов 38-го калибра или девятимиллиметровых. Пистолеты тридцать второго калибра традиционно называют дамскими. Они не так широко представлены на рынке, как другое оружие, тем не менее найти их всегда можно. Обнаружение пистолета тридцать второго калибра у подозреваемого могло бы рассматриваться в качестве косвенной улики, что данный подозреваемый и является Часовщиком, но не мог же Купер обзванивать все местные оружейные магазины с вопросом, кто в последнее время покупал у них патроны.

Так как в коробке отсутствовало семь патронов, Райм заключил, что скорее всего преступник пользовался пистолетом «МК-П», в полной обойме которого семь патронов. Нельзя было полностью исключать и «беретту томкэт», «североамериканского охранника» и «ЛВС-32». Убийце могла принадлежать любая из названных моделей. Если он вообще был вооружен. Наличие патронов, как подчеркнул Райм, дает возможность выдвинуть предположение, но вовсе не доказывает, что у подозреваемого действительно имеется оружие.

Райм подчеркнул, что пуля весила 71 гран и была достаточно велика, чтобы причинить серьезный вред с близкого расстояния.

– К доске, парень, – скомандовал Райм.

Пуласки начал писать под диктовку.

Книга, обнаруженная в «эксплорере», называлась «Использование пыток при допросах» и вышла в небольшом издательстве в штате Юта. Бумага, печать, типографская работа, не говоря уже о стиле, были откровенно убоги.

В книге, написанной анонимным автором, заявлявшим, что он был солдатом в войсках специального назначения, описывались разнообразные способы пыток, которые неизбежно завершались смертью подозреваемого в том случае, если он не давал признательных показаний: утопление, удушение, удавление, замораживание в холодной воде и тому подобное. Одна из пыток предполагала накладывание тяжестей на горло подозреваемого. Другая – вскрытие вен, после чего несчастный истекал кровью до момента признания, если таковой имел место, в противном случае процедура завершалась его гибелью.

– Боже! – воскликнул Бейкер, и его лицо перекосила гримаса ужаса. – Это его почерк… И что же, он собирается убивать все свои десять жертв подобными методами? Кошмар.

– Следы? – спросил Райм, которого гораздо больше интересовали криминалистические характеристики книги, нежели психологический портрет ее владельца.

Держа книгу над большим листом чистой газетной бумаги, Купер открыл все страницы одну за другой, стряхивая все, что могло там застрять, но оттуда так ничего и не выпало.

Не было и никаких отпечатков пальцев.

Ни один из методов, описанных в книге, не требовал использования какого-либо специального оборудования. В противном случае Райм мог бы без особого труда отследить его поставщика. Обычных предметов домашнего обихода, таких, к примеру, как веревки и кухонные ножи, было вполне достаточно, чтобы расправиться с десятком жертв в соответствии с рекомендациями, дававшимися в книге.

Купер установил, что книга была приобретена не через наиболее авторитетные интернет-сайты и не в каком-либо из крупных книжных магазинов. Они такую литературу не распространяли. Однако ее легко можно было получить, воспользовавшись услугами онлайновых аукционных компаний и сайтов крайне правых военизированных организаций, которые продавали все, что могло вам понадобиться, если бы вы захотели защититься от «этих мерзких меньшинств», от иностранцев и в крайнем случае даже от самого правительства Соединенных Штатов. За последние годы Райму несколько раз приходилось давать консультации входе крупных антитеррористических расследований. Многие преступники были связаны с «Аль-Каидой» и другими фундаменталистскими исламскими группировками, но не меньшее их количество представляли вполне западные разновидности терроризма – опасность, на которую власти в США практически не обращают никакого внимания.

Попытка что-то выяснить у издателя, позвонив ему, закончилась ничем. И это нисколько не удивило Райма. Ему сообщили, что книги не продаются непосредственно покупателям и если Райму нужно узнать, какие магазины приобрели книгу для распространения, то от него потребуется соответствующее распоряжение суда. Прежде чем он получит таковое, пройдет несколько недель.

– Неужели вы не понимаете, – рявкнул в телефонную трубку Деннис Бейкер, – что кто-то пользуется книгой как руководством для пыток и убийства людей?!

– Ну, знаете ли, она, в общем, для чего-то в этом роде и предназначена, – ответил руководитель издательства и повесил трубку.

– Черт!

Продолжая просматривать собранные материалы, они пришли к выводу, что песок, листья и окалина, которые Пуласки извлек из покрышек и зеркал заднего вида, не дают никакой информации. На заднем сиденье внедорожника был обнаружен песок, по составу совпадавший с тем, который преступник разбрасывал на Сидар-стрит в качестве маскирующего агента.

Крошки были от кукурузных и картофельных чипсов, булочек и шоколадных батончиков. Также там было много крошек от крекеров с арахисовым маслом и пятен от сладкой газированной воды.

Короткие хлопчатобумажные волокна телесного цвета оказались, как и предполагал Пуласки, сходны с волокнами от обычных рабочих перчаток, продаваемых в тысячах аптек, садоводческих лавок и бакалеи. Не вызывало никаких сомнений то, что преступники тщательно протерли «эксплорер» после похищения и внутри автомобиля постоянно находились в перчатках.

Еще одно напоминание о продуманности Часовщиком каждого шага.

Волосы с подголовника были девять дюймов длиной, черные, с едва заметной сединой. Волосы, как правило, неплохая и легкодоступная улика. Обычно волосы рассматриваются как основание для косвенной связи с подозреваемым, если у того такие же волосы, каковые идентифицируются по цвету, текстуре, длине, присутствию краски или других химических веществ. Однако волосы чаще всего не могут выступать в качестве решающего доказательства, так как их нельзя однозначно соотнести с тем или иным подозреваемым. Исключение составляют случаи, когда вместе с волосом находят и фолликул, позволяющий провести анализ ДНК. Волосы, обнаруженные Пуласки, были без фолликул. Кроме того, по мнению Райма, для Часовщика они длинноваты. На фотороботе, составленном по описанию Халлерштайна, волосы были средней длины. Ассистент Часовщика, по словам Джоанны Харпер, был в бейсболке, поэтому волосы вряд ли могли принадлежать ему. Кроме того, не исключена и вероятность того, что волосы выпали из парика – Часовщик мог пользоваться различными видами маскировки, – хотя Купер не обнаружил на концах никаких следов

клеящих веществ. По размышлении Райм решил, что найденные волосы все-таки принадлежали кому-то из тех, кто ездил на «эксплорере» до его похищения Часовщиком. Волосы длиной в девять дюймов могли, конечно, принадлежать как мужчине, так и женщине, однако Райм интуитивно чувствовал, что они женские. Седина указывала на средний возраст, но девять дюймов – необычная длина для мужчины такого возраста. В такие годы, как правило, носят прически гораздо короче.

– У Часовщика или у его ассистента могла быть подружка или какой-то другой партнер, но подобное представляется маловероятным, – заметил Райм и добавил: – Тем не менее занесите все на доску.

– Потому что, – произнес Пуласки, словно воспроизводя отрывок откуда-то наизусть, – никогда нельзя знать наверняка, верно?

Райм приподнял бровь и кивнул. А затем спросил:

– Обувь?

След обуви, который удалось найти Пуласки, был оставлен туфлей тринадцатого размера с гладкой подошвой. Ее владелец наступил в лужу и оставил полдюжины следов по пути к выходу. Пуласки был практически уверен, что следы принадлежали либо Часовщику, либо его спутнику, так как они находились на самом логичном и самом коротком пути от «эксплорера» к выходу. Он также обратил внимание на то, что между следами имелось некоторое расстояние и только на некоторых из них был различим каблук.

– Значит, они бежали, – настаивал он. – В вашей книге ничего подобного нет. Но такой вывод, как мне кажется, напрашивается сам собой.

Да уж, этого парня трудно не полюбить, подумал Райм.

Впрочем, серьезную информацию извлечь из следов было трудно. Невозможно определить марку обуви, так как на подошве не было никакого специфического узора. Отсутствовали и свидетельства характерных особенностей носки, что могло бы указывать на заболевания стопы или ноги в целом.

– По крайней мере нам теперь известно, что у него крупная нога, – заметил Пуласки.

– Я как-то запамятовал закон, который гласит, что людям с ногой восьмого размера запрещено носить обувь тринадцатого.

Парень кивнул:

– Понял.

Век живи – век учись, подумал Райм. Он снова окинул взглядом полученный материал.

– Все?

Пуласки кивнул:

– Я сделал все, что мог.

– Неплохо поработал, – пробормотал Райм.

В его голосе не чувствовалось особого энтузиазма. Райма заботило совсем другое. Он гадал, были бы результаты иными, если бы осмотром занималась Амелия? И не мог отделаться от мысли, что она нашла бы больше улик.

Райм повернулся к Селлитто:

– А как насчет дела Люпонте?

– Пока ничего. Если бы ты дал мне больше информации, было бы легче искать.

– Если бы я имел больше информации, я бы нашел его сам.

Рон всматривался в доски с материалами.

– Все… все это сводится к тому, что мы практически ничего о нем не знаем.

«Не совсем верно, – подумал Райм. – Мы знаем, что он чертовски хитрый негодяй».

СХЕМА № 3

Часовщик

Место преступления № 1

Место расположения:

• Ремонтный пирс на Гудзоне, на 22-й улице.

Жертва:

• Личность не установлена.

• Пол – мужской.

• Возможно, среднего возраста или даже старше, вероятно, страдающий гипертонией или сердечной недостаточностью (в крови обнаружено наличие антикоагулянтов).

• Наличия каких-либо других медикаментов и наркотиков в крови не установлено, так же как и возбудителей инфекционных заболеваний.

• Береговая охрана и водолазы продолжают поиски тела и других улик в гавани Нью-Йорка.

• Проводится проверка сообщений о пропаже людей.

Преступник:

• См. ниже.

Обстоятельства преступления:

• Преступник заставил повисшую над водой жертву цепляться за край опалубки дока до тех пор, пока, выбившись из сил, мужчина не упал в воду.

• Время преступления: между 18.00 понедельника и 6.00 вторника.

Имеющиеся материальные свидетельства:

• Кровь, тип АВ положительный.

• Вырванный ноготь, неполированный, широкий.

• Кусок разорванной оградительной цепи, разрезанной обычным инструментом для резки проволоки; инструмент отыскать невозможно.

• Часы. См. ниже.

• Послание. См. ниже.

• Отметины ногтей на опалубке.

• Никаких явных следов: никаких отпечатков пальцев, следов ног и автомобильных шин.

Место преступления № 2

Место расположения:

• Переулок за Сидар-стрит, около Бродвея, за тремя коммерческими зданиями (задние двери закрываются между 20.30 и 22.00) и одним правительственным административным зданием (задние двери закрываются в 18.00).

• Переулок представляет собой тупик. Пятнадцать футов шириной, сто четыре фута длиной, вымощен булыжником, тело находилось на расстоянии пятнадцати футов от Сидар-стрит.

Жертва:

• Теодор Адамс.

• Проживал в Бэттери-Парк.

• Автор рекламных объявлений.

• Явных врагов не имел.

• К судебной ответственности не привлекался.

• Связь с каким-либо из зданий, расположенных вокруг переулка, не установлена.

Преступник:

• Часовщик.

• Пол – мужской.

• Никаких компьютерных данных по Часовщику. Обстоятельства преступления:

• Жертву перетащили от автомобиля в переулок, где ему на шею положили металлический брус, который спустя некоторое время раздавил ему глотку.

• Ожидается поступление медицинского заключения с подтверждением обстоятельств гибели.

• Никаких свидетельств сексуального насилия.

• Время наступления смерти: приблизительно от 22.15 до 23.00 в ночь понедельника. Должно быть подтверждено медицинским заключением.

Имеющиеся материальные свидетельства:

• Часы.

• Никаких взрывчатых веществ, химикатов и биоагентов не обнаружено.

• Идентичны часам, найденным на пирсе.

• Никаких отпечатков пальцев, минимум следов.

• «Арнольд продактс», Фрэмингем, Массачусетс.

• Приобретены в часовом магазине Халлерштайна на Манхэттене.

• Послание, оставленное преступником на обоих местах преступления.

• Отпечатано на компьютерном принтере, на обычной бумаге, чернилами для лазерного принтера.

• Текст: «В небе полная Холодная Луна освещает труп земли, указывая час смерти и окончания пути, начатого в момент рождения. Часовщик».

• В каких-либо базах данных отсутствует; возможно, его собственного сочинения.

• Холодная Луна – один из месяцев по лунному календарю, месяц смерти.

• 60 долларов в банкнотах; отпечатки пальцев отсутствуют.

• Мелкий песок, используемый в качестве «маскирующего реагента». Песок обычный, свежий. Использовался потому, что преступник собирался вернуться на место преступления?

• Металлический брус, вес 81 фунт. В строительстве в близлежащей местности не используется. Другие источники происхождения не найдены.

• Скотч, обычный, но очень аккуратно и с исключительной точностью отрезан, что очень странно. Все куски совершенно одинаковой длины.

• В песке обнаружен сульфат таллия (яд, используемый против грызунов).

• Грязь, содержащая рыбный белок, – от преступника, а не от жертвы.

• Обнаружено очень мало следов.

• Волокна коричневого цвета, возможно, от обивки салона автомобиля.

Прочее:

• Автомобиль.

• Вероятно, «форд-эксплорер», три года эксплуатации. С коричневой обивкой салона.

• Проверка номеров автомобилей в указанном квартале на вечер и ночь понедельника не выявила никаких нарушений.

• Наводятся справки в полиции нравов о проститутках, которые могли стать свидетелями преступления.

• Никаких данных.

Беседа с Халлерштайном

Преступник:

• Фоторобот Часовщика: около пятидесяти лет или за пятьдесят, круглое лицо, двойной подбородок, толстый нос, глаза необычного очень

светло-голубого цвета. Выше шести футов, худощавый, волосы черные средней длины, никаких украшений, одежда темного цвета. Имя неизвестно.

• Хорошо разбирается в часах, знает, какие редкие хронографы продавались на недавних аукционах и были представлены на выставках в Нью-Йорке.

• Угрозами заставил владельца хранить информацию о его покупках в тайне.

• Приобрел 10 часов. Для 10 жертв?

• Расплатился наличными.

• Требовал, чтобы на циферблате было изображение луны и чтобы часы громко тикали.

Имеющиеся материальные свидетельства:

• Место покупки часов – часовой магазин Халлерштайна в районе «Утюга».

• Никаких отпечатков на деньгах, заплаченных за часы, серийные номера банкнот не проходят ни по каким преступлениям. Никаких следов.

• Звонил из телефонов-автоматов.

Место преступления № 3

Место расположения:

• Спринг-стрит, 481.

Жертва:

• Джоанна Харпер.

• Никаких явных мотивов.

• Вторую жертву Часовщика, Адамса, не знает.

Преступник:

• Часовщик.

• Помощник.

• Возможно, тот человек, которого жертва видела раньше у окна своей мастерской.

• Белый, крепкого телосложения, в солнечных очках, куртке с капюшоном и кепке. Вел внедорожник.

Обстоятельства преступления:

• Чтобы проникнуть внутрь, преступник взломал замок.

• Способ нападения неизвестен. Возможно, планировал воспользоваться флористической проволокой.

Имеющиеся материальные свидетельства:

• Рыбный белок – из мастерской Джоанны (удобрение для орхидей).

• Источник сульфата таллия также обнаружен неподалеку.

• Флористическая проволока разрезана на куски, идеально совпадающие по длине. (Предполагалось использовать в качестве орудия убийства?)

• Часы.

• Такие же, как и остальные. Никаких нитратов.

• Никаких следов.

• Никакой записки или послания.

• Не оставлено никаких отпечатков пальцев, следов ног, оружия и т. п.

• Черные хлопья – кровельная мастика.

• Проверка с помощью «АСТЕР» на возможный источник происхождения.

Дополнительно:

• Преступник отслеживал жертву перед нападением. Выбирал конкретную цель по конкретной причине? Какой?

• В его распоряжении имеется полицейская рация. Меняем частоту.

• Автомобиль.

• Светло-коричневый внедорожник.

• Номеров нет.

• Ведется отслеживание на улицах.

• В городе 423 владельца светло-коричневых «эксплореров». Проверка на наличие правонарушений. Найдено двое. Один слишком стар. Второй находится в тюрьме по обвинению в торговле наркотиками.

«Эксплорер» Часовщика

Местоположение:

• Обнаружен в гараже на Гудзоне и Хьюстон-стрит.

Имеющиеся свидетельства:

• «Эксплорер» принадлежал человеку, находящемуся в тюрьме. Был конфискован, а затем похищен со стоянки, где ожидал продажи с аукциона.

• Странно, что автомобиль оставлен посередине гаражного уровня, а не поблизости от выхода.

• Крошки от кукурузных и картофельных чипсов, булочек, шоколадных батончиков. Кусочки крекеров на арахисовом масле. Пятна от газированной воды, обычной, не диетической.

• Коробка с патронами к «ремингтону» 32-го калибра. Семь патронов отсутствуют. Оружие скорее всего марки «МК-П».

• Книга «Использование пыток при допросах». Руководство, которым пользуется Часовщик для совершения своих преступлений? Никакой полезной информации от издателей.

• Прядь черных волос с сединой, вероятно, женских.

• Полное отсутствие каких-либо отпечатков и следов в автомобиле.

• Хлопчатобумажные волокна бежевого цвета от перчаток.

• Песок, тот же, который использовался в качестве маскирующего реагента в переулке.

• След обуви с гладкой подошвой 13-го размера.

Глава 20

21.38

– Мне нужна папка с делом.

– Да, я слышу. – Женщина шумно жевала жвачку.

Амелия Сакс находилась в Нижнем Манхэттене в 158-м отделении полиции, расположенном неподалеку от 118-го, в помещении для хранения документов. Она назвала дежурной сотруднице, сидевшей за рабочим столом серого цвета, номер дела Сарковски. Женщина набрала его на компьютере. Быстрый взгляд на экран.

– У нас его нет.

– Вы уверены? – Амелия громко фыркнула. – И куда оно, по вашему мнению, сбежало?

– Сбежало?

– Оно поступило сюда двадцать восьмого или двадцать девятого ноября из сто тридцать первого отделения. Создается впечатление, что оно кому-то здесь было очень нужно.

Громкое чавканье в ответ.

– Ну, в компьютере его нет. Вы уверены, что оно вообще поступало?

– Не на тысячу процентов, конечно. Но…

– Тысячу процентов? – переспросила женщина, продолжая нервно жевать жвачку. Рядом в полной боевой готовности лежала пачка сигарет в ожидании ближайшего перекура.

– Есть ли какие-либо уважительные причины, по которым оно могло быть не занесено в память компьютера?

– Уважительные причины?

– Всегда ли вы заносите сведения о поступающих к вам делах в компьютер?

– Если его затребовал какой-то конкретный следователь, оно поступает непосредственно к нему в кабинет, и он его заносит в компьютер. Должен занести. Таково правило.

– А если не к конкретному следователю?

– Тогда дело поступает сюда. – Она кивнула на большую корзину с наклейкой «На рассмотрении». – И если оно кому-нибудь понадобится, сотрудник спускается сюда и забирает его. И тогда тоже заносит его в компьютер. Обязательно заносит.

– Его там нет.

– Должно быть. Потому что как в противном случае мы узнаем, где оно? – Она указала на табличку «Занеси в память компьютера!».

Амелия начала рыться в большой корзине.

– Послушайте, а я вам не разрешала.

– Но вы поняли, в чем моя проблема?

Женщина заморгала. Щелчок жвачки.

– Дело поступило сюда. Но вы его не можете найти. И как я должна, по-вашему, поступить?

– Направьте запрос. Кто-нибудь займется поисками.

– Вы уверены, что кто-то займется? Я лично не уверена. – Амелия взглянула в сторону архивной комнаты: – Я загляну туда на минутку, если не возражаете.

– Вы не имеете права.

– Это займет всего несколько минут.

– Вы не имеете…

Не говоря больше ни слова, Амелия прошла мимо нее и углубилась в стеллажи с папками. Служащая пробормотала что-то ей вслед.

Все папки были распределены по номерам и цветовым кодам, указывавшим на то, к какой категории они относятся – открытых, закрытых или готовых к передаче в суд. Папки с наиболее важными делами имели специальную кайму красного цвета. Амелия обнаружила папки с совсем свежими делами и, просматривая их одно за другим, поняла, что дело Сарковски она здесь не найдет.

Она остановилась и уставилась на стеллажи.

– Привет, – послышался мужской голос.

Амелия обернулась и увидела высокого седого мужчину в белой рубашке и слаксах темно-синего цвета. У него была военная выправка. Улыбнувшись, он спросил:

– Вы?..

– Детектив Сакс.

– А я помощник инспектора Джеффрис. – Как правило, помощники инспекторов отвечали за работу местных отделений полиции. Амелия слышала имя, но ничего не знала о Джеффрисе. Единственное, что было ясно, – перед ней стоял в высшей степени трудолюбивый сотрудник полиции, находившийся на рабочем месте в девять часов вечера, когда он уже давным-давно должен был сидеть дома.

– Чем я могу вам помочь, детектив?

– В ваше отделение поступило дело из сто тридцать первого. Около двух недель назад. Я провожу расследование, и упомянутое дело мне очень нужно.

Джеффрис бросил взгляд на свою сотрудницу. Она стояла в проходе.

– У нас его нет, сэр. Я же ей сказала.

– А вы уверены, что его прислали именно сюда?

– В журнале регистрации сто тридцать первого отделения отмечено, что именно сюда.

– Его зарегистрировали? – Джеффрис спросил служащую.

– Нет.

– Возможно, оно находится в корзине дел, ожидающих рассмотрения.

– Нет.

Джеффрис кивнул.

– Ну что ж, зайдем ко мне в кабинет, детектив. Посмотрим, что можно сделать.

– Спасибо, сэр.

Они молча шли по жутким коридорам, поворачивая то в одну, то в другую сторону. Амелия со своим артритом с трудом поспевала за энергичным шагом помощника инспектора.

Джеффрис проследовал в свой кабинет, расположенный в самом углу коридора, кивнул в сторону кресла напротив рабочего стола и закрыл за собой дверь с большой медной табличкой «Хальстон П. Джеффрис».

Амелия села. Джеффрис внезапно низко наклонился над ней. Его физиономию отделяло от ее лица всего несколько дюймов. Джеффрис изо всей силы ударил кулаком по столу:

– И чем, черт вас возьми, вы занимаетесь?

Амелия отшатнулась, ощутив горячее, пахнущее чесноком дыхание.

– Я… что вы имеете в виду? – Она вовремя опустила обращение «сэр», которое чисто рефлекторно собиралась присоединить к концу вопроса.

– Откуда вы взялись?

– Что значит – откуда?

– Чертова девчонка, из какого ты отделения?

Мгновение Амелия не могла говорить, настолько она была потрясена яростью инспектора.

– В техническом смысле слова я работаю с серьезными правонарушениями…

– Что, черт возьми, значит «в техническом смысле слова»? На кого вы работаете?

– Я ведущий следователь по данному делу. Руководство осуществляет Лон Селлитто. Я…

– Вы ведь недавно работаете…

– Я…

– Никогда не перебивайте старшего по званию офицера. Никогда! Вы меня поняли?

Амелия ничего ему не ответила. Она вся напряглась, приготовившись дать серьезный отпор.

– Вы меня поняли? – крикнул он.

– Прекрасно поняла.

– Вы недавно работаете детективом, не так ли?

– Недавно.

– Мне сразу это стало ясно, потому что настоящий офицер на вашем месте следовал бы протоколу. Он пришел бы к помощнику инспектора, представился и попросил, если возможно, разрешения ознакомиться с документами по делу. А вы… вы… Вы что, опять хотите меня перебить?

Амелия хотела, однако не стала.

– Нет, – сказала она.

– Вы нанесли мне личное оскорбление. – Брызги слюны слетали с его губ, словно картечь.

Джеффрис замолчал. Можно ли теперь ей ответить? Но, собственно, какое это имеет значение?

– Я не хотела вас оскорбить. Я просто провожу расследование. Мне понадобилось дело, которое я никак не могу найти.

– Что значит «никак не могу найти»? Если вы так же неаккуратны в своем расследовании, как и в исполнении правил протокола, я не

удивлюсь, если вы сами и потеряли документы, а теперь пытаетесь прикрыть задницу, сваливая вину на кого-то другого.

– Документы были взяты из сто тридцать первого отделения и переданы сюда.

– Кем? – рявкнул Джеффрис.

– В том-то и вопрос. В журнале регистрации отсутствовало имя запрашивавшего.

– А были ли какие-то другие дела, которые поступили к нам? – Он присел на край стола и уставился на нее.

О чем он? Она нахмурилась.

– Дела откуда-то еще?

– Я не понимаю, о чем вы.

– А вы знаете, чем я здесь занимаюсь?

– Извините?

– Какой работой я занимаюсь в сто пятьдесят восьмом?

– Вы руководите отделением, я полагаю.

– Вы полагаете, – передразнил он ее. – А мне ведь известны случаи, когда полицейских находили мертвыми на улице за то, что они слишком много полагали. Их просто пристреливали.

Амелии начало это надоедать. Взгляд сделался холодным, непроницаемым, и она взглянула ему прямо в глаза. Она без труда могла выдержать любой ответный взгляд.

Джеффрис не обращал на ее поведение ни малейшего внимания. Он продолжал орать:

– Кроме руководства отделением – здесь вас не подвело ваше блестящее логическое мышление, – я еще отвечаю за работу комиссии по распределению человеческих ресурсов по всему управлению. И мне приходится просматривать тысячи дел в год с тем, чтобы уловить основные тенденции, определить, какие необходимо сделать перемещения персонала, чтобы с наибольшей эффективностью решать встающие перед нами задачи. Я работаю в тесном сотрудничестве с

администрацией города и штата, чтобы получить все необходимое для решения этих задач. Может быть, вы думаете, что я впустую трачу время?

– Я не…

– И я могу вас заверить, юная леди, что я не трачу его впустую. Все дела, которые я получаю, я просматриваю и возвращаю обратно. А теперь скажите мне, что задело вас так заинтересовало?

Амелия начала говорить, но потом замолчала. Внезапно она поняла, что он ничего не должен знать. Все, что сейчас произошло, было несколько странно. Логически рассуждая, если Джеффрису было что скрывать, вряд ли он стал бы вести себя столь вызывающе. Хотя, с другой стороны, возможно, он разыграл перед ней всю эту комедию, чтобы развеять подозрения. Амелия припоминала подробности собственного поведения. Она дала их сотруднице только номер дела и не назвала имени Сарковски. Скорее всего рассеянная дамочка не запомнила длинный набор цифр.

– Я бы предпочла ничего не рассказывать, – спокойно произнесла Амелия.

От удивления он даже заморгал.

– Вы?..

– Я не стану вам ничего говорить.

Джеффрис кивнул. На первый взгляд он взял себя в руки и успокоился. Вдруг он наклонился вперед и изо всей силы саданул ладонью по столу.

– Вам придется мне все выложить, черт вас возьми! Я требую назвать дело! Немедленно.

– Нет.

– Я потребую вашего отстранения за неподчинение приказу старшего по званию.

– Делайте так, как считаете нужным, инспектор.

– Вы сейчас же сообщите мне название дела!

– Нет, я не стану вам ничего говорить.

– Я позвоню вашему начальнику. – В его голосе появились хрипота и истерические нотки. У Амелии возникли подозрения, что он может применить к ней физическое насилие.

– Он ничего не знает о деле.

– Вы очень наивны, – злобно процедил сквозь зубы Джеффрис. – Считаете, что у вас имеется золотой значок и вы все знаете. Но вы ведь дитя, всего лишь дитя, и при этом слишком самоуверенное. Вы приходите в мое отделение, обвиняете меня в том, что я ворую дела...

– Я вас ни в чем не обвиняла...

– Открытое неповиновение: вы оскорбляете меня, перебиваете. Вы вообще не имеете ни малейшего представления о том, что значит быть полицейским.

Амелия спокойно смотрела на него. Она словно перенеслась совсем в другое место – в своё личное подвальное убежище от ураганов. Она понимала, что нынешнее поведение может в будущем иметь для нее катастрофические последствия, но в данный момент Джеффрис не сможет ее и пальцем тронуть.

– Я ухожу.

– У вас будут очень серьезные проблемы, юная леди. Я прекрасно запомнил ваш личный номер. Пять-восемь-восемь-пять. Думаете, я не обратил на него внимание? Будьте уверены, я добьюсь, что вас переведут в простые клерки. На собственной шкуре почувствуете, что значит весь день перекладывать бумаги из одной стопки в другую. Будете знать, как приходить в отделение и оскорблять начальника!

Амелия прошла мимо него, распахнула дверь и вышла в коридор. И только тут почувствовала, как дрожат у нее руки и как сильно бьется сердце.

А голос Джеффриса, истерический и злобный, продолжал раздаваться у нее за спиной:

– Я запомнил ваш личный номер. Я сейчас же позвоню. И если вы еще раз заявитесь в мое отделение, вы сильно об этом пожалеете. Вы слышите меня, юная леди?

Сержант армии США Люси Рихтер заперла дверь своей старой квартиры в Гринич-Виллидж и направилась в спальню, где сняла с себя форму

темно-зеленого цвета, сверкающую ровненькими планками и наградными лентами. Ей хотелось швырнуть одежду прямо на кровать, но, подавив в себе этот бунтарский импульс, Люси расправила ее и повесила в стенной шкаф. Там же она разместила и блузку. Удостоверение и значок, полученный от органов охраны, она положила в нагрудный карман, туда, где они всегда и лежали. Туфли тщательно вытерла и почистила, прежде чем поставить в шкафчик для обуви.

Затем Люси поспешно приняла душ, завернулась в старый розовый халат, уселась на протертый ковер на полу спальни и выглянула в окно. Ей сразу бросились в глаза здания на противоположной стороне Бэрроу-стрит, огни, мерцающие между гнущимися под ветром деревьями, и луна, белая на черном небе над Нижним Манхэттеном. Знакомая картина, которая ее всегда успокаивала. Вот так она сидела здесь и смотрела в окно на тот же самый вид, когда еще была маленькой девочкой.

Люси некоторое время провела за границей и сейчас вернулась домой в отпуск. И понемногу начинала приходить в себя от нарушения суточных биоритмов и легкой дурноты и сонливости, которые почти постоянно сопровождали ее после возвращения. И вот теперь, пока муж еще не пришел с работы, она решила просто посидеть на полу и, глядя в окно, поразмышлять об очень далеком и совсем близком прошлом.

И о будущем, конечно, тоже. «Часы, которые нам еще предстоит прожить, гораздо больше занимают наши мысли, чем те, которые мы уже прожили», – думала Люси.

Она выросла в этой квартире в самом уютном районе Манхэттена. Ей здесь очень нравилось. И когда родители Люси переехали в другой район, они оставили квартиру своей двадцатидвухлетней дочери. Три года спустя, когда друг Люси сделал ей предложение, она приняла его с одним условием: жить они будут только здесь.

Люси была энергичной молодой женщиной, и потому ей очень нравилась жизнь в Гринич-Виллидж. Ей нравилось жить здесь, общаться с друзьями, работать в кафе или убирать в офисах (она ушла из колледжа, но тем не менее среди сверстников выделялась особым упорством и трудолюбием). Люси была без ума от особой культуры и от странностей своего района. Она обожала сидеть на полу и смотреть в окно, выходившее на юг, на потрясающий пейзаж уникального города, думая о будущем или не думая ни о чем.

А затем пришли те сентябрьские дни, и из своего окна она увидела все: языки пламени, дым и потом свой любимый пейзаж, жутко изуродованный.

Облик ее города и ее жизни за один день полностью изменился.

Какое-то время Люси продолжала жить так, как жила, испытывая большее или меньшее удовольствие от жизни, и ждала, пока гнев и боль пройдут и пустота заполнится. Этого так и не произошло. И вот однажды худенькая девушка, член демократической партии, любившая смотреть «Зайнфельдов»[7] и печь свой собственный хлеб из натуральной муки, вышла из квартирки в Гринич-Виллидж, села на электричку, которая отвезла ее на Таймс-сквер, где она записалась в армию.

Она обо всем рассказала мужу, своему Бобу. Тот крепко обнял ее, поцеловал в лоб и не пытался отговаривать. (По двум причинам: во-первых, имея обширный опыт службы в военно-морском флоте, Боб полагал, что армейская закалка не может никому повредить. А во-вторых, знал, что Люси обладает безошибочной интуицией и всегда делает то, что нужно.)

Первоначальная подготовка, которую она проходила в пыльном Техасе, затем командировка за океан – Боб некоторое время провел с ней; его босс в компании по доставке отличался особым патриотизмом, а квартиру они на целый год сдали. За это время Люси выучила немецкий, освоила все существующие виды транспорта и узнала одну важную вещь о себе: что у нее есть неплохие организаторские способности. Ей доверили руководство топливозаправщиками, развозившими горючее туда, где в нем возникала необходимость.

С помощью бензина и дизельного топлива выигрываются войны. Из-за пустых баков их проигрывают. Таково было одно из главнейших правил ведения войн в последнее столетие.

И вот однажды лейтенант подошел к Люси и сообщил ей две важные вещи. Во-первых, то, что ее из капралов произвели в сержанты. А во-вторых: ее направляют в спецшколу изучать арабский.

Боб возвратился в Штаты, а Люси погрузила свои пожитки в «Си-130» и вылетела в страну горьких туманов.

Внимательно продумайте все, когда делаете какой-то выбор…

Люси Рихтер уехала из дома, из страны с изменившимся пейзажем в страну, в которой вообще не было пейзажа. Ее жизнь теперь состояла из бесконечных пространств пустыни, беспощадно палящего солнца и дюжины различных разновидностей песка: колючего крупнозернистого, царапающего кожу, и мелкого, как тальк, проникающего во все поры тела. Ее работа теперь приобрела совсем иной смысл. Если у грузовика кончалось топливо по дороге из Берлина в Кёльн, стоит лишь позвонить

передвижному бензозаправщику, и все проблемы решены. Если подобное случается в зоне боевых действий, люди обречены.

От нее зависело, чтобы такое не случалось никогда.

Долгие часы за заправкой автоцистерн и грузовиков с боеприпасами и время от времени случайная работа вроде загрузки овец на транспортные платформы или доставки продуктов питания в маленькую деревушку, в течение нескольких недель остававшуюся без продовольствия. Овцы… Теперь Люси могла только смеяться своим воспоминаниям.

И вот она снова там, где есть четко обозначенный горизонт, где сельскую живность знают преимущественно по гастрономическим отделам супермаркетов, где нет песка и палящего солнца… и нет горького тумана.

Совершенно иная жизнь по сравнению с той, которой она жила за океаном.

Но на сердце у Люси Рихтер все равно было неспокойно. Поэтому она и смотрит теперь на юг, ища ответы в Великой Пустоте изменившегося пейзажа.

Да или нет…

Зазвонил телефон. От неожиданности Люси подскочила. В последнее время она подскакивала от любого неожиданного шума. Звонков, звука хлопнувшей двери, взрыва.

По телу пробегает дрожь…

Она взяла трубку.

– Алло?

– Привет, девушка.

Подруга, живущая по соседству.

– Клер…

– Что такое?

– Просто какой-то озноб.

– Эй, в каком временном поясе ты сейчас находишься?

– Одному Богу известно.

– Боб дома?

– Нет. Он сегодня работает допоздна.

– Хорошо. Давай встретимся и съедим по кусочку чизкейка.

– Только по кусочку и только чизкейка? – с усмешкой в голосе спросила Люси.

– Еще и «белорусов»[8] добавим?

– Давай, согласна. Я примерно на это и рассчитывала.

Они выбрали ночной ресторан неподалеку и закончили разговор.

Бросив последний взгляд на темное пустое небо к югу от ее дома, Люси встала, натянула свитер, лыжную куртку и шапочку и вышла из квартиры. Она прошлепала по ступенькам темной лестницы до первого этажа.

И тут остановилась и удивленно заморгала, заметив в полутьме мужскую фигуру.

– Привет Люси, – произнес мужчина. Консьерж, от которого исходил запах камфары и сигарет, вытаскивал связки газет на улицу. Он был уже стариком, когда Люси была еще совсем девчонкой. Люси весила на тридцать фунтов больше его и была на шесть дюймов выше и потому, недолго думая, выхватила у него из рук две связки.

– Не стоит, – запротестовал он.

– Мистер Джираделло, мне нужно поддерживать форму.

– А, форму… Да вы же сильнее моего сына.

На улице подмораживало. От холода пощипывало нос и губы. Люси понравилось уже почти забытое ощущение.

– Я видел вас сегодня в форме. Вы получили награду?

– О, это всего лишь репетиция. Да и не награду вовсе, а просто поощрение.

– А в чем разница?

– Хороший вопрос. Не знаю. Наверное, награду заслуживают. А поощрение дают вместо повышения зарплаты.

– Родители вами гордятся. – Утверждение, не вопрос.

– Видимо, да.

– Передавайте им привет от меня.

– Обязательно. Ладно, мистер Джираделло, а то я совсем замерзла. Мне нужно идти. Будьте здоровы.

– До свидания.

И Люси пошла по улице, стараясь не поскользнуться на обледеневшем тротуаре. Она заметила, что на противоположной стороне остановился голубой «бьюик». Внутри сидели двое мужчин. Тот, что занимал место пассажира, пристально взглянул на нее и поспешно опустил глаза. Затем вынул банку содовой и жадно выпил. «Кому это придет в голову пить холодный напиток в такой мороз?» – с удивлением подумала Люси. Самой же ей хотелось как можно скорее глотнуть ирландского кофе с двойной дозой «Бушмиллз». Ну и, конечно, со взбитыми сливками.

Она глянула на тротуар, внезапно остановилась и решила пойти другим путем. Ее повеселила мысль о том, что куски льда на мостовой были единственной настоящей опасностью, которой она подвергалась за последние восемнадцать месяцев.

Глава 21

22.12

Кэтрин Дэнс и Райм остались одни. Если не считать Тома и Джексона, конечно. Кэтрин держала пса на коленях.

– Все было замечательно, – сказала она Тому. Они только что закончили обед, приготовленный юным помощником Райма, состоявший из биф-бургиньон,[9] риса, салата и каберне. – Я бы попросила у вас рецепт, но понимаю, что повторить ваш шедевр не смогу.

– Вот видишь, хоть один ценитель нашелся, – ответил он, взглянув в сторону Райма.

– Я тоже ценю твои таланты. Но не выхожу за рамки.

Том указал на супницу:

– Для него здесь всего лишь похлебка. Он даже не пытается выговорить французские слова. Скажи-ка нашей гостье, что ты думаешь о еде, Линкольн.

Криминалист пожал плечами:

– Меня просто не очень заботит, что я ем. Вот и все.

– Он называет еду «горючим», – добавил помощник и покатил тарелки на тележке на кухню.

– У вас дома есть собаки? – спросил Райм Кэтрин и кивнул на Джексона.

– Две. Они намного больше этого парнишки. Мы с детьми два раза в неделю вывозим их на пляж. Они гоняются за чайками, а мы гоняемся за ними. Великолепная тренировка. И если из моих слов у вас сложилось впечатление, что мы ведем чрезвычайно здоровый образ жизни, поспешу вас успокоить. Затем мы отправляемся в кафе «Фест уоч» в Монтерее и восполняем там потерянные калории.

Райм бросил взгляд на кухню, где Том мыл посуду. Криминалист понизил голос и поинтересовался, не хотела бы она принять участие в небольшом заговоре.

Она нахмурилась.

– Я был бы не против, если бы немного этого… – он кивнул в сторону бутылки виски, – оказалось здесь. – Кивок переместился в сторону его бокала. – Операцию нужно провести незаметно.

– Том?

Кивок.

– Время от времени он вводит здесь «сухой закон». Крайне неприятная привычка.

Кэтрин знала, что людям иногда нужно позволять идти на поводу у своих вполне безобидных желаний. Она опустила собаку на пол и налила Линкольну солидную дозу. Затем поставила бокал на подлокотник его инвалидной коляски и приспособила соломинку таким образом, чтобы она доставала ему до рта.

– Благодарю. – Он сделал большой глоток. – Каков бы ни был ваш гонорар, я буду ходатайствовать о его удвоении. Да и сами угощайтесь. Вам Том не станет устраивать сцен.

– Наверное, я ограничусь небольшим количеством кофеина. – Она налила себе черного кофе и взяла одну овсяную галету, которые поставил на стол Том. Он сам их испек.

Кэтрин взглянула на часы. В Калифорнии на три часа раньше.

– Извините меня. Мне нужно позвонить домой.

– Ну конечно. Без проблем.

Она позвонила с мобильного. Ответила Мэгги.

– Привет, миленькие.

– Мама!

Девочка любила поболтать, и Кэтрин получила десятиминутный отчет о рождественской поездке за подарками вместе с бабушкой. Закончила Мэгги словами:

– Потом мы вернулись сюда, и я читала «Гарри Поттера».

– Нового?

– Угу.

– Которого по счету?

– Шестого.

– А может быть, тебе почитать что-нибудь еще? Расширить свои горизонты?

– Мам, сколько раз ты слушаешь Боба Дилана? Или «Ю-Ту»?

Непробиваемая логика.

– Мам, а когда ты вернешься домой?

– Наверное, завтра. Я очень тебя люблю, милая. Позови брата.

К телефону подошел Уэс, и Кэтрин поболтала и с ним немного, но разговор их был более серьезен и часто стопорился. Сын и раньше намекал ей, что хочет заняться карате, а теперь попросил разрешения напрямую. Кэтрин предпочла бы, чтобы он избрал какой-нибудь менее агрессивный вид спорта, если не хочет играть в футбол и бейсбол.

Мускулистое тело Уэса, как ей казалось, прекрасно подходило для тенниса или гимнастики, но эти виды спорта его не привлекали.

Как специалист по допросам, Кэтрин Дэнс великолепно знала, что такое злоба и раздражение. Она видела их в подозреваемых и в жертвах, которых допрашивала вскоре после совершения преступления. Она полагала, что желание Уэса заняться карате проистекает из приступов злобы, которые после гибели отца время от времени находили на него, подобно темной туче. Соревновательный дух необходим молодому человеку, но Кэтрин считала, что занятия боевыми видами спорта в таком возрасте могут ему повредить. Санкционированная ярость может обернуться очень страшными последствиями, особенно в случае с подростками.

Некоторое время они говорили на эту болезненную тему.

Работа с делом Часовщика вместе с Раймом и Сакс еще больше обострила в Кэтрин чувство времени. Она пользовалась им в своей работе и в отношениях с детьми. Определенный промежуток времени снимает раздражение и гнев (приступ ярости, к примеру, редко длится больше трех минут) и ослабляет сопротивление противоположному мнению гораздо эффективнее, чем горячий эмоциональный спор. Кэтрин на сей раз не стала говорить решительное «нет» карате, а лишь убедила Уэса попробовать заняться теннисом. (Она как-то услышала, как он говорил своему школьному другу: «Классно, когда у тебя мама – полицейский». Кэтрин рассмеялась.)

Затем настроение сына внезапно изменилось, и он радостно заговорил о фильме, который недавно посмотрел. Тут его телефон запищал, сообщая, что получено сообщение от одного из друзей. «Мне нужно идти, пока, мам, люблю, скоро увидимся».

Едва заметное и так естественно прозвучавшее «люблю» стоило многих долгих разговоров.

Кэтрин положила телефон и взглянула на Райма:

– У вас есть дети?

– У меня? Нет. Не думаю, что я когда-либо смог бы ими похвастаться.

– Пока не завел детей, не можешь этого знать наверняка.

Он смотрел на ее постоянных спутников – наушники, висевшие у Кэтрин на шее, подобно стетоскопу на шее у доктора.

– Вы любите музыку, я полагаю… Угадал?

– Музыка – мое главное хобби, – ответила Кэтрин.

– В самом деле? И вы играете на каком-нибудь музыкальном инструменте?

– Я немного пою. Раньше пела кантри. А теперь, если у меня появляется немного свободного времени, я сажаю детей и собак в автоприцеп и отправляюсь записывать музыкальный фольклор.

Райм нахмурился.

– Я слышал о подобном занятии. Оно называется…

– В народе оно называется «ловить песню».

– Да-да, вот именно.

Для Кэтрин Дэнс это было настоящей страстью. Она принадлежала к достаточно древней традиции фольклористов – тех, кто отправляется в самые отдаленные места, чтобы записывать народную музыку. Наверное, самым известным из них был Алан Ломакс, объехавший все Соединенные Штаты и Европу в поисках старинных песен. Кэтрин время от времени ездила на восточное побережье, однако тамошний фольклор уже очень хорошо описан, поэтому она стала чаще посещать более экзотические местности, такие как Новая Шотландия, Западная Канада, южные штаты США, районы с испаноязычным населением, как, например, Южная и Центральная Калифорния. Она записывала и каталогизировала песни.

Обо всем этом Кэтрин и рассказала Райму, а также о вебсайте, на который они с подругой помещали информацию об исполнителях, песнях и различных музыкальных стилях. Они помогали музыкантам оформлять авторские права на свои произведения, а затем передавали им гонорар, который любители выплачивали за скачивание их песен с Интернета. Несколько исполнителей заключили контракты с компаниями звукозаписи, приобретшими их мелодии для саундтреков фильмов независимых студий.

Однако Кэтрин Дэнс не сказала Райму, что в ее отношении к музыке есть еще одна, не столь явная сторона.

Кэтрин очень часто ощущала психологическую перегрузку. Чтобы хорошо выполнять работу, ей необходимо «подключаться» к допрашиваемому свидетелю или преступнику. Сидя на расстоянии трех шагов от убийцы-психопата, ведя с ним интеллектуальный поединок на протяжении часов, дней, а иногда и недель, Кэтрин, несомненно,

получала специфическое удовольствие от самого процесса, но потом чувствовала себя разбитой и душевно опустошенной. Она обладала настолько развитой эмпатией и настолько глубоко проникала во внутренний мир своих клиентов, что жила их эмоциями на протяжении еще очень долгого времени после окончания сеансов. В памяти Кэтрин постоянно всплывали их голоса, пробиваясь сквозь ее собственные мысли.

«Si,[10] si, ладно, si, я убил ее. Я перерезал ей горло… Да, и ее сыну тоже, тому мальчишке. Он был там. Он меня видел. Мне пришлось убить его. Любой бы на моем месте так поступил. Но она свое заслужила. Зачем она на меня так смотрела? Это не моя вина. А можно мне сигаретку, про которую вы говорили?»

Музыка была для Кэтрин настоящей панацеей. И когда она слушала Сонни Терри и Брауни Макги, или «Ю-Ту», или Боба Дилана, или Дэвида Берна, она забывала злобные людоедские интонации голоса Карлоса Альенде, жаловавшегося на то, что обручальное кольцо жертвы поцарапало ему ладонь, пока он перерезал ей горло.

– А вы когда-либо выступали с концертами? – спросил Райм.

Да, ответила она, раньше, иногда. Годы выступлений в Бостоне, в Беркли, в Сан-Франциско оставили в Кэтрин чувство внутренней опустошенности. В исполнении для нее самым важным был личностный момент отношения с музыкой, а вовсе не со слушателем. Кэтрин гораздо больше интересовало то, что хотят своими песнями сказать другие люди о себе, своей жизни, своей любви. Она поняла, что так же, как в работе, она и в музыке предпочитает роль профессионального слушателя.

– Я несколько раз пыталась, – призналась она Райму. – И в конце концов поняла, что музыку лучше сохранять просто в качестве близкого друга.

– Поэтому вы и пошли в полицию и стали консультантом. Да уж, разворот на сто восемьдесят градусов. Но как это случилось?

Кэтрин задумалась. Как правило, она была не особенно склонна распространяться о себе (главное – слушать, говорить нужно как можно меньше). Тем не менее к Райму она сразу почувствовала некоторое расположение. Да, конечно, они соперники, но цель-то у них одна. Кроме того, его внутренняя сила и стойкость были ей очень близки. А также его страсть к поиску, к охоте. И она призналась:

– Джонни Рей Хэнсон… Просто Джонни.

– Подсудимый?

Она кивнула и рассказала ему все с начала до конца. Шесть лет назад Кэтрин предложили поучаствовать в подборе присяжных в деле «Штат Калифорния против Хэнсона».

Тридцатипятилетний страховой агент Хэнсон проживал в графстве Контра-Коста к северу от Окленда. Кто-то попытался проникнуть в дом его бывшей жены. Самой владелицы дома в ту ночь не было. Какие-то помощники шерифа, регулярно патрулировавшие местность, вроде бы заметили Хэнсона и начали за ним погоню, но поймать не смогли.

– В общем, не такое уж серьезное преступление… но в нем была и другая сторона. Ведомство шерифа было очень обеспокоено, так как на Хэнсона имелся довольно серьезный компромат: он несколько раз угрожал своей бывшей жене и дважды даже нападал на нее. Поэтому они взяли его и провели с ним соответствующую беседу. Он все отрицал, и его отпустили. А потом решили, что у них против него имеется достаточно улик, арестовали и завели на него дело.

Из-за наличия предшествующих правонарушений Хэнсон мог оказаться в тюрьме сроком на пять лет, что дало бы бывшей жене и дочери-школьнице передышку от его агрессивного поведения.

– Я провела с ними некоторое время в прокуратуре. И мне стало их очень жаль. Они жили в постоянном страхе. Хэнсон посылал им по почте пустые листы бумаги, оставлял на мобильных сообщения жуткого содержания. Он мог подолгу стоять за квартал от их дома – что допускалось условиями судебного запрета – и пристально смотреть на него, словно что-то замышляя. Он заказывал доставку к ним всякой еды. В этом, естественно, не было ничего противозаконного, но идея была вполне ясна: я всегда буду следить за вами.

Чтобы сделать покупки в магазине, матери с дочерью приходилось тайком выскальзывать из дома и отправляться в супермаркеты, расположенные на расстоянии десяти – пятнадцати миль от своего района.

Кэтрин подобрала, как она полагала, вполне достойных присяжных, составив жюри из одиноких женщин и достаточно образованных мужчин (с не слишком либеральными убеждениями), способных проявить понимание к ситуации, в которой оказалась несчастная женщина. Как обычно, она участвовала в суде в качестве консультанта обвинения, а также пыталась критически проанализировать свой выбор присяжных.

– Я внимательно наблюдала за Хэнсоном в суде и была практически убеждена, что он виновен.

– Но что-то пошло не так?

Кэтрин кивнула:

– Не удалось найти многих свидетелей, а показания тех, которых нашли, были крайне противоречивы. Улики либо исчезли, либо были испорчены, и у Хэнсона обнаружилось алиби, которое обвинение не смогло опровергнуть. На все ключевые пункты обвинения у защиты было припасено надежное возражение. Иногда создавалось такое ощущение, что они организовали прослушивание прокурорского офиса. Ну и Хэнсона, конечно, оправдали.

– Да, дела... – протянул Райм и пристально взглянул на свою собеседницу. – Чувствую, на этом история не закончилась.

– Боюсь, что нет. Через два дня после суда Хэнсон выследил жену и дочь в гараже супермаркета и зарезал обеих. С ними был и друг его дочери, он его тоже убил. Хэнсон бежал, но год спустя был обнаружен и арестован.

Кэтрин сделала глоток кофе.

– После того как стало известно об убийствах, прокурор попытался выяснить, что же не сработало на суде. Он попросил меня просмотреть стенограмму первого допроса. – Кэтрин мрачно рассмеялась. – Она сразила меня наповал. Хэнсон давал блестящие ответы, а представитель ведомства шерифа был либо абсолютно неопытен, либо жутко ленив. Хэнсон играл с ним, как с мальчишкой, обводя вокруг пальца. И в конце концов получил достаточно сведений о деле, чтобы полностью его разрушить. Он понял, каких свидетелей следует запугать, от каких улик избавиться и какое алиби заготовить.

– Сдается мне, ему удалось получить и еще кое-какую информацию, – заметил Райм, покачав головой.

– О да. Представитель ведомства шерифа спросил у него, бывал ли он когда-нибудь в Милл-Вэлли. А потом задал ему вопрос, не заходил ли он в супермаркеты в округе Марин... Слова сотрудника полиции предоставили ему достаточно информации относительно того, где его бывшая жена и дочь, как правило, делают покупки. И он стал дневать и ночевать у Милл-Вэлли до тех пор, пока они там не появились. Там он их и убил. В Милл-Вэлли полиция их не охраняла, так как это чужой округ.

В ту ночь я поехала домой по дороге № 1 – Большому Тихоокеанскому шоссе, проходящему вдоль побережья, – вместо того, чтобы отправиться по сто первой, большой автостраде, которой обычно пользовалась. И я думала: здесь мне платят сто пятьдесят долларов в час все, кому нужен

консультант по подбору присяжных. Все нормально, в самом факте нет ничего безнравственного, так организована судебная система… Но я не могла избавиться от мысли, что, если бы я сама проводила тот первый допрос, Хэнсон, вероятно, попал бы в тюрьму и три человека остались бы живы.

Два дня спустя я пошла в академию… Ну а остальное, как говорят, история. Ну а вас что подвигло?

– Как я решил стать полицейским? – Райм пожал плечами. – Ничего до такой степени драматического. Все очень скучно и обыденно… Просто как-то само собой получилось.

– В самом деле?

Райм окинул ее взглядом и рассмеялся:

– Вы мне не верите.

– Извините, я что, уже стала и вас анализировать? Я стараюсь следить за собой. Дочь говорит мне, что я иногда смотрю на нее как на лабораторную мышь.

Райм сделал глоток виски и произнес с хитроватой улыбкой:

– И что?

Кэтрин приподняла бровь:

– И что?

– Я крепкий орешек для любого эксперта по кинезике. Вы же не можете меня раскусить, ведь так?

Кэтрин рассмеялась:

– О, и вас можно, как вы выражаетесь, раскусить без особого труда. Язык тела, будучи скованным по каким-то причинам, находит другие выходы. Вы даете столько же информации своим лицом, глазами и головой, сколько любой другой с помощью всего тела в целом.

– В самом деле?

– Да-да, именно так. На самом деле все гораздо проще. Информация, исходящая от человека, очень сконцентрирована.

– Вы хотите сказать, что для вас я как открытая книга?

– Никто никогда не бывает полностью открытой книгой. Просто некоторые книги читать легче, чем другие.

Райм рассмеялся:

– Я помню, что вы говорили о различных типах реакции допрашиваемых. Гнев, депрессия, отрицание и попытка договориться с допрашивающим… После несчастного случая я прошел через массу разных способов психологического лечения. Не по собственной воле. Но когда лежишь на спине и не можешь пошевелиться, не приходится особенно выбирать. Психиатры рассказывали мне о различных стадиях отчаяния. У меня сложилось впечатление, что они примерно такие же.

Кэтрин Дэнс очень хорошо знала стадии отчаяния. Но это была не сегодняшняя тема.

– Просто поразительно, как человеческая психика справляется с несчастьями – как с физическими травмами, так и со стрессом.

Райм отвернулся.

– Я очень долго боролся с гневом и злобой.

Кэтрин пристально взглянула на Райма своими зелеными глазами и отрицательно покачала головой:

– Вы и вполовину не такой злой, каким себя считаете.

– Я калека, – произнес он резко. – И поэтому я, конечно, очень зол.

– А я женщина-полицейский. И мне так же, как и вам, очень часто бывает тошно. И тяжело на душе из-за массы всяких причин. И я так же, как и вы, пытаюсь многое отрицать… Но злоба? Нет, только не вы. Вы уже прошли через эту стадию. Сейчас вы на стадии принятия.

– Когда я свободен от выслеживания преступников… – кивок на доску, – я занимаюсь лечебной гимнастикой. И гораздо больше, чем нужно, как заявляет Том. До дурноты. Вряд ли подобное отношение можно назвать принятием.

– Принятие выражается совсем не в том, в чем вы думаете. Вы приняли свое состояние и начали борьбу с ним. Вы ведь не сидите просто так целый день. О, извините, вам ведь действительно приходится сидеть.

Райм рассмеялся, и Кэтрин поняла, что ему понравилась ее несколько грубоватая шутка. Она видела, что Райм не относится к числу людей, ценящих деликатность и политкорректность.

– Вы принимаете реальность такой, какая она есть. Вы пытаетесь изменить ее, но не лжете себе. Это вызов, довольно жесткий, тем не менее он не пробуждает в вас озлобления.

– Мне думается, вы ошибаетесь.

– А, вы дважды моргнули. В кинезике одна из самых очевидных стрессовых реакций. Вы сами не верите тому, что говорите.

Он снова рассмеялся.

– Тяжело с вами спорить. – Райм допил свое виски.

– Линкольн, вам меня не одурачить. Но не беспокойтесь. Я сохраню ваш секрет.

Открылась дверь, и в комнату вошла Амелия. Женщины поприветствовали друг друга. Поведение и глаза Амелии свидетельствовали о том, что ее что-то сильно беспокоит. Она подошла к центральному окну, выглянула на улицу и закрыла жалюзи.

– В чем дело? – спросил Райм.

– Мне только что позвонила соседка и сказала, что сегодня кто-то подходил к моему дому и спрашивал обо мне. Он представился как Джо Треффано. Я работала с Джо в патрульной полиции. Он задавал соседям массу вопросов, осматривал здание. Соседка сочла его поведение несколько странным и сразу же мне позвонила.

– Думаешь, что кто-то выдавал себя за Джо, что это был не он?

– Конечно. Джо в прошлом году уволился из полиции и переехал в Монтану.

– Возможно, он приехал и решил навестить тебя.

– Если так, то это мог быть только его призрак. Джо разбился на мотоцикле прошлой весной… Кроме того, за мной и Роном кто-то следил. А сегодня утром кто-то рылся у меня в сумочке. Которая, между прочим, лежала в моей машине, и та была заперта. Ее взломали.

– Где?

– На Спринг-стрит, рядом с мастерской флористки.

И тут Кэтрин почувствовала какое-то смутное беспокойство.

– Мне кое-что нужно вам сообщить, – сказала она. – Возможно, в этом нет ничего особенного, но, думаю, упомянуть следует.

Час был поздний, но Райм созвал всех: Селлитто, Купера, Пуласки и Бейкера.

Амелия пристально их всех оглядывала.

– У нас появилась проблема, о которой мы хотим вас всех известить, – сообщила она. – Кто-то следил за мной и Роном. И Кэтрин только что сказала мне, что тоже кого-то видела.

Кэтрин кивнула.

Амелия перевела взгляд на Пуласки:

– Ты говорил мне, что заметил тот «мерседес». А больше ты его не видел?

– Нет. С полудня больше не видел.

– А ты, Мэл? Не заметил ничего особенного?

– Думаю, что нет. – Стройный молодой эксперт поправил очки на переносице. – Хотя, откровенно говоря, я и не присматривался. Мы, лабораторные крысы, не привыкли к тому, чтобы за нами следили.

У Селлитто тоже создалось впечатление, что он что-то такое заметил.

– Когда ты был сегодня в Бруклине, Деннис, – обратилась Амелия к Бейкеру, – у тебя ведь тоже появилось ощущение, что за тобой наблюдают?

Он ответил не сразу. Но после паузы отрицательно покачал головой:

– Я? Я не был в Бруклине.

Амелия нахмурилась:

– Не был?

Бейкер снова покачал головой:

– Нет.

Амелия повернулась к Кэтрин, которая внимательно изучала Бейкера. Та кивнула.

Рука Амелии скользнула к «глоку», и она повернулась к Бейкеру:

– Деннис, держи руки так, чтобы я могла их видеть.

Его глаза расширились.

– Что?

– Нам нужно немного побеседовать.

Никто из остальных находившихся в комнате – с ними уже провели предварительную беседу – никак не прореагировал на происшедшее, хотя рука Пуласки также переместилась к пистолету. Лон Селлитто занял позицию за спиной у Бейкера.

– Эй, эй, эй, – произнес Деннис, нахмурившись и оглядываясь на крепкого детектива. – Что вообще все это значит?

– Нам необходимо задать тебе несколько вопросов, Деннис, – ответил Райм.

Кэтрин Дэнс сочла необходимым упомянуть не о том, что за ней кто-то следил. Амелия заговорила о слежке только ради того, чтобы сбить с толку Бейкера. Кэтрин вспомнила, что когда Бейкер упомянул, что был у мастерской флористки, он вдруг скрестил ноги, отвел глаза и принял позу, свидетельствующую о возможной лжи. В тот момент он сказал, что только что прибыл оттуда и не может припомнить, открыли Спринг-стрит для движения транспорта или нет. А так как Кэтрин полагала, что Деннису незачем лгать относительно того, где он был, она и не обратила тогда внимания на необычные особенности его поведения.

Однако стоило Амелии упомянуть о том, что кто-то проник к ней в машину во время обследования места преступления на Спринг-стрит – где был и Бейкер! – как Кэтрин мгновенно вспомнила странное поведение лейтенанта. Амелия позвонила Нэнси Симпсон, которая тоже там была, и спросила, когда уехал Бейкер.

– Сразу же после вас, детектив, – ответила Нэнси.

Но Бейкер ведь утверждал, что он оставался там почти целый час.

Нэнси добавила также, что, по ее мнению, Бейкер направился в Бруклин. Амелия спросила его о поездке в Бруклин специально, чтобы Кэтрин смогла обратить внимание на внешние проявления лжи в его поведении.

– Ты залез ко мне в машину и рылся в моей сумочке, – сказала Амелия. Голос ее звучал резко и грозно. – Ты справлялся обо мне у моей соседки, выдав себя за полицейского, с которым я когда-то работала.

Станет ли он все отрицать? Они попадут в крайне неприятное положение, если Кэтрин ошиблась.

Бейкер опустил голову, уставившись в пол.

– Послушайте, здесь какое-то недоразумение.

– Ты беседовал с моей соседкой? – не скрывая возмущения, спросила Амелия. – Беседовал. – Она подошла к Бейкеру ближе. Они были примерно одного роста, но Амелия, преисполненная гнева и раздражения, казалась намного выше. – И у тебя черный «мерседес»?

Он нахмурился.

– На зарплату полицейского? – Ответ прозвучал вполне искренне.

Райм бросил взгляд на Купера, который входил в базу данных по транспортным средствам. Через несколько мгновений он, отрицательно покачав головой, сообщил:

– Не его.

Ну что ж, по крайней мере у них один прокол. И все равно с Бейкером явно что-то нечисто.

– Ну давай, выкладывай, – потребовал Райм.

Бейкер взглянул на Сакс:

– Амелия, мне в самом деле очень хотелось, чтобы ты работала с этим делом. Вместе с Линкольном. Вы ведь первоклассная команда. И, откровенно говоря, здесь есть еще одно важное обстоятельство: вас очень любят журналисты. И сам я очень хотел поучаствовать в расследовании. Но после того как мне удалось убедить начальство включить тебя в следственную группу, мне позвонили. Возникла проблема.

– И какая же проблема? – спросила она твердо.

– В моем портфеле лежит листок бумаги, – сказал он, обращаясь к Пуласки, стоящему рядом с видавшим виды дипломатом. – Вверху справа.

Молодой полицейский открыл портфель и нашел бумагу.

– Это письмо, присланное по электронной почте, – продолжал Бейкер.

Амелия взяла бумагу у Рона. Прочла ее, нахмурившись. Мгновение она стояла в задумчивости, затем подошла к Райму и положила листок на широкий подлокотник его инвалидной коляски. Он тоже прочел короткое конфиденциальное сообщение. Оно было от старшего инспектора из управления полиции. В нем говорилось, что несколько лет назад Амелия Сакс была связана с детективом Николасом Карелли, работавшим в нью-йоркской полиции, который был осужден за целый ряд преступлений, включая захват и похищения, взятки и нападения.

Амелия Сакс не имела никакого отношения к перечисленным преступлениям. Однако Карелли совсем недавно вышел на свободу, и в полицейским управлении боялись, что он снова может установить с ней контакт. Они не подозревали Амелию ни в чем незаконном, но, как говорилось в письме, если ее теперь увидят с Карелли, это может вызвать нежелательные последствия.

Амелия откашлялась. Райму было известно абсолютно все о Нике и Амелии, об их намечавшейся свадьбе, об их близости, о том, как она была потрясена, узнав, кем на самом деле был ее возлюбленный.

Бейкер покачал головой:

– Простите меня. Но я не знал, каким другим способом выполнить их задание. Мне было приказано составлять исчерпывающий отчет, предоставлять все подробности относительно того, где я тебя видел, Амелия, чем ты занимаешься, как на работе, так и дома, то есть абсолютно все о тебе. Сообщать о любых связях с Карелли или с кем-то из его друзей.

– Вот почему ты выкачивал из меня информацию о ней! – злобно воскликнул Райм. – Дерьмо какое-то!

– Со всем уважением к тебе, Линкольн, я должен сообщить всю правду до конца. Ее хотели снять с дела. Не желали, чтобы она – с ее прошлым – занималась преступлением такого уровня. Но я им решительно сказал: нет! Поэтому мне приходится все проверять.

– Я несколько лет не видела Ника. Я даже не знала, что он вышел на свободу.

– Именно это я и сообщу им. – Он снова кивнул в сторону портфеля. – Все мои заметки там.

Пуласки обнаружил внутри еще несколько листов бумаги. Он продемонстрировал их Амелии. Она прочла их, а затем положила перед Раймом. На них действительно были заметки Бейкера: время, когда он вел за ней наблюдение, вопросы, которые задавал, то, что нашел в ее календаре и адресной книге.

– Ты ведь совершил проникновение со взломом, – заметил Селлитто.

– Признаю. Перешел грань. Простите.

– Почему, черт тебя подери, ты не обратился ко мне?! – рявкнул Райм.

– Или к кому-то из нас? – добавил Селлитто.

– Задание исходило с самого верха. И мне было приказано держать все в тайне. – Бейкер повернулся к Амелии: – Я понимаю, что ты расстроена. Мне очень жаль. Но я ведь сам хотел, чтобы ты работала с этим делом. И мне больше ничего не оставалось. Я уже передал им все свои выводы. Теперь все в прошлом. Послушайте, давайте забудем о том, что произошло, и продолжим работу.

Райм перевел взгляд на Амелию. Ему больно было видеть ее реакцию на случившееся: неподвижные глаза, покрасневшее лицо. Амелия больше не злилась. Она была просто растеряна и смущена, ведь из-за нее возникла крайне неприятная ситуация, в которую оказались вовлечены и ее товарищи. Ее личные проблемы отвлекли их от серьезной работы. Для Райма было необычно – и довольно мучительно – видеть Амелию Сакс до такой степени расстроенной и уязвимой из-за явного чувства собственной вины.

Она вернула распечатку Бейкеру. Без единого слова взяла свою куртку и спокойно вышла, на ходу вытаскивая из кармана ключи от машины.

Глава 22

23.18

Винсент Рейнольдс внимательно рассматривал женщину в ресторане.

Оба мужчины смотрели на стройную брюнетку лет тридцати. Дункан с Рейнольдсом следовали за ней от ее старой квартиры в Гринич-Виллидж вначале в местную закусочную, а потом сюда, в кофейню, расположенную на расстоянии нескольких кварталов от дома Люси. Они с подругой, двадцатилетней блондинкой, прекрасно проводили время, смеялись и без умолку болтали.

Люси Рихтер наслаждалась своими последними краткими мгновениями на этой земле.

Дункан слушал классическую музыку на аудиосистеме «бьюика». Он пребывал в своем обычном задумчивом и безмятежном настроении. Иногда было просто невозможно догадаться, что там у него в голове творится.

Винсент, напротив, ощущал все нарастающий голод. Он съел сначала один шоколадный батончик, потом другой.

«Черт с ним, с великим планом Вселенной. Мне нужна девчонка…»

Дункан извлек золотые карманные часы, взглянул на них и осторожно завел.

Винсент уже несколько раз видел эти часы, но всякий раз они производили на него сильное впечатление. Дункан объяснил ему, что они сделаны Бреге, французским часовых дел мастером, жившим очень-очень давно. («По моему мнению, он был самым лучшим из всех когда-либо живших на свете часовщиков».)

Часы были очень простые. С белым циферблатом, римскими цифрами и еще несколькими маленькими дисками, один из которых показывал фазы луны, а другой, по свидетельству Дункана, был вечным календарем. В часах также имелся «парашют» – старинная противоударная система. Изобретение Бреге.

– Сколько лет твоим часам? – спросил Винсент.

– Их изготовили в двенадцатом году.

– В двенадцатом? В римские времена?

Дункан улыбнулся:

– Нет, извини. Такова дата на исходном акте о продаже, поэтому я всегда считал ее и датой изготовления. В виду имелся двенадцатый год по календарю Французской революции. После того как пала монархия, республика провозгласила новый календарь, начинавшийся с 1792 года. Вообще-то странная идея. Неделя состояла из десяти дней, в каждом месяце их было по тридцать. Через каждые шесть лет вставлялся дополнительный год, полностью посвященный спорту. По не совсем понятным причинам правительство сочло этот календарь более демократическим и более подходящим для освобождения угнетенных. На самом деле он оказался слишком неуклюжим. Продержался всего

четырнадцать лет. Подобно большинству революционных идей. Все они хороши на бумаге, но крайне непрактичны.

Дункан с восхищением разглядывал золотой диск.

– Мне очень нравятся часы той эпохи. В те времена наличие часов наделяло их владельца настоящей силой и могуществом. И совсем немногие могли себе это позволить. Владелец часов был человеком, способным управлять временем. Ты приходил к нему и ждал времени, которое он назначил для встречи. Были изобретены различные цепочки и кармашки, чтобы даже, когда часы не видны, вы могли сразу определить, что у идущего мимо вас господина имеются часы. Часовщики в те времена были настоящими богами. – Дункан помолчал и рассмеялся. – Конечно, в переносном смысле, но до определенной степени дела обстояли именно так, как я говорю.

Винсент удивленно приподнял брови.

– В восемнадцатом веке существовало философское направление, для которого часы служили чем-то вроде главной метафоры. Философы утверждали, что Господь Бог создал механизм Вселенной, завел и запустил его. Некое подобие вечных часов. И Бога даже называли Великим Часовщиком. Можешь мне верить или нет, но у этого философского учения было огромное число последователей. И часовщики для них были чем-то вроде жрецов. – Еще один взгляд на часы, и он убрал их. – Нам пора, – произнес Дункан и кивнул в сторону женщин: – Они скоро уйдут.

Он включил зажигание, просигналил и выехал на проезжую часть, оставив позади жертву, которой очень скоро предстояло отдать свою жизнь одному мужчине и честь – другому. Впрочем, сегодня вечером у них ничего не получится, так как Дункан узнал, что у нее есть муж, работающий в дневную смену и возвращающийся домой между 18.00 и 22.00.

Винсент тяжело дышал, стараясь сдержать голод. Он уже съел целую упаковку чипсов.

– Как ты будешь с ней управляться? – спросил он. – Как будешь ее убивать?

Несколько мгновений Дункан молчал.

– Ты уже задавал мне подобный вопрос. О том, сколько времени умирали две первые жертвы.

Винсент кивнул.

– О, Люси придется умирать очень долго! – Книгу о пытках они потеряли, но Дункану по большому счету она была не нужна, так как практически всю ее он знал наизусть. Теперь он описывал способ, с помощью которого собирался умертвить Люси. Он называл его «водными процедурами». Человека подвешивают так, чтобы ноги у него были подняты, затем заклеивают ему рот и начинают вливать воду в нос. Можно растянуть подобное удовольствие практически до бесконечности, так как время от времени можно давать жертве возможность подышать.

– Я постараюсь сделать так, чтобы она продержалась около получаса. Или даже минут сорок, если смогу.

– Она заслужила такую смерть? – спросил Винсент.

Дункан ответил не сразу.

– Вопрос, который тебя по-настояшему интересует: почему я убиваю именно этих людей.

– Ну, в общем… – Дункан был прав.

– Я ведь тебе никогда не говорил.

– Не говорил.

«Доверие почти так же ценно, как и время…»

Дункан посмотрел на Винсента, а потом снова перевел взгляд на улицу.

– Знаешь ли, мы все находимся на земле определенный период времени. Некоторые проводят здесь всего несколько дней или месяцев. Большинство из нас надеются задержаться тут на годы.

– Верно.

– Так, словно у Бога – или у того, кто его для тебя там заменяет, – есть громадный список всех живущих на Земле. И когда стрелки Божьих часов доходят до определенной точки, для кого-то наступает последнее мгновение. И человек умирает… Как бы то ни было, у меня есть собственный список.

– Из десяти имен.

– Из десяти имен… Единственная разница заключается в том, что у Господа Бога нет особой причины никого убивать. У меня она есть.

Винсент промолчал. На какое-то мгновение он перестал быть Умницей Винсентом и Голодным Винсентом. Он стал обычным Винсентом, слушающим друга, который делится с ним чем-то очень важным для него.

– И вот теперь наконец я могу сообщить тебе эту причину.

И он ее сообщил…

Луна была полосой белого цвета на капоте автомобиля, отражавшейся у нее в глазах.

Амелия Сакс мчалась вдоль Ист-Ривер.

Она чувствовала, как тяжелый груз давит ей на сердце. Психологическое эхо событий нескольких последних дней: связь продажных полицейских с мафией, убравшей Бена Крили и Фрэнка Сарковски; опасность того, что инспектор Флаэрти может в любой момент отобрать у нее дело; слежка за ней Денниса Бейкера и недоверие к ней со стороны начальства; скандал с помощником инспектора Джеффрисом.

Но самым страшным для Амелии стала информация о преступном прошлом отца.

Она думала: какой смысл заниматься такой работой, отдавать ей все силы, душевное спокойствие, рисковать жизнью, если в конце концов она извратит и испоганит все лучшее в тебе?

Амелия разогнала машину до семидесяти миль в час. Мотор выл, словно волк в полночь.

Наверное, не было полисмена лучше, чем ее отец, более твердого, более добросовестного. Но стоит только вспомнить, что с ним произошло… Амелия вдруг поняла, что не должна рассуждать об этом в подобных категориях. С ним ничего не произошло. Продажность была его собственным добровольным выбором.

Она помнила Германа Сакса как спокойного, веселого человека, любившего встречаться с друзьями, смотреть автомобильные гонки, бродить с дочерью по свалкам графства Нассау в поисках карбюраторов, прокладок и выхлопных труб. Теперь-то она понимала, что знакомый ей облик был всего лишь красивым фасадом, за которым скрывалась гораздо более мрачная личность – некто, кого она совершенно не знала.

В душе Амелии Сакс властвовала особая присущая ей неудержимая сила, заставлявшая ее многое подвергать сомнению, докапываться до истоков. И Амелия очень страдала из-за упомянутого качества. Но и вознаграждение за него бывало достаточно велико, когда удавалось спасти невинных или схватить опасного преступника.

Этот внутренний импульс вел ее в одном направлении, а ее отца он же подтолкнул в противоположную сторону.

Автомобиль слегка занесло, но она с легкостью снова взяла его под контроль.

Ну почему, почему, почему?

Амелия понимала, что подобный вопрос бессмыслен. Линкольн Райм всегда подчеркивал, что задаваться вопросом, почему человек совершил то или иное преступление, глупо. Пытаться установить, что двигало им: жадность, страсть, заблуждение, месть или прихоть, – пустая трата времени. Единственное, о чем должен спрашивать себя полицейский, – это правильно ли он делает свое дело, не отступает ли в чем-то от закона и сумеет ли найти и привлечь к ответственности истинного виновника преступления?

Амелия проехала по Бруклинскому мосту, свернула с шоссе. Потом десяток других поворотов в одну, в другую сторону, в южном направлении.

Наконец она нашла пирс, который искала, нажала на тормоз, остановилась. Вышла из машины, громко захлопнув дверцу. Прошла по небольшому парку, миновав бетонное заграждение. Амелия проигнорировала табличку с предупреждением, вышла на пирс и сразу оказалась на жестоком, пронизывающем ветру.

Черт, как холодно!

Она остановилась у низких деревянных перил, ухватилась за них руками в перчатках. На нее обрушилась лавина воспоминаний.

Ей было десять лет, когда одним теплым летним вечером отец поднял ее и поставил на пилон. Он до сих пор здесь, тот пилон, как раз посередине пирса. Отец крепко держал ее. Амелия совсем не боялась, потому что он уже научил ее плавать в общественном бассейне, и даже если бы сильный порыв ветра столкнул их с пирса, они без труда доплыли бы до лесенки, смеясь и пытаясь обогнать друг друга, вновь залезли бы на пирс и, возможно, опять, держась за руки, с высоты десять футов прыгнули бы в темную и теплую воду.

Ей было четырнадцать… Отец со стаканчиком кофе и она с содовой смотрят сверху на воду и беседуют о Розе.

– На твою мать иногда находит, Эми. Это вовсе не означает, что она тебя не любит. Она просто такая. Но она гордится тобой. Знаешь, что она мне сказала тут как-то на днях?

И потом, много позже, уже после того, как Амелия стала работать в полиции, они снова стояли здесь рядом с тем же автомобилем, на котором она приехала сюда сегодня (но только тогда он был выкрашен в желтый цвет, великолепный «окрас» для по-настоящему крепкой машины). Амелия была в форме, Герман Сакс – в твидовой куртке и вельветовых брюках.

– У меня проблема, Эми.

– Проблема?

– Ну, в физическом смысле.

Она ждала, чувствуя, как ноготь впивается в кожу.

– Что-то вроде рака. Ничего серьезного. Мне просто нужно пройти лечение. – Он привел еще несколько подробностей – с дочерью он всегда говорил напрямую – и вдруг сделался как-то необычно мрачен и покачал головой. – Но самая главная проблема… я ведь только что заплатил пять баксов за стрижку, а теперь мне предстоит потерять все волосы до одного. – Он потер себе голову. – Лучше бы я не тратил эти деньги.

Слезы катились по щекам Амелии.

– Черт побери! – шептала она. – Остановись, возьми себя в руки.

Слезы продолжали неудержимо катиться, и от холодной влаги у нее начало покалывать лицо.

Амелия вернулась в машину, завела мотор и вернулась к Райму. Когда она вошла в дом, он уже был наверху в постели, спал.

Амелия прошла в комнату для тренировок, где Пуласки оставил доску со схемой дел Крили/Пуласки. Она не смогла сдержать улыбки. Прилежный и добросовестный парень не только оставил здесь доски, но и прикрыл их кусками материи. Амелия сняла их, внимательно прочитала все записанное его аккуратным почерком, затем добавила несколько собственных заметок.

СХЕМА № 4

Убийство Бенджамина Крили

• Бен Крили, 56 лет, предположительно покончил с собой, повесившись. На бельевой веревке. Но на момент гибели у него был сломан палец, и он не смог бы завязать петлю.

• Напечатанная на компьютере предсмертная записка с упоминанием о депрессии. Но депрессия у него явно не была столь сильной, чтобы подтолкнуть его к самоубийству. Никаких психических или эмоциональных проблем в прошлом.

• Около Дня благодарения двое мужчин вломились к нему в дом и, возможно, сожгли улики. Белые, описание лиц отсутствует. Один больше другого. Находились внутри около часа.

Вещественные доказательства в уэстчестерском доме:

• Взломан замок; аккуратная профессиональная работа.

• Следы кожи на каминных инструментах и на рабочем столе Крили.

• В грязи перед камином более высокое содержание кислот, чем в грязи вокруг дома, имеются вредные вещества. Возможно, с какого-то предприятия?

• Следы сгоревшего кокаина в камине.

• Пепел в камине.

• Финансовые документы, сводная ведомость, упоминания о миллионах долларов.

• Проверка логотипов на документах, отсылка бумаг в криминалистическую лабораторию специалисту по бухгалтерским документам.

• Дневниковые записи: смена масла в машине, стрижка у парикмахера и посещение закусочной «Сент-Джеймс».

• Анализ пепла, полученный из лаборатории в Квинсе.

• Распечатка программного обеспечения, широко используемого в бухгалтерской отчетности различных компаний.

• Заключение эксперта-криминалиста по бухгалтерии: стандартная бухгалтерская ведомость.

• Сожжена либо из-за опасного содержания, либо просто чтобы сбить следствие с пути.

• Закусочная «Сент-Джеймс».

• Крили приходил туда несколько раз.

• Находясь там, явно не употреблял наркотики.

• Наверняка не известно, с кем он там встречался, но, возможно, с полицейскими из 118-го округа, расположенного неподалеку.

• В последнее свое посещение бара – как раз накануне смерти – подрался с неизвестными.

• Проверена наличность от полицейских в «Сент-Джеймсе». Серийные номера нигде не проходят, но обнаружены следы кокаина и героина. Похищены из участка?

• Отсутствует очень небольшое количество наркотиков. Только 6 или 7 унций марихуаны и 4 – кокаина.

• В 118-м участке подозрительно мало зарегистрированных дел по организованной преступности, но никаких прямых доказательств укрывательства.

• Причастность двух банд в Ист-Виллидж возможна, но маловероятна.

• Беседа с Джорданом Кесслером, партнером Крили, и беседа с супругой Крили.

• Подтверждено отсутствие явных случаев употребления наркотиков.

• Никаких очевидных связей с преступным миром.

• Большее, чем обычно, употребление алкоголя, пристрастие к игре. Поездки в Вегас и Атлантик-Сити. Крупные проигрыши, но для Крили не катастрофические.

• Неясны причины депрессии.

• Составляется список клиентов.

• Создается впечатление, что Кесслер ничего не выиграл от смерти Крили.

• За Сакс и Пуласки следовал «мерседес-АМГ».

Убийство Фрэнка Сарковски

• Сарковски, 57 лет, бизнесмен на Манхэттене, убит 4 ноября этого года. Остались жена и двое детей-подростков.

• Убитый владел зданием и бизнесом на Манхэттене. Бизнес: обслуживание и утилизация мусора для других компаний и учреждений.

• Следствие по делу вел детектив Арт Шнайдер.

• Никаких подозреваемых.

• Убийство при ограблении?

• Застрелен при попытке ограбления. Оружие, найденное на месте преступления, «смит-вессон» 38-го калибра. Никаких отпечатков. Детектив, занимавшийся расследованием, полагает, что действовал профессионал.

• Неудачная сделка?

• Убит в Квинсе. Неясно, по каким причинам он там находился.

• В безлюдной части района, рядом с емкостями с природным газом.

• Дело, улики, материалы следствия отсутствуют.

• Следственные материалы переданы в 158-е отделение около 28 ноября. Так и не были возвращены обратно.

Никаких указаний на источник запроса и на то, куда конкретно в 158-м отделении они поступили.

• Откровенные препятствия следствию со стороны помощника инспектора Джеффриса.

• Никаких явных связей с Крили.

• Никакого уголовного прошлого. Никаких конфликтов с законом ни у самого Сарковски, ни у его компании.

• Слухи о том, что полицейским в 118-м отделении поступали какие-то деньги. Намек на какие-то связи с Мэрилендом. Возможность причастности балтиморской мафии?

Амелия смотрела на схему, пока не начала клевать носом.

После чего поднялась наверх, разделась, включила душ и очень долго стояла под горячей обжигающей струей. Затем вытерлась, натянула майку, шелковые трусы и вернулась в спальню.

Она нырнула в кровать рядом с Раймом и положила голову ему на грудь.

– С тобой все в порядке? – спросил он спросонья.

Она ничего не ответила, потянулась и поцеловала его в щеку, затем откинулась на подушку и уставилась на часы рядом с кроватью, на которых равномерно мелькали цифры. Минуты растягивались до бесконечности, каждая, казалось, по продолжительности равнялась целым суткам. И вот где-то около трех ночи она наконец уснула.

Часть II

Среда

Время – огонь, в котором мы все сгораем.

Делмор Шварц

Глава 23

9.02

Линкольн Райм проснулся примерно час назад. Молодой полицейский из береговой охраны принес мужскую куртку, которую незадолго до того выловили в нью-йоркской гавани. Капитан патрульного катера решил, что она скорее всего принадлежала до сих пор не обнаруженной первой жертве Часовщика. Оба рукава были в крови.

Куртка была фирмы «Мейси», и на ней отсутствовали какие-либо другие следы или признаки, по которым можно было бы установить владельца.

В данный момент Райм находился в спальне вместе с Томом, который только что завершил утренние процедуры Райма: физиотерапевтические упражнения и то, что помощник тактично именовал «гигиеническими нуждами». Теперь к ним поднялась и Амелия.

Когда Райм проснулся, ее рядом не было. Сейчас она швырнула куртку на кресло, прошла мимо него, отдернула шторы и выглянула в окно на Центральный парк.

Том сразу же почувствовал: что-то случилось.

– Пойду сварю кофе. И чем-нибудь еще займусь, – сказал он и исчез, плотно закрыв за собой дверь.

«Ну что на этот раз?» – подумал Райм мрачно. С него по горло хватило личных проблем и за вчерашний день.

Амелия все еще продолжала всматриваться в яркую голубизну неба над Центральным парком.

– И что за важная поездка у тебя была?

– Я остановилась у «Арджайл секьюрити».

Райм заморгал.

– У тех, что бегали за тобой после того, как тебя расхвалили на все лады в «Тайме», когда мы закончили дело Иллюзиониста?

– Да, именно.

«Арджайл секьюрити» – международная компания, занимающаяся охраной крупных чиновников и организацией переговоров по освобождению похищенных сотрудников компаний – весьма распространенное преступление в ряде стран. Они предложили Амелии работу с жалованьем, в два раза превосходившим то, что она получала в полиции. Кроме того, пообещали ей лицензию на скрытое ношение оружия в большинстве районов – право, которым пользовались очень немногие охранные организации. Это обещание, а также то, что они гарантировали ей работу в экзотических и опасных местах, сразу пробудило в Амелии интерес, хотя в конце концов она все-таки отклонила предложение.

– Ну и что ты задумала?

– Я ухожу, Райм.

– Уходишь из полиции? Ты серьезно?

Амелия кивнула:

– Я уже все решила. Хочу сменить направление. И там я смогу быть полезной. Защищать семьи, охранять детей. Они ведь тоже борются с террористами.

Теперь и Райм тоже смотрел в окно на окоченевшие, голые деревья в Центральном парке. Он вспомнил вдруг свой вчерашний разговор с Кэтрин Дэнс о начале лечения. Один молодой проницательный врач, работавший в полиции, Терри Добинс, сказал ему тогда: «Ничто не длится вечно». Он имел в виду депрессию, которую Райм переживал в те дни.

И вот теперь слова молодого врача вертелись у него в голове.

«Ничто не длится вечно…»

– А…

– Я должна так поступить, Райм. Должна.

– Из-за отца?

Амелия кивнула, сунула палец в волосы, и ноготь вонзился в кожу. Поморщилась от боли, то ли от физической, то ли от душевной.

– Это безумие, Сакс.

– Мне кажется, я больше не смогу быть полицейским.

– Ты как-то уж слишком быстро приняла решение.

– Я думала над ним всю ночь. Ни над чем другим я в своей жизни не размышляла так долго.

– Я бы на твоем месте подумал еще. Нельзя принимать решения только потому, что ты получила какие-то дурные новости.

– «Дурные новости»? Все мое отношение к отцу оказалось основано на лжи!

– Далеко не все, – возразил Райм. – Только то, что было связано с определенной частью его жизни.

– Но с самой важной частью. Ведь в первую очередь он был именно полицейским, Райм.

– Это случилось очень давно. «Клуб Шестнадцатой авеню» «закрылся», когда ты была еще ребенком.

– И ты полагаешь, что упомянутый тобой факт делает отца менее продажным?

Райм ничего не ответил. Она покачала головой:

– Ты хочешь, чтобы я тебе все объяснила, Райм? Дала свидетельские показания. Добавила несколько капель реагента, и мы увидели бы, что получится. Не могу. С меня хватит, меня от всего этого тошнит. А теперь тошнит и от моей работы, потому что она связана с тем, что я узнала об отце.

– Я понимаю, подобные новости не переживаются легко, – мягко произнес Райм. – Но что бы ни произошло с ним, оно случилось в его жизни, а не в твоей. Для тебя должно иметь значение только то, что ты хороший полицейский и что множество дел так и остались бы навеки нераскрытыми, если бы не ты и не твоя профессиональная работа.

– Я смогу доводить дела до завершения только в том случае, если буду относиться к работе с душой. А теперь я просто не смогу. Что-то ушло. Скоро Пуласки не хуже меня будет выполнять мою работу, – добавила Амелия. – Он уже сейчас работает гораздо лучше, чем я, когда начинала сотрудничать с тобой.

– Он так хорош только потому, что учила его ты.

– Давай обойдемся без этого.

– Без чего?

– Без умасливания. Оставь свои комплименты. Моя мать любила использовать подобную тактику с отцом. Ты не хочешь, чтобы я уходила, я понимаю, но прошу тебя, не старайся разыграть подобную карту, у тебя все равно ничего не получится.

Ну уж нет, ему в любом случае нужно разыграть хоть какую-то карту. После несчастного случая Райму не раз приходилось бороться с мыслями о самоубийстве. И хотя иногда он стоял на самом краю рокового решения, в последнее мгновение всегда поворачивал назад. В данный момент Амелия решалась на психологическое самоубийство. Уход из полиции для нее будет означать самоубийство духовное.

– Но «Арджайл»? Подобные организации не для тебя. – Райм покачал головой. – Никто не принимает всерьез конторы, занимающиеся охраной коммерческих компаний. И в первую очередь сами клиенты.

– Отнюдь. Они получают очень серьезные задания. И кстати, они потребовали, чтобы я прошла дополнительную подготовку. Необходимо выучить иностранные языки… У них даже есть отдел криминалистики. Ну и платят они хорошо.

Райм рассмеялся:

– С каких это пор тебя интересуют деньги? Подумай, Сакс, не лети сломя голову. Зачем такая спешка?

Амелия покачала головой:

– Я доведу до конца дело «Сент-Джеймс». И помогу тебе поймать Часовщика. Но после…

– Знаешь, ведь ты не сможешь просто так взять и уйти. За тобой потянется довольно большой хвост. И потом, кто знает, а вдруг спустя какое-то время тебе захочется вернуться?

Амелия подвинула свой стул к его креслу и взяла его за правую руку, пальцы которой сохраняли чувствительность и могли двигаться. Она сжала его ладонь.

– Что бы я ни сделала, это никак не отразится на нас, на наших отношениях. – Она улыбнулась.

«Ты и я, Райм… Ты и я, Сакс…»

Он отвернулся. Линкольн Райм был ученым, чистым интеллектуалом, не человеком эмоций. Райм и Сакс познакомились несколько лет назад, занимаясь одним сложным делом: серией похищений, организованных убийцей, которым владела страсть к человеческим костям. И никто не мог положить конец страшным преступлениям, кроме этих двух несчастных: Райма, паралитика на пенсии по инвалидности, и Сакс – молодой, разочарованной в жизни сотрудницы отдела криминалистики, только что преданной возлюбленным. Каким-то загадочным образом им удалось сформировать единую команду, заделать трещины в жизни друг друга и, как результат, найти и обезвредить убийцу.

Как бы Райму ни хотелось преуменьшить ее значение в его жизни, слова «ты и я» стали главным компасом в том хрупком мире, который они оба создали друг для друга. Он был вовсе не уверен в ее правоте. И

чувствовал, что исчезновение общей цели неизбежно повлияет на их отношения.

Может быть, он уже наблюдает переход от фазы «До» в них к фазе «После».

– Ты уже ушла?

Она колебалась, прежде чем ответить.

– Нет. – Затем вынула из кармана куртки белый конверт. – Я написала заявление об увольнении. Но вначале хотела поговорить с тобой.

– Подумай еще пару дней, прежде чем решить окончательно. Не из-за меня. Просто подумай. Пару дней.

Амелия долго разглядывала конверт. Потом кивнула:

– Хорошо.

Райм размышлял: вот они вдвоем работают над делом человека, которым владеет страсть к часам, мания, связанная со временем. И самое важное сейчас для Райма – добиться для Амелии жизненно необходимой паузы. Она должна на два дня остановить свое личное время.

– Спасибо… А теперь давай вернемся к работе.

– Я хочу, чтобы ты понял…

– Да понимать-то нечего, – отозвался Райм с каким-то почти чудом давшимся ему равнодушием. – Есть чрезвычайно опасный преступник, которого мы во что бы то ни стало должны поймать. Вот и все, о чем нам сейчас следует думать.

Он оставил ее одну в спальне, а сам на маленьком лифте спустился в лабораторию, где уже работал Мэл Купер.

– Кровь на куртке – АВ положительная. То есть тот же тип, что и на пирсе.

Райм кивнул. Затем попросил эксперта позвонить в лабораторию НАСА по поводу информации с «АСТЕР» о результатах термического сканирования на предмет возможных мест гудронирования крыш.

В Калифорнии было еще совсем ранее утро, но Мэлу удалось найти кого-то и, немного надавив, упросить переслать им по Интернету фотографии. Они прибыли спустя буквально несколько минут. Снимки

производили сильное впечатление, только вот помощи от них не было почти никакой. Насчитывалось примерно, как и предполагал Селлитто, триста или четыреста зданий, демонстрировавших признаки сильного нагревания. Система не могла отличить, в каких из них производилось перекрытие крыши, какие строились, какие отапливались с помощью пара, а в каких были просто очень горячие трубы.

Единственное решение, которое смог принять Райм, – это попросить у центра, чтобы вся информация по нападениям и взломам в зданиях или поблизости от зданий, в которых ведутся работы по перекрытию крыш, сразу же направлялась им.

Диспетчер несколько мгновений колебалась, а потом заверила, что их запрос будет помещен в главный компьютер.

По ее интонации Райм понял, что они пытаются ухватиться за соломинку.

Но что он мог возразить? Она была права.

Люси Рихтер закрыла дверь в квартиру и заперла ее на все замки.

Она сняла пальто и свитер с капюшоном, на груди которого было написано: «4-я пехотная дивизия», а на спине девиз их подразделения: «Упорство и преданность…»

Все мышцы болели. В гимнастическом зале Люси пробежала пять миль с хорошей скоростью по дорожке с уклоном в девять градусов, а потом еще полчаса отжиманий, приседаний, подтягиваний. И этому научила ее военная служба – уважать мускулатуру. Вы можете насмехаться над хорошей физической формой, называть ее признаком тщеславия и нарциссизма, а погоню за ней – пустой тратой времени, но что бы вы ни говорили, сила есть сила.

Она налила воды в чайник, вытащила из холодильника творожное кольцо, посыпанное сахарной пудрой, размышляя над тем, какие ей предстоят сегодня дела. Возможно, обед с матерью. Впрочем, была и масса других обязательств, которые нужно было выполнить именно сегодня: кое-кому позвонить, послать электронные письма, испечь пироги и приготовить ее коронный чизкейк для вечеринки в четверг. А может, просто дойти с друзьями до магазина и купить хороший десерт в булочной.

Или весь день пролежать в кровати, просматривая один за другим все сериалы подряд. Побаловать себя…

Сегодня было только самое начало райской жизни – двухнедельного отпуска из страны горьких туманов, – и Люси решила насладиться каждым его мгновением.

Горький туман…

Именно это выражение услышала она как-то от местного полицейского в окрестностях Багдада, когда он говорил о дыме и парах, возникающих в момент взрыва самодельной бомбы.

Взрывы в кино – всего лишь вспышки горящего бензина. Мгновение – и их нет, остается только реакция на лицах героев. В реальной жизни после взрыва самодельной бомбы в воздухе повисает густой голубоватый туман с тяжелым запахом, который обжигает легкие и от которого долго режет глаза. Состоящий частично из пыли, частично из ядовитого химического дыма, частично из превратившихся в пар волос и кожи, он не рассеивается в течение нескольких часов.

Горький туман – символ кошмара этой новой разновидности войны. В ней не существует союзников, которым можно было бы доверять, кроме твоих товарищей-солдат. В ней нет четко определенной линии фронта. И ты даже не знаешь, где и кто твой настоящий враг. Им может оказаться переводчик, повар, безобидный прохожий, местный бизнесмен, подросток, дряхлый старик. А оружие? Не гаубицы и танки, а крошечные посылки, из которых внезапно вырывается тот самый горький туман, упаковки с тринитротолуолом, или с Си-4 или Си-3, или с взрывчаткой, у вас же похищенной и спрятанной настолько искусно, что вы не заметите ее до того момента, как… Другими словами, так, что вам не суждено будет ее вообще заметить.

Люси рылась в шкафу в поисках чая.

Горький туман…

Она остановилась. Что за странный звук?

Люси наклонила голову и прислушалась.

Что такое?

Тиканье часов. Она почувствовала, как внутри все сжалось от этого звука. У них с Бобом не было механических часов. Но именно их и напоминал доносившийся до нее звук.

Откуда, черт возьми, он исходит?

Она прошла в маленькую спальню, которую они использовали в основном в качестве кладовой. Свет был выключен. Она включила его. Нет, звук идет не отсюда.

Ладони Люси вспотели, дыхание участилось, сердце бешено колотилось.

«Звук мне просто почудился… Я схожу с ума. Самодельные взрывные устройства не тикают. Даже часовые механизмы в бомбах давно уже электронные».

Да и, с другой стороны, неужели можно вообразить, что кому-то пришло в голову оставить взрывное устройство в ее нью-йоркской квартире?

Девушка, вам нужно обратиться к врачу.

Люси вернулась в их спальню. Постель все еще была не убрана. Дверь стенного шкафа распахнута, закрывая от нее буфет. Возможно, это… Она сделала шаг вперед. Остановилась. Тиканье доносилось откуда-то еще, не отсюда. Она прошла по коридору к двум спальням поменьше и заглянула в обе. Ничего.

Люси продолжила поиски в ванной. Войдя туда, она рассмеялась.

На туалетном столике рядом с ванной стояли часы. Они производили впечатление старинных. Черного цвета, с окошечком на циферблате, из которого выглядывала полная луна. Откуда они? Неужели тетка снова решила убраться в подвале? Или Боб купил их во время ее отъезда, а сегодня утром, когда она ушла в клуб, поставил здесь?

Но почему в ванной?

Странный круглый лик луны взирал на нее загадочно, почти зловеще. Он напомнил Люси лица детей, стоявших у дороги. На губах их застыло выражение, напоминавшее улыбку, но которое явно было ее противоположностью. Невозможно было понять, что у них там, в голове. Когда они так на вас смотрят, кого они в вас видят? Своих спасителей? Врагов? Или существ с другой планеты?

Люси решила, что позвонит Бобу и спросит у него о часах. Она прошла на кухню. Заварила чай и принесла чайник и телефон в ванную, где уже открыла воду.

В эту минуту Люси думала только об одном: сможет ли она, впервые за несколько месяцев принимая настоящую ванну, смыть с себя остатки горького тумана.

На улице перед входом в квартиру Люси Винсент Рейнольдс наблюдал за двумя школьницами, которые проходили мимо.

Он взглянул на них, но не ощутил усиления голода, который уже разрывал изнутри его тело. Это были старшеклассницы. Для него слишком юные. (Салли Энн тоже была подростком, так ведь и он тогда был мальчишкой – никакого противоречия.)

По сотовому телефону Винсент слышал шепот Дункана:

– Я в ее спальне. Она наполняет ванну… Очень кстати.

«Водные процедуры…»

Так как в доме было много жильцов и его легко могли заметить, если бы он стал вскрывать замок, Дункан взобрался на крышу на расстоянии нескольких подъездов от квартиры Люси, затем дошел до ее подъезда и спустился к ней в спальню по пожарной лестнице. Дункан был очень ловок и в превосходной спортивной форме – еще одно существенное различие между друзьями.

– Ладно, я начинаю.

«Спасибо…»

И вдруг он услышал:

– Постой.

– Что такое? – спросил Винсент. – Что-то случилось?

– Она звонит по телефону. Придется подождать.

Голодный Винсент весь напрягся. Ожидание у него всегда получалось плохо.

Прошла минута, две, пять.

– Что происходит? – прошептал Винсент.

– Она все еще говорит по телефону.

Винсент был вне себя.

Черт ее возьми… Ему захотелось быть рядом с Дунканом, чтобы помочь другу убить ее. Какого черта она решила звонить именно сейчас? Он с жадностью проглотил шоколадный батончик.

Наконец снова послышался голос Часовщика:

– Я постараюсь заставить ее прекратить разговор. Снова вылезу на крышу и спущусь вниз в коридор. И сделаю так, чтобы она открыла дверь. – Тут Винсент услышал нечто такое, чего раньше его компаньон никогда не высказывал вслух. – Я больше не могу ждать.

Что ты знаешь о том, что такое ждать, подумал Умница Винсент, сумевший на мгновение вылезть на поверхность сознания перед тем, как Голодный Винсент не запихнул его обратно.

Раздеваясь, Люси Рихтер услышала еще один звук. Не тиканье часов с луной. Другой звук. Откуда-то неподалеку. Изнутри? Из коридора? Из переулка?

Щелчок. Металлический.

Что это может быть такое?

Жизнь солдата состоит из подобных звуков – металла, ударяющегося о металл. Надевание пахнущей смазкой амуниции, зарядка оружия, хлопанье автомобильных дверей, щелчки ременных пряжек и многое, многое другое. Или звук пули, выпущенной из «АК-47» и отлетающей от брони «М-2 Брэдли» или автомобиля.

И снова тот же звук – щелк, щелк. Затем тишина.

Люси почувствовала резкий холод, словно где-то открылось окно. Где? Наверное, в спальне, решила она. Полуобнаженная, она прошла к двери в спальню и заглянула туда. Да, окно действительно открыто. Но когда она заглядывала туда раньше, услышав тиканье, было ли оно закрыто? С уверенностью ответить она не могла.

Тогда Люси скомандовала себе: «Остановись, солдат, у тебя начинается паранойя. У тебя явно крыша поехала. Здесь нет и не может быть самодельных взрывных устройств и всяких там камикадзе. И нет горького тумана. Возьми себя в руки».

Одной рукой прикрывая грудь – на противоположной стороне улицы тоже были квартиры, – она подошла к окну и закрыла его. Взглянула вниз в переулок и ничего не увидела.

И именно в это мгновение кто-то начал колотить во входную дверь.

Люси повернулась – сердце вновь бешено забилось от неожиданности. Она накинула банный халат и побежала в темный передний коридор.

– Кто там?

После паузы раздался мужской голос:

– Я из полиции. С вами все в порядке?

– Что-то случилось? – вместо ответа спросила Люси.

– Срочный вызов. Пожалуйста, откройте дверь. С вами все в порядке?

В сильнейшей тревоге, она поплотнее затянула пояс халата и отперла засовы, вспомнив об окне спальни и подумав, что, возможно, кто-то попытался взломать его. Она сняла дверную цепочку.

Наконец она открыла последний замок, и только когда дверь подалась на нее, Люси вспомнила, что, наверное, ей следовало бы попросить стучавшего предъявить удостоверение или показать значок, прежде чем снимать цепочку. Она слишком много времени провела в совершенно ином мире и забыла, что и здесь, дома, частенько встречаются очень плохие люди.

Амелия и Селлитто прибыли к старому зданию в Гринич-Виллидж на старомодной Бэрроу-стрит.

– Тут?

– Угу, – отозвался Селлитто. Пальцы у него от мороза посинели, а уши покраснели.

Они бросили взгляд в переулок рядом со зданием. Амелия внимательно его осмотрела.

– Как ее зовут? – спросила она.

– Рихтер. Люси, кажется.

– Какое окно – ее?

– Третий этаж.

Амелия взглянула на пожарную лестницу.

Они продолжили подниматься по главной лестнице здания.

– А вы уверены, что это был Часовщик? – спросила Амелия Фрэнка Реттига и Нэнси Симпсон, стоявших рядом со своей машиной, неуклюже припаркованной посередине Бэрроу-стрит. Толпа людей наблюдала за происходящим. Амелия внимательно оглядела их лица, все еще убежденная в том, что Часовщик так тщательно все убрал за собой на месте первого преступления, потому что собирался туда вернуться. Но в толпе она не увидела никого, кто напомнил бы ей Часовщика или его спутника.

– Да, он оставил часы, – пояснил Реттиг. – С луной.

Сакс и Селлитто начали подниматься по лестнице.

– Постойте, – окликнула их Нэнси Симпсон.

Детективы остановились и повернулись к ней.

– Приятным вам то, что вы там увидите, не покажется.

Глава 24

11.04

Сакс и Селлитто медленно поднимались по ступенькам. Воздух на полутемной лестнице был пропитан запахом чистящего средства с ароматом сосны и жаром масляного обогревателя.

– Как ему удалось проникнуть внутрь? – размышляла Амелия.

– Этот парень почти что призрак. Он проникает куда захочет.

Амелия посмотрела вверх в лестничный пролет. Они остановились на мгновение у двери. На табличке значилось «Рихтер/Доббс».

«Приятным вам то, что вы там увидите, не покажется...»

– Пошли.

Амелия открыла дверь в квартиру Люси Рихтер и вошла.

Их встретила мускулистая молодая женщина в свитере и с заколотыми волосами. Она повернулась к ним от полицейского в форме, с которым разговаривала. Ее лицо мгновенно помрачнело.

– Вы за это отвечаете? – злобно рявкнула Люси Рихтер, почти вплотную приблизившись к Лону Селлитто.

– Я один из детективов, занимающихся данным делом, – ответил он и представился. Амелия сделала то же самое.

Люси Рихтер уперла руки в бедра.

– И чем вы, черт возьми, занимаетесь? – гаркнула она. – Вам ведь было известно, что какой-то психопат оставляет гребаные часы, когда хочет убить человека! И вы никому не сообщили? Я пережила несколько страшных месяцев в затраханной пустыне не для того, чтобы приехать домой и быть зверски убитой каким-то маньяком только потому, что вы не озаботились поделиться соответствующей информацией с общественностью.

Им удалось успокоить ее далеко не сразу.

– Уважаемая, – пояснила Амелия, – его метод вовсе не состоит в том, чтобы заранее рассылать эти часы, дабы люди знали о его скором прибытии. Он уже находился в вашей квартире. Вам просто посчастливилось.

Люси Рихтер в самом деле повезло.

За полчаса до того прохожий обратил внимание, что какой-то мужчина взбирается по ее пожарной лестнице на крышу. Он позвонил в 911. Часовщик посмотрел вниз, заметил приближение полиции и бежал.

Поиски в окрестностях ничего не дали: никаких следов преступника не нашли и никто из свидетелей не видел никого похожего на фоторобот Часовщика.

Амелия перевела взгляд на Селлитто, мямлившего:

– Нам очень жаль, миссис Рихтер.

– Жаль! – взорвалась она. – Почему вы до сих пор скрываете это от общественности?

Детективы переглянулись. Селлитто кивнул.

– Мы, конечно же, обнародуем всю возможную информацию. Я попрошу представителя отдела по связям с прессой сделать соответствующее сообщение в местных новостях. Мне необходимо обыскать вашу

квартиру. Вполне возможно, что он оставил какие-то следы у вас. И задать вам несколько вопросов по поводу случившегося.

– Минутку. Мне нужно позвонить. Мои родственники услышат о происшествии в новостях. Я не хочу, чтобы они волновались.

– Это очень важно, – настойчиво произнес Селлитто.

Люси открыла свой сотовый и твердым голосом добавила:

– Я сказала, подождите минуту.

– Райм, ты меня слышишь?

– Давай говори. – Криминалист находился в своей лаборатории и беседовал с Сакс по рации.

Он вспомнил, что они планировали примерно через месяц попытаться закрепить у нее на голове или на плече видеокамеру с высоким разрешением, чтобы Райм у себя в лаборатории мог видеть то же, что и Амелия, во время осмотра места преступления. Они шутили, называя камеру «игрушкой Джеймса Бонда». И теперь он ощущал настоящую душевную боль от мысли, что ему придется опробовать эту камеру уже не с Амелией.

Усилием воли Райм отогнал сентиментальные мысли, сказав себе то, что он часто говорил тем, кому приходилось с ним работать: «Опасный преступник гуляет на воле; и нас в данный момент должен занимать только вопрос его поимки, но мы сможем задержать его только в том случае, если сосредоточимся на упомянутой цели на все сто процентов».

– Люси не узнала фоторобот Часовщика. Она его не видела.

– Каким образом ему удалось проникнуть в квартиру?

– Точно пока не знаю. Если он продолжает следовать своей традиционной методике, значит, открыл замок отмычкой. Затем, я полагаю, он влез на крышу и спустился к окну жертвы по пожарной лестнице. Вошел внутрь, оставил часы и стал ждать ее. А потом по какой-то непонятной причине снова вылез наружу. Именно в тот момент и увидел его свидетель, и он сбежал. Поднявшись вверх по пожарной лестнице.

– Где он находился внутри квартиры?

– Он оставил часы в ванной. Пожарная лестница расположена рядом с окном главной спальни, поэтому он, естественно, побывал и там. – Амелия помолчала и продолжила мгновение спустя: – Свидетелей искали, но никто не видел ни его самого, ни машины. Возможно, они с сообщником теперь ходят пешком, после того как мы захватили их внедорожник.

Под Гринич-Виллидж проходит полдюжины линий метро, они могли легко ускользнуть по любой из них.

– Не думаю, – отозвался Райм и пояснил, что почти уверен, что Часовщик и его компаньон предпочтут пользоваться автомобилем. Вопрос о том, пользоваться ли машиной или нет в ходе совершения преступлений, является ключевым в структуре методов преступника. И один раз принятое решение редко меняется.

Амелия осмотрела спальню, пожарную лестницу, ванную и все пути, которые вели туда. Проверила она и крышу. Не преминула сообщить Райму и о том, что крышу в последнее время не гудронировали.

– Ничего, Райм, никаких следов. Такое впечатление, что у него имеется свой собственный костюм «Тайвек». Он ничего после себя не оставляет.

Эдмон Локар, известный французский криминалист, выдвинул так называемый «принцип обмена», который заключается в том, что в случае совершения преступления обязательно имеет место обмен материалом между преступником и местом преступления. Он оставляет там что-то свое, забирая что-то с собой. Названный принцип на первый взгляд звучит весьма оптимистично. Однако часто следы бывают настолько незначительны, что легко теряются, а иногда, будучи обнаруженными, не дают никакой полезной информации. Тем не менее Локар утверждал, что подобный обмен происходит всегда.

Райм часто задавался вопросом: может ли существовать такой исключительный в своем роде преступник, хитрый и проницательный, как сам Райм – а может быть, даже хитрее и проницательнее, – который настолько тщательно бы изучил криминалисту, что смог бы, совершая преступление, опровергнуть принцип Локара: не оставить никаких следов и не прихватить ничего с собой с места преступления. Не был ли именно таким человеком Часовщик?

– Подумай, Амелия… Все-таки что-то должно остаться. Что-то такое, что мы упустили. Что говорит жертва?

– Она пережила сильное потрясение. До сих пор не может сосредоточиться.

После паузы Райм произнес:

– Отправляю к вам наше секретное оружие.

Кэтрин Дэнс сидела напротив Люси Рихтер в ее гостиной.

Сама Люси расположилась под постером с изображением Джими Хендрикса и собственной свадебной фотографией. Рядом с Люси был запечатлен ее муж, круглолицый жизнерадостный мужчина в военной форме.

Дэнс обратила внимание, что ее собеседница спокойно обсуждает обстоятельства происшедшего, хотя, как уже раньше заметила Амелия, ее явно что-то очень сильно беспокоит. У Дэнс сложилось впечатление, что тревожит Люси нечто не связанное с нападением. Она не демонстрировала никаких характерных посттравматических стрессовых реакций. Обеспокоенность женщины была связана с чем-то более глубоким.

– Если не возражаете, не могли бы мы вновь обсудить детали происшедшего?

– Если это поможет поймать подонка, то конечно. – И Люси рассказала Кэтрин о том, что утром ходила в спортивный зал, а когда вернулась, нашла часы.

– Мне стало как-то не по себе. Ну, понимаете, тиканье… – Теперь у нее на лице отобразился явный страх.

Дэнс намеками удалось выудить из нее историю о тяжелом боевом опыте. Потом Люси продолжила:

– Вначале я подумала, что кто-то решил преподнести мне оригинальный подарок. И все равно что-то очень сильно меня тревожило. Потом я почувствовала сквозняк и пошла посмотреть, не открыто ли где окно. И обнаружила, что открыто окно в спальне. И вот тут-то появилась полиция.

– Больше ничего необычного?

– Нет. По крайней мере я больше ничего не помню.

Кэтрин задала ей еще несколько вопросов. Как и следовало ожидать, Люси Рихтер не знала ни Теодора Адамса, ни Джоанну Харпер. И не могла представить, кому могло прийти в голову напасть на нее. Она

попыталась вспомнить что-нибудь еще, что помогло бы полиции, но все ее усилия были напрасны.

Люси старательно демонстрировала внешнее спокойствие и выдержку («чертов сукин сын!»), тем не менее Кэтрин чувствовала: что-то в подсознании молодой женщины мешает ей сконцентрироваться на происшедшем. Классический защитный жест – скрещивание ног – свидетельствовал не о лжи, а о попытке выстроить барьер между ней и тем, от чего исходила угроза. Агент опустила свой блокнот.

– А что вы сейчас делаете в Нью-Йорке? – спросила она простым неофициальным тоном.

Люси объяснила, что приехала в отпуск. Как правило, они встречались с Бобом в Германии, где живут их друзья, но в четверг ей должны были вручать награду.

– За хорошую службу по обеспечению наших вооруженных сил?

– Да, именно так.

– Примите мои поздравления.

Люси улыбнулась, но мышцы у нее на лице дрогнули, и от Кэтрин не ускользнула эта едва заметная реакция.

Заметила она подобную реакцию и у себя самой. Муж Кэтрин Билл был награжден за мужество во время участия в перестрелке за четыре дня до гибели. Кэтрин вновь настроила себя на деловой лад.

Сочувственно покачав головой, она продолжила:

– Вы возвращаетесь в Штаты, и посмотрите, что происходит, – вы сталкиваетесь с негодяем, который хочет вас убить. Думаю, ощущения у вас должны быть крайне неприятными. В особенности после долгих месяцев, проведенных далеко от дома.

– Там вовсе не так уж плохо. Когда смотришь репортажи по телевизору, кажется, что там настоящий ад. На самом деле все не совсем так.

– И тем не менее… Создается впечатление, что вы неплохо справляетесь. Умеете не поддаваться трудностям.

Кэтрин лгала, так как, судя по поведению Люси, все обстояло как раз противоположным образом.

– В общем, да. Просто нужно выполнять свой долг. Ничего особенного. – Руки сжаты, пальцы переплетены.

– И чем вы там занимаетесь?

– Заправкой военно-транспортных средств.

– Важная работа.

Пожатие плечами:

– Думаю, да.

– И все-таки могу поклясться, что главная мечта – оказаться дома в отпуске.

– А вы когда-нибудь служили в армии?

– Нет, – ответила Кэтрин.

– В армии всегда нужно помнить правило номер один: никогда не упускай случая расслабиться. Даже если это будет просто выпивка в компании с офицерами или обычная болтовня.

Кэтрин продолжала вытягивать из нее информацию:

– Сколько военных будут награждать завтра на церемонии?

– Восемнадцать.

Было заметно, что Люси чувствует себя крайне неуютно. И Кэтрин задавалась вопросом: не кроется ли причина подобного ее состояния в том, что ей завтра предстоит выступать перед большим собранием? Некоторых людей публичные выступления пугают больше, чем прыжки с парашютом.

– И сколько человек будет присутствовать на мероприятии?

– Точно не знаю. Наверное, сотня. Может быть, две.

– А ваши родственники придут?

– О да! Все до одного. А потом у нас здесь будет прием.

– Как говорит моя дочь, крутая вечеринка, – заметила Кэтрин. – И что в меню?

– С меню никаких проблем! – воскликнула Люси. – Мы ведь с вами в Виллидж. Кухня будет итальянская. Зити,[11] скампи,[12] колбаса. Готовить будут моя мать и тетка. А я займусь десертом.

– Моя слабость, – призналась Кэтрин. – Сладости… Кстати, чувствую, что проголодалась. – И тут же, словно перебивая себя, воскликнула: – Ой, извините, отвлеклась! – С закрытым блокнотом она всматривалась в глаза собеседницы. – Вернемся к вашему нежданному гостю. Вы говорили, что заваривали чай. Наполняли ванну. И ощутили сквозняк. Пошли в спальню. Окно было открыто. О чем это я вас спрашивала? Ах да, было ли что-то еще, что привлекло ваше внимание?

– Нет-нет, ничего, – с прежней поспешностью ответила Люси, потом вдруг прищурилась. – Минутку. Знаете… кое-что было.

– В самом деле?

Кэтрин занималась тем, что обычно именуется «погружением». Она пришла к выводу, что Люси беспокоит вовсе не мысль о Часовщике, а что-то связанное с ее военной службой за рубежом и церемонией по вручению награды. Люси отвлекали именно эти мысли. И потому Кэтрин повернула беседу к теме ее службы и начала бомбардировать Люси вопросами в надежде снять психологические барьеры и позволить другим воспоминаниям выйти наружу.

Люси встала и прошла в спальню. Ни говоря ни слова, Кэтрин проследовала за ней. К ним присоединилась и Амелия. Люси оглядела помещение.

Осторожно, осторожно, говорила себе Кэтрин, главное не помешать. Люси что-то ищет. Кэтрин молчала. Слишком сильный напор и обилие вопросов на данном этапе могут только навредить. Основное правило в работе со смутными воспоминаниями состоит в том, что их можно вывести на поверхность сознания, но вот раскрутить их бывает крайне сложно. И потому самыми главными составляющими становятся наблюдение и слушание. Слова начинают мешать.

– Меня встревожило что-то еще, кроме открытого окна… А знаете что? Вспомнила. Когда я чуть раньше вошла в спальню в поисках того, что тикает, я не смогла увидеть комод.

– Почему же это было так необычно?

– Потому что, уходя в спортзал, я искала солнечные очки и взглянула на комод. Там они как раз и лежали, и я их забрала. А потом, услышав

тиканье и заглянув в спальню, я не увидела комода, потому что была открыта дверца стенного шкафа.

– Значит, – спросила Кэтрин, – после того как он оставил часы, он, вероятно, спрятался в стенном шкафу или за его дверцей?

– Вполне возможно, – ответила Люси.

Кэтрин повернулась к Амелии, та кивнула с улыбкой и сказала:

– Прекрасно. Наверное, мне надо приступить к работе.

И, натянув на руку латексную перчатку, она открыла дверцу стенного шкафа.

Уже во второй раз у них ничего не получилось. Дункан вел машину еще более осторожно, еще более педантично, чем обычно.

Он молчал, но при этом оставался совершенно спокоен. Что еще больше беспокоило Винсента. Если бы Дункан орал и размахивал кулаками, как его отчим, Винсент чувствовал бы себя более уверенно. «Что ты наделал? – кричал он на него после случая с изнасилованием Салли Энн. – Жирный извращенец!» Винсент боялся, что Дункану надоело их предприятие и он может завязать.

Голодный Винсент больше всего опасался именно такой развязки.

Дункан ехал очень медленно, никого не обгоняя, не превышал скорость, не пытался проскочить на желтый свет. И очень долго не говорил ни слова.

В конце концов он все-таки объяснил Винсенту, что произошло: когда он стал взбираться на крышу, планируя проникнуть в здание, постучаться к Люси в дверь и заставить ее прекратить болтовню по телефону, он посмотрел вниз на улицу и увидел там мужчину, который уставился на него, вытащил телефон из кармана и начал орать Дункану, чтобы он слез с крыши. Часовщик поспешно взобрался еще выше, пробежал по крышам нескольких зданий, а затем спустился на землю. После чего за несколько мгновений домчался до «бьюика».

Дункан ехал очень осторожно, но без определенной цели. Поначалу Винсент думал, что они таким образом пытаются скрыться от полиции, потом понял, что их никто не преследует. И ему пришло в голову, что Дункан просто на автопилоте ездит кругами.

Словно стрелки часов.

И как только первоначальный шок и страх прошли, Винсент почувствовал, как в нем снова начал расти его обычный голод, от которого заболело буквально все – челюсти, голова, промежность.

«Если мы не будем есть, мы умрем».

Винсенту захотелось вернуться в Мичиган, побродить с сестрой, пообедать с ней вместе, посмотреть телевизор. Его сестры не было рядом с ним, их разделяли тысячи миль. Возможно, она сейчас думает о нем, но это никак не облегчит его страдания… Голод был слишком сильный. Ничего не помогало. Хотелось кричать. Ему легче было бы утолить свой голод, если бы он послонялся по стрип-барам в Нью-Джерси или подкараулил бы какую-нибудь студентку колледжа, бегающую по пустынному парку. Какой же прок от…

Очень тихим голосом Дункан произнес:

– Извини.

– Что? – не понял Винсент.

– Извини, – повторил Дункан.

Винсент был обезоружен. Его гнев моментально прошел, и он даже не знал, что сказать.

– Ты мне помогаешь, и ведь действительно много и хорошо работаешь. А я? Я тебя постоянно подвожу.

Винсенту мгновенно вспомнилась мать, объяснявшая ему, когда Винсенту было всего десять лет, что она подвела его с Га-сом, потом со вторым мужем, потом с Бартом, потом с Рэйчел (это был эксперимент), потом с третьим мужем.

И всякий раз маленький Винсент говорил то, что он произнес и сейчас:

– Да ладно, все в порядке.

– Нет, не в порядке… Я часто упоминаю о великом вселенском плане. Но наши разочарования тоже велики. Я перед тобой в долгу. И должен с тобой расплатиться.

Ничего подобного мать никогда не говорила Винсенту и еще меньше делала. И ему ничего не оставалось, как находить утешение в еде,

телевизоре, подглядывании за девчонками и в своих «беседах по душам».

Винсент знал, что Дункан никогда не произносит пустых слов – если он что-то пообещал, то обязательно выполнит. И сейчас он был совершенно искренне расстроен тем, что Винсенту не удалось воспользоваться Люси. Винсент был готов расплакаться, но теперь совсем подругой причине. Не из-за голода и неудовлетворенности. Им овладело странное чувство. До сих пор никто не говорил ему ничего подобного. Никто вообще не обращал на него никакого внимания.

– Послушай, – сказал Дункан, – та, которая у нас следующая на очереди. Тебе она не понравится.

– Она что, уродина?

– Дело не в этом. Дело в том способе, каким она должна умереть… Я собираюсь ее сжечь.

– О!

– В той книге, ты помнишь пытку спиртом?

– Нет, не помню.

На картинках в книге были изображены мужчины под пыткой. Винсента они не интересовали.

– На нижнюю часть тела человека наливаешь спирт и поджигаешь. Если удается добиться признания, то огонь тут же тушишь. Я, конечно, тушить его не собираюсь.

Верно, подумал Винсент, после такой процедуры ему ее не захочется.

– Но у меня есть другая идея.

И Дункан объяснил, что он имеет в виду. Настроение Винсента повышалось с каждым его словом.

– Как тебе кажется, подобное, наверное, подойдет любому?

Ну конечно, не совсем любому, подумал Умница Винсент, снова пришедший в превосходное расположение духа.

Райм, сидевший перед своими схемами, услышал голос Амелии по рации.

– Райм, мы нашли место, где он прятался, – в стенном шкафу.

– В котором?

– В спальне Люси.

Райм закрыл глаза.

– Опиши его мне.

Амелия описала ему всю внутреннюю обстановку квартиры. Описала коридор, ведущий в спальню, расположение спальни, мебель, картины на стенах, то, каким путем Часовщик пришел и каким ушел, и ряд других подробностей. Все в точных, объективных характеристиках. Во всем проявлялись ее блестящая подготовка и опыт. Если Амелия уйдет из полиции, подумал Райм, сколько времени понадобится тому, кто придет на ее место, чтобы достичь такого же уровня?

Целая вечность, решил он мрачно.

На мгновение его охватил гнев. Но потом все-таки удалось подавить эмоции и вновь сконцентрироваться на ее словах. Амелия описывала стенной шкаф:

– Шесть футов, четыре дюйма шириной. Заполнен всякой одеждой. Мужская слева, женская справа. Обувь на полу. Четырнадцать пар. Четыре мужских, десять женских.

Типичное соотношение для семейной пары, размышлял Райм, вспоминая свой собственный стенной шкаф из прошлого.

– Прячась, он лежал на полу?

– Нет. Здесь слишком много коробок.

Он услышал, как она кому-то задает вопрос. Затем она снова обратилась к нему:

– Одежда сейчас на одной линии, но некоторые коробки сдвинуты, и есть несколько кусочков той же кровельной мастики, которую мы находили раньше.

– Между какой одеждой он прятался?

– Между костюмом и военной формой Люси.

– Хорошо. – Некоторые разновидности одежды, такие, например, как форма, могут оказать неоценимую помощь при сборе улик благодаря «выпирающим» деталям: погонам, пуговицам и наградам. – Он прислонялся к передней или к задней ее части?

– К передней.

– Отлично. Просмотри каждую пуговицу, медаль, планку, награду.

– Хорошо. Дай мне несколько минут.

Тишина.

К Райму вернулось его раздражение, смешанное с гневом.

Наконец он снова услышал ее голос:

– Я нашла два волоска и несколько волокон. – Райм хотел было порекомендовать ей сравнить волосы с другими, которые можно было отыскать в квартире. Впрочем, нужды в этом явно не было. – Я сравнила найденные волосы с волосами Люси. Они разные. – Он начал говорить ей о том, что необходимо еще отыскать образец волос мужа, но Амелия перебила его: – Я нашла щетку ее мужа. И на девяносто процентов уверена, что волосы – его.

Хорошо, Амелия, хорошо.

– Но волокна... Они, кажется, ничему здесь не соответствуют. – Амелия сделала паузу. – Похожи на шерсть, светлые. Возможно, от свитера... они зацепились за пуговицу на кармане на высоте плеча человека роста Часовщика. Может быть, барашковый воротник.

Разумное предположение, хотя придется исследовать волокна более тщательно в лаборатории.

Через несколько минут Амелия добавила:

– Вот, пожалуй, и все, Райм.

– Ладно, вези все сюда. Еще здесь посмотрим.

Он прервал связь.

Том записал ту информацию, которую передала Амелия. После того как помощник вышел из комнаты, Райм вновь воззрился на схемы. Он

задавался вопросом, не являются ли заметки, на которые он сейчас смотрит, не просто уликами в очередном деле об убийстве, а свидетельством другой трагедии – завершения его с Амелией совместной работы?

Лон Селлитто ушел, а Амелия заканчивала сборы. Она повернулась к Кэтрин Дэнс и поблагодарила ее.

– Надеюсь, я была небесполезна.

– Да, конечно. Знаете, в нашей работе так всегда. Всего лишь парочка волокон – и их вполне достаточно для вынесения вердикта. Просто нужно еще раз проверить. Я сейчас возвращаюсь к Райму. Послушайте, не знаю, как вы к этому отнесетесь, но не могли бы вы порасспросить людей здесь в округе? Лучше вас никто не способен раскрутить свидетеля.

– Вы мне льстите.

Амелия оставила у нее несколько распечаток с фотороботом Часовщика и отправилась назад к Райму. Кэтрин повернулась к Люси:

– Ну как вы?

– Нормально, – ответила Люси со стоической улыбкой. Она прошла на кухню и поставила чайник на плиту. – Хотите чаю? Или кофе?

– Спасибо. Мне сейчас нужно пойти на улицу и поискать свидетелей.

Люси опустила голову и смотрела на пол – важный сигнал для эксперта в кинезике. Кэтрин молчала.

– Вы говорили, что живете в Калифорнии. И скоро вы туда возвращаетесь? – спросила Люси.

– Наверное, завтра.

Люси кивнула.

– Просто хотела узнать, может быть, у вас найдется время зайти на чашку чая. – Люси вертела в руках подставку для чайника. На ней были видны слова: «4-я пехотная дивизия. «Упорство и преданность».

– Ну конечно, я постараюсь.

Кэтрин нашла визитную карточку в сумочке, написала на ней название своего отеля и обвела кружком номер мобильного. Люси взяла карточку.

– Позвоните мне, – сказала Кэтрин.

– Обязательно.

– А сейчас вы в порядке?

– Да, конечно. В полной норме.

Кэтрин кивнула, пожала ей руку и ушла, напомнив себе важное правило кинезики: не за всякой ложью скрывается правда, которую тебе следует знать.

Глава 25

12.11

Амелия Сакс вернулась к Райму с небольшой коробкой материалов.

– Ну, что у нас тут? – спросил он.

Амелия прошлась по тому, что ей удалось найти на месте преступления.

Как показало обращение к базам данных нью-йоркского полицейского управления, обнаруженные на форме Люси волокна действительно были с куртки с воротником из шерсти барашка. Подобные воротники часто бывают на кожаных куртках летчиков. Сакс проверила часы на наличие нитратов и вновь ничего не обнаружила. Часы были абсолютно идентичны всем трем предыдущим, на них не было никаких следов, кроме недавнего пятна от древесного спирта, используемого в качестве антисептика и для очистки поверхностей. Так же как и в случае с флористкой, Часовщик не успел оставить послание или, возможно, просто не захотел.

Райм согласился обнародовать сведения о преступнике, оставляющем часы на месте преступления. Однако добавил, что тем самым они добьются только того, что убийца больше не будет этого делать, пока не убедится, что у жертвы нет никакой возможности позвать на помощь.

На том пути, которым Часовщик уходил из дому, Амелия не обнаружила ничего существенного.

– Больше ничего не было, – сказала она.

– Ничего? – переспросил Райм и покачал головой.

«Принцип Локара...»

Прибыл Рон Пуласки, стянул с себя куртку и повесил ее. Райм заметил, что Амелия мгновенно перевела взгляд на парня, предвкушая, что он может сообщить нечто интересное.

О «другом деле»...

– Что-нибудь новенькое относительно мэрилендских связей?

– В настоящее время ведется три федеральных расследования случаев коррупции на балтиморском побережье. Одно из них имеет выход на территорию Большого Нью-Йорка, но только на доки Нью-Джерси. И оно никак не связано с наркотиками. Там вопрос стоит о даче взяток и о поддельных документах на доставку грузов. Мне обещали предоставить более подробную информацию о государственном расследовании из балтиморского управления полиции. Ни у Крили, ни у Сарковски не было никакой недвижимости в Мэриленде, и нет никаких сведений относительно того, что они когда-либо ездили туда по какому-либо делу. Ближе всего к Мэриленду Крили оказывался, когда ездил на регулярные деловые встречи с клиентом из Пенсильвании. А что касается Сарковски, то он вообще никогда никуда не ездил. Да, кстати, до сих пор от Джордана Кесслера не поступил список клиентов. Я звонил ему, оставил сообщение, но он не перезвонил. Я нашел двоих сотрудников, приписанных к сто восемнадцатому, которые родились в Мэриленде, – продолжал он, – но у них сейчас там нет никаких связей. Я сравнил список всех служащих в сто восемнадцатом с базами данных по недвижимости в Мэриленде...

– Постой, – остановила его Амелия. – Ты все-таки это сделал.

– Что-нибудь не так?

– Нет, все в порядке, Рон. Правильно. Хорошо придумано. – Амелия и Райм обменялись улыбками. Райм приподнял бровь в знак восхищения.

– Возможно. Но ведь так ничего и не прояснилось.

– Ну что ж, продолжай копать.

– Конечно, продолжу.

Амелия подошла к Селлитто и спросила его:

– У меня есть к тебе вопрос. Ты знаешь Хальстона Джеффриса?

– Помощника инспектора в сто пятьдесят восьмом?

– Да. Что с ним такое? У него что, нервы не в порядке?

Селлитто расхохотался:

– Да уж, он настоящий гневаголик.

– Значит, я не единственная, с кем он ведет себя подобным образом?

– Нет. Может отыметь тебя без всякого повода. А как это у вас с ним пути пересеклись? – Он бросил взгляд на Райма.

– На меня-то не смотри, – весело откликнулся криминалист. – Со своими делами пусть сама разбирается. Не мое дело во всех значениях слова.

Напряженный взгляд Амелии его не обеспокоил. Определенный урок ей не повредит, подумал он.

– Мне были нужны документы, и я отправилась туда, где ожидала их найти. А он полагал, что вначале я должна была получить его санкцию.

Селлитто кивнул.

– А тебе нужно было сохранить в тайне от него то, что происходит в сто восемнадцатом.

– Совершенно верно.

– Это на него похоже. У парня были какие-то проблемы в прошлом. Его жена была в свое время довольно известной личностью, весьма светской…

– Прекрасное слово, – прервал его Пуласки, – почти что «светлый», а на самом деле его противоположность. В каком-то смысле…

Селлитто смерил его холодным взглядом, и парень замолчал.

Детектив продолжал:

– До меня доходили слухи, что у Джеффриса с женой были большие финансовые потери. Очень большие потери. Такие деньги, в которых мы даже количество нулей не сразу сосчитаем. Из-за какого-то бизнеса, которым занималась его жена. А он рассчитывал выдвинуть свою кандидатуру, от Олбани, я полагаю. Но без больших бабок это, как вы понимаете, пустой номер. А после того как ее бизнес прогорел, она его бросила. Хотя с таким характером у парня должны были возникнуть проблемы гораздо раньше.

Амелия внимательно слушала историю Джеффриса в передаче Селлитто, кивая, и тут вдруг зазвонил ее телефон.

– Да, я… О нет!.. Где?.. Я буду через десять минут.

С мрачным и бледным лицом она выбежала на улицу, никому не сказав ни слова.

«Камаро» притормозил у обочины на 44-й Западной улице неподалеку от Вестсайдского шоссе.

Плотный молодой мужчина в зимнем пальто и меховой шапке внимательно всматривался в Амелию. По наклейке с надписью «Полиция Нью-Йорка» на лобовом стекле машины он понял, что она именно та, кого он ждет.

Уши и нос молодого человека покраснели от холода, а из носа у него вырывались клубы пара. Он приплясывал на месте, чтобы хоть немного согреться.

– Да-а, ну и холодина! Мне уже порядком надоела эта зима. Вы детектив Сакс?

– Да. А вы Койл?

Они пожали руки друг другу. У него поистине богатырское пожатие, отметила Сакс.

– Что произошло? – спросила она.

– Пойдемте. Я покажу.

– Где?

– В фургоне. На стоянке дальше по улице.

Пока они быстрым шагом шли по холодной улице, Амелия спросила его:

– Из какого вы отделения?

Позвонив, Койл представился полицейским. На улице стоял страшный шум от транспорта, и он не расслышал вопроса.

Она повторила его:

– Из какого вы округа? Из южного центрального?

Койл перевел на нее взгляд и заморгал.

– Да, – ответил неуверенно и высморкался.

– Я там тоже некоторое время работала, – сообщила ему Амелия.

– Гм… – пробормотал Койл. Он провел ее по обширной вест-сайдской стоянке. В дальнем конце Койл остановился рядом с фургоном «виндстар» с затемненными окнами и с включенным мотором.

Оглянулся по сторонам. Затем открыл дверь.

Проходя по квартирам и магазинам Гринич-Виллидж, расположенным неподалеку от квартиры Люси Рихтер, Кэтрин Дэнс размышляла о симбиотических взаимоотношениях кинезики и криминалистики.

Эксперту в кинезике необходим человек – свидетель или подозреваемый, – также как криминалисту необходимы вещественные доказательства. Однако дело, которым они сейчас занимались, отличалось поразительным отсутствием и того и другого.

Кэтрин угнетала неопределенность. Ей никогда не приходилось сталкиваться с подобным расследованием. И как она ни старалась, ничего интересного ей так и не удалось найти.

«Извините, сэр (мадам, молодой человек), сегодня утром сюда вызывали полицию, вы слышали что-нибудь? А, хорошо. Не видели ли вы кого-нибудь, кто поспешно покидал вашу улицу? Или, может быть, вы видели что-нибудь подозрительное, что-нибудь из ряда вон выходящее? Взгляните на это изображение…»

Ни малейших результатов.

Кэтрин понимала, что в данном случае она имеет дело не с классическим хроническим заболеванием, которое она именовала «свидетелитом», когда люди явно знают что-то, но говорят, что им ничего не известно, из страха за себя и свои семьи. Нет, после сорока минут, проведенных на холодной улице, она пришла к выводу, что проблема заключалась исключительно в том, что никто ничего не видел.

«Извините, сэр, да, я из Калифорнии, но в данный момент работаю на полицейское управление Нью-Йорка. Вы можете позвонить по

указанному здесь номеру, чтобы удостовериться в том, что я не лгу. А теперь к делу. Не видели ли вы?..»

Ноль…

Один раз Кэтрин пришла в замешательство, даже была немного потрясена, когда в какой-то квартире ей открыл мужчина. Она молча уставилась на него, застыв на месте не в состоянии произнести ни слова: он был как две капли воды похож на ее покойного мужа. Тем не менее ей удалось взять себя в руки и произнести все полагавшиеся вопросы. Мужчина почувствовал, что с ней что-то неладно, нахмурился и спросил, не нужна ли ей помощь.

«Насколько же непрофессионально мы можем себя вести!» – подумала Кэтрин с раздражением.

– Со мной все в порядке, – сказала она со стоической улыбкой.

Подобно всем остальным своим соседям, этот бизнесмен тоже не видел ничего необычного. И Кэтрин продолжила свой поиск, еще долго вспоминая странную встречу.

Ей очень хотелось найти хоть какую-нибудь нить, хотелось помочь поймать опасного преступника. Подобно любому полицейскому, она мечтала о том, чтобы поскорее освободить город от больного человека, который представлял реальную угрозу для очень многих. Но больше всего Кэтрин уповала на то, что ей удастся допросить его после поимки. Часовщик разительно отличался от всех преступников, с которыми ей когда-либо раньше приходилось сталкиваться. Она страшно хотела узнать, что же его «заводит», и сама рассмеялась случайной игре слов.

Кэтрин продолжала останавливать людей на улице и задавать им вопросы и так прошла еще целый квартал. И вновь безрезультатно.

Пока не встретила покупателя, вышедшего из магазина.

На тротуаре примерно в квартале от дома Люси она остановила мужчину, катившего тележку с только что купленными товарами. Тот взглянул на фоторобот Часовщика и сразу произнес:

– О да, кажется, я видел кого-то очень на него похожего… – Потом немного заколебался. – Но, откровенно говоря, не обратил особого внимания. – И он уже толкнул свою тележку, собираясь отправиться дальше.

Кэтрин Дэнс поняла, что он видел нечто большее. «Свидетель!»

– Послушайте, это очень важно.

– Я только видел человека, бежавшего по улице. Вот и все.

– Знаете, у меня появилась идея. У вас там есть что-то скоропортящееся? – Она кивнула на тележку.

Мужчина ответил не сразу, пытаясь предугадать ее логику.

– Нет, вроде ничего.

– Давайте вместе выпьем кофе, и я задам вам несколько вопросов. Вы не против?

Она видела, что он вообще-то против, но тут сильный порыв ледяного ветра чуть не сбил их с ног, и свидетелю уже было все равно, где укрываться от страшного холода.

– Пожалуй, пойдемте. Хотя вряд ли я смогу вам сообщить что-то еще.

«Ну, мы посмотрим…»

Амелия Сакс сидела в кузове фургона.

С помощью Койла она пыталась поднять и усадить отставного детектива Арта Шнайдера. Тот пребывал в полубессознательном состоянии и бормотал какие-то слова, которые она не могла разобрать.

Когда Койл только открыл дверцу, Арт лежал, растянувшись на полу, запрокинув голову, без сознания, и, к своему ужасу, Амелия решила, что он покончил с собой. Но вскоре поняла, что он просто в стельку пьян. Она слегка потрясла его за плечо:

– Арт?

Детектив открыл глаза, нахмурился, не понимая, где находится.

Теперь они вдвоем с Койлом пытались взгромоздить его на сиденье.

– Нет, я просто хочу спать. Оставьте меня в покое. Хочу спать.

– Это его фургон?

– Да.

– Что случилось? Как вы его здесь нашли?

– Он был дальше по улице у «Гарри». Его уже не обслуживали, так как он был мертвецки пьян, и ему пришлось уйти. Вскоре я зашел туда за сигаретами. Бармен знает, что я полицейский, и рассказал мне об Арте. Он понимал, что Арт может сесть за руль в таком состоянии и разбиться или кого-нибудь задавить. Ну, в общем, я нашел его здесь. У него в кармане была ваша карточка.

Шнайдер зашевелился.

– Оставьте меня в покое. – И закрыл глаза.

Амелия посмотрела на Койла и решительно произнесла:

– Теперь я им займусь.

– Уверены, что вам это нужно?

– Уверена. Только, пожалуйста, найдите такси и попросите, чтобы оно подъехало сюда.

– Да, конечно.

Молодой полицейский вылез из фургона и ушел. Амелия присела на корточки и коснулась руки Шнайдера:

– Арт?

Он открыл глаза, прищурился и узнал ее.

– Вы...

– Арт, мы вас доставим домой.

– Оставьте меня в покое. Оставьте меня в покое, черт вас возьми!

На лбу у детектива виднелась большая кровоточащая царапина, рукав оторвался во время падения. Совсем недавно его вырвало.

– Вы думаете, что еще недостаточно сделали? – пробормотал он. – Вы еще не все сделали, по-вашему? – Его глаза налились кровью. – Убирайтесь. Я хочу остаться один. Оставьте меня в покое! – Он попытался приподняться, встать на колени и доползти до водительского места. – У-би-рай-тесь!

Амелия оттащила его. Шнайдер не был таким уж хилым, но из-за алкоголя сильно ослаб. Арт вытер губы тыльной стороной своей

пораженной экземой руки, попытался встать на ноги и тут же рухнул на сиденье.

– Хорошо вы накачались. – Амелия кивнула на литровую бутылку виски, валявшуюся на полу. Она была пуста.

– Что вам нужно? Что вам, черт возьми, нужно?

– Что случилось? – спросила Амелия.

– Неужели вы не понимаете? Вы случились. Вы.

– Я?

– Как мне вообще могло прийти в голову, что все будет сохранено в тайне? В нашем ведомстве в принципе не может существовать секретов. Я задал несколько вопросов по вашей просьбе: где это чертово дело, что с ним произошло?.. И знаете, что было потом? Мой товарищ, с которым мы постоянно играли на бильярде и о котором я вам рассказывал… Он перестает приходить. И не отвечает на мои звонки. – Шнайдер снова вытер губы рукавом. – И потом мне звонят и говорят: тот парень, который был моим партнером на бильярде три года, мы вместе с моей и с его женой ездили в круиз… Он не желает со мной общаться. И все потому, что я задавал вопросы. Отставной полицейский, задающий вопросы… Мне следовало выставить вас за дверь в ту же минуту, как вы вошли ко мне в дом.

– Арт, я…

– О, не беспокойтесь, мадам. Вашего имени я не назвал. Вообще ни о ком и ни о чем не сказал. – Он нащупал бутылку. Увидел, что она пуста, и швырнул ее на пол.

– Послушайте, я знаю одного очень хорошего врача-психотерапевта. Вы сможете…

– И от чего он будет меня лечить? От сломанной жизни?

Амелия бросила взгляд на бутылку.

– Вы просто оступились. Каждый может оступиться.

– Да ерунда! Я облажался от начала и до конца.

– Что вы имеете в виду, Арт?

– То, что я был полицейским. Я все профукал. Жизнь потратил напрасно.

Холодок пробежал по ее телу – его слова отозвались в душе Амелии жутковатым эхом ее собственных мыслей. Он озвучивал ту причину, по которой она сама собиралась уйти из полиции.

– Арт, давайте доставим вас домой, – предложила она.

– Я бы мог заниматься множеством разных других дел. Мой брат – слесарь-водопроводчик. Сестра закончила университет и работает в рекламном агентстве. Именно она придумала ту знаменитую рекламу с бабочкой для женских вещей. Ее все знают. Я тоже мог бы чего-то достичь в жизни.

– Вы просто чувствуете…

– Хватит! – рявкнул он, указывая на нее пальцем. – Вы меня не настолько хорошо знаете, чтобы так со мной разговаривать. Вы не имеете права.

Амелия замолчала. Верно. Никакого права у нее не было.

– Если что-то случится из-за того, что вы суете нос куда не следует, на мне крест! Плохо или хорошо – мне крышка!

Ее сердце сжималось – она видела, как он страдает. Амелия положила руку ему на плечо и произнесла:

– Арт, послушайте…

– Уберите от меня руки! – Его голова качнулась и ударилась об окно.

Мгновение спустя появился Койл, за ним ехало желтое такси. Койл и Амелия провели Шнайдера до такси и усадили в машину. Амелия дала водителю адрес Шнайдера, затем опустошила свой кошелек и отдала шоферу примерно пятьдесят долларов и ключи от машины детектива.

– Я позвоню его жене, сообщу, что он едет, – сказала она водителю, тот кивнул ей, закрыл дверцу, и вскоре его автомобиль слился с широким потоком движения на шоссе.

– Спасибо, – пробормотала она Койлу, он кивнул и ушел. Амелия была благодарна ему, что он не стал задавать никаких вопросов.

После того как он ушел, Амелия сунула руку в карман и достала оттуда пистолет Шнайдера, который незаметно вытащила из кобуры в тот момент, когда положила руку ему на плечо. Возможно, у него дома есть еще один, но по крайней мере этим он уже не сумеет воспользоваться, чтобы покончить с собой. Амелия разрядила его, патроны оставила себе,

а оружие спрятала среди пружин под передним сиденьем. Затем заперла дверцу и вернулась в свою машину.

Ноготь указательного пальца вонзился в мякоть большого пальца. Кожа жутко чесалась. Амелия вся кипела от гнева и возмущения, думая о том, что, помимо вымогательства и сокрытия улик, было и гораздо более тяжкое преступление, которое совершили ее отец и другие продажные копы. Вполне обычная попытка Амелии добраться до истины имела столь тяжелые и даже опасные последствия, затронув ни в чем не повинных людей. Мечта о спокойной жизни на пенсии, которую Шнайдер лелеял много лет, рассыпалась на глазах. И все из-за того, что произошло в 118-м отделении полиции. Жизнь семей осужденных копов из «клуба Шестнадцатой авеню» тоже никогда уже не могла быть прежней, счастливой и полной надежд после того, что совершили отец и его приятели. Их жен и детей вынудили уйти из домов, в которых они прожили много лет, детям пришлось бросить школу и устраиваться на работу. Общество с презрением отвернулось от них, и пятно того скандала навеки осталось на их репутации.

У нее все еще есть время и возможность уйти, бросить работу в полиции. Поступить в «Арджайл», вылезти из дерьма и интриг и начать новую жизнь. У нее пока есть время. Но для Арта Шнайдера было уже слишком поздно.

«Почему, отец? Почему ты это сделал?»

Амелии Сакс не суждено было никогда получить ответ на свой вопрос.

Подобно «луноликим» часам убийцы, отмерявшим мгновения до наступления смерти несчастной жертвы, время шло и уносило с собой шансы получения ответа.

Единственное, что ей оставалось, – размышлять, а от размышлений возникала постоянно ноющая рана в душе.

Нужно повернуть часы назад – вот ответ, напрашивавшийся сам собой. Но разве это ответ?

Тони Парсонс сидел напротив Кэтрин Дэнс в кафе, рядом стояла его тележка с покупками.

Он прищурился и, покачав головой, сказал:

– Пытаюсь вспомнить, но ничего как-то не приходит в голову. – Он улыбнулся. – Наверное, вы все-таки напрасно потратили деньги. – Он кивнул на свою чашку кофе.

– Что ж, попробуем еще раз. – Кэтрин прекрасно понимала, что он владеет еще какой-то информацией. Она исходила из предположения, что он признался в том, что видел Часовщика, не подумав – о, как следователи любят импульсивных свидетелей! – а потом осознал, что тот человек, которого он видел, – убийца и, возможно, именно тот самый, который совершил вчерашние жуткие убийства на пирсе и в переулке. Кэтрин прекрасно знала, что люди, которые с удовольствием дают показания по поводу обмана соседей и воровства в супермаркетах, внезапно становятся невероятно забывчивыми и рассеянными, как только речь заходит о тяжких преступлениях.

Да, похоже, крепкий орешек, подумала Кэтрин. Впрочем, это ее не особенно беспокоило. Она любила решать сложные проблемы. Восторг, который она ощущала, когда допрашиваемый в конце концов раскалывался, портила только мысль о том, что подпись на его показаниях знаменовала завершение еще одной словесной битвы.

Она подлила молока в свой кофе и с тоской посмотрела на кусок яблочного пирога на витрине. Четыреста пятьдесят калорий. «А, ладно, обойдусь». И перевела взгляд на Парсонса.

Мужчина добавил еще сахара в кофе и стал медленно его размешивать.

– Знаете, если бы мы сейчас просто побеседовали об этом, возможно, я вспомнил бы что-нибудь еще.

– Прекрасная идея.

Он кивнул:

– Ну что ж, тогда давайте побеседуем по душам, – и широко ей улыбнулся.

Глава 26

13.18

Она была его утешительным призом.

Она была подарком ему от Джеральда Дункана.

Она была выражением искреннего сожаления убийцы по поводу того, что он так долго обманывал ожидания Винсента, искренним, а не лицемерным, как у матери Винсента.

Кроме того, это был хороший способ задержать и так уж слишком разошедшуюся полицию – изнасиловать и убить одного из них. Дункан упомянул рыжеволосую девицу из полиции, работавшую на месте второго убийства, и предложил Винсенту ее («О да, пожалуйста… рыжие волосы, как у Салли Энн»). Однако, наблюдая из «бьюика» за полицией в квартире Люси Рихтер в Гринич-Виллидж, они поняли, что заполучить рыжеволосую им не удастся. Она ни на минуту не оставалась одна. Зато вторая, по-видимому, детектив в штатском, отправилась по улице в поисках свидетелей.

Дункан с Винсентом пошли в магазин, торговавший со скидками, купили там тележку, новую зимнюю куртку, мыла на пятьдесят долларов, дешевой еды и содовой, лишь бы заполнить тележку. Мужчина, прохаживающийся по магазинам с тележкой, не может вызвать ни малейшего подозрения. План заключался в том, что Винсент станет разгуливать по улицам Гринич-Виллидж со своей тележкой до тех пор, пока не встретит эту женщину-детектива или она не наткнется на него, после чего он отведет ее в заброшенное здание на расстоянии квартала от дома Люси Рихтер.

Винсент затащит ее в подвал и будет наслаждаться ею, сколько ему заблагорассудится, тем временем Дункан позаботится об их следующей жертве.

Дункан оглядел Винсента с ног до головы.

– Тебе не будет сложно ее убить? Ты уверен?

Боясь разочаровать своего друга, который оказывал ему такую любезность, Винсент не задумываясь ответил:

– Конечно, нет.

Дункан не сомневался, что он лжет.

– В общем, сделаешь так. Оставишь ее в подвале. Свяжешь. А я, как только закончу с другим делом, вернусь сюда и позабочусь о ней.

Винсент, услышав его слова, почувствовал облегчение.

И вот теперь, когда он сидел напротив Кэтрин Дэнс и то и дело похотливо рассматривал ее, голод накатывал на него с новой невиданной силой. Ее косы, гладкая кожа на шее, зеленые глаза. Она не была

слишком полной, имела неплохую фигуру, но совсем не такую, как у тех тощих «моделей», которыми набит весь город. Кому такие нужны?

Взгляд на ее фигуру делал его голод нестерпимым.

Так же как и на ее зеленые глаза.

И даже ее имя – Кэтрин – усиливало его голод. По какой-то непонятной причине оно попадало для него в ту же категорию, что и имя «Салли Энн». Возможно, потому, что было таким старомодным. Кроме того, Винсенту нравился жадный взгляд, с которым она смотрела на выставленные здесь десерты. Она такая же, как он! Он никак не мог дождаться того мгновения, когда завалит ее лицом вниз в подвале заброшенного здания.

Он сделал глоток из своей чашки.

– Значит, вы говорите, что приехали из Калифорнии? – спросил Винсент, точнее, его новый дружок Тони Парсонс.

– Да, из Калифорнии.

– Могу поспорить, там хорошо.

– Да уж неплохо. В отдельных районах. А теперь все-таки постарайтесь вспомнить, что вы видели. Тот человек бежал? Опишите мне его.

Винсент понимал, что должен быть предельно сосредоточен, по крайней мере до того момента, когда они окажутся наедине в подвале. «Будь максимально осторожен, – наставлял его Дункан. – Не слишком выставляйся. Сделай вид, что ты что-то обо мне знаешь, но не хочешь говорить. Чаще демонстрируй колебания и нерешительность. Так ведут себя настоящие свидетели».

И вот теперь он рассказывал ей – демонстрируя колебания и нерешительность – о том, как какой-то человек бежал по улице. После нескольких вопросов сделал вид, что вспомнил что-то еще и добавил несколько деталей к расплывчатому описанию Джеральда Дункана, хотя в полиции все они были уже давно известны, так как они располагали его фотороботом. Женщина сделала еще несколько заметок.

– Какие-либо необычные особенности?

– Гм... Не припомню. Я ведь вам уже говорил, я был далеко.

– Какое-нибудь оружие?

– Вроде нет. А что он такое сделал?

– Попытка нападения.

– О Боже! И что, кто-нибудь пострадал?

– Нет, к счастью, никто.

К несчастью, хотел поправить ее Умница Винсент-Тони.

– У него было что-нибудь в руках? – спросила агент Дэнс.

«Не усложняй, – напомнил он себе, – не дай ей подставить тебе подножку». Винсент задумчиво нахмурился и неуверенно ответил:

– Знаете, может быть. Что-то у него в руках действительно было. Сумка, как мне кажется. Но толком я не разглядел. Он так быстро бежал... – Винсент замолчал.

Кэтрин наклонила голову:

– Вы что-то еще хотели сказать?

– Извините, думаю, что больше ничем не смогу помочь. Хотя я понимаю, это так важно.

– Все нормально, не расстраивайтесь, – попыталась успокоить его Кэтрин, и на какое-то мгновение Винсент почувствовал приступ настоящих угрызений совести из-за того, что должно с ней произойти через несколько минут.

Впрочем, привычный голод тут же заглушил голос совести. Чувствовать голод вполне нормально.

«Если мы не будем есть, мы умрем...» Вы согласны, агент Дэнс?

Они пили кофе. Винсент рассказал ей еще несколько мелочей о подозреваемом.

Она болтала с ним, как со старым другом. Наконец Винсент решил, что наступил самый благоприятный момент.

– Послушайте, – проговорил он вдруг, – есть кое-что еще... Я был немного напуган... Знаете, я бываю здесь практически каждый день. А что, если он вернется? Он ведь может узнать, что я о нем вам что-то наговорил.

– О, мы сможем все сохранить в тайне. И мы вас защитим. Я обещаю.

Продуманные колебания.

– В самом деле?

– Можете быть уверены. Мы приставим к вам специального полицейского.

«Ух ты, замечательная идея! Может, мне удастся заполучить и рыженькую?»

– Ладно, я видел, куда он побежал. К черному выходу из здания дальше по улице. Он забежал внутрь.

– Дверь была не заперта? Или у него были ключи?

– Думаю, что не заперта. Могу показать, если хотите.

– Очень мило с вашей стороны. Вы закончили? – Она кивнула на его чашку.

Он допил свой кофе.

– Теперь закончил.

Кэтрин захлопнула свой блокнот, Винсент напомнил себе, что его нужно будет забрать после того, как все закончится.

– Спасибо, агент Дэнс.

– Была очень рада с вами познакомиться.

Пока он вез свою тележку с покупками на улицу, Кэтрин оплачивала чек. Затем нагнала его, и они вместе направились по тротуару в том направлении, которое указывал Винсент.

– В Нью-Йорке в декабре всегда так холодно?

– Да, часто.

– Я совсем замерзла.

«В самом деле? А кажетесь такой горячей».

– А куда мы идем? – спросила Кэтрин, немного замедлив шаг и оглядываясь по сторонам в поисках каких-либо надписей. Она прищурилась из-за сильного солнечного блеска, отражавшегося от

оконных стекол. Затем остановилась и занесла несколько слов в блокнот, произнося вслух то, что записывала:

– Преступник совсем недавно находился на Шерман-стрит в Гринич-Виллидж. – Прищурившись, она оглянулась по сторонам. – Прошел вверх по переулку между Шерман-стрит и Бэрроу… – Взгляд на Винсента. – С какой стороны улицы расположен переулок? С северной или южной? Мне нужно быть предельно точной.

А, она тоже дотошная, как Дункан.

Он на мгновение задумался, потеряв ориентацию скорее из-за голода, чем из-за холода.

– С юго-восточной.

Она взглянула к себе в блокнот и рассмеялась:

– Не могу разобрать то, что написала, так дрожит рука. Этот холод явно не по мне. Не дождусь, когда же наконец вернусь в Калифорнию.

«Долго тебе придется ждать, миссис…»

Они вновь ускорили шаг.

– У вас есть семья? – спросила вдруг Кэтрин.

– Да. Жена и двое детишек.

– У меня тоже двое детей. Сын и дочь.

Винсент кивнул. Его интересовало только одно: сколько лет дочери.

– Этот переулок? – спросила она.

– Да. Вот сюда он и побежал.

Толкая перед собой тележку, Винсент направился в переулок, который вел к их любовному гнездышку, к заброшенному зданию. У него началась весьма болезненная эрекция.

Винсент сунул руку в карман и сжал рукоятку ножа. Нет, он не сможет убить ее. Но если она начнет сопротивляться, он будет вынужден защищаться.

«Режь по глазам…»

Это неприятно, но вряд ли сложно. Ему ведь все равно нравится, когда женщины лежат лицом вниз.

Они шли все дальше в глубь переулка. Винсент оглянулся и увидел здание на расстоянии пятидесяти или сорока футов.

Кэтрин снова остановилась и вынула блокнот. Она произносила вслух то, что записывала:

– Переулок проходит за шестью, нет, семью жилыми домами. Он покрыт асфальтом. Преступник бежал сюда, направляясь на юг.

Она снова надела перчатки на свои дрожащие пальцы, заканчивавшиеся ногтями, покрытыми коричневато-красным лаком.

Винсента снедал голод. Ему казалось, что он умирает. Мокрой от пота рукой, тяжело дыша, он схватился за нож.

Она снова остановилась.

«Ну же! Бери ее».

Он начал доставать нож из кармана.

И вдруг с противоположного конца переулка раздался оглушительный рев сирены. Потрясенный, Винсент оглянулся.

И в то же мгновение почувствовал на затылке дуло пистолета.

– Руки! Ну! – крикнула агент Дэнс. И схватила его за плечо.

– Но...

– Ну!

Она еще сильнее вдавила пистолет ему в затылок.

«Нет, нет, нет!» Винсент отпустил нож и поднял руки.

Что происходит?

Рядом с ними остановилась полицейская машина, за ней следовала вторая. Оттуда выпрыгнули четыре громадных копа.

«Нет... О нет...»

– Лечь на землю лицом вниз! – скомандовал один из них. – Ну, живо!

Винсент не мог пошевелиться, настолько велико было потрясение.

Дэнс отошла в сторону, и полицейские толкнули Винсента на землю.

– Я ничего не сделал! Ничего не сделал!

– Эй ты! – крикнул один из копов. – Ложись на свое жирное пузо!

– Земля холодная и грязная! И я ничего не сделал!

Они повалили его, и один из них надавил на него коленом. Винсент захрипел, задыхаясь.

Снова как тогда, с Салли Энн.

«Эй ты, жирная свинья, не смей двигаться! Мерзкий извращенец!..»

«Нет, нет! Нет!»

Его ощупывали сразу несколько полицейских. Винсент ощутил резкую боль, когда его руки завели за спину и надели на них наручники. Его обыскали, вывернули все карманы.

– Есть документы и нож.

Все точно так же, как и пятнадцать лет назад.

– Я ничего не сделал! Что все это значит?

– Мы очень хорошо вас слышали, – сказал один из полицейских, обращаясь к Кэтрин. – Вам не нужно было следовать за ним в переулок.

– Я боялась, что он может сбежать. Я должна была оставаться с ним до последнего.

«Что происходит?» – думал Винсент.

Кэтрин взглянула на полицейского и кивнула на Винсента:

– Он неплохо справлялся со своей ролью до тех пор, пока мы не зашли в кафе. Как только мы сели за столик, я почти сразу поняла, что он лжет.

– Нет, вы с ума сошли. Я…

– Ваша интонация и выражения не соответствовали друг другу и все вместе – жестам, из чего я сделала вывод, что беседа со мной для вас вовсе не главное. У вас был какой-то другой план. Вы пытались

манипулировать мной с какой-то определенной целью… Каковая, как оказалось, состояла в том, чтобы затащить меня в переулок.

Затем Кэтрин объяснила, что, оплачивая чек, она вытащила из кармана телефон и нажала кнопку вызова детектива, с которым работала. Кратко сообщила ему свои выводы и попросила прислать полицию в переулок. Телефон, спрятанный под блокнотом, работал все это время.

Вот почему она вслух повторяла названия улиц. Она сообщала им, в каком направлении ехать.

Винсент посмотрел на ее руки. Кэтрин перехватила его взгляд и подняла ручку, которой писала.

– Да, совершенно верно, мой пистолет.

Он оглянулся на остальных полицейских:

– Не понимаю, что тут вообще происходит. Херня какая-то.

– Послушай, почему бы тебе не поберечь дыхание, – ответил один из них. – Незадолго до того, как она связалась с нами, мы получили сообщение, что один из людей, возможно, причастных к нападению, снова находится в районе Гринич-Виллидж с продуктовой тележкой. Толстый парень. Белый.

«Ее зовут Салли Энн, толстяк. Она убежала, вызвала полицию и все про тебя рассказала».

– Это не я! Я ничего не сделал. Вы ошибаетесь! О, как вы ошибаетесь!

– Ага, – заметил один из полицейских с улыбкой, – нам часто приходится слышать подобное. Пошли.

Они подняли Винсента и грубо потащили в машину. В голове у него звучал голос Джеральда Дункана:

«Извини. Я тебя постоянно подвожу. Я перед тобой в долгу. И должен с тобой расплатиться…»

И душа толстяка Винсента Рейнольдса стала твердой, как броня. Он решил: что бы они ни делали с ним, он не предаст своего друга.

Крупный мужчина в наручниках, с фигурой, напоминающей грушу, сидел у главного окна в лаборатории Линкольна Райма.

Сопоставление его водительских прав с данными управления автомобильным транспортом показало, что зовут его вовсе не Тони Парсонс, а Винсент Рейнольдс, что проживает он в Нью-Джерси, что ему двадцать восемь лет и что работает он оператором по компьютерной обработке текстов на полудюжину разных учреждений. Никаких особых сведений о нем в них дать не смогли, за исключением тех, что обычно предоставляются в резюме. Его охарактеризовали как исполнительного, хотя крайне незапоминающегося сотрудника.

Со смесью злобы и растерянности Винсент переводил взгляд с пола на окружавших его полицейских: Райма, Сакс, Дэнс, Бейкера и Селлитто – и обратно на пол. За ним не числилось никаких приводов в полицию, штрафов и правонарушений, а обыск его жалкой квартирки в Нью-Джерси не дал никаких доказательств связи с Часовщиком. А также никаких свидетельств наличия возлюбленных, друзей или родителей. Полицейским удалось обнаружить лишь письмо, которое он писал сестре в Детройт. Селлитто получил ее номер от мичиганской полиции и сразу же позвонил. Он услышал автоответчик, на котором он оставил просьбу перезвонить ему.

Винсент работал в ночь понедельника во время убийств на пирсе и на Сидар-стрит, но с тех пор взял выходные.

Мэл Купер направил его фоторобот электронным письмом Джоанне Харпер в мастерскую. Она ответила, что он действительно напоминает человека, заглядывавшего к ней в окно, тем не менее полной уверенности у нее нет из-за солнечного блеска, грязных окон в мастерской и его темных очков.

Несмотря на то что у них имелись серьезные подозрения относительно связи Винсента с Часовщиком, реальных улик было очень мало. След ноги в гараже, где был брошен внедорожник, был такого же размера, как и его обувь – тринадцатого, – но какие-либо индивидуальные признаки, доказывающие принадлежность следа именно ему, отсутствовали. Среди покупок, которые, как подозревал Райм, Винсент сделал в качестве прикрытия, чтобы привлечь к себе Дэнс или кого-то еще из женщин-следователей, были чипсы, булочки и другая дешевая еда. Некоторые продукты были такие же, как те, следы которых Пуласки нашел в «эксплорере». Но в ходе обыска его одежды они не обнаружили никаких крошек, которые совпадали бы с найденными в машине.

Фактически они могли задерживать его только за ношение не разрешенного законом ножа и попытку помешать действиям полиции – обычные обвинения при задержании подозреваемого.

А тем временем большая часть мэрии и управления полиции настаивала на применении к Винсенту самых жестоких методов с целью запугать его до такой степени, чтобы он на коленях стал просить пощады и выложил им все о Часовщике от начала до конца. К этому прежде всего стремился Деннис Бейкер. Лейтенант в наибольшей степени испытывал на себе давление со стороны мэрии, из которой ему постоянно напоминали, что преступника необходимо схватить как можно скорее.

Однако Кэтрин Дэнс решительно заявила:

– Не сработает. Он свернется, как гусеница, и начнет нести вам всякую туфту. И, к вашему сведению, пытка всегда была самым неэффективным средством получения надежной информации.

Тогда Райм с Бейкером попросили ее продолжить допрос Винсента. В сложившейся ситуации им без такого эксперта было никак не обойтись.

Агент из Калифорнии задернула шторы и села напротив Винсента так, что их ничего не разделяло. Она подвинула свой стул к нему на расстояние трех футов. Райм предположил, что Кэтрин это необходимо для вхождения в личное пространство подозреваемого и для преодоления его сопротивления. Он также понимал, что если Винсент решит прыгнуть на нее, то может причинить ей серьезную травму головой или зубами.

Она тоже прекрасно знала о грозившей ей опасности, но умело скрывала свой страх, если таковой и имел место. Кэтрин сдержанно улыбнулась и спокойно произнесла:

– Здравствуйте, Винсент. Я знаю, вас поставили в известность о ваших правах и вы согласились побеседовать с нами. Мы вам благодарны.

– М... да... В общем. Если я чем-то могу вам помочь. Понимаете, это ведь большое... – он пожал плечами, – недоразумение.

– Ну что ж, значит, мы сейчас все проясним. Мне просто необходимо получить от вас основные паспортные данные. – И она попросила его назвать свое полное имя, адрес, возраст, место работы, упомянуть случаи предыдущих арестов, если таковые были.

Винсент нахмурился.

– Я уже ему все рассказал. – И кивнул на Селлитто.

– Извините. Но знаете, одному надо одно, другому – другое. В общем, повторение не повредит. Если не возражаете, давайте еще разок вспомним все эти факты.

– Ну ладно, давайте.

Райм понял, что, заставив Винсента воспроизвести хорошо известные факты его биографии, она собирается установить нижний кинезический уровень его реакции. Теперь, познакомившись с методикой Кэтрин Дэнс, он пересмотрел свое мнение относительно допросов свидетелей, и сама процедура беседы с подозреваемым неожиданно начала вызывать у него интерес.

Кэтрин вежливо кивала, занося ответы Винсента в блокнот, и время от времени благодарила его за сотрудничество. Ее вежливость смущала Райма. На ее месте он вел бы себя гораздо более жестко.

Винсент скорчил гримасу.

– Послушайте, я, конечно, могу беседовать с вами, сколько вам заблагорассудится. Но все-таки надеюсь, что вы пошлете кого-нибудь на поиски того человека, которого я видел. Вы ведь не хотите, чтобы он сбежал. И меня это очень беспокоит. Я стараюсь вам помочь, а вы вместо того, чтобы искать его, заставляете меня снова и снова пересказывать мою биографию.

Все, что Винсент сообщил Кэтрин и полицейским о месте преступления и о преступнике, было выдумкой и полной ерундой. В здании, в котором, по его словам, скрылся убийца, не было никаких признаков того, что там кто-то недавно побывал.

– Ну а теперь, если вы не возражаете, еще разок вспомним все, что вы видели. Расскажите мне, что же все-таки случилось. Только, если не трудно, в обратном порядке.

– Что?

– В обратном порядке, то есть начиная с конца и к началу. Очень хороший способ подхлестнуть память. Начните с самого последнего по времени события и продолжайте дальше, пока не дойдете до самого первого. Подозреваемый… Он входит в дверь того старого здания в переулке… давайте начнем с некоторых деталей. Например, с цвета двери.

Винсент заерзал на стуле, нахмурился. Но мгновение спустя приступил к рассказу, начав с того, как человек проходит в дверь (цвета ее он не помнил). Затем Винсент упомянул о том, что произошло перед этим, – человек бежал по переулку. Затем вошел в него. А до того он бежал по улице. И в конце Винсент сообщил им о том, как заметил какого-то

человека на Бэрроу, испуганно оглядывающегося по сторонам, а потом бросившегося бежать.

– Прекрасно, – подытожила Кэтрин, продолжая делать заметки. – Спасибо, Винсент. – И вдруг слегка нахмурилась. – Так почему вы все-таки назвались Тони Парсонсом?

– Потому что испугался. Я сделал полезное дело, рассказал вам о том, что видел, и что я получаю взамен? Я узнаю, что может явиться некто, кому захочется со мной расправиться, если ему станет известно мое имя. – У него дрогнула нижняя челюсть. – И я пожалел о том, что вообще вам что-то сообщил. Но дело сделано. И я ведь вам говорил, что напуган.

Хныкающая интонация Винсента раздражала Райма. «Ну давай, давай, наседай на него», – про себя подхлестывал он Кэтрин.

Но та подчеркнуто вежливым тоном попросила:

– Расскажите мне о ноже.

– Ну да, ваша правда, не нужно было его с собой носить. Но несколько лет назад на меня напали на улице, избили и ограбили. Страшная история. Видите, какой я идиот. Следовало оставить его дома. Обычно я так и поступаю. А сегодня я просто не подумал. И вот смотрите, что получилось.

Кэтрин вдруг сняла куртку и положила ее рядом на стул.

– Все вокруг такие умники, – продолжал Винсент, – они никогда ни в какие переделки не попадают. А мне стоит одно слово произнести – и видите, что происходит.

Он опустил голову, уставился на пол, краешки губ у него подергивались, словно от отвращения к самому себе.

Кэтрин попросила Винсента сообщить ей подробности того, как ему стало известно о других убийствах, и о том, где он находился в момент совершения этих преступлений.

Ее вопросы казались Райму странными и ненужными. И довольно поверхностными. Кэтрин вела допрос совсем иначе, не так, как повел бы его он, требуя алиби и камня на камне не оставляя от всех свидетельств подозреваемого. На то, из чего, по его мнению, можно было составить блестящее опровержение выдумок подонка, она не обращала никакого внимания. Кэтрин ни разу не спросила Винсента, не было ли у него какой-то другой причины, по которой он пытался завести ее в переулок.

А ведь все они были практически уверены, что он намеревался убить ее, возможно, даже предварив убийство пыткой, чтобы выведать, что полиции известно о Часовщике.

Кэтрин никак не реагировала на его ответы, а только делала заметки в блокноте. Наконец она бросила взгляд поверх Винсента на Сакс:

– Амелия, не могла бы ты оказать мне услугу?

– Да, конечно.

– Покажи, пожалуйста, Винсенту след ноги, который мы нашли.

Амелия встала, взяла компьютерную распечатку и протянула ее Винсенту.

– И что? – спросил он.

– Обувь примерно вашего размера, не так ли? – Теперь она пристально всматривалась в него.

– Примерно.

Она продолжала пристально всматриваться в него, ничего не говоря. Райм почувствовал, что Кэтрин расставляет для парня какую-то хитроумную ловушку. И внимательно наблюдал за ними обоими.

– Спасибо, – сказала Кэтрин, обращаясь к Амелии, которая снова села.

Кэтрин подалась вперед, продвинувшись еще дальше в личное пространство подозреваемого.

– Винсент, мне интересно было бы узнать одну вещь. Где вы делали покупки?

Небольшая заминка.

– Ну, в продуктовом супермаркете.

Райм наконец понял. Она собиралась расспросить его о покупках, а потом поставить его в тупик вопросом, почему он делал их на Манхэттене, если живет в Нью-Джерси. Ведь большая часть того, что было в тележке, продается в любом магазине, а рядом с его домом, по-видимому, еще и дешевле. Она наклонилась вперед и сняла очки.

Ну вот, теперь она захлопнет капкан.

Кэтрин Дэнс улыбнулась и произнесла:

– Спасибо, Винсент. Думаю, достаточно. А, я вижу, вам хочется пить. Не возражаете против содовой?

Винсент кивнул:

– Да, спасибо.

Дэнс бросила взгляд на Райма.

– Мы можем найти для него какой-нибудь напиток?

Райм заморгал и растерянно взглянул на Амелию, которая, нахмурившись, отрицательно покачала головой. О чем, черт возьми, она думает? Она ведь до сих пор не вытянула из него ни капли ценной информации, размышлял криминалист. Пустая трата времени. Неужели это все, о чем она собиралась его расспросить? И теперь она еще хочет разыграть для преступника радушную хозяйку дома. Нехотя Райм подозвал Тома, который принес Кэтрин кока-колу.

Она вставила в бокал соломинку и передала его Винсенту. Он опорожнил его за несколько секунд.

– Винсент, нам нужно немного побеседовать, если вы не возражаете, и я думаю, сейчас все прояснится.

– Да, хорошо, конечно.

Патруль вывел его из комнаты. Кэтрин закрыла за ним дверь.

Бейкер качал головой, мрачно глядя на Кэтрин.

– Совершенно бессмысленно, – бормотал Селлитто.

Кэтрин нахмурилась:

– Ну что вы! Все идет превосходно.

– Превосходно? – с сомнением в голосе переспросил ее Райм.

– Мы на правильном пути... Теперь немного поясню вам ситуацию. Я установила нижний уровень его реагирования и затем попросила рассказать о происшедшем в обратной последовательности. Это хороший способ поймать на слове допрашиваемых, склонных к импровизации. Как правило, нормальному человеку не представляет труда воспроизвести последовательность реальных событий в любом

направлении, как от начала к концу, так и от конца к началу. Но выдумывают ситуацию обычно лишь в одном направлении – от начала к концу. И когда лжецы пытаются воспроизвести ее в обратном порядке, они теряют главные вехи, на которых строили свой сценарий, и в результате постоянно спотыкаются. Итак, я с самого начала знала, что он помощник Часовщика.

– В самом деле? – рассмеялся Селлитто.

– Ну, это очевидно. Все его ответы по поводу внешности якобы виденного им преступника давались невпопад. А находясь в кафе, он не демонстрировал ни малейшего страха, несмотря на постоянные упоминания о том, как он напуган. Нет, он прекрасно знает Часовщика и участвовал в преступлениях, но вот каким образом, я сказать не могу. Одно ясно: он выполнял не только роль водителя.

– Вы ведь его не спрашивали ни о чем из того, что вы сейчас перечислили, – заметил Бейкер. – Разве мы не должны выяснить, где он находился в момент нападения на мастерскую флористки и на квартиру в Гринич-Виллидж?

Райм всем своим видом поддерживал Бейкера.

– О нет! Что вы! Это была бы настоящая катастрофа. Если бы я начала говорить на упомянутые вами темы, он бы полностью закрылся. Он очень сложная личность, внутри у него масса конфликтов, и я чувствую, что он находится на второй стадии стрессовой реакции. На стадии депрессии. Каковая, по сути, является злобой, обращенной вовнутрь. Когда человек находится в подобном состоянии, с ним очень трудно найти контакт. В случае с его личностным типом мне необходимо установить с ним доверительное общение, на что уйдет несколько дней, а возможно, даже недель. Но ведь только таким образом можно добиться от него правды традиционными методами допроса. А у нас нет времени. И потому единственный наш шанс – попробовать что-то действительно радикальное.

– И что же?

Дэнс кивнула на соломинку, которой воспользовался Винсент.

– Вы можете попросить о проведении анализа ДНК? – спросила она Райма.

– Да, но на это тоже потребуется определенное время.

– Не страшно, если мы сможем сказать ему, не кривя душой, что анализ проводится. – Она улыбнулась. – Никогда не лги – хороший девиз. Ведь никто не требует от нас говорить подозреваемому всю правду.

Райм позвонил в главную часть лаборатории, где Мэл Купер и Пуласки продолжали работу над собранным материалом. Он объяснил, что ему нужно, и Купер упаковал соломинку в пластиковый пакет и заполнил бланк запроса на анализ ДНК.

– Ну вот, технически все оформлено. Просто пока в лаборатории не знают о нашем запросе. – Райм рассмеялся.

– Есть что-то очень значительное, что он пытается от меня утаить, – объяснила Кэтрин. – И его это крайне напрягает. Его ответ на вопрос, не арестовывали ли его раньше, конечно же, ложь, но хорошо отрепетированная. Я полагаю, что его арестовывали, причем уже довольно давно. Его отпечатки не зарегистрированы. Значит, каким-то образом ему удалось «просочиться». Возможно, с помощью подлога или потому, что он был несовершеннолетним. Я практически уверена, что в прошлом у него был конфликт с законом. И в конце концов я почти поняла, в чем было дело. Поэтому я и сняла куртку и попросила Амелию пройти и встать перед ним. Он буквально пожирал нас обеих глазами. Изо всех сил пытался держать себя в руках, но не мог. Из чего я делаю вывод, что у него в прошлом были случаи нападения на женщин с целью сексуального насилия. И теперь я хочу разыграть этот козырь. Главное сейчас, – продолжала Кэтрин, – не потерять влияние на него; если мы допустим какую-нибудь оплошность, нам потребуется масса времени, чтобы добиться от него чего-либо дельного.

– Я уже знаю, какое решение ты примешь, – сказал Селлитто.

Черт, да, подумал Райм.

– Надо пробовать.

– А твое мнение, Деннис?

– Давайте. Часовщик уже, наверное, сейчас кого-то выслеживает.

Кэтрин бросила взгляд на Селлитто, и тот признался:

– Мне бы следовало позвонить в центр. Но мы ведь будем кусать себе локти, если они скажут «нет». Приступайте.

– Мне нужно сделать и еще кое-что, – сказала Кэтрин. – Я должна вывести себя за скобки. Необходимо, чтобы он довел до конца то, что он

планировал сделать со мной там, в переулке. Нам необходимо начать все с самого начала.

– Разве ты не знаешь, что он собирался сделать с тобой? – спросила Амелия.

– Да, я прекрасно знаю, что у него было на уме. Но сейчас мы должны думать о самом важном – о том, как поймать Часовщика. Все остальное должно отойти на второй план.

Селлитто взглянул на Бейкера и кивнул.

Кэтрин подошла к одному из компьютеров, набрала несколько команд, имя пользователя и пароль. Внимательно всматривалась в открывшуюся интернет-страницу, затем набрала еще несколько команд. На экране появились данные о ДНК какого-то подозреваемого.

Она подняла глаза на остальных.

– Давайте посмотрим, сработает ли. – Кэтрин открыла сумочку и заменила «овечьи» очки на «волчьи». – Ну что ж, развлечение начинается. – Она подошла к двери, открыла ее и попросила, чтобы привели Винсента.

Он ввалился в комнату, тяжелый, с пятнами пота под мышками, и опустился в кресло, которое застонало под ним. Чувствовалось, что он настороже.

Напряженную тишину нарушила Кэтрин словами:

– Боюсь, у нас есть проблема, Винсент.

Глаза его сузились.

Кэтрин подняла пластиковый пакет с соломинкой, через которую он пил.

– Вам известно об анализе ДНК, не так ли?

– О чем вы?

Сработает ли, думал Райм. Попадется ли он в расставленную для него ловушку?

Ведь он может прервать допрос, замолчать и потребовать, чтобы вызвали адвоката. И имеет на это полное право. Их блеф закончится катастрофой, они не получат от него никакой информации до тех пор, пока Часовщик не убьет очередную жертву.

Очень спокойным голосом Кэтрин спросила:

– Вы когда-нибудь видели данные анализа своей ДНК, Винсент? – Она повернула компьютерный монитор к Винсенту. – Не знаю, известно ли вам что-нибудь о базе данных ДНК, имеющейся в ФБР. Ее называют «CODIS». В случае если имело место изнасилование, нападение с целью изнасилования и преступник не был схвачен, собираются его волосы, физиологические жидкости, кожа. И даже если он пользовался презервативом, на жертве или рядом с ней обязательно остается какой-то материал, который может быть использован для проведения анализа ДНК. Все эти данные сохраняются, и когда полиция задерживает подозреваемого, его ДНК сопоставляется с той, которая имеется в базе данных. Вот, посмотрите.

Подзаголовком «CODIS» располагались десятки строке какими-то цифрами, буквами, графиками, совершенно непонятными неспециалисту.

Винсент не шевелился, слышно было только его тяжелое дыхание. Взгляд его показался Райму вызывающе наглым.

– Дерьмо какое-то.

– Знаете, Винсент, никому никогда не удалось опровергнуть обвинение, основанное на надежном анализе ДНК. И нам удавалось выносить приговор по прошествии многих лет после совершения нападения.

Он все больше напоминал загнанного зверя.

– Винсент, – тихим, спокойным голосом произнесла Кэтрин Дэнс, – у вас большие проблемы.

Технически все выполнено абсолютно верно, размышлял Райм.

«Никогда не лги…»

Винсент уставился на экран.

– И если вы нам поможете, то мы, со своей стороны, поможем вам. – После паузы Кэтрин продолжила: – Не знаю насчет Нью-Йорка, но у нас в Калифорнии районным прокурорам предоставлена большая свобода делать поблажки подозреваемым, добровольно идущим на сотрудничество с полицией.

Она взглянула на Селлитто, который тут же подыграл ей.

– Да, Винсент, здесь то же самое. Районные прокуроры прислушиваются к нашим рекомендациям.

Винсент, стиснув зубы, растерянно смотрел на экран компьютера, заполненный непонятными символами, и молчал.

– Давайте договоримся: если вы поможете нам поймать Часовщика и сознаетесь в предыдущих преступлениях на сексуальной почве, мы снимем с вас обвинения в двух вчерашних убийствах… Мы сделаем все возможное, чтобы вас поместили в лучший психотерапевтический центр, где вам помогут найти решение многих ваших проблем. Но для этого вы должны нам помочь, – твердо произнесла Кэтрин. – И немедленно, Винсент. Итак, каково ваше решение?

Винсент взглянул на экран сданными анализа ДНК, не имевшими никакого отношения к нему. Он слегка покачивал ногой, что свидетельствовало о тяжелой внутренней борьбе.

Потом перевел свой наглый взгляд на Кэтрин Дэнс. И покачал головой.

Да или нет? Каков будет его ответ?

Лицо Винсента исказила неприятная гримаса. Он смотрел на них холодным злобным взглядом. И наконец произнес:

– Он бизнесмен со Среднего Запада. Его зовут Джеральд Дункан. Он живет в церкви на Манхэттене. А можно мне еще кока-колы?

Глава 27

13.48

– Где он сейчас? – спросил Деннис Бейкер.

– Он собирался… к кому-то еще… – Голос Винсента сорвался.

– Убивать?

Подозреваемый кивнул.

– И куда же он собирался?

– Я точно не знаю. Он только сказал, что в центр. Больше он мне ничего не говорил. Честное слово.

Все повернулись к Кэтрин Дэнс. Она не почувствовала в словах Винсента никакой лжи и кивнула.

– И я даже не знаю, где он сейчас находится, там или в церкви.

Он дал адрес церкви.

– Я знаю, где это, – заметила Амелия. – Церковь уже довольно давно закрыта.

Селлитто поручил Хауманну направить туда несколько оперативных групп.

– Мы собирались встретиться с ним в Гринич-Виллидж примерно через час. Рядом с тем зданием в переулке.

Где, размышлял Райм, он собирался изнасиловать и убить Кэтрин Дэнс. Селлитто отдал приказ направить к зданию машину без опознавательных знаков.

– И кто следующая жертва? – спросил Бейкер.

– Не знаю. Честное слово. Он ничего не говорил мне о ней, потому что…

– Почему? – спросила Кэтрин.

– Я ничего не должен был с ней делать.

«С ней делать…»

Райм все понял.

– Значит, вы ему помогали, а в награду он отдавал вам свои жертвы.

– Только женщин, – поспешно отозвался Винсент, с отвращением покачав головой. – Не мужчин. Я ведь не извращенец какой-нибудь… И только после того, как он их убивал, поэтому и изнасилованием такое дело назвать нельзя. Джеральд меня в этом заверил. Он справлялся по книгам.

На Дэнс и Селлитто его слова, казалось, не произвели никакого впечатления, но Бейкер заморгал от отвращения. А Амелия изо всех сил пыталась сдержать эмоции.

– Но почему вы не должны были ничего делать со следующей жертвой? – спросил Бейкер.

Винсент опустил глаза.

– Потому что… потому что он собирался ее сжечь.

– Боже! – пробормотал Бейкер.

– Он вооружен? – спросил Райм.

Винсент кивнул:

– У него есть пистолет.

– Тридцать второй калибр?

– Я в оружии не разбираюсь.

– На какой машине он ездит? – спросил Селлитто.

– На темно-синем «бьюике». На угнанном. Машине года два.

– Номера?

– Не знаю. Честное слово. Он ведь только что ее угнал.

– Дать оповещение, – приказал Райм. Селлитто сделал соответствующий звонок.

Тут вмешалась Кэтрин:

– А что еще?

– Что?

– Что-то по поводу этой машины вас угнетает?

Она что-то почувствовала.

Винсент снова опустил глаза.

– Думаю, он убил владельца. Я не знал, что он собирается его убить. Честное слово, не знал.

– Где?

– Он мне не сказал.

Купер направил запрос по поводу любых сообщений о похищении автомобилей, убийствах или исчезновении людей.

– И... – Винсент сглотнул. Он снова стал качать ногой.

– Что? – спросил Бейкер.

– Он и еще одного человека убил. Того студента. Совсем мальчишку. В переулке за углом от церкви, рядом с Десятой авеню.

– За что?

– Он увидел, как мы выходили из церкви.

– И что он сделал?

– Дункан зарезал его и засунул тело в мусорный бак.

Купер позвонил в местное отделение полиции и попросил проверить факты, приведенные Винсентом.

– Пусть позвонит Дункану, – предложил Селлитто, кивнув на Винсента. – Мы сможем отследить его мобильник.

– Его телефон не работает. Он вынимает батарейку и сим-карту, когда мы… ну, в общем, когда… мы не работаем.

«Работаем…»

– Он говорил, что вы не сможете выследить его таким способом.

– Телефон на его имя?

– Нет. Это телефон с предоплатой. Он покупает новый через каждые несколько дней, а старый выбрасывает.

– Возьмите номер, – приказал Райм. – Свяжитесь с провайдерами.

Мэл Купер позвонил в крупнейшие компании мобильной связи и некоторое время беседовал с ними. Затем сообщил:

– «Ист коуст коммьюникейшнз». Все верно, с предоплатой. Куплен за наличные. Отследить местонахождение невозможно, если из телефона извлечена батарея.

– Черт! – пробормотал Райм.

Зазвонил телефон Селлитто. Группы быстрого реагирования Боба Хауманна были уже в пути. Они будут в церкви буквально через несколько минут.

– Кажется, это наша единственная надежда, – задумчиво произнес Бейкер.

Он, Амелия и Пуласки поспешили к двери, чтобы принять участие в тактической операции.

Райм, Дэнс и Селлитто остались в лаборатории, пытаясь узнать что-то еще о Джеральде Дункане от Винсента, а Купер тем временем рыскал по базам данных в надежде найти в них какую-то информацию о нем.

– С чем связан его интерес к часам, времени и лунному календарю? – спросил Райм.

– Он коллекционирует старинные часы. Он на самом деле был часовщиком. Хобби, знаете ли, ничего серьезного. Вряд ли он когда-либо держал мастерскую или магазин.

– Возможно, он когда-то работал в такой мастерской или магазине, – заметил Райм. – Выясните относительно профессиональных организаций часовщиков. И коллекционеров тоже.

Купер впечатал запрос и спросил:

– Только в Америке?

– А кто он по национальности? – спросила Кэтрин.

– Думаю, американец. У него нет никакого акцента.

Просмотрев несколько сайтов, Купер отрицательно покачал головой.

– Изготовление часов – очень популярный бизнес. К крупнейшим объединениям относятся Женевская ассоциация часовщиков и ювелиров; Межпрофессиональная ассоциация часовых дел мастеров в Швейцарии; Американский институт часовых дел мастеров; Швейцарская ассоциация продавцов часов и драгоценностей; Британская ассоциация коллекционеров часов; Британский часовой институт; Ассоциация производителей часов Швейцарии и Федерация часовой индустрии Швейцарии… Но есть еще и десятки других.

– Пошлите им электронные письма, – попросил Селлитто. – Спросите о Дункане. Как о часовщике или коллекционере.

– И в Интерпол тоже, – добавил Райм, а затем обратился к Винсенту: – А как вы познакомились?

Тот кратко и сбивчиво рассказал историю их первой случайной и совершенно невинной встречи. Кэтрин Дэнс внимательно выслушала его, задала несколько вопросов и заявила, что он лжет.

– Наша договоренность строится на том условии, что вы будете полностью откровенны с нами, – напомнила она, наклонившись к Винсенту. Она взирала на него холодным взглядом сквозь окуляры хищницы.

– Ну да, да, я помню, я же хотел кратко…

– Нам не нужна краткость! – рявкнул Райм. – Нам нужно знать, как вы, черт вас возьми, познакомились.

Винсент признался, что, несмотря на то что их первая встреча была случайной, она не была столь уж невинной. И воспроизвел подробности их знакомства, состоявшегося в ресторане неподалеку от места работы Винсента. Дункан выслеживал одного из тех, кого и убил вчера, а Винсент рассматривал официантку.

Ну и парочка, размышлял Райм.

Мэл Купер поднял глаза от компьютера:

– Кое-что нашел… К западу от Миссисипи проживает шестьдесят восемь Джеральдов Дунканов. Вначале я проверю наличие на них какого-либо криминала в полиции, а затем отберу тех, кто подходит по возрасту и профессии. Вы не можете уточнить местность, откуда прибыл ваш друг?

– Я бы не стал скрывать, если бы знал. Но он никогда ничего о себе не рассказывал.

Кэтрин кивнула. Он говорил правду.

Лон Селлитто задал вопрос, который вертелся в голове Райма.

– Мы знаем, что он выбирает не случайные жертвы, заранее готовится к расправе с ними. Почему? Что он замышляет?

– Все дело в его жене, – ответил Винсент.

– Он женат?

– Был.

– Подробнее.

– Пару лет назад они с женой приехали в Нью-Йорк в отпуск. Он пошел куда-то на деловой обед, а его жена одна отправилась на концерт. Она возвращалась в гостиницу по пустынной улице, и ее сбил автомобиль или грузовик. Водитель скрылся. Она звала на помощь, но никто не

подошел к ней, никто даже не вызвал полицию. Врач потом говорил, что она прожила после инцидента еще минут десять и что даже неспециалист смог бы остановить кровотечение. Простой перетяжкой. Ей никто так и не помог.

– Просмотрите данные по больницам по поводу поступления женщины по фамилии Дункан, – скомандовал Райм.

– Особенно не напрягайтесь, – прервал его Винсент. – В прошлом году он проник в ту больницу и похитил ее карточку. И дело из полиции тоже. Кажется, подкупил сотрудника. Он уже тогда начал планировать свои убийства.

– Но почему он выбирает именно эти жертвы?

– В полиции во время проведения расследования выяснили, что в момент ее гибели рядом находились десять человек. Могли они спасти ее или нет, я не знаю… Джеральд убедил себя, что могли. Последний год он занимался тем, что выяснял, где они живут и каков их распорядок. Он хотел, чтобы они умирали долго и мучительно, а для этого они должны были находиться в полном одиночестве. Для него важно, чтоб они умирали медленно и мучительно, как его жена.

– Человек на пирсе во вторник? Он мертв?

– Должно быть. Дункан заставил его какое-то время держаться, а затем обрезал ему пальцы и стоял и смотрел, пока он падал в воду. Он сказал, что вначале тот мужчина пытался плыть, а потом перестал двигаться, и течением его унесло под пирс.

– Как его звали?

– Не помню. Кажется, Уолтер. Я не помогал Дункану с двумя первыми. Честное слово, не помогал. – Он бросил взгляд на Кэтрин. В его глазах читался страх.

– А что еще вам известно о Дункане? – спросила она.

– Больше почти ничего. По-настоящему он любил говорить только о времени.

– О времени? И что же он говорил о времени?

– Все, что угодно. Об истории измерения времени, о том, как работают часы, о календарях, о том, как по-разному люди чувствуют время. Он объяснил мне, что фраза «повысить скорость» произошла от часов с маятником. Чтобы часы шли быстрее, нужно просто поднять повыше

груз на маятнике. А «понизить скорость» – значит опустить груз вниз... Другие про все такое страшно скучно рассказывают. А когда он говорил, его слова захватывали.

Купер снова поднял взгляд от экрана компьютера.

– Мы уже получили пару ответов из ассоциаций часовщиков. Никаких сведений о Джеральде Дункане... Минутку, здесь сообщение из Интерпола... Тоже ничего... И никаких сведений о нем в базах данных полиции Среднего Запада.

Зазвонил телефон Селлитто. Он взял трубку и несколько минут разговаривал. Во время разговора он мрачно смотрел на Винсента. Закончив разговор, Селлитто обратился к нему:

– Муж вашей сестры.

Винсент нахмурился:

– Кто?

– Муж вашей сестры.

Винсент отрицательно покачал головой:

– Нет, вы, должно быть, ошиблись. Моя сестра не замужем.

– Она замужем.

Глаза Винсента расширились.

– Салли Энн замужем?

С отвращением взглянув на Винсента, Селлитто сообщил Райму и Дэнс:

– Она была слишком расстроена и не стала сама звонить. Вместо нее позвонил ее муж. Тринадцать лет назад этот парень, Винсент, запер ее в подвале их дома на целую неделю, когда мать и отчим уехали куда-то проводить медовый месяц. Он связал ее... свою собственную сестру... и несколько раз изнасиловал. Ему было пятнадцать, ей – тринадцать. Он отбыл срок как малолетний преступник и после психотерапевтического лечения освобожден. Данные были засекречены. Поэтому мы и не получили по нему никакой информации.

– Замужем, – прошептал Винсент, и его лицо приобрело пепельный оттенок.

– С тех пор она постоянно проходит курсы лечения от депрессии и других расстройств. Его несколько раз задерживали за преследование сестры, поэтому ей удалось добиться для него судебного запрета на встречи с ней. В течение последних трех лет он пытается поддерживать контакт с ней посредством писем, которые периодически ей посылает.

– Он ей угрожает? – спросила Кэтрин.

– Нет, – пробормотал Селлитто. – Это любовные письма. Он хочет, чтобы она переехала к нему и жила с ним.

– Ну и ну! – произнес невозмутимый Мэл Купер.

– Иногда он писал кулинарные рецепты на полях. А порой делал порнографические зарисовки. Его зять сказал, что они готовы сделать все, что угодно, чтобы засадить этого парня в тюрьму до конца его дней. – Селлитто бросил взгляд на двух патрульных полицейских за спиной у Винсента и, не скрывая отвращения, произнес: – Уведите его отсюда.

Полицейские помогли Винсенту подняться на ноги и повели его к двери. Он едва мог передвигать ноги, настолько он был потрясен.

– Как могла Салли Энн выйти замуж? Как она могла так со мной поступить? Мы должны были навеки остаться вместе… Как она могла?

Глава 28

14.48

Происходящее напоминало штурм средневекового замка.

Сакс, Бейкер и Пуласки присоединились к группе Боба Хауманна за углом церкви в неописуемо грязном районе Челси. Группы быстрого реагирования разместились в разных частях близлежащих улиц, стараясь не бросаться в глаза.

Двери церкви были совсем небольшие, их размер едва удовлетворял требованиям пожарной безопасности. Большую часть окон закрывали стальные решетки. Конечно, перечисленные особенности здания затруднили бы Джеральду Дункану возможность побега, но и полиции было нелегко там развернуться. Это увеличивало вероятность того, что убийца расставил какие-то ловушки на выходах или поджидает где-то с оружием. Каменные стены в два фута толщиной усиливали опасность, так как термальное и акустическое поисковое оборудование здесь было совершенно бесполезно. Дать безошибочный ответ, находится ли преступник внутри здания, они не могли.

– Каков наш план? – спросила Амелия, стоявшая рядом с Бобом Хауманном в переулке за церковью.

Деннис Бейкер находился рядом с ней. Он постоянно держал руку на пистолете. Его взгляд нервно перебегал с одной стороны улицы на другую, с тротуара на окна, из чего Амелия сделала вывод, что он либо уже очень давно не участвовал в тактической операции, либо вообще не знает, что это такое. Она все еще не могла простить Бейкеру слежки, которую он устроил за ней. И своим явным страхом он вызывал у нее только презрение.

Рон Пуласки тоже был неподалеку, и его рука лежала на рукоятке «глока». Он тоже нервно переминался с ноги на ногу, пристально вглядываясь в величественное, но пришедшее в запустение здание.

Хауманн объяснил, что группы начнут штурм здания через все входы, предварительно взорвав двери. Другого выбора не было. Двери слишком толстые для тарана, хотя по взрыву Дункан сразу поймет, что происходит, и успеет приготовиться к обороне внутри здания. Интересно, что он станет делать, когда услышит грохот и шаги полицейских внутри? Решит сдаться?

Многие преступники сдаются в подобной ситуации.

А некоторые нет. Они либо впадают в панику, либо из последних сил хватаются за безумную идею, что смогут пробиться сквозь кордон из дюжины вооруженных полицейских. Райм уже успел рассказать о мотиве, который двигал Дунканом. И Амелия прекрасно понимала, что такие люди, как правило, не сдаются.

Амелия находилась у бокового выхода вместе с одной из групп Боба Хауманна, а Бейкер и Пуласки оставались выше по улице у командного пункта вместе с самим Хауманном.

В наушники она услышала голос командира:

– Оборудование для проникновения в здание готово… Руководители групп, сообщите о готовности.

Командиры групп «А», «В», «С» рапортовали о готовности. Раздался хриплый голос Хауманна:

– Начинаю отсчет… Пять, четыре, три, два, один.

Три оглушительных взрыва одновременно выбили все двери. Вокруг включились сирены автомобилей, в ближайших зданиях зазвенели окна. Полицейские ринулись внутрь.

Сразу же стало ясно, что их беспокойство относительно возможных укреплений и ловушек внутри не оправдалось. Но и успешным в полном смысле слова штурм назвать было нельзя, так как после обыска церкви они пришли к выводу, что Часовщик либо невиданный счастливчик, либо снова каким-то загадочным образом предчувствовал их приход. В здании его не было.

– Рон, проверь здесь.

Амелия стояла на пороге крошечной кладовой в верхней части церкви.

– Странное местечко, – откликнулся молодой полицейский.

Они смотрели на ряд луноликих часов, выстроившихся вдоль каменной стены. Лица взирали на вошедших с загадочным выражением, не совсем с улыбкой, не совсем со злобой, атак, словно они в точности знали, сколько времени отмерено вашей жизни, и с удовольствием отсчитывали ее мгновения вплоть до самого последнего.

Все они громко тикали. От этого звука нервы Амелии напряглись до предела.

Она насчитала пять часов. Значит, одни он забрал с собой.

«Сжечь ее…»

Пуласки тем временем уже надевал свой «Тайвек» и пристегивал «глок» поверх комбинезона. Они с Амелией поделили между собой помещение церкви: она собиралась провести осмотр той его части, где, как им было известно, жили оба мужчины; а Рон должен был заняться первым этажом.

Он кивнул, с опаской всматриваясь в темные проходы и в тени, грозно нависавшие в них. В прошлом году он пережил тяжелую травму черепа, и его руководитель хотел снять его с активной службы и усадить за бумажную работу. Сколько усилий приложил Рон, чтобы восстановиться, решив ни при каких обстоятельствах не позволить начальству вывести его из оперативной работы. Но Амелия знала: иногда его одолевают иррациональные страхи. Она читала у него в глазах сомнение относительно каждого своего следующего шага. И несмотря на то что решимость Рона всегда побеждала, были полицейские, которые отказывались ехать с ним на задание из-за этой его особенности. Амелия же предпочитала работать с теми, кто смело смотрел в лицо своим

страхам, а не делал вид, что их не существует. Именно таких людей она считала по-настоящему мужественными.

Она всегда без колебаний будет выбирать его в качестве ассистента.

И почувствовала, что в голове у нее вертится дополнение к этой мысли: если останется работать в полиции.

Пуласки вытер ладони, которые, как заметила Амелия, были мокры от пота, несмотря на сильный холод, и натянул латексные перчатки.

Когда они распределяли между собой оборудование, она сказала:

– А я слышала, на тебя напали, когда ты осматривал гараж.

– Напали.

– Дерьмовая ситуация.

Пуласки рассмеялся, сразу поняв, что таким способом она намекала ему, что в его волнении не видит ничего дурного. Он направился к двери.

– Эй, Рон.

Он остановился.

– Кстати, Райм говорил мне, что ты великолепно справился с работой.

– Говорил?

Не слишком многословно. Но таков уж Райм.

– Конечно, говорил, – еще раз повторила Амелия. – Ну а теперь иди, собирай дерьмо, которое они тут оставили. Я хочу как можно скорее поймать мерзавца.

– Да уж понимаю, – откликнулся он с широкой улыбкой.

– И помни, это не рождественская вечеринка, а работа.

И кивком отправила его вниз.

Она не нашла ничего, что указывало бы на то, кем могла быть следующая жертва, зато материалов здесь они собрали достаточно.

В комнате Винсента Рейнольдса Амелия обнаружила образцы десятка различных видов дешевой еды и газированной воды, а также подтверждение его еще более отвратительных аппетитов: презервативы, скотчи, тряпки, которые он, вероятно, собирался использовать в качестве кляпов. В комнате царил немыслимый беспорядок и стоял запах давно не стиранной одежды.

В комнате Дункана Амелия обнаружила журналы, посвященные часам и измерению времени (без этикеток с именем подписчика), инструменты часовщика, и не только (здесь были ножницы для резки проволоки, видимо, те, которые он использовал, чтобы разрезать ограждение на пирсе), и одежду. Комната была до жути чистой, в ней все пребывало в идеальном порядке, каждая вещь лежала на своем месте. Кровать была настолько безукоризненно заправлена, что сержант, ответственный за подготовку новобранцев, мог бы демонстрировать ее в качестве образца. Одежда в таком же безупречном порядке развешана в шкафу. Амелия сразу же заметила, что со всех вещей удалены ярлыки и расстояние между ними абсолютно одинаково. Предметы лежали на столе под прямым углом друг к другу. Часовщик, как видно, больше всего заботился о том, чтобы никто не узнал никаких конкретных подробностей о нем, о его привычках и слабостях. Под мусорным ведром были спрятаны два выставочных проспекта, из Бостона и Тампы, из чего можно было заключить, что он бывал в упомянутых городах, но они оба были расположены достаточно далеко от того места, где он, по словам Винсента, жил, – от Мидвеста. Здесь же она наткнулась на щетку для удаления с мебели волос домашних животных.

«Такое впечатление, что у него есть собственный «Тайвек»...»

Амелия также обнаружила несколько улик, связывающих Часовщика с двумя первыми преступлениями: моток скотча, который скорее всего должен был совпасть со скотчем, использованным им в переулке, и, возможно, им же он заклеивал рот жертве на пирсе. Она нашла старую метелку с грязью, мелким песком и крупинками соли. Амелия решила, что именно ею он подметал местность там, где был убит Тедди Адамс.

В небольшом пластиковом контейнере для мусора Амелия нашла несколько монет, три ручки марки «Бик», чеки со стоянки в центре города и из аптеки в Вест-Сайде, коробок спичек (в котором не хватало трех) из ресторана в Верхнем Ист-Сайде. Ни на одном из перечисленных предметов не было никаких отпечатков. Кроме того, Амелия обнаружила пару туфель, подошвы которых были испачканы ярко-зеленой краской, и пустую тару из-под спирта.

Отпечатков не было, зато Амелия нашла массу хлопчатобумажных волокон такого же цвета, как и в «эксплорере». Она обнаружила и

пластиковый мешок с десятком пар перчаток, но при этом никаких ярлыков, никаких чеков. На мешке также отсутствовали какие-либо отпечатки.

Внизу Рон Пуласки не нашел ничего ценного, но сделал странное открытие – в одном из туалетов в унитазе был слой белого порошка. В ходе лабораторных тестов будет получен точный ответ, тем не менее Рон предположил, что порошок – из огнетушителя, так как в мусорном контейнере рядом с задней дверью он обнаружил пустую коробку из-под него. Рон внимательно осмотрел коробку, однако не нашел на ней никаких ярлыков, указывавших на то, где она была приобретена.

С какой целью в туалете воспользовались огнетушителем, было неясно. Не было никаких свидетельств того, что там что-то горело.

Амелия позвонила Винсенту, который уже находился в камере, и тот ответил ей, что Дункан недавно приобрел огнетушитель. Но почему он высыпал его содержимое в унитаз, Винсент не мог объяснить.

После того как вся необходимая документация по осмотру места была заполнена, Сакс и Пуласки вернулись к Бейкеру, Хауманну и остальным, ожидавшим у главного входа в церковь. Амелия связалась с Раймом по рации и сообщила ему о находках.

Пока она вела рассказ, Райм руководил Томом, который заносил передаваемую ею информацию на схемы.

– Бостон и Тампа? – спросил криминалист после упоминания о музейных каталогах. – Возможно, Винсент ошибся. Подожди-ка. – Он попросил Купера проверить, не живут ли в названных городах какие-нибудь Джеральды Дунканы. Несмотря на то что жители с таким именем действительно нашлись, возраст их значительно отличался от возраста преступника.

Мгновение криминалист молчал, затем произнес:

– Говорите, огнетушитель… Могу поклясться, он сделал из него воспламеняющуюся смесь. А спирт ему был нужен как катализатор. Именно таким образом он и собирается сжечь следующую жертву. Кстати, что самое главное в огнетушителях?

– Сдаюсь, – откликнулась Амелия.

– Они незаметны.

– Можно предположить, что одна из нитей, которые мы нашли в церкви, ведет к следующей жертве, – вмешался Бейкер. – У нас есть чеки, каталоги, туфли. Может быть, попробовать отыскать их источник?

– Что бы вы ни делали, делайте быстрее, – раздался голос Райма. – По словам Винсента, если он не в церкви, значит, на пути к следующей жертве. Возможно, он уже там.

СХЕМА № 5

Часовщик

Место преступления № 1

Место расположения:

• Ремонтный пирс на Гудзоне, на 22-й улице.

Жертва:

• Личность не установлена.

• Пол – мужской.

• Возможно, среднего возраста или даже старше, вероятно, страдающий гипертонией или сердечной недостаточностью (в крови обнаружено наличие антикоагулянтов).

• Наличия каких-либо других медикаментов и наркотиков в крови не установлено, так же как и возбудителей инфекционных заболеваний.

• Береговая охрана и водолазы продолжают поиски тела и других улик в гавани Нью-Йорка.

• Проводится проверка сообщений о пропаже людей.

• В нью-йоркской гавани обнаружена мужская куртка. Рукава в крови. Фирмы «Масу». Никаких других вещественных доказательств гибели, никаких признаков тела.

Преступник:

• См. ниже.

Обстоятельства преступления:

• Преступник заставил повисшую над водой жертву цепляться за край опалубки дока, затем обрезал пальцы или запястья, и жертва упала вниз в реку.

• Время преступления: между 18.00 понедельника и 6.00 вторника.

Имеющиеся материальные свидетельства:

• Кровь, тип АВ положительный.

• Вырванный ноготь, неполированный, широкий.

• Кусок разорванной оградительной цепи, разрезанной обычным инструментом для резки проволоки; инструмент отыскать невозможно.

• Часы. См. ниже.

• Послание. См. ниже.

• Отметины ногтей на опалубке.

• Никаких явных следов: никаких отпечатков пальцев, следов ног и автомобильных шин.

Место преступления № 2

Место расположения:

• Переулок за Сидар-стрит около Бродвея за тремя коммерческими зданиями (задние двери закрываются между 20.30 и 22.00) и одним правительственным административным зданием (задние двери закрываются в 18–00).

• Переулок представляет собой тупик. Пятнадцать футов шириной, сто четыре фута длиной, вымощен булыжником, тело находилось на расстоянии пятнадцати футов от Сидар-стрит.

Жертва:

• Теодор Адамс.

• Проживал в Бэттери-Парк.

• Автор рекламных объявлений.

• Явных врагов не имел.

• К судебной ответственности не привлекался.

• Связь с каким-либо из зданий, расположенных вокруг переулка, не установлена.

Преступник:

• Часовщик.

• Пол – мужской.

• Никаких компьютерных данных по Часовщику.

Обстоятельства преступления:

• Жертву перетащили от автомобиля в переулок, где ему на шею положили металлический брус, который спустя некоторое время раздавил ему глотку.

• Ожидается поступление медицинского заключения с подтверждением обстоятельств гибели.

• Никаких свидетельств сексуального насилия.

• Время наступления смерти: приблизительно от 22.15 до 23.00 в ночь понедельника. Должно быть подтверждено медицинским заключением.

Имеющиеся материальные свидетельства:

• Часы.

• Никаких взрывчатых веществ, химикатов и биоагентов не обнаружено.

• Идентичны часам, найденным на пирсе.

• Никаких отпечатков пальцев, минимум следов.

• «Арнольд продактс», Фрэмингем, Массачусетс.

• Приобретены в часовом магазине Халлерштайна на Манхэттене.

• Послание, оставленное преступником на обоих местах преступления.

• Отпечатано на компьютерном принтере, на обычной бумаге, чернилами для лазерного принтера.

• Текст: «В небе полная Холодная Луна освещает труп земли, указывая час смерти и окончания пути, начатого в момент рождения. Часовщик».

• В каких-либо базах данных отсутствует; возможно, его собственного сочинения.

• Холодная Луна – один из месяцев по лунному календарю, месяц смерти.

• 60 долларов в банкнотах; отпечатки пальцев отсутствуют.

• Мелкий песок, используемый в качестве «маскирующего реагента». Песок обычный, свежий. Использовался потому, что преступник собирался вернуться на место преступления?

• Металлический брус, 81 фунт весом. В строительстве в близлежащей местности не используется. Другие источники происхождения не найдены.

• Скотч, обычный, но очень аккуратно и с исключительной точностью отрезан, что очень странно. Все куски совершенно одинаковой длины.

• В песке обнаружен сульфат таллия (яд, используемый против грызунов).

• Грязь, содержащая рыбный белок, – от преступника, а не от жертвы.

• Обнаружено очень мало следов.

• Волокна коричневого цвета, возможно, от обивки салона автомобиля.

Прочее:

• Автомобиль.

• «Форд-эксплорер», три года эксплуатации. С коричневой обивкой салона.

• Проверка номеров автомобилей в названном квартале на вечер и ночь понедельника не выявила никаких нарушений.

• Наводятся справки в полиции нравов о проститутках, которые могли оказаться свидетелями преступления.

• Никаких данных.

Беседа с Халлерштаином

Преступник:

• Фоторобот Часовщика: около пятидесяти лет или за пятьдесят, круглое лицо, двойной подбородок, толстый нос, глаза необычного очень светло-голубого цвета. Выше шести футов, худощавый, волосы черные средней длины, никаких украшений, одежда темного цвета. Имя неизвестно.

• Хорошо разбирается в часах, знает, какие редкие хронографы продавались на недавних аукционах и были представлены на выставках в Нью-Йорке.

• Угрозами заставил владельца хранить информацию о его покупках в тайне.

• Приобрел 10 часов. Для 10 жертв?

• Расплатился наличными.

• Требовал, чтобы на циферблате было изображение луны и чтобы часы громко тикали.

Имеющиеся материальные свидетельства:

• Место покупки часов – часовой магазин Халлерштайна в районе «Утюга».

• Никаких отпечатков на деньгах, заплаченных за часы, серийные номера банкнот не проходят ни по каким преступлениям. Никаких следов.

• Звонил из телефонов-автоматов.

Место преступления № 3

Место расположения:

• Спринг-стрит, 481.

Жертва:

• Джоанна Харпер.

• Никаких явных мотивов.

• Вторую жертву Часовщика, Адамса, не знает.

Преступник:

• Часовщик.

• Помощник.

• Возможно, тот человек, которого жертва видела раньше у окна своей мастерской.

• Белый, крепкого телосложения, в солнечных очках, куртке с капюшоном и кепке. Вел внедорожник.

Обстоятельства преступления:

• Чтобы проникнуть внутрь, преступник взломал замок.

• Способ нападения неизвестен. Возможно, планировал воспользоваться флористической проволокой.

Имеющиеся материальные свидетельства:

• Рыбный белок – из мастерской Джоанны (удобрение для орхидей).

• Источник сульфата таллия также обнаружен неподалеку.

• Флористическая проволока разрезана на куски, идеально совпадающие по длине. (Предполагалось использовать в качестве орудия убийства?)

• Часы.

• Такие же, как и остальные. Никаких нитратов.

• Никаких следов.

• Никакой записки или послания.

• Не оставлено никаких отпечатков пальцев, следов ног, оружия и т. п.

• Черные хлопья – кровельная мастика.

• Проверка с помощью «АСТЕР» на возможный источник происхождения.

• Результаты не дают возможности делать однозначные выводы.

Дополнительно:

• Преступник отслеживал жертву перед нападением. Выбирал конкретную цель по конкретной причине? Какой?

• В его распоряжении имеется полицейская рация. Меняем частоту.

• Автомобиль.

• Светло-коричневый внедорожник.

• Номеров нет.

• Ведется отслеживание на улицах.

• В городе 423 владельца светло-коричневых «эксплореров». Проверка на наличие правонарушений. Найдено двое. Один слишком стар. Второй находится в тюрьме по обвинению в торговле наркотиками.

«Эксплорер» Часовщика

Местоположение:

• Обнаружен в гараже на Гудзоне и Хьюстон-стрит.

Имеющиеся свидетельства:

• «Эксплорер» принадлежал человеку, находящемуся в тюрьме. Был конфискован, а затем похищен со стоянки, где ожидал продажи с аукциона.

• Странно, что автомобиль оставлен посередине гаражного уровня, а не поблизости от выхода.

• Крошки от кукурузных и картофельных чипсов, булочек, шоколадных батончиков. Кусочки крекеров на арахисовом масле. Пятна от газированной воды, обычной, не диетической.

• Коробка с патронами к «ремингтону» 32-го калибра. Семь патронов отсутствуют. Оружие скорее всего марки «МК-11».

• Книга «Использование пыток при допросах». Руководство, которым пользуется Часовщик для совершения своих преступлений? Никакой полезной информации от издателей.

• Прядь черных волос с сединой, вероятно, женских.

• Полное отсутствие каких-либо отпечатков и следов в автомобиле.

• Хлопчатобумажные волокна бежевого цвета от перчаток.

• Песок, тот же, который использовался в качестве маскирующего реагента в переулке.

• След обуви с гладкой подошвой 13-го размера.

Место преступления № 4

Местоположение:

• Бэрроу-стрит, Гринич-Виллидж.

Жертва:

• Люси Рихтер.

Преступник:

• Часовщик.

• Помощник.

Обстоятельства преступления:

• Планировавшийся способ убийства жертвы неизвестен.

• Способы проникновения в квартиру и ухода из нее точно не установлены.

Имеющиеся материальные свидетельства:

• Часы.

• Такие же, как и остальные.

• Оставлены в ванной.

• Никаких нитратов или других взрывчатых веществ.

• Пятно древесного спирта, других следов нет.

• Никакой записки или послания.

• Крышу в последнее время не перекрывали.

• Не оставлено никаких отпечатков пальцев или следов обуви.

• Никаких других следов.

• Шерстяные волокна от куртки из овчины или пальто.

Церковь (убежище Часовщика)

Местоположение:

• 10-я авеню и 24-я улица.

Преступник:

• Часовщик.

• Имя – Джеральд Дункан.

• Бизнесмен со Среднего Запада, другие подробности неизвестны.

• Жена погибла в Нью-Йорке; совершает убийства из мести.

• Вооружен пистолетом и ножом.

• Его телефон невозможно отследить.

• Собирает старинные часы.

• Наводятся справки у часовщиков и в профессиональных ассоциациях производителей часов.

• Пока никаких результатов.

• Никакой информации из Интерпола и с баз данных полиции.

• Помощник:

• Винсент Рейнольдс.

• На временной работе в ряде фирм.

• Проживает в Нью-Джерси.

• Привлекался к ответственности за преступления на сексуальной почве.

Имеющиеся материальные свидетельства:

• Пять часов, идентичных всем остальным. Одни часы отсутствуют.

• В комнате Винсента:

• Дешевая еда, банки с газированной водой.

• Презервативы.

• Скотч.

• Тряпки (для кляпов?)

• В комнате Дункана:

• Журналы, посвященные проблемам измерения времени и часам.

• Инструменты.

• Одежда.

• Каталоги из музеев Бостона и Тампы.

• Еще один рулон скотча.

• Старая метелка со следами грязи, песка и соли.

• Три ручки «Бик».

• Монеты.

• Чек с платной стоянки в центре города.

• Чек из аптеки в Верхнем Ист-Сайде.

• Коробок спичек из ресторана в Верхнем Ист-Сайде.

• Туфли со следами ярко-зеленой краски.

• Пустая емкость из-под спирта.

• Щетка для вычесывания шерсти домашних животных.

• Перчатки бежевого цвета.

• Никаких отпечатков пальцев.

• Остаток вещества огнетушителя.

• Пустая упаковочная коробка от огнетушителя.

• Огнетушитель предназначался в качестве средства для поджога, спирт должен был использоваться как катализатор?

Дополнительно:

• Убил около церкви студента, оказавшегося случайным свидетелем.

• Местное отделение полиции проводит проверку.

• Угнанный автомобиль – темно-синий «бьюик».

• Владелец убит.

• Особое внимание ко всем случаям угона автомобилей, убийств, пропаж людей.

• Пока никаких сообщений.

Сара Стэнтон торопливой походкой возвращалась по обледенелому тротуару к зданию своего офиса в центре, сжимая в руке шоколадное пирожное «Старбакс» – удовольствие, за которое она расплачивалась острым чувством вины. Впрочем, она полагала, что может позволить себе вознаграждение за долгий рабочий день в офисе.

И дело вовсе не в том, что она чувствовала необходимость в подобном стимуле, чтобы с новыми силами взяться за работу. Сара ненавидела

праздность. Она занимала должность оценщика в одной крупной компании по внутреннему оформлению помещений. Ей, матери шестилетнего мальчугана, пришлось выйти на работу значительно раньше, чем она планировала, из-за невыгодных для нее условий развода. Сара начала с клерка в приемной и быстро поднялась до места главного оценщика компании.

Работа была, в общем, так себе: слишком много цифр. Впрочем, компания была неплохая, и Саре нравились коллеги (не все, но большинство). У нее был достаточно гибкий рабочий день, так как она часто лично встречалась с клиентами. Для Сары это было очень важно. Ей ежедневно приходилось одевать и готовить к школе сына и отвозить его к 9.00 на Девяносто пятую улицу, а затем возвращаться в центр на работу. Ее рабочий день имел разную продолжительность. Сегодня Сара намеревалась провести в офисе около одиннадцати часов. А завтра брала отгул, чтобы заняться рождественскими покупками вместе с сыном.

Сара вставила пропуск и прошла в заднюю дверь здания, затем, как обычно, поднялась по лестнице, а не воспользовалась лифтом. Ее компания занимала практически весь четвертый этаж, а кабинет Сары находился на третьем этаже. Кроме нее там сидели еще трое сотрудников, но Сару это вполне устраивало. Начальство редко захаживало туда, и она могла спокойно заниматься своим делом.

Сара поднялась на свой этаж и остановилась. Потянулась к дверной ручке, думая о том же, о чем она практически всегда думала, подходя к двери: почему она так просто открывается, почему на ней нет никаких замков со стороны лестничной площадки? Ведь любому не составит никакого труда…

Она отскочила, услышав тихое металлическое постукивание.

Резко повернулась, но никого не увидела.

И… был ли это действительно звук дыхания, или ей просто послышалось?

Что-то случилось?

Ей самой пойти посмотреть? Или вызвать охрану?

– Эй! Здесь кто-нибудь есть?

Ответом была глухая тишина.

Наверное, все-таки показалось. Она, смеясь про себя, прошла в коридор, который вел к задней двери ее кабинета. Сара открыла дверь и зашагала по длинному коридору.

Сбросив пальто и поставив кофе и пирожное на стол, села в кресло и взглянула на экран компьютера.

Странно, подумала она. На экране застыло окно с надписью «Установка времени и даты».

На экране светился календарь с сегодняшней датой, справа – аналоговые часы с обычными стрелками, а ниже электронные, отсчитывающие секунды.

Когда она отправилась за пирожным, ничего подобного на экране не было.

«Неужели само собой появилось?» – подумала Сара. Но почему? Может быть, кто-то за время ее отсутствия воспользовался компьютером, хотя она и не представляла, кто бы это мог быть и с какой целью.

Ну ладно. Не имеет значения.

Она закрыла окно с часами на экране и подкатила кресло поближе.

Бросила взгляд под ноги. Что там такое?

Под столом она увидела огнетушитель. До ее ухода его там не было. Господи, какая только блажь не придет в голову руководству компании! Установить новый тип освещения, разработать невероятные планы эвакуации сотрудников, постоянно переставлять мебель – и все без всякой на то причины.

И вот теперь огнетушители!

За что еще нам нужно благодарить террористов?

Бросив беглый взгляд на фотографию сына, которая всегда ее успокаивала, Сара поставила сумку под стол и развернула пирожное.

Лейтенант Деннис Бейкер медленно шел по безлюдной улице. Он находился южнее Адской Кухни в промышленной зоне Вест-Сайда.

По его предложению участники расследования разделили между собой найденные в ходе обыска церкви улики, которые могли послужить

ключами в дальнейших поисках Часовщика. Бейкер сообщил Амелии и Хауманну, что ему запомнился один склад точно такого же нездорового оттенка зеленого цвета, что и краска на обуви в комнате Часовщика. И Бейкеру доверили отследить эту нить.

Огромное массивное здание протянулось вдоль большей части улицы – темное, заброшенное, мрачное даже при ярком солнечном свете. Нижние шесть или семь футов закопченной кирпичной стены покрыты граффити, половина окон выбита, а по некоторым, как ему показалось, даже стреляли. На самом верху виднелся большой плакат «Перевозка и хранение Престона», выписанный буквами несколько старомодного вида.

Передние двери, выкрашенные в ядовито-зеленый цвет, были на замке, но Бейкеру удалось найти боковой вход, наполовину закрытый мусорным баком. Он был не заперт. Лейтенант окинул взглядом улицу, отворил дверь и вошел внутрь. Войдя, Бейкер стал осторожно продвигаться по плохо освещенному помещению. Там стоял запах из смеси гниющего картона, плесени и масла для обогревателей. Бейкер вытащил пистолет, сразу же почувствовав себя от этого крайне неловко. Он никогда в жизни ни в кого не стрелял.

Медленно и почти бесшумно продвигаясь по коридору, лейтенант приблизился к основной части склада, обширному открытому пространству. Здесь на полу было полно грязных лужиц с протухшей водой и мусора, среди которого – заметил он с отвращением – валялось множество презервативов. Наверное, самое неромантическое место для любовных свиданий. Внимание лейтенанта привлекло мерцание света в одной из маленьких комнаток, располагавшихся вдоль стены. Глаза Бейкера уже привыкли к тусклому освещению, и когда он подошел поближе, то увидел там горящую лампу. Кроме лампы, в комнатке было и кое-что еще…

Черные луноликие часы – визитная карточка Часовщика. Бейкер подался вперед.

И в ту же минуту, поскользнувшись на жидкой грязи, которую не мог заметить из-за плохого освещения, он упал на пол и выронил пистолет – тот полетел по скользкому загаженному бетону. Бейкер сморщился от боли.

И как будто откликнувшись на его стон, из одного из боковых коридоров выскочил человек.

Бейкер поднял глаза и встретился взглядом с Джеральдом Дунканом, Часовщиком.

Убийца наклонился поближе к лейтенанту. Протянул ему руку, помог Бейкеру подняться.

– С тобой все в порядке?

– Чуть мозги себе не вышиб. Надо быть осторожнее. Спасибо, Джерри.

Дункан отошел, поднял пистолет Бейкера и протянул оружие лейтенанту.

– Тебе он был явно не нужен, – со смехом заметил Дункан.

Бейкер сунул пистолет в кобуру.

– Мало ли на кого я мог здесь напороться, кроме тебя. Местечко-то мрачноватое.

Часовщик сделал жест в сторону комнатушки:

– Пройдем сюда. И я расскажу тебе в точности, что должно с ней произойти.

«Что должно было произойти» – означало, каким образом эти двое мужчин собирались совершить убийство.

А под «ней» имелась в виду детектив нью-йоркской полиции Амелия Сакс.

Глава 29

15.54

Сидя в одном из кресел в кабинете склада, Деннис Бейкер счищал грязь со своих слаксов, испачканных во время падения.

А слаксы-то итальянские, дорогие. Черт!

– У нас в руках Винсент Рейнольдс, и мы захватили церковь, – сказал он Дункану.

Дункану, естественно, все это было хорошо известно, так как он сам позвонил в полицию и сообщил, что сообщник Часовщика разгуливает с продуктовой тележкой по западной части Гринич-Виллидж (Бейкера удивило и одновременно восхитило, что Кэтрин Дэнс зацепила Винсента еще до того, как Дункан сдал своего предполагаемого соучастника).

И Дункан прекрасно понимал, что извращенец под небольшим давлением расколется и все расскажет о церкви.

– На это ушло чуть больше времени, чем я предполагал, – сообщил Бейкер, – но он все равно в конце концов сдался.

– Ну конечно, – откликнулся Дункан. – Он ведь полное ничтожество.

Дункан давно планировал сдачу придурковатого извращенца. Это было необходимо для того, чтобы убедить копов в том, что Часовщик – обезумевший от горя психопат, а не наемный убийца, кем он на самом деле являлся. Винсент был для Дункана тем ключевым звеном всего замысла, который, направив полицию в нужном направлении, позволил бы ему довести свой план до успешного завершения.

А план был столь же искусен и изящен, как и лучшие образцы продукции самых талантливых часовщиков прошлого. Цель его состояла в том, чтобы помешать расследованию, грозившему разоблачением группе сотрудников полиции, занимавшейся вымогательством и действовавшей под руководством Денниса Бейкера на базе 118-го отделения.

Бейкер происходил из семьи полицейских. Его отец служил в транспортной полиции. Он ушел в отставку довольно рано из-за травмы, полученной во время падения с лестницы в метро. Его брат работал в департаменте исправительных учреждений, а дядя Бейкера служил в полиции в маленьком городке в графстве Суффолк, откуда и происходило все их семейство. Поначалу Деннис не проявлял особого интереса к профессии своих сородичей. Привлекательному, хорошо сложенному молодому человеку нужны были большие деньги, модные автомобили, яхты и красивые женщины. Но, потеряв все, что у него было, в прогоревшем бизнесе по вторичной переработке отходов, Бейкер решил пойти по стопам отца. Он перебрался с Лонг-Айленда в Нью-Йорк-Сити и попытался реализовать себя в профессии полицейского.

То, что он пришел в полицию довольно поздно и при этом попытался выработать специфически киношный высокомерно-задиристый стиль поведения, сработало не в его пользу. Не помогло даже то, что родственники Денниса тоже служили в полиции (они занимали в тамошней иерархии очень низкое положение и возможности проталкивать Денниса у них не было). Бейкер, конечно, мог бы заработать себе на жизнь, будучи простым копом, но вот шикарный кабинет в управлении полиции ему явно не светил.

И потому в конце концов он решил, что самое главное в жизни – деньги и именно ими и стоит заняться. Конечно, не законным путем, взявшись

за какое-то обычное дело. Для добывания денег Деннис решил воспользоваться своей кокардой.

Когда он только начал трясти бизнесменов, у него часто возникал вопрос: а чувствует ли он какие-либо угрызения совести по этому поводу?

Ни капельки!

Единственная проблема для него состояла в том, что для поддержания того стиля жизни, который он избрал для себя, включавшего череду красоток с очень дорогими вкусами, ему нужно было гораздо больше той тысячи долларов в неделю, которую ему удавалось стрясти с оптовиков-корейцев и толстяков – владельцев пиццерий в Квинсе. Поэтому со временем в голове лейтенанта созрел план создания мафиозной группировки, в которую входили восемь детективов и патрульных полицейских из 118-го отделения. Члены группы Бейкера похищали небольшое количество наркотиков из мест хранения вещественных доказательств или добывали кокаин и героин у уличных торговцев. Затем задерживали детей крупных бизнесменов и навешивали на них эти наркотики. После чего Бейкер связывался с родителями и сообщал им, что в случае выплаты шестизначной суммы все сведения о задержании их чада будут уничтожены. В противном случае подросток отправится в тюрьму. Время от времени они подбрасывали наркотики и самим бизнесменам.

Но вместо того чтобы получать деньги от своих жертв напрямую, они организовывали «потерю» нужной суммы в разного рода неудачных мероприятиях: фиктивных сделках, как в случае с Фрэнком Сарковски, или в столь же фиктивных проигрышах в Лас-Вегасе или Атлантик-Сити, как с Беном Крили. Это давало людям, пострадавшим от группы Бейкера, возможность подыскать достоверное объяснение утраты двухсот или трехсот тысяч долларов. Бейкер был хитер и прятал деньги так, что их практически невозможно было найти, а затем понемногу выдавал определенную часть другим членам группировки, чтобы не вызвать особых подозрений.

И тут Деннис Бейкер совершил грубую ошибку. Его начала одолевать лень. Кроме того, стало все труднее находить объекты для вымогательства, и он решил повторить сценарий с кем-то из прежних жертв.

Некоторые согласились платить и по второму разу. А вот двое из прежних жертв – Сарковски и Крили – оказались довольно крепкими ребятами. В первый раз они пошли на уступки Бейкеру, чтобы отделаться от него, но дважды на его удочку попадаться явно не желали.

Один из них пригрозил обратиться в полицию, а второй – в прессу. В начале ноября Бейкер вместе с полицейским из 118-го отделения захватили Сарковски, отвезли его в промышленную зону Квинса, неподалеку от места, где располагалось предприятие одного из его клиентов. Они застрелили его, инсценировав нападение с целью ограбления. Неделю спустя Бейкер с тем же полицейским проникли в квартиру Крили в пентхаусе, затянули петлю на шее у бизнесмена и повесили его на балконе.

Вслед за этим похитили и уничтожили личные дела, дневники, книжки с деловыми записями обоих – все, что могло бы вывести полицию на Бейкера и его сообщников. Что касается отчетов полиции, то в деле Крили не было ничего особенно опасного, а вот дело Сарковски содержало некоторые материалы и свидетельства, воспользовавшись которыми проницательный следователь мог бы сделать угрожающие для Бейкера выводы. Поэтому один из участников группировки инсценировал исчезновение документов.

Бейкер полагал, что убийства пройдут незамеченными и он сможет продолжать, как и прежде, свой шантаж богачей, но тут появилась молодая женщина-детектив. Амелия Сакс не поверила, что Крили совершил самоубийство, и начала расследование обстоятельств его гибели.

Эту женщину ничто не могло остановить. И у них не было выбора, кроме как устранить ее физически. В случае гибели Амелии, Бейкер был уверен, никому больше не захочется с таким рвением заниматься делами Крили и Сарковски.

Оставалась единственная, но очень существенная проблема. В том случае, если бы Амелия была убита, Линкольн Райм мгновенно бы понял, что ее смерть связана с делом о баре «Сент-Джеймс», и тогда уже ничто не остановило бы его и Селлитто в доведении расследования до конца.

Поэтому Бейкер решил, что Сакс должна погибнуть совершенно при других обстоятельствах, никак не связанных с преступлениями 118-го отделения.

Бейкер обратился за помощью к ребятам из кругов мафии, с которыми был знаком, и вскоре на него вышел Джеральд Дункан, профессиональный киллер, обладавший гениальной способностью манипулировать уликами, наводить полицию на ложный след, фабрикуя выдуманные мотивы и таким образом полностью снимая подозрения со своих заказчиков. «Наличие явного мотива, – объяснял Дункан, – самый

верный способ попасться. Убирая мотив, вы снимаете с себя все подозрения».

Они договорились о цене – да уж, услуги этого гения вылились Бейкеру в круглую сумму, – и Дункан приступил к планированию операции.

Бейкер снабдил его внедорожником, а Дункан тем временем занимался поисками какого-нибудь простофили, через которого он смог бы передавать полиции информацию о Часовщике. Винсент Рейнольдс оказался таким идеальным придурком, доверчиво впитывавшим всю ерунду, которую ему вешал на уши Дункан: о свихнувшемся психопате, мстящем ни в чем не повинным жителям Нью-Йорка за случайную гибель жены.

И вот вчера наконец Дункан начал реализовывать свой план. Часовщик убил первую жертву, выбранную совершенно случайно: какого-то мужика, которого он захватил на Вест-стрит в Гринич-Виллидж и с которым расправился на пирсе, а затем несколько часов спустя и второго такого же в одном из переулков. Бейкер позаботился о том, чтобы к расследованию дела подключили Сакс. Затем последовали еще две попытки убийства. Тот факт, что они были неудачные, ничего, по сути, не менял. В глазах полиции Часовщик оставался крайне опасным маньяком, которого надлежало как можно скорее обезвредить.

Затем Дункан сделал свой следующий ход: он подтолкнул Винсента к нападению на Кэтрин Дэнс, чтобы в полиции поверили, что Часовщик не прочь поквитаться и с ее сотрудниками. Вслед за этим киллер организовал поимку Винсента с тем, чтобы тот выдал Часовщика полиции.

Теперь наступало время для последнего шага – Часовщик убьет полицейского, Амелию Сакс, и ее гибель должна стать делом рук обезумевшего от горя мстительного вдовца и не иметь никакого отношения к расследованию преступлений 118-го отделения.

– Она поняла, что ты за ней шпионил? – спросил Дункан.

Бейкер кивнул:

– Ты был прав. Она хитрая сучка. Но я сделал, как ты сказал.

Дункан предвидел, что Сакс будет с подозрением относиться ко всем тем, кого не знает лично, а с Бейкером она не была знакома до начала расследования дела Часовщика. Он разъяснил Бейкеру, что когда люди начинают вас в чем-то подозревать, вам необходимо подбросить им какую-то другую, совершенно невинную причину вашего поведения. Вы

просто сознаетесь в гораздо менее серьезном преступлении, разыграете полное раскаяние, и это их, как правило, удовлетворяет – вас вычеркивают из списка подозреваемых.

По совету Дункана Бейкер расспросил нескольких полицейских о Сакс. До него дошли слухи, что какое-то время назад у нее была связь с одним попавшим под суд полицейским. Бейкер сфальсифицировал электронное послание от кого-то из управления и затем воспользовался им в качестве оправдания слежки за ней. Поведение лейтенанта, конечно же, не обрадовало Амелию, но чего-то более серьезного она не заподозрила.

– А теперь послушай, как будет развиваться наш план дальше, – начал Дункан, обращаясь к Бейкеру и показывая ему чертеж офисного здания в центре города. – Здесь работает наша последняя жертва. Ее зовут Сара Стэнтон. На третьем этаже у нее что-то вроде кабинета. Я выбрал это место из-за его расположения. Оно просто великолепно. Я не смог оставить там часы, так как полиция уже поставила всех в известность о способе действий убийцы. Я просто вывел на экран ее компьютера окошко с циферблатом.

– Прекрасно придумано.

Дункан улыбнулся:

– Я тоже так думаю.

Киллер говорил тихо, его слова были просты и ясны, но в интонации чувствовались скромное удовлетворение мастера от хорошо сделанной работы, гордость краснодеревщика, демонстрирующего заказчику завершенный образец мебели или… часовщика, создавшего редкостный образец часов.

Дункан разъяснил, что он оделся рабочим, дождался, пока Сара выйдет из кабинета, а затем поставил ей под стол огнетушитель, наполненный воспламеняющимся спиртовым составом. Через несколько минут Бейкер должен был позвонить Райму и Селлитто и сообщить, что у него имеются сведения относительно того, где преступник намерен совершить свое следующее убийство. После чего все направятся в офис.

– Огнетушитель устроен таким образом, что если она прикоснется к нему и подвинет, он зальет ее спиртом, который тут же вспыхнет. А спирт горит очень быстро. В результате она погибнет или получит тяжелые увечья, но офис не пострадает. Полиция, – продолжал он, – может даже вовремя обезвредить устройство и спасти женщину. Это никак не повлияет на успех нашего замысла.

Единственное, чего добивался Дункан, – было завлечь Амелию Сакс в офис и заставить ее заняться осмотром места преступления.

Кабинет Сары располагался в самом конце узкого коридора. Амелия, как обычно, будет осматривать его в полном одиночестве. Когда она повернется, Бейкер, который будет находиться поблизости, застрелит ее и всех остальных, кто окажется рядом. Он воспользуется оружием Дункана и патронами из той самой коробки, которую киллер намеренно оставил во внедорожнике, чтобы ее нашли полицейские. Разделавшись с Амелией, Бейкер разобьет ближайшее окно, находящееся на высоте пятнадцати футов над землей, выбросит пистолет, создав впечатление, что Часовщик выпрыгнул из окна и скрылся. Оружие, связь которого с обоймой, найденной в «эксплорере», ни у кого не вызовет сомнения, послужит неопровержимым доказательством того, что убийство совершил Часовщик.

Сакс будет мертва, и расследование дела о коррупции в 118-м отделении застопорится.

– Пусть другие полицейские подбегут к ее телу первыми, но великолепным завершающим штрихом будет, если ты, растолкав их, бросишься к ней и попытаешься привести ее в сознание, – добавил Дункан.

– Ты все предусмотрел, не так ли? – еще раз спросил Бейкер.

– Что самое поразительное в часах? – произнес Дункан, глядя на часы с лунным ликом. – В них нет ничего, кроме того, что необходимо для выполнения тех функций, которыми их намеревался наделить часовщик. Все на своем месте, нет ничего случайного и ничего лишнего. – И тихим голосом добавил: – Они и есть само совершенство.

Амелия Сакс и Рон Пуласки медленно плелись по холодным улицам Нижнего Манхэттена. Она размышляла о том, что часто главными помехами на пути расследования становятся не преступники, а случайные люди, свидетели, жертвы и даже ваши собственные коллеги по службе в полиции.

И тут Амелия вспомнила, что примерно то же самое ей как-то говорил ее отец, и горечь от мысли о «клубе Шестнадцатой авеню» снова пронзила ей сердце.

Они отслеживали одну из нитей, которую им удалось получить при обыске церкви, – чеки с автомобильной стоянки, расположенной

неподалеку от пирса, где Часовщиком было совершено первое убийство. Служащие стоянки ничем не могли им помочь. «О нет, мадам, такой человек нам не знаком… Я не помню никого похожего на него… Возможно, Ахмед видел… Но он сегодня не работает… Нет, его номера телефона я не знаю…»

И так далее в том же духе.

В полном отчаянии Амелия кивнула в сторону ресторана, расположенного неподалеку от стоянки.

– Возможно, он сюда заходил, – предположила она. – Давай попробуем.

В рации послышался голос. Она узнала Селлитто.

– Амелия, слышишь меня? – спросил он.

Она схватила Пуласки за руку и увеличила громкость, чтобы они оба могли слышать.

– Говори.

– Где вы?

– В центре. Со стоянкой у нас полный прокол. Хотели бы просмотреть пару ресторанов здесь поблизости.

– Забудьте. Следуйте на Тридцать вторую улицу. И побыстрее. Деннис Бейкер отыскал там кое-что существенное. Создается впечатление, что следующая жертва находится там, в офисном здании.

– Кто она такая?

– Пока мы точно не знаем. Нам, вероятно, придется обыскать все здание целиком. На пути туда подразделение, занимающееся ликвидацией поджогов, и антитеррористическая группа. Там находится та, которую он собирался сжечь. Я надеюсь, что мы прибудем вовремя. В любом случае поторопись.

– Будем там через пятнадцать минут.

Пожарные направили в двадцатисемиэтажное здание в центре города две дюжины своих сотрудников. Для проведения поэтажного осмотра Боб Хауманн собрал пять своих групп расширенного состава, по шесть полицейских в каждой вместо обычных четырех.

Сакс добиралась туда около получаса из-за предпраздничных пробок. Задержка не слишком большая, но для нее лишние пятнадцать минут уже много значили. Она не хотела опаздывать к прибытию в здание групп, которым предстоял его штурм. Хотя формально Амелия была детективом-экспертом по месту преступления, она всегда мечтала принимать участие в тактических операциях, быть с теми, кто первым входит туда, где затаился преступник.

Если они найдут там Часовщика, это будет ее последний шанс поучаствовать в штурме перед тем, как она уйдет из полиции. Амелия пыталась убедить себя, что и в ее новой работе в качестве специалиста по охране в агентстве «Арджайл» будет много интересного, однако понимала, что наиболее яркие тактические операции выпадают все-таки на долю полиции.

Сакс и Пуласки бежали от своего автомобиля к командному посту у заднего выхода из офисного здания.

– Кто-нибудь его видел? – спросила она Хауманна.

Хауманн покачал взъерошенной головой:

– Пока нет. Камера видеонаблюдения в коридоре засняла кого-то очень похожего на его фоторобот, с сумкой в руках. Нам неизвестно, покинул он здание или все еще находится там. В нем есть два задних и два боковых выхода, на которых ни сигнализации, ни видеокамер.

– Вы проводите эвакуацию? – спросил мужской голос.

Амелия повернулась. У нее за спиной стоял детектив Деннис Бейкер.

– Только начали, – ответил Хауманн.

– Как вам удалось его найти? – спросила Амелия.

– Тот склад, выкрашенный в зеленый цвет, он использовал в качестве тренировочной базы, – ответил Бейкер. – Я нашел там его заметки и карту этого здания.

Амелия все еще сердилась на лейтенанта за его слежку за ней, но хорошая работа в любом случае заслуживает похвалы, поэтому она кивнула со словами:

– Неплохо, совсем неплохо.

– Ничего особенного, – отозвался он с улыбкой. – Немного внимательности, вот и все. Ну и, конечно, удачи.

И Бейкер, натягивая перчатки, поднял глаза на безликое офисное здание.

Глава 30

17.01

Сидя в своем кабинете, Сара Стэнтон услышала какой-то шум над головой в системе оповещения сотрудников.

Среди ее коллег в компании ходила шутка, что руководство поставило на динамики – специальные фильтры, чтобы сделать передаваемые сообщения совершенно непонятными. Сара повернулась к компьютеру, обратившись к кому-то из коллег:

– Что они там говорят? Ничего не понимаю.

– Какое-то сообщение, – отозвался он.

А…

– Никак им неймется. Уже тошнит от их выдумок. Небось опять какие-нибудь противопожарные учения.

– Не знаю.

Мгновение спустя раздался звук сирены.

Ну вот, она была права…

После 11 сентября учебную тревогу проводили практически ежемесячно. Первые два раза Сара послушно присоединялась к другим сотрудникам и вместе с ними выходила на улицу. Но сегодня температура воздуха приближалась к двадцати градусам, и у Сары была масса работы. Кроме того, если в здании действительно начался пожар и все выходы заблокированы, гораздо удобнее просто выпрыгнуть из окна. Ее офис располагался на третьем этаже.

Поэтому, не обращая внимания на сирену, она вернулась к компьютеру.

И тут Сара услышала голоса из коридора, приближавшиеся к ее кабинету. В них чувствовалась реальная обеспокоенность. Помимо голосов, до нее донесся звон металла. «Пожарная техника?» – подумала она.

Возможно, что-то действительно случилось.

За спиной послышались тяжелые шаги. Они приближались. Сара обернулась и увидела полицейских в форме темного цвета с оружием в руках. Полиция? Господи, неужели снова нападение террористов?! И ей сразу же захотелось немедленно отправиться в школу за сыном и забрать его оттуда.

– Мы эвакуируем здание, – сообщил полицейский.

– Снова террористы? – спросил кто-то.

– Нет, – ответил полисмен, но не стал ничего больше объяснять. – Все должны без паники, организованно покинуть здание. Возьмите только верхнюю одежду. Все остальное оставьте здесь.

Сара немного успокоилась. Тревожиться за сына нет особых причин.

Другой полицейский громким голосом произнес:

– Мы ищем огнетушители. В вашем помещении они есть? Ни в коем случае не прикасайтесь к ним. Просто сообщите нам. Я повторяю, ни в коем случае не прикасайтесь к ним!

Значит, действительно где-то пожар, подумала Сара, натягивая пальто. А вовсе не террористы.

Затем она задалась вполне логичным вопросом: почему пожарные пользуются не своими огнетушителями, а огнетушителями их компании? У них что, нет своих? И почему они так боятся, что мы можем ими воспользоваться? Вроде бы они не требуют особой подготовки.

«Я повторяю, ни в коем случае не прикасайтесь к ним!»

Полицейский заглянул к ним.

– О, офицер? Вам нужен огнетушитель? – спросила она. – У меня один из них как раз под ногами.

И она приподняла тяжелый красный цилиндр с пола.

– Нет! – крикнул он и бросился к ней.

Амелия поморщилась, когда в наушниках послышался громкий мужской голос:

– Группа пожарных, третий этаж, офис в юго-восточном углу здания. Срочно! Быстрее, быстрее, быстрее!

Десяток пожарных и полицейских из антитеррористического подразделения, поспешно забрав свою технику, ринулись по направлению к заднему выходу.

– Состояние? – рявкнул в микрофон Хауманн.

Услышали они только тревожные голоса и нечленораздельные восклицания поверх завывания сирены.

– Возгорание имело место? – настойчиво повторял в микрофон Хауманн.

– Дыма не видно, – ответил Пуласки.

Бейкер бросил взгляд на третий этаж и покачал головой.

– Если это спирт, – заметил один из руководителей пожарных, – дыма не будет до тех пор, пока не вспыхнут вторичные материалы. – И невозмутимо добавил: – Или ее волосы и кожа.

Амелия продолжала вглядываться в окна, сжав кулаки. Неужели женщина уже умирает в страшных мучениях? И полицейские стоят рядом, не в силах помочь ей?

– Пошли, – прошептал Бейкер.

И тут в рации послышался голос:

– Устройство в наших руках… Мы нашли его… Да, оно у нас. И оно не воспламенилось.

Амелия закрыла глаза.

– Слава Богу! – тихо произнес Бейкер.

Люди узким ручейком покидали здание под пристальным наблюдением сотрудников Хауманна и патрульных полицейских. Они искали Дункана, сравнивая лица выходящих мужчин с фотороботом убийцы.

Полицейский подвел какую-то женщину к Сакс, Бейкеру и Пуласки. В ту же минуту к ним присоединился и Селлитто.

Очередная потенциальная жертва Часовщика Сара Стэнтон рассказывала, как нашла огнетушитель под своим столом. До ее ухода на

обед его там не было. Она не видела, кто его там оставил. Кто-то из сотрудников сообщил, что заметил рабочего в форменной одежде неподалеку от ее стола, но не мог вспомнить никаких других подробностей, фоторобот не узнал и понятия не имел, куда ушел названный рабочий.

– Состояние устройства? – спросил Хауманн.

Ему ответили по рации:

– Часового механизма не видно, но манометр наверху явно фиктивный. Скорее всего он и есть детонатор. Сильный запах спирта. Ребята из антитеррористического подразделения положили устройство в специальный футляр. Они отвезут его на экспертизу. А мы продолжаем поиски преступника.

– Обнаружены ли какие-либо признаки его пребывания в здании? – спросил Бейкер.

– Никаких. Здесь есть две пожарных лестницы и лифты. Он мог выбраться любым из названных способов. Кроме того, на этаже размещаются еще четыре или пять других компаний. Он мог пройти в офис любой из них. Мы начнем там обыск через несколько минут, как только полностью закончим с устройством.

Через пять минут представитель антитеррористического подразделения сообщил, что других подобных устройств в здании нет.

Амелия допросила Сару, затем по рации связалась с Раймом и сообщила ему о состоянии дел. Женщина не знала ни одну из других жертв Часовщика и никогда не слышала имени Джеральда Дункана. Ее очень расстроил рассказ о гибели жены Дункана рядом с ее домом, хотя она и не помнила, чтобы неподалеку от нее происходили какие-то несчастные случаи.

Спустя некоторое время Хауманн поставил их в известность о том, что его подчиненные закончили осмотр здания. Часовщик вновь ускользнул.

– Черт! – пробормотал Деннис Бейкер. – А мы ведь были так близко.

– Ну что ж, – разочарованно произнес Райм, – проведите тщательный осмотр места преступления и сразу же сообщите мне о результатах.

Хауманн направил две группы на склад, который Дункан использовал в качестве базы, на тот случай, если убийца вдруг вернется туда.

Они ушли. Амелия надела на себя белый «Тайвек» и схватила металлический чемоданчик с основным инструментарием эксперта.

– Я помогу, – предложил Пуласки и натянул второй белый комбинезон.

Она протянула ему свой чемоданчик, а сама взяла другой.

На третьем этаже она остановилась и внимательно осмотрела коридор. Сфотографировав его, Амелия вошла в помещение компании и проследовала к месту работы Сары Стентон.

Здесь они вместе с Пуласки поставили чемоданчики и извлекли из них основной инструментарий по сбору вещественных доказательств: пакеты, пробирки, щеточки, клейкие ленты и электростатические листы для снятия образца следов, химикаты для проявления скрытых отпечатков.

– Чем мне заняться? – спросил Пуласки. – Осмотром лестницы?

Амелия задумалась. Конечно, со временем лестницы тоже придется осматривать, но лучше заняться этим самой. Они, по ее мнению, были самым логичным путем проникновения преступника в здание и ухода из него, и Амелии хотелось быть уверенной в том, что там ничто не ускользнуло от внимания экспертов. Она оглядела расположение места работы Сары и заметила пустое пространство рядом со столом. Вполне вероятно, что именно там Часовщик и дожидался того момента, когда сможет без особого риска для себя подложить огнетушитель.

– Осмотри-ка вон ту часть, – попросила Амелия Рона.

– Хорошо, – отозвался тот, вошел в пустовавший рабочий сектор, вытащил фонарик и занялся осмотром. Амелия заметила, что парень принюхивается – еще одно правило, на выполнении которого всеми экспертами настаивал Линкольн Райм. Да, мальчишка далеко пойдет, подумала она.

Амелия вошла в небольшую огороженную рабочую зону, где был обнаружен огнетушитель. И тут услышала какой-то шум и оглянулась. А, всего лишь Деннис Бейкер. Он прошел по коридору и остановился на расстоянии примерно двадцати футов от нее с Пуласки, чтобы избежать риска загрязнения места преступления.

Амелия не знала, зачем он пришел, но, так как у них не было полной уверенности относительно местонахождения Часовщика, присутствие Бейкера ее немного успокаивало.

«Внимательно все осматривай, но не забудь прикрыть задницу…»

Проблема заключалась в следующем.

Детектив Деннис Бейкер вместе с полицейским из 118-го отделения убил Бенджамина Крили и Фрэнка Сарковски. Было тяжело, тем не менее они совершили преступления без особых колебаний. И он готов был убить любого другого гражданского, который осмелится помешать их стройной (как ему казалось) системе вымогательства. А какие могут быть вопросы? Пять миллионов наличными покроют любой смертный грех.

Только вот Бейкеру до сих пор не приходилось убивать сослуживца.

В сильнейшем волнении, нахмурившись, он наблюдал за Амелией Сакс и Пуласки, который тоже был для него очень легкой мишенью.

Большая разница...

Убийство сослуживцев сродни убийству собственных братьев.

Но истина состояла в том, что Амелия и Пуласки могли погубить его самого. Поэтому какие тут могут быть колебания?

Он внимательно осматривал помещение. Что ж, ничего не попишешь, Дункан спланировал операцию превосходно. Рядом с Бейкером находилось окно. Он выглянул на улицу. Переулок внизу на расстоянии пятнадцати футов был пуст. Рядом с лейтенантом стоял серый металлический стул, о котором ему говорил киллер, тот самый, с помощью которого он должен выбить окно после убийства полицейских. Там располагалась большая вентиляционная камера, решетку с которой он должен будет сорвать сразу же после выстрелов, чтобы создать впечатление, будто Часовщик прятался внутри камеры.

Глубокий вдох.

Ладно, пора. Нужно действовать быстро, пока кто-нибудь еще сюда не зашел. Амелия Сакс отослала всех остальных полицейских в коридор, но кто-то из них мог в любую минуту вернуться.

Бейкер вынул пистолет Часовщика и тихо отвел затвор, чтобы убедиться в наличии патрона. Держа пистолет за спиной, сделал несколько шагов по направлению к ним. Он смотрел на Амелию, двигавшуюся по месту преступления подобно танцовщице. Точно, плавно, без лишних движений, с предельной сосредоточенностью. За ней было приятно наблюдать.

Бейкер не без труда заставил себя вернуться к суровой реальности.

Кого же из них первым? – подумал он.

Пуласки находился на расстоянии десяти футов от него, Амелия – в двадцати. Оба стояли спиной.

Логически рассуждая, Пуласки должен быть первым, так как он ближе. Но Бейкер знал от Линкольна Райма о том, какой великолепный стрелок Амелия. Она способна в течение нескольких секунд отреагировать на чужой выстрел и ответить собственным. А парнишке скорее всего никогда по-настоящему не приходилось еще пользоваться оружием. Он может схватиться за пистолет сразу, как услышит выстрел Бейкера, но не успеет вытащить оружие, так как будет уже мертв.

Несколько глубоких вдохов.

Амелия Сакс невольно помогала ему в его намерении. Она, всего несколько минут назад сидевшая на корточках, теперь поднялась и выпрямилась во весь рост. Ее спина представляла собой превосходную мишень. Бейкер поднял пистолет, направил его в верхнюю часть позвоночника Амелии и нажал на спуск.

Глава 31

17.58

До большинства в это мгновение донесся бы лишь металлический щелчок, растворившийся в десятке других звуков офисного здания в большом городе.

Амелия же четко услышала, как боек автоматического оружия, приведенный в движение пружиной, ударился о капсюль бракованного патрона – другими словами, произошла осечка. Она сотни раз слышала подобный звук и из своего собственного пистолета, и из пистолетов товарищей.

За щелчком последовало то, что следовало всегда: стрелявший отвел затвор, чтобы выбросить бракованный патрон и дослать новый. Во многих случаях – таких, как этот, – замена проводилась с особой поспешностью. Стрелявшему было необходимо за одно мгновение передернуть затвор. Для него данная процедура была вопросом жизни и смерти.

Все перечисленное пронеслось в голове Амелии за долю секунды. Амелия выронила клейкий валик, с помощью которого собирала вещественные доказательства. Ее правая рука опустилась к бедру – она всегда точно знала, где находится кобура, – мгновение спустя она

развернулась туда, откуда до нее донесся звук неудачного выстрела, и заняла боевую позицию, сжимая в руке «глок».

Периферийным зрением справа от себя она увидела Рона Пуласки, стоящего за стеклянной перегородкой и удивленно и с тревогой глядящего на ее оружие, не понимая, что Амелия собирается делать.

На расстоянии двадцати футов от нее с расширившимися от ужаса глазами стоял Деннис Бейкер. В руке он держал крошечный пистолет 32-го калибра. Она обратила внимание, что это был «МК-П», тот тип оружия, которым, по мнению Райма, должен был пользоваться Часовщик.

Бейкер заморгал. Мгновение он не мог говорить.

– Я что-то услышал, – затем быстро произнес он. – Я подумал, он вернулся… Часовщик…

– Ты спустил курок.

– Нет, я просто дослал патрон.

Амелия бросила взгляд на пол, где лежал бракованный патрон. Единственная причина, по которой он мог там находиться, заключалась в том, что Бейкер пытался стрелять, а затем выбросил бракованный патрон.

Взяв пистолет в левую руку, Бейкер опустил правую.

– Мы должны быть очень осторожны. Я думаю, он вернулся.

«Глок» Амелии смотрел прямо в грудь Бейкеру.

– Не делай этого, Деннис, – проговорила она, кивнув на его бедро, где находился служебный пистолет, к которому двигалась рука Бейкера. – Я буду стрелять. Я исхожу из того, что у тебя под формой бронежилет. Первая пуля попадет тебе в грудь, вторая и третья пойдут выше. Тебе несладко придется.

– Я… Ты не понимаешь. – Глаза его расширились. В них застыл панический ужас. – Ты должна мне верить.

Кажется, он произнес одну из тех фраз, которая, по словам Кэтрин Дэнс, является свидетельством лжи.

– Что происходит? – спросил Пуласки.

– Оставайся на месте, Рон, – скомандовала Амелия. – Не обращай внимания на то, что он говорит. Достань оружие.

– Пуласки! – крикнул Бейкер. – Она свихнулась. С ней явно что-то не то.

Краем глаза Амелия заметила, что Рон вытащил пистолет и нацелил его на Бейкера.

– Деннис, положи пистолет, который держишь в руке, на стол. Потом левой рукой возьми свое служебное оружие за рукоятку, только большим и указательным пальцами. Положи его тоже на стол, а затем отойди на пять шагов. Ляг на пол лицом вниз. Так. Тебе понятно?

– Ты ничего не понимаешь.

– Я не хочу ничего понимать, – ответила она спокойно, – я хочу, чтобы ты выполнил то, что я тебе говорю.

– Но…

– И я хочу, чтобы ты сделал это немедленно.

– Ты с ума сошла! – быстро заговорил Бейкер. – Затаила на меня злобу с тех самых пор, как я стал следить за тобой из-за твоих шашней с тем парнем. Ты пытаешься меня дискредитировать… Пуласки, она же собирается убить меня. У нее с головой не в порядке. Она и тебя может прикончить.

– Вы были поставлены в известность о требованиях детектива Сакс, – отозвался Пуласки, перейдя на свой неуклюжий официальный жаргон. – Если потребуется, я разоружу вас. Ваше решение, сэр?

Прошло несколько секунд, тянувшихся дольше часов. Никто не сдвинулся с места.

– Черт! – произнес Бейкер, положил пистолеты, куда ему было приказано, и лег на пол. – Но знайте, вы оба в страшном дерьме.

– Надень на него наручники, – произнесла Амелия, обращаясь к Пуласки. Она держала Бейкера на прицеле, пока растерянный помощник заводил руки лейтенанта за спину и надевал на них наручники.

– Обыщи его.

Сакс вынула свою «Моторолу».

– Детектив пять-восемь-восемь-пять вызывает Хауманна.

– Говорите.

– У нас здесь кое-что неожиданное. Мне нужно, чтобы одного человека в наручниках отвели вниз.

– Кто это? – спросил Хауманн. – Преступник?

– Хороший вопрос, – ответила Амелия, засовывая пистолет в кобуру.

Вслед за описанным новым поворотом в деле перед офисным зданием, в котором детектив Деннис Бейкер только что пытался убить Амелию Сакс и Рона Пуласки, появился еще один человек.

Пользуясь сенсорной панелью, Линкольн Райм управлял красным инвалидным креслом модели «Сторм эрроу», которое везло его по тротуару по направлению ко входу в здание. Бейкер сидел на заднем сиденье полицейской машины в наручниках. Он был смертельно бледен. Тупо смотрел прямо перед собой.

Поначалу он заявлял, что Сакс не может ему простить ситуации с Ником Карелли. После чего Райм решил проверить его утверждения у высшего начальства. Он спросил у одного крупного чиновника полицейского ведомства о том, кто направил электронное письмо по поводу связи Амелии с Ником. И выяснилось, что сам Бейкер и завел разговоры о возможных последствиях отношений Амелии с запятнавшим себя полицейским. Никто из высшего начальства никакого электронного письма не посылал. Бейкер написал его сам. Он сам все придумал на тот случай, если Амелия поймает его на слежке.

Воспользовавшись сенсорной панелью, Райм подъехал ближе к зданию, где Селлитто и Хауманн организовали свой командный пост. Он остановился, и Селлитто объяснил ему, что случилось наверху. И добавил:

– Я не понимаю. Просто ничего не понимаю.

Он потирал руки, время от времени поглядывая на безоблачное голубое небо, словно впервые осознав, что они переживают один из самых холодных декабрей за всю историю метеорологических наблюдений. Когда Селлитто занимался расследованием, он, как правило, не замечал ни холода, ни жары.

– Вы что-нибудь у него нашли? – спросил Райм.

– Только пистолет тридцать второго калибра и латексные перчатки, – ответил Пуласки. – Ну и личные вещи.

Мгновение спустя к ним присоединилась Амелия Сакс с коробкой, в которой находилась дюжина пластиковых пакетов с вещественными доказательствами. Она обыскивала машину Бейкера.

– Дело становится интереснее с каждой минутой, Райм. Посмотри вот это. – И она продемонстрировала Райму и Селлитто один за другим все пакеты. В них был кокаин, пятьдесят тысяч наличными, старая одежда, чеки из баров и клубов на Манхэттене, включая и «Сент-Джеймс». Она подняла один из мешочков, который на первый взгляд был пуст. Однако, присмотревшись, можно было разглядеть очень тонкие волокна.

– Обивка? – спросил Райм.

– Да, коричневая.

– Держу пари, такая же, как в «эксплорере».

– И я так думаю.

Еще одна связь с Часовщиком.

Райм кивнул, не сводя глаз с пластикового мешочка, покачивавшегося на ледяном ветру. Он ощутил тот радостный трепет, который наступает, когда кусочки сложного пазла наконец приобретают некоторую упорядоченную осмысленность. Он подъехал к машине, где сидел Бейкер.

– Когда вас приписали к сто восемнадцатому?

Бейкер злобно уставился на криминалиста:

– Иди ты знаешь куда! Думаешь, я вам, придуркам, что-нибудь скажу? Это дерьмо просто кто-то пытается на меня навесить.

– Позвони кадровикам, – обратился Райм к Селлитто. – Я хочу знать его предыдущие назначения.

После короткой телефонной беседы Селлитто поднял глаза на Райма и сказал:

– Ты попал в точку. Он служил в сто восемнадцатом в течение двух лет. В отделе наркотиков и тяжких преступлений. А три года назад его повысили и перевели в управление.

– Каким образом вы познакомились с Дунканом?

Бейкер еще больше вжался в сиденье и продолжал молча смотреть в одну точку перед собой.

– Ну что ж, уже одно то, что наши два дела так точно совпали и даже слились, не может не вызывать некоторого удовлетворения, – сыронизировал Райм.

– Какие дела? – нахмурившись, переспросил Селлитто.

– Дело Амелии о сто восемнадцатом и дело Часовщика. Да, собственно, это одно и то же дело. Две стороны одного лезвия, я бы сказал. – Ему понравилась придуманная им метафора.

«Его дело» и «Другое дело»...

– Хочешь, чтобы я объяснил?

Неужели ему еще что-то нужно объяснять?

Амелия взяла все объяснение на себя.

– Бейкер был главным игроком в игре, которая велась в сто восемнадцатом. Он нанял Часовщика – ну, Дункана, – чтобы избавиться от меня, потому что я слишком близко подошла к его разоблачению.

– И это еще раз доказывает, что не все ладно в датском королевстве.

Теперь наступила очередь Пуласки не понимать.

– В датском королевстве? В том, которое в Европе?

– В том, которое у Шекспира, Рон, – раздраженно ответил криминалист. И когда молодой человек на упоминание о Шекспире удивленно покачал головой, Райм понял, что дальнейшие дискуссии в подобном ключе бесполезны.

И вновь роль переводчика взяла на себя Амелия.

– Он имеет в виду, что в сто восемнадцатом раскручивалась серьезная афера. Они явно занимались чем-то еще кроме того, что выгораживали каких-то бандитов из Балтимора и Бэй-Ридж.

Райм рассеянно смотрел на офисное здание и кивал, забыв о морозе и ледяном ветре. Конечно, еще несколько вопросов оставались без ответа.

Например, Райм не был полностью уверен в том, что Винсент Рейнольдс настоящий сообщник, а не простая подстава.

Затем возникал вопрос, откуда поступали деньги.

– С кем вы связаны в Мэриленде? – спросил Райм. – С кем работаете? С мафией или с кем-то еще?

– Ты что, оглох? – крикнул в ответ Бейкер. – Ни одного гребаного слова не скажу.

– Отвезите его в центр, – приказал Селлитто патрульным, стоявшим рядом с машиной. – Отметьте, что арестован за попытку нападения. Пока... Остальные украшения добавим ему потом. – И глядя, как отъезжает машина с задержанным, Селлитто качал головой. – Господи... – пробормотал он. – И как же нам повезло.

– Повезло? – резким тоном повторил за ним Райм, вспомнив, что он говорил нечто подобное и раньше.

– Да, что Дункан больше никого не убил. Да и Амелия чуть не стала подсадной уткой. Если бы его пистолет не дал осечку... – У него сорвался голос.

Линкольн Райм верил в везение примерно так же, как в призраков и летающие тарелки. Удача...

Внезапно десяток мыслей, подобно пчелам, вылетевшим из разоренного улья, закружили у него в голове. Райм нахмурился.

– Странно... – Он осекся, затем прошептал: – Дункан.

– Что-нибудь случилось, Линк? С тобой все в порядке?

– Райм? – позвала его Амелия.

– Ш-ш-ш.

Воспользовавшись сенсорным устройством, он медленно развернулся, заглянул в близлежащий переулок, затем посмотрел на собранные Амелией пакеты и коробки с вещественными доказательствами. И тихо рассмеялся. После чего потребовал:

– Мне нужен пистолет Бейкера.

– Его служебное оружие? – спросил Пуласки.

– Конечно, нет. Другой. Тот, тридцать второго калибра. Где он? Ну же, быстрее!

Пуласки нашел оружие в пластиковом пакете. И вернулся с ним.

– Разберите его.

– Мне разобрать? – спросил парень.

– Пусть она займется этим. – Райм кивнул на Амелию.

Амелия расстелила кусок пластика на тротуаре, вместо кожаных перчаток надела латексные, и через несколько мгновений разобранный на части пистолет лежал на земле.

– Подними детали одну за другой.

Амелия выполнила его указание. Они встретились взглядами. Она нахмурилась.

Райм кивнул:

– Хорошо. Эй, парень.

– Да, сэр?

– Мне необходимо немедленно поговорить с медицинским экспертом. Найди его.

– Да, конечно. Мне позвонить ему?

Райм громко выдохнул.

– Можешь попробовать послать телеграмму, можешь сбегать постучаться к нему в дверь: тук-тук. Но могу поспорить, что лучший способ – это действительно воспользоваться собственным телефоном и набрать его номер. И запомни: никаких «его нет» я в качестве ответа не приму. Мне он нужен.

Молодой человек схватил свой сотовый и начал набирать цифры.

– Линк, – спросил Селлитто, – к чему ты…

– Мне нужно, чтобы и ты кое-что сделал, Лон.

– Да. И что?

– На противоположной стороне улицы стоит человек и наблюдает за нами. В самом начале переулка.

Селлитто обернулся.

– Видишь его?

Это был худощавый мужчина в солнечных очках, несмотря на сумерки, в шапке, джинсах и кожаной куртке.

– Выглядит очень знакомо.

– Попросите его подойти к нам. Мне бы хотелось задать ему несколько вопросов.

Селлитто рассмеялся:

– Кэтрин Дэнс явно произвела на тебя неизгладимое впечатление, Линк. А я всегда думал, что ты не доверяешь свидетелям.

– О, думаю, в данном случае можно будет сделать исключение.

Пожав плечами, детектив спросил:

– Кто он такой?

– Я, конечно, могу ошибаться, – ответил Райм тоном человека, считающего, что он никогда не ошибается, – но у меня есть ощущение, что перед нами Часовщик собственной персоной.

Глава 32

18.41

Джеральд Дункан сидел на обочине рядом с Амелией и Селлитто. На нем были наручники, с него сняли шапку, солнечные очки, отобрали несколько пар бежевых перчаток, бумажник и окровавленную открывалку.

В отличие от Денниса Бейкера он был очень вежлив и общителен, несмотря на то что двое крепких парней и Амелия Сакс повалили его на землю, обыскали и надели наручники, а Амелия не отличалась особой нежностью по отношению к задержанным, а тем более к преступникам подобного сорта.

В водительских правах, выданных в штате Миссури, стояло имя Джеральда Дункана и адрес в Сент-Луисе.

– О Господи! – воскликнул Селлитто. – Как тебе удалось его заметить?

В проницательности Райма на самом деле не было ничего чудесного. Еще до того, как он увидел человека, стоящего в конце переулка, у Райма появилась уверенность, что Часовщик скорее всего где-то поблизости.

– Я до него дозвонился, – сообщил Пуласки. – До медэксперта.

Райм наклонил голову к телефону, который парень приставил ему к уху, и начал короткую беседу с врачом. Медэксперт сообщил криминалисту кое-что действительно весьма интересное. Райм поблагодарил его и закончил разговор. Затем, ловко маневрируя инвалидным креслом, подъехал к Дункану.

– Вы Линкольн Райм, – произнес арестованный так, словно считал для себя большой честью встречу с известным криминалистом.

– Верно. А вы тот, кого называют Часовщиком.

Дункан ответил многозначительным смехом.

Райм окинул его взглядом с ног до головы. Он казался усталым, однако производил впечатление человека удовлетворенного и даже умиротворенного.

С редко появлявшейся на его устах улыбкой Райм спросил арестованного:

– Итак. Кто же он был на самом деле? Тот убитый в переулке? Мы, конечно, сможем поискать архивные документы на Теодора Адамса, но, думаю, только зря потратим время, не так ли?

Дункан слегка наклонил голову.

– Вы и это тоже поняли?

– Что там такое насчет Адамса? – спросил Селлитто. И тут же понял, что есть более важные вопросы, которые необходимо задать в первую очередь. – Что здесь происходит, Линк?

– Неужели непонятно? Я задаю подозреваемому вопрос о человеке, которого вчера утром мы нашли в переулке с раздавленным горлом. И хочу узнать, кто он такой и каким образом был убит.

– Эта скотина, что сидит тут, убила его, – процедил сквозь зубы Селлитто.

– В том-то и дело, что он его не убивал. Я только что беседовал с медэкспертом. Окончательные данные по вскрытию еще не готовы, но он сообщил мне предварительные выводы. Жертва скончалась около пяти или шести часов утра во вторник, а не в одиннадцать вечера. И умер он мгновенно от серьезных повреждений внутренних органов в результате автомобильной аварии или падения с высоты. Раздавленное горло не имеет к его смерти никакого отношения. Тело полностью промерзло, когда мы нашли его утром, поэтому наш врач не смог определить точное время смерти. – Райм многозначительно приподнял бровь. – Итак, мистер Дункан. Кто и как?

– Просто один бедняга, попавший в аварию в Уэстчестере, – объяснил Дункан. – Звали его Джеймс Пикеринг.

– Продолжайте, – сказал Райм, – и помните, нам не терпится получить ответы на вопросы.

– Я узнал о происшествии с помощью полицейской рации. «Скорая помощь» отвезла тело в морг в районную больницу в Йонкерсе. Оттуда я и украл тело.

Райм повернул голову к Амелии:

– Позвони в больницу.

После короткого телефонного разговора с больницей она сообщила:

– Около пяти часов ночи мужчина тридцати одного года, проезжая по Бронкс-Ривер-парквей, не справился с управлением на обледеневшей части дороги. Смерть наступила мгновенно из-за множественных повреждений внутренних органов. Зовут Джеймс Пикеринг. Тело поступило в больницу, а затем исчезло. Там были склонны думать, что его по ошибке перевезли в другую больницу, но до сих пор нигде его не нашли. Ближайшие родственники на грани шока, как вы понимаете.

– Мне очень жаль, – отозвался Дункан, и в его голосе звучало искреннее раскаяние по поводу случившегося. – У меня просто не было выбора. Все его личные вещи у меня, и я их, конечно же, верну. И сам оплачу все расходы по похоронам.

– А удостоверение личности, бумажник и вещи, которые мы нашли на трупе? – спросила Сакс.

– Обыкновенные подделки, – ответил Дункан. – При более пристальном их изучении все стало бы понятно, но мне необходимо было ввести всех в заблуждение на несколько дней.

– Вы похитили тело, отвезли его в переулок, положили ему на шею железный брус, чтобы создать впечатление, что он умирал медленно и мучительно.

Кивок.

– После чего оставили также часы и записку.

– Совершенно верно.

– А пирс на Двадцать шестой улице? Как насчет того парня, которого вы там убили? – Райм бросил взгляд на Дункана. – Ваша группа крови – АВ положительная?

Дункан рассмеялся:

– Вы меня потрясаете.

– Никакой жертвы на пирсе никогда не было, Лон. Вы нашли там его собственную кровь. – Оглядев арестованного, Райм продолжал: – Вы оставили записку и часы на пирсе и испачкали все вокруг своей собственной кровью. Вымазали ею и куртку, которую потом швырнули в реку. Сами же оставили и следы от ногтей. Но как вам удалось получить так много крови? Вы сами ее у себя откачивали?

– Нет, мне помогли в больнице в Нью-Джерси. Я сказал им, что мне нужен резерв крови на случай операции, которая мне якобы предстояла в будущем.

– Ах вот откуда антикоагулянты. В консервируемую кровь обычно добавляют разжижающий агент, чтобы воспрепятствовать свертыванию.

Дункан кивнул:

– Да, я задавался вопросом, проверите ли вы и это.

– А ноготь? – спросил Райм.

Дункан поднял безымянный палец. Половина ногтя отсутствовала. Он сам его вырвал.

– Да, кстати, – продолжил он, – уверен, что Винсент рассказал вам о молодом человеке, которого я «убил» около церкви. Думаю, вы уже поняли, что я к нему даже не прикасался. Кровь на открывалке и на газетах в мусорном ящике неподалеку – тоже моя.

– Но как вы это организовали? – спросил Райм.

– Ситуация была крайне неловкая. Винсент подумал, что парень увидел его нож. И мне пришлось сделать вид, что я убил мальчишку. В противном случае Винсент мог бы меня заподозрить. Я проследовал за парнем за угол дома, затем нырнул в переулок, разрезал ножом собственную руку и вымазал открывалку собственной кровью. – Он продемонстрировал совсем свежую рану у себя на руке. – Можете провести анализ ДНК.

– Ну уж об анализах можете не беспокоиться. О них мы не забудем. А угон «бьюика»? Вы и там никого не убивали?

И действительно, никаких сообщений об исчезновении студентов в Челси, убитых водителях, а также угоне автомобилей не поступало.

Лону Селлитто ничего не оставалось, как вновь произнести свое неизменное:

– Что, черт возьми, здесь происходит?

– Перед нами вовсе не серийный убийца, – ответил Райм. – И вообще никакой не убийца. Он просто все организовал таким образом, чтобы создать впечатление действий жуткого маньяка.

– И не было никакой жены, погибшей под колесами машины? – спросил Селлитто.

– Я никогда не был женат.

– Как тебе удалось все это установить, Линк? – обратился Селлитто к Райму.

– Парочка вещей, сказанных тобой, заставила меня задуматься, Лон.

– Мной?

– Во-первых, ты назвал его имя.

– Ну и что? Нам оно было известно.

– Да, именно. Потому что Винсент Рейнольдс сообщил его нам. Но мистер Дункан – человек, который постоянно носит перчатки во всех значениях этого слова. Он не тот, кто оставляет следы. Нет, он слишком осторожен, чтобы называть свое настоящее имя такому субъекту, как Винсент. Единственное объяснение упомянутого парадокса – его не очень тревожило, узнаем мы его имя или нет. Потом ты сказал, что нам очень повезло, что ему не удалось расправиться с последними жертвами и убить Амелию. Знаешь, подобные выводы меня страшно раздражают.

Тем не менее пришлось задуматься над твоими словами. Ты был прав. Мы ведь действительно ничего не сделали, чтобы спасти их. К примеру, флористка. Джоанна. Конечно, я предположил, что она является его целью, но она ведь позвонила по девять-один-один после того, как услышала шум в мастерской, шум, который он скорее всего устроил намеренно.

– Совершенно верно, – подтвердил Дункан. – И я оставил моток проволоки на полу, чтобы она поняла, что кто-то проник к ней в мастерскую.

– Да, и то же самое с Люси в Гринич-Виллидж, – вступила в разговор Амелия. – К нам поступил анонимный звонок от какого-то свидетеля о том, что кто-то проник к ней в квартиру. И это снова был никакой не свидетель, а вы сами?

Дункан кивнул.

– Я сказал Винсенту, что кто-то из соседей позвонил девять-один-один. На самом деле я сам позвонил из телефона-автомата.

Райм кивнул на здание у них за спиной:

– Да и здесь, по всей видимости, огнетушитель был обыкновенной подделкой.

– Совершенно безопасной. Сверху я действительно облил его небольшим количеством спирта. Но внутри там обыкновенная вода.

Селлитто набрал номер Шестого округа и антитеррористического подразделения и через несколько мгновений произнес:

– Обычная водопроводная вода.

– Примерно то же, что и пистолет, который вы дали Бейкеру, – пистолет, которым он должен был воспользоваться, чтобы убить мою Амелию. – Райм кивком указал на разобранное оружие. – Я проверил – боек спилен.

– Кроме того, я заткнул ствол, – добавил Дункан, обращаясь к Сакс. – Можете проверить. Я прекрасно понимал, что он не может воспользоваться своим пистолетом, чтобы убить вас, так как это сразу выведет следствие на него.

– Хорошо! – рявкнул вдруг Селлитто. – Ладно. Кто-нибудь все-таки мне что-то объяснит?

Райм пожал плечами.

– Мне самому ситуация понятна только до того момента, до которого мы сейчас все дошли, Лон. Все остальное должен объяснить мистер Дункан. Я подозреваю, что он давно уже планировал упомянутое объяснение. Поэтому-то он с таким восторгом и наблюдал за разворачивающимся здесь шоу с противоположной стороны улицы.

Дункан кивнул и, обращаясь к Райму, сказал:

– Вы попали в яблочко, детектив Райм.

– К сожалению, больше уже не способен стрелять, – поправил его криминалист.

– Основная цель того, что я совершил, собственно и заключалась в том, что здесь только что произошло. И да, согласен, я получил от всего грандиозное удовольствие. Я был счастлив увидеть, как арестовывают и отправляют в тюрьму этого подонка Денниса Бейкера.

– Продолжайте.

Лицо Дункана сделалось спокойным и невозмутимым.

– Примерно год назад я прибыл сюда по делам. Я являюсь владельцем компании, занимающейся сдачей в аренду промышленного оборудования. Я работал с моим лучшим другом. Он спас мне жизнь, когда мы вместе служили в армии двадцать лет назад. Мы работали целый день над подготовкой документов, а затем отправились в наши отели, чтобы немного привести себя в порядок перед совместным обедом. Но друг так и не пришел на обед. Позднее я узнал, что его застрелили. В полиции мне сообщили, что его убили при попытке ограбления. Я сразу почувствовал, что здесь что-то не то. К примеру, меня насторожило, что грабители дважды выстрелили ему в лоб. Часто ли подобное случается?

– По последним данным, гибель жертв в ходе ограбления от ранения в голову – крайне редкое явление… – начал Пуласки и осекся, заметив холодный взгляд Райма.

– И я вспомнил, что товарищ накануне сообщил мне нечто крайне необычное, – продолжал Дункан. – Он сказал, что вечером посетил клуб в центре города. Когда он вышел оттуда, двое полицейских схватили его, оттащили в сторону и заявили, что видели, как он якобы покупал наркотики. Что было абсолютной ерундой. Он никогда не употреблял наркотики. Я знаю это наверняка. Друг понял, что его шантажируют, и

потребовал встречи с полицейским начальством. Он собирался позвонить кому-нибудь в управлении и пожаловаться. Тут какие-то люди вышли из клуба, и полицейские его отпустили. А на следующий день его застрелили. Слишком много непонятных совпадений. Я несколько раз заходил в тот клуб и задавал вопросы. Потратил пять тысяч баксов, но в конце концов мне удалось найти одного парня, который рассказал мне, что Деннис Бейкер и несколько других полицейских занимаются активным вымогательством по всему городу.

И дальше Дункан изложил присутствующим историю о том, как полицейские подбрасывали наркотики бизнесменам или их детям, а затем снимали с них обвинение за большие взятки.

– Наркотики, пропадавшие из сто восемнадцатого, – заметил Пуласки.

Сакс кивнула:

– Недостаточно, чтобы продавать, но вполне хватит, чтобы подбросить кому-то в качестве «улики».

– Насколько мне известно, базой им служил какой-то бар в Нижнем Манхэттене, – добавил Дункан.

– «Сент-Джеймс»?

– Да-да, именно. Они там встречались после службы.

– Ваш убитый друг… Как его звали? – спросил Райм.

Дункан назвал имя, и Селлитто позвонил в отдел тяжких преступлений. Все в точности сошлось. Упомянутый бизнесмен был убит якобы во время ограбления, и убийцы так и не были найдены.

– Я воспользовался теми связями, которые мне удалось завязать в клубе – конечно, заплатив массу денег, – чтобы меня представили людям, знавшим Бейкера. Я выдал себя за профессионального убийцу и предложил ему свои услуги. Какое-то время от него не было никаких известий. И я уж подумал, что его либо разоблачили и арестовали, либо он раскаялся и стал честным парнем и я больше никогда о нем не услышу. Признаться, это меня сильно расстроило. В конце концов Бейкер все-таки мне позвонил, и мы встретились. Оказалось, он пытался проверить меня и узнать, насколько мне можно доверять. И явно был удовлетворен. В подробности он не стал вдаваться, а сообщил только, что его дело в опасности. Правда, они с одним полицейским уже позаботились о том, чтобы заткнуть рот нескольким слишком разговорчивым субъектам.

– Крили и Сарковски? Он упоминал о них? – спросила Амелия.

– Он, естественно, не называл мне никаких имен, но было совершенно очевидно, что он имеет в виду убийство.

Амелия мрачно покачала головой:

– Я была страшно расстроена из-за того, что полагала, будто полицейских из сто восемнадцатого шантажирует мафия. А теперь я узнаю, что они сами были похлеще любой мафии.

Райм мельком взглянул на нее. Он понимал, что она думает о Нике Карелли. И об отце.

– Потом Бейкер сказал, что возникла еще одна проблема, – продолжал Дункан. – Ему нужно было избавиться еще от одного человека, от женщины-детектива. Они не могли разделаться с ней сами, так как если бы ее убили, все бы поняли, что ее смерть связана с расследованием, которое она проводила, и продолжили бы его с еще большей энергией. И тогда я предложил ему идею: я должен был выступить в роли серийного убийцы. И даже придумал себе псевдоним – Часовщик.

– Вот почему мы не нашли вашего имени в списках профессиональных организаций часовщиков. Никакого Джеральда Дункана они не знали, – прокомментировал его слова Селлитто.

– Верно. Данный персонаж – исключительно мое изобретение… Мне нужен был человек, который смог бы передавать вам информацию, чтобы вы поверили, что на улицах Нью-Йорка действительно орудует какой-то психопат. И вот я нашел Винсента Рейнольдса. После чего мы начали все известные вам «нападения». Первые два я сымитировал, когда Винсента поблизости не было. Все остальные – когда он находился рядом – я намеренно завалил. Мне необходимо было сделать так, чтобы вы нашли коробку с патронами. Эта находка связала бы Часовшика с Бейкером. Я собирался их вам подбросить. Но… – и Дункан весело усмехнулся, – в подобных ухищрениях не возникло необходимости. Вы узнали о внедорожнике и даже почти поймали нас.

– Значит, вот почему вы оставили коробку в машине.

– Да. И книжку тоже.

Райм кое-что вспомнил.

– Кстати, офицера, проводившего осмотр гаража, удивило, что вы оставили машину посередине, а не у входа. Именно потому, что хотели, чтобы мы обязательно обнаружили «эксплорер».

– Абсолютно верно. Все остальные «преступления» должны были в конечном итоге привести к последнему – аресту Бейкера в ходе попытки убить вашу сотрудницу. Что даст вам основания, как я полагал, для обыска его машины, дома и получения необходимых улик, чтобы отправить его под суд.

– А как насчет записки? «Полная Холодная Луна…»

– Сам сочинил, – признался Дункан с улыбкой. – Я более удачливый бизнесмен, чем поэт. Однако текст получился довольно страшноватый и в принципе достиг цели.

– А почему вы выбрали именно этих людей в качестве «жертв»?

– Собственно, я выбирал нелюдей, а местности, откуда можно было бы легко скрыться. А последнюю женщину выбрал потому, что здесь было очень удобно подставить Бейкера так, чтобы он не смог уйти.

– Значит, месть за друга? – задумчиво проговорила Амелия. – Многие другие на вашем месте просто убили бы подонка.

– Я никогда никому не причинял настоящего вреда, – искренне признался Дункан. – Я просто не способен ни на что подобное. Конечно, я тоже могу немного нарушить закон. Что греха таить, некоторые из них я нарушил и в данном случае. Но ведь все обошлось без жертв. Я даже машины не угонял. Бейкер мне их сам доставлял со стоянок с конфискованными автомобилями.

– А та женщина, которая выдавала себя за сестру первой жертвы, кто она такая? – спросила Амелия.

– Одна знакомая. Несколько лет назад я одолжил ей крупную сумму, а возможности вернуть их у нее нет. Вот она и согласилась помочь мне.

– А девочка в машине рядом с ней?

– Ее настоящая дочь.

– Как зовут женщину?

Печальная улыбка.

– Позвольте мне не называть ее имени. Я обещал ей. Так же как и имени того парня из клуба, который свел меня с Бейкером. Таковы условия договора, и я их не нарушу.

– Кто еще, кроме Бейкера, в сто восемнадцатом причастен к афере с вымогательством?

Дункан разочарованно покачал головой:

– Мне очень жаль, в данном случае я ничем не могу вам помочь. Мне бы очень хотелось отправить их вслед за Бейкером. Откровенно признаюсь, я пытался выяснить. Но он все тщательно скрывал. Тем не менее я уверен, что, помимо него, к этому делу причастны еще несколько человек. И не только офицеры из округа.

– Кто-то еще?

– Да, и это не рядовые полицейские.

– Кто-то из Мэриленда или владеющие там недвижимостью? – спросила Амелия.

– Бейкер никогда о таких вещах не говорил. Он мне доверял, но не бесконечно. Вряд ли он боялся, что я его сдам. Скорее, подозревал, что во мне может разгореться алчность и я перейду ему дорогу. Создается впечатление, что доходы у них немалые.

Автомобиль темного цвета затормозил у ограждения, и из него выпрыгнул стройный, слегка лысеющий мужчина в стильном пальто. Он подошел к Райму и остальным. Это был старший помощник местного районного прокурора. Райм выступал в качестве свидетеля на нескольких процессах, на которых он был обвинителем. Криминалист поприветствовал его кивком, а Селлитто вкратце изложил ему последние события.

Прокурор внимательно слушал историю удивительного поворота, который приняли события. Большая часть преступников, с которыми ему приходилось иметь дело, принадлежали к тупой разновидности «Тони Сопрано» или даже были просто кретинами или бродягами. Ему было интересно впервые за все годы работы встретиться с талантливым человеком, чьи преступления были совсем не так серьезны, как могли показаться на первый взгляд. Гораздо больше проблемы с серийным убийцей прокурора взволновала перспектива разбирательства коррупции в полиции. На подобном можно было сделать блестящую карьеру.

– Дело проходило по ведомству внутренней безопасности полиции? – спросил он Сакс.

– Нет. Я сама им занималась.

– Под чьим наблюдением?

– Флаэрти.

– Инспектора Флаэрти? Руководителя оперативного отдела?

– Да.

Прокурор кивнул и начал задавать вопросы и делать заметки в блокноте четким, красивым почерком. Через несколько минут он сделал паузу, нахмурился.

– Ну что ж, у нас есть нарушения по пунктам «В» и «Е», преступное вторжение… но ничего более серьезного.

Под «более серьезным» он имел в виду проникновение в частное владение с целью совершения ограбления или убийства. Дункана можно было обвинить только в «преступном вторжении».

– Похищение человеческих останков… – продолжал прокурор.

– Скорее, взятие их на время взаймы, – уточнил Дункан. – У меня не было намерения забирать труп навсегда.

– Решать будет Уэстчестер. Но у нас есть также препятствия в отправлении правосудия, вмешательство в действия полиции…

Дункан нахмурился:

– Если исходить из того, что не было никаких убийств, то действия полиции были излишни и вопрос о вмешательстве становится спорным.

Райм ухмыльнулся.

Помощник районного прокурора, однако, не обратил внимания на комментарий Дункана.

– Ношение огнестрельного оружия без лицензии…

– В стволе имелась затычка, – возразил Дункан, – поэтому им невозможно было воспользоваться.

– А как насчет угнанных автомобилей? Где вы их раздобыли?

Дункан рассказал о похищении Бейкером машин со стоянки конфискованных автомобилей в Квинсе. Он кивнул на кучу своих личных вещей, в которой были и ключи от машин.

– «Бьюик» припаркован немного дальше. На Тридцать первой улице. Бейкер взял его там же, где и внедорожник.

– Как производилась доставка машин? Кто-то еще был к этому причастен?

– Мы с Бейкером вместе забирали их. Они были припаркованы неподалеку от какого-то ресторана. Бейкер, по его словам, знал кое-кого из тамошних служащих.

– Вам известны их имена?

– Нет.

– А что за ресторан?

– Какая-то греческая закусочная. Не помню названия. Мы ездили туда по четыреста девяносто пятому шоссе. Не помню точно остановку, но по выезде из центрального туннеля мы ехали примерно минут десять и поворачивали налево.

– На севере, – сделал вывод Селлитто. – Надо попросить кого-то проверить. Возможно, Бейкер и конфискованными автомобилями приторговывал.

Прокурор покачал головой:

– Надеюсь, вы понимаете, каковы могут быть последствия содеянного вами. И я имею в виду не только собственно уголовные преступления. Вы должны будете уплатить гражданские штрафы за ложные вызовы средств экстренной помощи, за отвлечение муниципальных служащих от исполнения их обязанностей. Я говорю о десятках, даже, возможно, сотнях тысяч долларов.

Дункан слушал его и кивал:

– Никаких проблем. Я тщательно изучил всю законодательную базу планировавшихся мною действий еще до начала проекта. И пришел к выводу, что ради того, чтобы Бейкер предстал перед судом, я сам готов сесть за решетку. Я бы никогда не пошел на это, если бы был хоть малейший шанс, что пострадает кто-то невиновный.

– И тем не менее вы подвергали людей риску, – пробормотал Селлитто. – На Пуласки было совершено нападение в гараже, когда вы оставили там внедорожник. Его ведь могли убить.

Дункан рассмеялся:

– Нет-нет, я спас его. После того как мы бросили «эксплорер» и выбежали из гаража, я по дороге оттуда заметил бездомного. Мне он сразу не понравился. У него в руке была дубинка или лом. Как только мы с Винсентом разделились, я вернулся в гараж, чтобы убедиться, что он никому не сможет причинить никакого вреда. Когда он направился к вам, – Дункан взглянул на Пуласки, – я нашел в мусоре покрышку и швырнул ею в стену. Вы обернулись и заметили бродягу.

Парень кивнул:

– Да, в самом деле. Я подумал, шум возник оттого, что бедняга оступился. Но как бы то ни было, я был готов к его приближению. И там действительно валялась автомобильная покрышка.

– Что касается Винсента, – продолжал Дункан. – Я делал все, что от меня зависело, чтобы он не приблизился ни к одной женщине. И я, собственно, его и сдал вам. Я позвонил по девять-один-один и сообщил о нем. Могу доказать, если надо.

И он привел подробности того, где и когда был схвачен насильник, что и подтвердило: в полицию звонил действительно Дункан.

У прокурора на лице было написано, что ему нужен тайм-аут. Он взглянул на свои записи, затем на Дункана и потер блестящую залысину. Уши у него уже давно покраснели от холода.

– Мне нужно посоветоваться с главным прокурором. – Он повернулся к двум детективам из полицейского управления, которые тоже прибыли на место событий. Райм их хорошо знал и полностью доверял им. Прокурор кивнул на Дункана и скомандовал: – Отвезите его в управление. Приставьте к нему хорошую охрану. Помните, он выдал преступников из полицейской среды.

Дункану помогли встать.

– А почему вы просто не пришли к нам и не рассказали, что произошло? – спросила Амелия. – Или записали бы на пленку признания Бейкера? Вам бы удалось обойтись без этой невероятно сложной шарады.

Дункан рассмеялся горьким смехом:

– И кому из вас я смог бы довериться? Кому бы отправил запись? Откуда мне знать, кто из вас честный, а кто «работает» вместе с Бейкером?.. Я ведь столкнулся с вполне обычным и распространенным явлением.

– Что вы имеете в виду?

– Преступного полицейского.

Райм заметил, что Амелия никак не отреагировала на его слова. Тем временем двое полицейских отвели их необычного преступника в машину.

Они снова, пусть временно, были одной командой.

«Ты и я, Сакс…»

Дело, которым занимался Линкольн Райм, совпало с делом, которым занималась Амелия Сакс, и, несмотря на то что Часовщик оказался совсем не страшным, оставалась еще масса работы. Коррупционный скандал на 118-м участке теперь, по словам Селлитто, стал «первополосной новостью». («Ну вот, – заметил Райм с сардонической улыбкой, – теперь и ты употребляешь редкие словечки».) Необходимо было установить, кто конкретно из полицейских, служивших на этом участке и связанных с Бейкером, принимал участие в убийстве Бенджамина Крили и Фрэнка Сарковски. Да и дело самого Бейкера тоже надо было собирать. Предстояло найти мэрилендские связи и то, куда уходили деньги, полученные путем вымогательства.

Кэтрин Дэнс предложила свои услуги при допросе Бейкера, но он отказался вообще с кем бы то ни было беседовать, поэтому им пришлось рассчитывать только на обычные криминалистические процедуры и на дальнейшее следствие.

По совету Райма Пуласки сопоставлял данные о звонках Бейкера, просматривал его документацию, пытаясь понять, с кем он проводил больше всего времени в 118-м и в других местах, но так ничего ценного и не нашел. Мэл Купер и Сакс анализировали материалы, обнаруженные в машине Бейкера, в его доме на Лонг-Айленде и в служебном кабинете, а также в домах и квартирах нескольких девиц, с которыми он в последнее время встречался (ни одна из них, как оказалось, ничего не знала обо всех остальных). Амелия обследовала все с типичной для нее тщательностью и принесла Райму целые коробки одежды, инструментов, чековых книжек, документов, фотографий, оружия и следов автомобильных шин.

Проведя больше часа за осмотром всего этого, Купер провозгласил:

– Ага, наконец-то кое-что нашел!

– Что? – спросил Райм.

– Нашел пепел в одежде, которая была в багажнике автомобиля Бейкера.

– Ну и?.. – спросил Селлитто.

– Совершенно идентичен тому пеплу, который был найден в камине в особняке Крили. Это доказывает его связь с упомянутым местом.

Они также установили, что волокна от коврового покрытия были из «эксплорера», и Купер подтвердил тождественность волокон из гаража Бейкера ткани веревки, которая использовалась при «самоубийстве» Бенджамина Крили.

– Нам необходимо установить связь Бейкера также и с убийством Сарковски, – настойчиво произнес Райм. – Отправьте Нэнси Симпсон и Фрэнка Реттига в Квинс, туда, где нашли его тело. Пусть возьмут образцы почвы. Возможно, мы сможем как-то связать и то преступление с Бейкером или по крайней мере с одним из его дружков.

– В почве, которую я обнаружила у Крили перед камином, – заметила Сакс, – содержались химические вещества, возможно, с какого-то предприятия. Может быть, сравнить с местностью, где был убит Сарковски?

– Хорошая мысль.

Селлитто направил группу в Квинс с поручением собрать необходимые образцы.

Сакс с Купером также нашли образцы песка и каких-то растений, которые оказались водорослями. Все это было обнаружено в машине Бейкера. Подобные же образцы отыскали они и у него дома в гараже.

– Песок и водоросли, – прокомментировал Райм. – Возможно, какое-то место отдыха. Вполне вероятно, тот же самый Мэриленд. Может быть, имеет какое-то отношение к самому Бейкеру или к какой-то из его подружек.

Проверка данных по недвижимости обнаружила, что в Мэриленде у Бейкера никакой собственности нет.

Сакс принесла еще несколько досок из спортивного зала Райма и занесла на них новые улики. Она стояла и озадаченно смотрела на доски.

– Связь с Мэрилендом, – произнесла она. – Мы должны отыскать ее. Если они убили по крайней мере двоих, а также собирались убить и меня с Роном, они явно на этом не остановятся. Они понимают, что кольцо

вокруг них сжимается, и пойдут на все, чтобы избавиться от свидетелей. И возможно, в данный момент уничтожают улики.

Амелия замолчала. Она была расстроена.

Тяжело, когда ваш возлюбленный одновременно и ваш деловой партнер. Когда речь шла об Амелии Сакс, Линкольн Райм не мог сдержаться. Тихим, ровным голосом он произнес:

– Ты занимаешься этим делом, Амелия. Ты живешь им. Не я. На что указывают имеющиеся у тебя сведения?

– Не знаю. – Ноготь глубоко вонзился ей в палец. Плотно сжав губы, Амелия покачала головой, не сводя глаз со схемы. – Все как-то одно с другим не вяжется. Недостаточно улик.

– Улик всегда недостаточно, – возразил Райм. – Тем не менее их недостаток не может служить оправданием. Мы здесь для того и находимся, чтобы их искать, Амелия. Мы те, кто, осмотрев несколько грязных кирпичей, должны установить, как выглядел весь замок.

Она покачала головой:

– Я не знаю.

– Я ничем не могу тебе помочь, Амелия… Ты должна до всего дойти собственной головой. Поразмысли о том, какая информация у тебя уже имеется. Кто-то со связями в Мэриленде… Кто-то, следовавший за тобой в «мерседесе»… Морская вода и водоросли… Наличные, очень много наличных денег. Полицейские, замешанные в грязной афере.

– Я не знаю, – упрямо повторяла она.

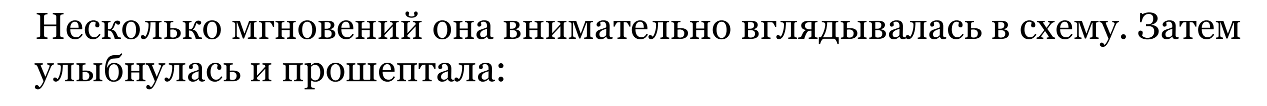
Райм тоже не уступал.

– Это не довод. Ты должна знать.

Она пристально посмотрела на него, прочитывая жестокий смысл, скрытый за его словами: «Если желаешь, можешь уйти завтра, уйти отсюда и забыть о своей профессии; но пока ты детектив со всеми вытекающими отсюда обязанностями».

Амелия нервно царапала кожу ногтями.

– Здесь есть что-то такое, что ускользает от твоего внимания, – пробормотал Райм, вглядываясь в схемы. – Ну посмотри же, что ты там видишь?

Несколько мгновений она внимательно вглядывалась в схему. Затем улыбнулась и прошептала:

– Мэриленд.

СХЕМА № 6

Убийство Бенджамина Крили

Бенджамин Крили

• Бен Крили, 56 лет, предположительно покончил с собой, повесившись. На бельевой веревке. Но у него на момент гибели был сломан палец, и он не смог бы завязать петлю.

• Напечатанная на компьютере предсмертная записка с упоминанием о депрессии. Но депрессия у него явно не была столь сильной, чтобы подтолкнуть его к самоубийству. Никаких психических или эмоциональных проблем в прошлом.

• Около Дня благодарения двое мужчин вломились к нему в дом и, возможно, сожгли улики. Белые, описание лиц отсутствует. Один больше другого. Находились внутри около часа.

• Вещественные доказательства в уэстчестерском доме:

• Взломан замок; аккуратная профессиональная работа.

• Следы кожи на каминных инструментах и на рабочем столе Крили.

• В грязи перед камином более высокое содержание кислот, чем в грязи вокруг дома, имеются вредные вещества. Возможно, с какого-то предприятия?

• Следы сгоревшего кокаина в камине.

• Пепел в камине.

• Финансовые документы, сводная ведомость, упоминания о миллионах долларов.

• Проверка логотипов на документах, отсылка бумаг в криминалистическую лабораторию специалисту по бухгалтерским документам.

• Дневниковые записи: смена масла в машине, стрижка у парикмахера и посещение закусочной «Сент-Джеймс».

• Анализ пепла, полученный из лаборатории в Квинсе.

• Распечатка программного обеспечения, широко используемого в бухгалтерской отчетности различных компаний.

• Заключение эксперта-криминалиста по бухгалтерии: стандартная бухгалтерская ведомость.

• Сожжена либо из-за опасного содержания, либо просто чтобы сбить следствие с пути.

• Бар «Сент-Джеймс».

• Крили приходил туда несколько раз.

• Находясь там, явно не употреблял наркотики.

• Наверняка не известно, с кем он там встречался, но, возможно, с полицейскими из 118-го округа, расположенного неподалеку.

• В последнее свое посещение бара – как раз накануне смерти – подрался с неизвестными.

• Проверена наличность от полицейских в «Сент-Джеймсе». Серийные номера нигде не проходят, но обнаружены следы кокаина и героина. Похищены из участка?

• Отсутствует очень небольшое количество наркотиков. Только 6 или 7 унций марихуаны и 4 – кокаина.

• В 118-м участке подозрительно мало зарегистрированных дел по организованной преступности, но никаких прямых доказательств укрывательства.

• Причастность двух банд в Ист-Виллидж возможна, но маловероятна.

• Беседа с Джорданом Кесслером, партнером Крили, и беседа с супругой Крили.

• Подтверждено отсутствие явных случаев употребления наркотиков.

• Никаких очевидных связей с преступным миром.

• Большее, чем обычно, употребление алкоголя, пристрастие к игре. Поездки в Вегас и Атлантик-Сити. Крупные проигрыши, но для Крили не катастрофические.

• Неясны причины депрессии.

• Составляется список клиентов.

• Создается впечатление, что Кесслер ничего не выиграл от смерти Крили.

• За Сакс и Пуласки следовал «мерседес-АМГ».

Убийство Фрэнка Сарковски

• Сарковски, 57 лет, бизнесмен с Манхэттена, убит 4 ноября этого года. Остались жена и двое детей-подростков.

• Убитый владел зданием и бизнесом на Манхэттене. Бизнес: обслуживание и утилизация мусора для других компаний и учреждений.

• Следствие по делу вел детектив Арт Шнайдер.

• Никаких подозреваемых.

• Убийство при ограблении?

• Застрелен при попытке ограбления. Оружие, найденное на месте преступления, – «смит-вессон» 38-го калибра. Никаких отпечатков. Детектив, занимавшийся расследованием, полагает, что действовал профессионал.

• Неудачная сделка?

• Убит в Квинсе. Неясно, по каким причинам он там находился.

• В безлюдной части района, рядом с емкостями с природным газом.

• Дело, улики, материалы следствия отсутствуют.

• Следственные материалы переданы в 158-е отделение около 28 ноября. Так и не были возвращены обратно.

Никаких указаний на источник запроса и на то, куда конкретно в 158-м отделении они поступили.

• Никаких явных связей с Крили.

• Никакого уголовного прошлого. Никаких конфликтов с законом ни у самого Сарковски, ни у его компании.

• Слухи о том, что полицейским в 118-м отделении поступали какие-то деньги. Намек на какие-то связи с Мэрилендом. Возможность причастности балтиморской мафии?

• Никаких свидетельств причастности мафии.

• Не обнаружено никаких других связей с Мэрилендом.

Место преступления № 5

Место расположения:

• Офисное здание на углу Тридцать второй улицы и Седьмой авеню.

Жертвы:

• Амелия Сакс/Рон Пуласки.

Преступник:

• Деннис Бейкер, нью-йоркское управление полиции.

Обстоятельства преступления:

• Попытка убийства с помощью пистолета.

Имеющиеся свидетельства:

• Пистолет «МК-П» 32-го калибра.

• Латексные перчатки.

• Вещественные доказательства, обнаруженные в машине Бейкера, у него дома и в кабинете:

• Кокаин.

• 50000$ наличными.

• Одежда.

• Чеки из клубов и баров, включая «Сент-Джеймс».

• Волокна от ковровой обивки автомобиля из «эксплорера».

• Волокна, совпадающие с волокнами веревки, на которой был повешен Крили.

• Пепел, обнаруженный у Бейкера, тот же, что и в камине Крили.

• В настоящее время берутся пробы почвы в местности, где был убит Сарковски.

• Песок и водоросли. Связь с прибрежной зоной Мэриленда?

Дополнительно:

• Джеральд Дункан задумал все, чтобы обличить Денниса Бейкера и других, замешанных в убийстве друга Дункана. К преступлению причастны восемь или десять других полицейских из 118-го округа, точно неизвестно какие, а также кто-то не из полиции. С Дункана снято подозрение в убийстве.

Глава 33

20.36

Амелия Сакс вошла в крошечный безлюдный гастроном в Маленькой Италии к югу от Гринич-Виллидж в Манхэттене. Внутри горела одна лампочка без абажура. Дверь в темное служебное помещение была

распахнута настежь, там виднелись большая груда хлама, старые полки и пыльные банки с томатным соусом.

Магазинчик напоминал классическое место сбора небольшой бандитской группы, чем он на самом деле и являлся до того, как год назад после рейда полиции его прикрыли. Временным владельцем его стал город, который пытался как можно скорее сбыть его кому-нибудь, однако пока желающих не находилось. Селлитто предложил магазинчик в качестве удобного места для конфиденциальной встречи.

За расшатанным столом сидели помощник мэра Роберт Уоллес и обаятельный молодой детектив, представлявший отдел внутренней безопасности полиции. Тоби Хенсон (так звали детектива) приветствовал Сакс крепким рукопожатием и взглядом, который, казалось, говорил: «Если вы примете мое предложение, я вам гарантирую самый незабываемый вечер в жизни».

Амелия мрачно кивнула в ответ. Она не была настроена ни на что, кроме той крайне неприятной работы, которая ей предстояла. Она сумела найти решение своего «пазла» из разрозненных фактов, и оно было крайне неприятным.

– Вы сообщили, что сложилась не очень хорошая ситуация, – начал Уоллес. – Но не хотели подробнее говорить о ней по телефону.

Амелия кратко изложила факты касательно Джеральда Дункана и Денниса Бейкера. Уоллесу кое-что уже было известно, а Хенсон, слышавший все впервые, удивленно рассмеялся:

– Этот Дункан обычный штатский? И ему захотелось вывести на чистую воду проходимца из полиции? И ради такой цели он придумал всю хренотень?

– Да.

– Ему известны имена?

– Только Бейкера. В деле явно замешаны еще восемь или десять полицейских из сто восемнадцатого, но главный игрок – кто-то другой, не оттуда.

– Кто-то другой? – переспросил Уоллес.

– Да. – Сакс покачала головой. – Мы искали кого-то с выходом на Мэриленд… И кажется, совсем не в том направлении, в котором нужно.

– Мэриленд? – переспросил молодой детектив.

Амелия мрачно усмехнулась, посмотрев на него:

– Знаете игру в испорченный телефон?

Уоллес кивнул.

– Ту, в которую играют дети? Вы шепчете что-то на ухо своему соседу, и когда посланное сообщение возвращается к вам, оно уже полностью изменилось?

– Именно. Мой источник расслышал «Мэриленд». А я думаю, что речь шла о «Мэрилин».

– Женское имя? – Когда Амелия кивнула, глаза Уоллеса сузились. – Минутку, вы, конечно же, не имеете в виду…

– Инспектора Мэрилин Флаэрти.

– Невероятно! – Детектив покачал головой. – Речи быть не может!

– Мне очень хочется, чтобы это было неправдой. Однако у нас есть доказательства. Мы нашли песок и следы соленой воды в машине Бейкера. А Флаэрти принадлежит дом в Коннектикуте, неподалеку от берега. И за мной часто следил кто-то на «мерседесе-АМГ». Поначалу я думала, что слежку организовали какие-нибудь бандиты из Нью-Джерси или Балтимора. Но как мне удалось выяснить, именно таким автомобилем владеет Флаэрти.

– Служащий полиции владеет «мерседосом-АМГ»? – недоверчиво произнес Хенсон.

– Не забывайте, что Флаэрти – такой служащий полиции, который незаконным путем зарабатывает пару сотен тысяч в год, – ответила Амелия резко. – Кроме того, в «эксплорере», похищенном Бейкером со стоянки конфискованных автомобилей, мы обнаружили черные и седые волосы, примерно совпадающие по длине с волосами инспектора. Да, и вспомните, она ведь очень не хотела, чтобы кто-то из вашего отдела занимался расследованием.

– Да-да, это было очень странно, – согласился Уоллес.

– Потому что она собиралась похоронить расследование. Поручить его кому-нибудь из своих людей, чтобы легко управлять всем. Ну и постепенно все ушло бы в песок.

– Ну и в дерьмо мы угодили! – прошептал хорошенький мальчик из отдела внутренней безопасности.

– Ее задержали? – спросил Уоллес.

Сакс отрицательно покачала головой.

– Дело в том, что мы не можем найти деньги. У нас нет резонного основания для ареста ее банковских счетов и для выдачи ордера на обыск у нее дома. Поэтому я и обратилась к вам.

– И чем я могу вам помочь? – спросил Уоллес.

– Я просила и ее прийти на встречу с нами сюда. Я намерена раскрыть ей кое-что из случившегося. И хочу, чтобы вы сообщили ей, что мы обнаружили, что у Бейкера был сообщник. Мэр создал специальную комиссию и пойдет на все, чтобы выявить всех участников преступной группы. Также скажите ей, что в работу включился и весь отдел внутренней безопасности полиции.

– Вы полагаете, она запаникует, бросится прятать деньги, и тут-то вы ее и поймаете?

– Именно на это мы и рассчитываем. Мой ассистент организует слежку за ее машиной, пока она сегодня будет находиться здесь. И после того как она уйдет отсюда, мы сядем к ней на хвост… Итак, вы не против того, чтобы солгать ей?

– Я против. – Уоллес опустил глаза на исцарапанную непристойными надписями поверхность стола. – Но вынужден солгать.

Хенсон явно потерял всякий интерес к романтическим перспективам отношений с Амелией. Он вздохнул и озвучил то, с чем Сакс не могла не согласиться:

– Тяжеловато нам придется.

«Ну и чему мы научились?»

Рон Пуласки, привыкший думать всегда во множественном числе, так как был одним из пары близнецов, задал себе этот вопрос.

Вопрос означал: «Чему я научился, работая над делом Часовщика с Раймом и Сакс?»

Главной целью Рона было стать идеальным полицейским, и он много времени тратил на продумывание и оценку того, что сделал правильно, а в чем ошибся. И теперь, двигаясь по улице по направлению к старому

гастроному, где Сакс встречалась с Уоллесом, он пришел к выводу, что заметных оплошностей в этом деле он, кажется, не допустил. Конечно, он мог бы лучше обследовать место, где был брошен «эксплорер». И теперь он всегда будет носить оружие поверх «Тайвека» и пользоваться опасными приемами захвата только в случае крайней необходимости.

Но в целом он очень хорошо справился со своими обязанностями.

И все-таки что-то не удовлетворяло Рона. Ему казалось, что подобное ощущение возникло у него из-за того, что он работал на Амелию. Она устанавливала очень высокую планку. Ведь она настоящий трудоголик. Ей постоянно нужно что-то перепроверить, отыскать еще одну улику, еще часок провести на месте преступления.

С ней можно с ума сойти.

Зато можно стать настоящим полицейским.

Теперь, с ее уходом, на него ляжет особая ответственность. До Пуласки, конечно же, тоже дошел этот слух, и ему он очень не понравился. Но он сделает все, что в его силах. Однако Рон должен был признать, что такой энергии, как у нее, у него не было и никогда не будет. И такой влюбленности в работу. Вот даже сейчас, спеша по морозной улице, он думал о семье. Больше всего ему хотелось оказаться дома. Поговорить с Дженни о том, как прошел ее день – не его, ни в коем случае, а только ее, – а потом поиграть с детьми. Такое счастье смотреть в глазу сыну! Их выражение так часто менялось, стоило мальчугану заметить что-то интересное, познакомиться с чем-то новым или просто рассмеяться. Они с Дженни сидели на полу, Брэд ползал между ними, хватаясь за большой палец Рона своими крошечными пальчиками.

А их новорожденная дочка? Кругленькая и розовенькая, она лежала в колыбели, радостная и довольная.

Впрочем, семейным радостям придется подождать. Предстояла долгая напряженная ночь.

Рон посмотрел на номера домов. Он находился на расстоянии двух кварталов от той витрины, у которой должен был встретиться с Амелией Сакс, и продолжал думать: «Чему же еще я научился?»

Одной важной вещи: лучше держаться подальше от узких переулков.

Год назад его чуть было не убили из-за того, что он шел слишком близко к стене здания. За углом скрывался преступник. Он внезапно наскочил на Рона и саданул его дубинкой по голове.

Исключительно из-за его рассеянности и глупости.

Амелия тогда сказала ему:

– Да, ты не знал, но теперь-то ты знаешь.

Этот урок он усвоил наверняка. Приближаясь к очередному переулку, Пуласки резко свернул налево и пошел вдоль тротуара на случай, если какой-нибудь подонок, грабитель или наркоман прячется в переулке.

Он обернулся, взглянул в его темный колодец, выложенный булыжником. И все-таки не такой уж он и дурак. Чтобы стать настоящим полицейским, нужно постоянно учиться на собственных ошибках, набираясь…

Чья-то рука схватила его сзади.

– Боже! – пробормотал он, когда его втаскивали в открытую дверь фургона, припаркованного у тротуара. Рон не обратил на машину никакого внимания, так как смотрел в глубь темного переулка.

Он выдохнул и стал звать на помощь.

Нападавший – помощник инспектора Хальстон Джеффрис с глазами холодными, словно луна у них над головой, – зажал ему рот рукой. Кто-то другой вырвал у Пуласки из рук пистолет, и через две секунды Рон исчез внутри фургона.

Дверь захлопнулась за ним.

Передняя дверь магазина отворилась, Мэрилин Флаэрти вошла внутрь, закрыла за собой дверь и заперла ее.

С мрачным выражением лица она обвела взглядом помещение, кивнула коллегам по полиции и Уоллесу. Амелия заметила, что она выглядит еще более напряженной, чем обычно.

Помощник мэра, проявлявший завидную невозмутимость, представил ей детектива из отдела внутренней безопасности. Она пожала ему руку и села за видавший виды стол рядом с Сакс.

– Высший уровень секретности, как я вижу?

– Мы разворошили осиное гнездо, – ответила Амелия. Излагая подробности, она внимательно наблюдала за реакцией инспектора. Лицо

Флаэрти сохраняло каменное выражение, оставаясь абсолютно непроницаемым. Амелия подумала: «А что Кэтрин Дэнс смогла бы прочитать по этой напряженной позе, плотно сжатым губам, пронзительному взгляду холодных глаз?» Инспектор была практически неподвижна.

Амелия сообщила ей о наличии у Бейкера сообщника. Затем добавила:

– Я знаю, что вы возражали против вмешательства отдела внутренней безопасности, но при всем уважении к вам, инспектор, я решила, что мы все-таки должны привлечь его сотрудников.

– Я…

– Извините, инспектор. – Амелия повернулась к Уоллесу.

Помощник мэра ничего не сказал. Он просто покачал головой, вздохнул и кивнул на представителя отдела внутренней безопасности. Молодой офицер извлек оружие.

Амелия заморгала.

– Что… эй, что вы делаете?

Он направил пистолет в пространство между ней и Флаэрти.

– Черт, какая херня! – произнес Уоллес почти с сожалением в голосе. – Настоящее дерьмо! Вы обе, положите руки на стол!

Помощник мэра окинул их пронзительным взглядом, а Тоби Хенсон передал ему свой пистолет.

Хенсон служил вовсе не в отделе внутренней безопасности. Он был детективом из 118-го и входил в головную группу организации Бейкера. Он же был тем, кто помог Бейкеру убить Сарковски и Крили. И теперь Хенсон натянул кожаные перчатки и извлек «глок» Сакс из кобуры. Он ощупал ее в поисках другого оружия. Ничего. Затем обыскал сумочку инспектора и извлек из нее маленький служебный револьвер.

– Вы правильно все охарактеризовали, детектив, – обратился Уоллес к Сакс, смотревшей на него с ужасом в глазах. – У нас сложилась не очень хорошая ситуация… Ситуация. – Он вытащил сотовый и позвонил еще одному полицейскому – члену их группировки. – Все чисто?

– Да.

Уоллес убрал телефон.

– Вы? Это были вы? – воскликнула Амелия. – Но…

Она резко повернула голову к Флаэрти.

– Что здесь происходит? – спросила инспектор.

Помощник мэра кивнул на инспектора и сказал Сакс:

– Вы ошиблись, дорогая. Она никакого отношения к нашему делу не имеет. Мы с Деннисом были деловыми партнерами на Южном побережье. Мы там выросли. Вместе организовали компанию по переработке отходов. Она прогорела, и он поступил в полицейскую академию, стал копом. Я завел другой бизнес, который пошел в гору. Потом ввязался в городскую политику, а с Деннисом мы постоянно поддерживали отношения. Мне поручили связь с полицией, и я очень быстро нащупал, какие дела здесь проходят, а какие нет. Вот мы с Деннисом и занялись одним из них.

– Роберт! – воскликнула Флаэрти. – Нет, не…

– Брось, Мэрилин… – это единственное, что смог ей ответить седовласый помощник мэра.

– Итак, – сказала Амелия, и плечи ее поникли, – какой у вас план? – Она мрачно рассмеялась. – Инспектор убивает меня, а затем кончает с собой… Вы подбрасываете деньги к ней домой. И…

– И Деннис Бейкер умирает в тюрьме: погибает в стычке с кем-то из сокамерников, падает с лестницы или что-то еще в том же роде. Никаких свидетелей. Дело закрыто.

– И думаете, это пройдет? Кто-нибудь из сто восемнадцатого обязательно рано или поздно расколется. И в конце концов на вас выйдут.

– Простите, детектив, но пожар, как известно, легче всего потушить в самом начале. А на данный момент вы самый опасный случай возгорания, черт вас возьми.

– Послушайте, Роберт, – вмешалась Флаэрти хриплым срывающимся голосом, – вы действительно оказались в сложной ситуации. Однако вы можете выйти из нее более или менее достойным образом. Убийство полицейского – самое тяжелое преступление по законам штата Нью-Йорк. Вы должны понимать, чем вам это грозит.

Уоллес натянул перчатки и кивнул своему молодому сообщнику.

– Еще раз проверьте улицу и скажите, чтобы подготовили машину.

Помощник мэра взял «глок» Сакс.

Хенсон кивнул и направился к двери.

Глаза Уоллеса сделались холодными и непроницаемыми, когда он перевел взгляд на Амелию. Он крепко сжал пистолет в руке.

Амелия взглянула ему прямо в глаза и проговорила:

– Постойте.

Уоллес нахмурился.

Она оглядела его с ног до головы. В данных обстоятельствах спокойствие Амелии производило жутковатое впечатление.

– Группа один, войдите! – произнесла она.

– Что? – Уоллес озадаченно заморгал.

К ужасу помощника мэра, из темного заднего чулана послышался громкий мужской голос:

– Всем стоять и не двигаться! Или я буду стрелять! Что такое?

У Уоллеса перехватило дыхание, когда, оглянувшись, он увидел офицера спецподразделения, переводившего дуло автомата «хеклер-и-кох» с него на Хенсона.

Амелия протянула руку и вытащила что-то из-под стола. Это был еще один «глок». Должно быть, она положила его туда заранее. Сакс повернулась к входной двери и нацелила пистолет на Хенсона.

– Бросить оружие! Лечь на пол!

Офицер спецподразделения снова перевел свой автомат на помощника мэра.

«О Господи! – подумал Уоллес в панике. – Западня! Нас подставили!»

– На пол! – повторила свой приказ Амелия.

– Черт! – процедил сквозь зубы Хенсон и опустился на пол.

Уоллес продолжал сжимать в руке «глок» Сакс. Он пристально смотрел на пистолет.

Не сводя глаз с Хенсона, Амелия обратилась к Уоллесу:

– Тот, что у вас в руках, не заряжен. Все попытки сопротивления бессмысленны.

С отвращением, написанным на лице, тот швырнул оружие на стол и поднял руки.

В полной растерянности инспектор Флаэрти чуть было не упала на пол, поднимаясь со стула. Амелия произнесла в лацкан:

– Группы по штурму здания, войдите.

И в то же мгновение дверь с грохотом отворилась, и в помещение вошли полдюжины офицеров спецподразделений. За ними следовали помощник инспектора Джеффрис и глава отдела внутренней безопасности капитан Рон Скотт. Вошел также и Пуласки.

Офицеры спецподразделений повалили Уоллеса на пол. На Хенсона также надели наручники. Помощник мэра выглянул на улицу и увидел двух других полицейских из 118-го, которым была поручена охрана. Они тоже лежали на обледенелом тротуаре в наручниках.

– Чертовски сложно было дойти до этого, – сказала Амелия, ни к кому конкретно не обращаясь, перезарядила свой «глок» и сунула его в кобуру. – Зато теперь по крайней мере мы знаем ответ.

Она имела в виду не причастность Роберта Уоллеса. Они уже знали, что он был одним из сообщников Бейкера. Вопрос заключался в роли, которую играла Мэрилин Флаэрти.

Они организовали весь спектакль исключительно для того, чтобы это выяснить.

Лон Селлитто, Рон Скотт и Хальстон Джеффрис устроили командный пост в фургоне, припаркованном немного дальше по улице, а в чулане посадили снайпера, чтобы обезопасить Амелию на случай, если Уоллесу и его сообщнику пришло бы в голову начать стрельбу до того, как она успеет закончить запись их беседы. Предполагалось, что Пуласки вместе с одной группой возьмет на себя главный вход, а еще одна группа – запасной выход. Но в последнюю минуту они узнали, что Уоллес привел с собой нескольких полицейских из 118-го, о причастности которых к

преступной группировке Бейкера точно не было известно, поэтому им пришлось на ходу изменить план.

Пуласки чуть было все не испортил, когда практически подошел прямо к полицейским Уоллеса, собравшимся у витрины магазина.

– Те ребята меня обязательно бы заметили, если бы инспектор Джеффрис не затащил меня в фургон, – признался Пуласки.

– Он шел по улице, как бойскаут на прогулке, – прокомментировал Джеффрис. – Если хочешь остаться живым, надо быть постоянно начеку, парень.

По сравнению со вчерашним гневом сегодняшнее раздражение инспектора показалось Сакс незначительным. По крайней мере он слюной не брызгал.

– Да, сэр. В следующий раз я буду более осторожен.

– О Господи! В наши дни принимают в академию всех подряд.

Амелия с трудом подавила улыбку. И, повернувшись к Флаэрти, произнесла:

– Извините, инспектор, нам просто было необходимо удостовериться, что вы не с ними.

Амелия объяснила ей, на чем были основаны ее подозрения, и перечислила те улики, на основании которых они предположили, что инспектор могла сотрудничать с Бейкером.

– «Мерседес»? – переспросила Флаэрти. – Да, конечно, это был мой «мерседес». И конечно, за вами следили по моему поручению. Я поручила одному полицейскому следовать за вами и Пуласки. Вы оба молоды, оба неопытны и могли натворить всякого. Я дала ему собственную машину, так как понимала, что в полицейской машине вы его сразу вычислите.

Дорогая модель автомобиля направила мысли Амелии совсем в другом направлении. Если к делу не причастна мафия, думала она, значит, по-видимому, Пуласки ошибся относительно партнера Крили Джордана Кесслера и тот имел какое-то отношение к гибели своего напарника. Возможно, рассуждала она, Крили и Сарковски оказались вовлечены в одно из нынешних расследований типа «дела Энрона» и были убиты из-за того, что многое знали о злоупотреблениях в каких-то компаниях. Амелия полагала, что Кесслер был единственным игроком в этом деле, кто мог позволить себе «мерседес-АМГ».

Теперь же она поняла, что имела дело с преступной группировкой полицейских и что пепел в камине Крили был не от поддельных бухгалтерских документов, а от простых бумаг со стола Крили, которые убийцы сожгли, чтобы быть уверенными в том, что не осталось никаких следов их вымогательства.

Впрочем, инспектора гораздо больше интересовало другое. Она повернулась к Роберту Уоллесу и спросила Амелию:

– Как вам удалось его вычислить?

– Расскажи, Рон.

– Детектив Сакс, присутствующая здесь, установила… – начал парень, потом осекся, сделал паузу и продолжил: – Детектив Сакс обнаружила в автомобиле Бейкера и у него дома целый ряд улик, заставивший нас предположить… заставивший детективов Сакс и Райма предположить, что к преступной группировке, возможно, причастен еще кто-то, живущий неподалеку от побережья или пристани.

Амелия перебила его:

– У меня не возникло подозрений относительно помощника инспектора Джеффриса, так как он не стал бы запрашивать дело, направленное в его отделение, если бы хотел его уничтожить. Кто-то другой направил его туда и перехватил до момента регистрации. Я еще раз сходила к помощнику инспектора и спросила его, не заходил ли кто-то в последнее время в комнату для хранения дел, тот, кто мог иметь к делу какое-то касательство. И выяснилось, что заходил. И это были вы. – Взгляд в сторону Уоллеса. – И тогда я задала следующий вопрос, который логически вытекал из первого. Есть ли у вас какая-то связь с Мэрилендом? И конечно же, такая связь у вас была. Только недостаточно очевидная.

– О Боже! – пробормотал Уоллес. – Бейкер говорил мне, что вы упоминали Мэриленд. Но я не мог предположить, что вы все поймете.

Рон Скотт, глава отдела внутренней безопасности, сказал, обращаясь к Флаэрти:

– У Уоллеса была яхта на южном побережье Лонг-Айленда. Зарегистрированная в Нью-Йорке, но изготовленная в Мэриленде. Она называлась «Мэриленд Монро».

Скотт окинул Уоллеса взглядом и с холодной усмешкой произнес:

– Вы, господа владельцы яхт, очень любите играть словами.

– Песок, водоросли и следы соленой воды, обнаруженные в автомобиле Бейкера и у него дома, совпадают с характеристиками тамошней пристани. Мы получили ордер и обыскали яхту. Нашли там кое-что очень интересное. Номера телефонов, документы, следы. Более трех миллионов наличными и… большое количество наркотиков. Целое море алкоголя. Возможно, незаконного. Хотя, боюсь, он все-таки не самая главная из ваших проблем.

Рон Скотт кивнул офицерам спецподразделения:

– Отвезите его в центр. В управление.

Когда Уоллеса выводили, он крикнул:

– Я ничего не скажу! Если вы полагаете, что я назову какие-то имена, то я могу вас сразу разочаровать. Я ни в чем не сознаюсь.

Флаэрти впервые за все время их знакомства рассмеялась:

– Ты что, спятил, Роберт? У них достаточно улик, чтобы засадить тебя по гроб жизни. Тебе и не нужно ничего говорить. Собственно, я бы предпочла, чтобы ты больше никогда не открывал свой лживый рот.

Часть III

Четверг

Время – великий учитель, жаль только, что он убивает всех своих учеников.

Гектор Берлиоз

Глава 34

8.32

Райм и Сакс в одиночестве осматривали столы, на которых были сложены вещественные доказательства по делу «Сент-Джеймс» и по делу Часовщика.

Амелия пыталась сконцентрироваться, однако Райм видел: ее что-то отвлекает. Они долго не ложились спать, обсуждая события последних дней. Факт коррупции сам по себе произвел на Амелию гнетущее впечатление, но настоящим шоком для нее стало то, что полицейские собирались хладнокровно расправиться со своими же товарищами.

Амелия утверждала, что не приняла еще окончательного решения относительно того, оставаться ли ей в полиции или нет, но, взглянув ей в глаза, Райм понял, что она хочет уйти. Он также знал, что она пару раз перезванивалась с «Арджайл секьюрити».

Сомнений не было никаких.

Внимание Райма привлек небольшой квадратик белой бумаги, лежавший в открытом портфеле у него в лаборатории – конверт с заявлением Амелии об уходе. Белизна бумаги ослепляла подобно яркому свету полной луны на темном небе. Райму было трудно рассмотреть его и трудно увидеть что-то другое, кроме него.

Усилием воли он заставил себя не обращать внимания на конверт и вновь взглянул нате материальные свидетельства, что лежали перед ним.

Джеральд Дункан ожидал предъявления обвинения по поводу тех правонарушений, которые он совершил. Все они были, в общем, незначительные (анализ ДНК показал, что кровь на открывалке, на куртке, выловленной в гавани, и в лужице на пирсе была кровью самого Дункана, и обломок ногтя полностью совпал с его ногтем).

Дело о коррупции в 118-м продвигалось значительно медленнее.

Улик вполне хватало, чтобы предъявить обвинение Бейкеру, Уоллесу и Хенсону. Почва на месте гибели Сарковски совпала со следами, обнаруженными дома у Бейкера и Хенсона, и образцами, взятыми в уэстчестерском доме Крили. Кроме того, следствие располагало волокнами веревки, свидетельствовавшими о причастности Бейкера к гибели Крили, такие же волокна были найдены и на яхте Уоллеса. У Хенсона имелись кожаные перчатки, текстура которых соответствовала тем перчаткам, в которых орудовали взломщики на уэстчестерской вилле.

Тем не менее эта троица не собиралась признавать свою вину. Они отвергали любые предложения о сотрудничестве. Кроме того, отсутствовали улики, на основании которых можно было бы привлечь кого-то еще, в том числе и двоих полицейских, находившихся у магазина в тот вечер и заявивших о своей полной непричастности. Райм попытался напустить на них Кэтрин Дэнс, но они решительно отказались с кем бы то ни было общаться.

Райм был уверен, что со временем на всех преступников из 118-го найдутся улики и против них также станет возможным возбуждение дела. Но ему не хотелось ждать. Он стремился закончить расследование

как можно скорее. Оставшиеся на свободе полицейские из «Сент-Джеймса», возможно, планируют убийства следующих свидетелей, а может быть, даже собираются добраться и до Амелии с Пуласки. Существовала вероятность того, что они заставляют Бейкера, Хенсона и Уоллеса молчать, угрожая расправиться с членами их семей.

Помимо этого, услуги Райма требовались и в расследовании других дел. Ему уже звонили по поводу еще одного происшествия: агент ФБР Фред Дельрей (на какое-то время вылезший из следственного болота, в котором увяз с преступлениями в финансовой сфере) сообщил, что в Национальном институте стандартов и технологий в Бруклине имел место взлом с поджогом. Причиненный ущерб был незначителен, но преступнику удалось проникнуть сквозь довольно сложную охранную систему. А при том, что у всех на уме были возможные новые террористические акты, любое ограбление в правительственных зданиях привлекало к себе особое внимание. ФБР хотело, чтобы криминалистическую часть расследования взял на себя Райм. Он не отклонил предложение, но заявил, что вначале ему нужно покончить с делом о коррупции в 118-м.

Прибыл посыльный с документами по делу об убийстве друга Дункана, совершенного Бейкером, когда бизнесмен отказался платить. Дело было не закрыто – временные ограничения на расследования дел об убийстве не накладываются, – но в течение целого года ничего нового по нему не обнаружено. Райм рассчитывал найти в нем какие-то улики, которые помогли бы привлечь к ответственности еще кого-то из 118-го.

Райм начал с того, что вошел в архив «Нью-Йорк таймс» и прочел там короткую заметку о гибели Эндрю Калберта. В ней упоминалось только, что погибший был бизнесменом из Дулута и был убит в центре Нью-Йорка в ходе нападения с целью ограбления. Преступники не задержаны. Никакой дополнительной информации по этому делу газета больше не публиковала.

Райм попросил Тома поставить следственные документы на специальный вращающийся пюпитр перед ним и стал читать их страницу за страницей. Как часто бывает в подобных тупиковых случаях, записи в бумагах делались разными людьми и разным почерком, так как расследование переходило от одного детектива к другому. И чем дальше в прошлое уходило преступление, тем все меньше энергии вкладывалось в работу над его раскрытием. В отчете по осмотру места преступления говорилось, что не было обнаружено практически никаких следов – ни следов ног, ни отпечатков пальцев, ни пустых гильз (смерть наступила от двух выстрелов в голову, пули от вездесущего пистолета 38-го калибра; проверка оружия, взятого у Бейкера и других полицейских из 118-го, не выявила никаких баллистических соответствий).

– У тебя есть список вещей, обнаруженных на месте преступления? – спросил он Амелию.

– Да. Давай посмотрим, – ответила она, поднимая лист с описью. – Я прочту.

Райм прикрыл глаза, чтобы лучше представить перечисляемые веши.

– Бумажник, – прочла Сакс, – ключ от гостиничного номера в «Сент-Реджис», ключ от мини-бара, ручка, карманный компьютер, упаковка жевательной резинки, небольшой блок бумаги с надписью «мужская туалетная комната» на верхнем листе. На втором листе слово «шардонне». Вот и все. Главным следователем по делу проходил Джон Репетти из Отдела тяжких преступлений.

Райм отвел глаза в сторону. Он явно о чем-то серьезно задумался. Потом снова взглянул на Амелию:

– Что?

– Я сказала, что делом занимался Репетти. Мне ему позвонить?

Выдержав короткую паузу, Линкольн Райм ответил:

– Не надо. Ты должна будешь сделать кое-что еще.

В него вселился дьявол.

Слушая в наушники не очень качественную хрипловатую запись композиции блюзмена Демона Джефферсона «Присмотри, чтобы мою могилу содержали в чистоте», Кэтрин Дэнс в отчаянии взирала на раздувшийся чемодан, который просто отказывался закрываться.

И купила-то она только две пары туфель, несколько рождественских подарков... ну, хорошо, три пары туфель, но одна пара почти что тапочки. Они не считаются. Ну, свитер. Вся проблема, конечно, в свитере.

Она вытащила его. И снова попыталась закрыть чемодан. Застежки застыли на расстоянии нескольких дюймов друг от друга и дальше не двигались ни в какую.

Нет, определенно этот чемодан одержим дьяволом.

Так не пойдет. Кэтрин нашла пластиковую сумку для белья и переложила туда джинсы, костюм, папильотки, чулки и чертов громоздкий свитер. И вновь вернулась к чемодану.

На сей раз щелчок – и все на месте.

Никакого экзорциста не потребовалось.

Зазвонил гостиничный телефон, и портье сообщил, что к ней гость.

Как раз вовремя, с раздражением подумала она.

– Пусть войдет, – ответила Дэнс, и пять минут спустя Люси Рихтер уже сидела на маленькой кушетке в номере Кэтрин.

– Хотите чего-нибудь выпить?

– Нет, спасибо, я совсем ненадолго.

Кэтрин кивнула на маленький холодильник:

– Мини-бары придумал, несомненно, сам сатана. Ему же принадлежит изобретение шоколадных конфет и чипсов. Они мой самый главный смертный грех. Да, и к тому же сальса за десять долларов.

Люси, которой, судя по всему, никогда в жизни не приходилось считать калории и граммы жира, рассмеялась.

– Я слышала, его поймали, – перевела она разговор на другую тему. – Мне сообщил полицейский, охранявший мою квартиру. Подробностей я не знаю.

Кэтрин объяснила девушке ситуацию с Дунканом, рассказала ей о его невиновности и о коррупционном скандале в нью-йоркской полиции.

Люси удивленно покачала головой, услышав новости, затем оглядела маленькую комнату, сделала несколько замечаний по поводу гравюр на стенах и вида из окна. Главными составляющими пейзажа были копоть, снег и вентиляция.

– Я пришла, просто чтобы поблагодарить.

Нет, вовсе не поэтому, подумала Кэтрин, а вслух произнесла:

– Вам ни к чему меня благодарить. Это наша работа.

Она заметила, что Люси устроилась на кушетке поудобнее, откинувшись на спинку, расслабив плечи, но не опустив их. «Значит, – решила Дэнс, – меня ждет какое-то признание».

Она понимала, что лучше не нарушать молчание и позволить девушке самой дозреть.

– Вы занимаетесь психологическим консультированием? – спросила наконец Люси.

– Нет. Я всего лишь полицейский.

Кэтрин уже привыкла к тому, что многие подозреваемые в ходе допросов или после них начинают делиться с ней воспоминаниями о каких-то своих нравственных промахах, говорят о ненависти к родителям, ревности к братьям и сестрам, обмане супругов, о радостях, горестях и надеждах. Они рассчитывают получить совет и наставление. Но она не психоаналитик. Она полицейский, мать и эксперт по кинезике, и все три упомянутые роли требуют от нее хороших навыков в пренебрегаемом в наше время искусстве слушания.

– С вами так легко разговаривать. Я подумала, возможно, я могу спросить ваше мнение по одному вопросу.

– Ну конечно.

– Вы служили в армии?

– Нет, но муж служил. Продолжайте.

– Я не знаю, что делать, – призналась Люси. – Сегодня мне будут вручать награду, о которой я вам говорила. Но есть одна проблема.

И она рассказала о характере своей работы в армии – обеспечении моторизованных подразделений топливом.

Кэтрин открыла мини-бар и достала две бутылочки перье. Вопросительно приподняла бровь.

Люси кивнула:

– Да, конечно.

Кэтрин открыла бутылки и протянула одну из них девушке. Когда руки чем-то заняты, ум чувствует себя свободнее и правильные слова легче подыскать.

– Ну, в общем, этот капрал, Пит, был в моем экипаже. Резервист из Южной Дакоты. Веселый парень. Очень веселый. Дома был тренером по футболу и работал на строительстве. Он мне вначале очень помог. А однажды, примерно месяц назад, мы с ним должны были составить список поврежденных машин. Некоторые из них нужно было переправить в Порт-Худ для основательного ремонта, некоторые мы могли починить сами, а часть просто не нуждалась в ремонте. Я была в офисе, а он пошел в столовую. Я собиралась забрать его в тринадцать ноль ноль, и мы должны были поехать на место стоянки вышедшего из строя транспорта. Я уже почти вошла в столовую и даже уже видела Пита – он сидел и ждал меня. И в эту минуту взорвалась бомба.

Дэнс кивнула.

– Когда произошел взрыв, я находилась на расстоянии тридцати или сорока футов. Пит махал мне рукой, а затем вспышка – и все мгновенно переменилось. Словно вы моргнули, и площадь, на которой вы стояли, стала совсем другой. – Люси выглянула в окно. – Передняя часть столовой исчезла, пальмы, столы, стулья – все… Несколько солдат и пара гражданских, которые были там… Мгновение назад они беседовали, смеялись, и вот их нет…

Ее голос был до жути спокойным. Дэнс узнала интонацию. Она часто слышала ее, когда беседовала со свидетелями, потерявшими близких в результате преступления. Общаться с родственниками погибших было для нее тяжелее всего, значительно сложнее, чем вести допрос самого аморального убийцы.

– Тело Пита было разорвано на куски. – Голос Люси сорвался. – Он был весь залит кровью и почернел… Я многое повидала на службе. Но это было так чудовищно.

Она сделала глоток воды и сжала бутылку так, как маленькая девочка сжимает куклу.

Кэтрин не стала выражать ей сочувствие, любые слова здесь были бы бессмысленны. Она просто кивнула, предлагая Люси продолжить. Девушка сделала глубокий вдох, сжала руки, переплетя пальцы. В своей практике Дэнс характеризовала подобный жест – кстати, весьма распространенный – как попытку сдержать невыносимое напряжение, возникающее из-за чувства вины, стыда или боли.

– Дело в том, что… Дело в том, что я опоздала. Я была в офисе. Я взглянула на часы. Было почти двенадцать пятьдесят пять. У меня оставалось еще полстакана содовой. Я подумала, что следует ее оставить и пойти – дорога до столовой занимала пять минут, – но мне так

хотелось допить воду до конца. В столовую я опоздала. Если бы я пришла вовремя, Пит бы не погиб. Я бы забрала его, и к тому времени, когда взорвалась бомба, мы были бы уже на расстоянии полумили.

– Вас ранило?

– Немного. – Люси задрала рукав и продемонстрировала большой шрам на предплечье. – Ничего серьезного. – Она несколько мгновений рассматривала шрам, затем выпила еще воды. Глаза ее ничего не выражали. – Даже если бы я опоздала на минуту, он бы все равно был бы в машине. Он бы выжил. Всего каких-нибудь шестьдесят секунд означали разницу между жизнью и смертью… А все из-за того, что мне хотелось допить чертову содовую. – Мрачный смешок сорвался с ее сухих губ. – И затем посмотрите, кто приходит ко мне и пытается меня убить? Тот, кто называет себя Часовщиком. Он оставляет свои дерьмовые часы в моей ванной. Несколько месяцев я думала лишь об одном: как одна минута способна решить судьбу человека и обречь его на смерть. И вот этот придурок бередит мою самую страшную рану.

Дэнс понимала, что перед ней сидит не просто женщина, а солдат, и поэтому, как бы тяжело ни переживала она смерть своего товарища, за ее признаниями скрывалось что-то еще.

И потому Кэтрин спросила:

– Ведь вы что-то еще хотите мне рассказать?

Тихий смешок.

– Да, есть одна проблема. Видите ли, мой отпуск вообще-то планировался на следующий месяц. Но я так переживала по поводу Пита и чувствовала свою вину за случившееся, что призналась своему командиру, что хочу пойти на сверхсрочную.

Кэтрин кивнула.

– Именно с этим и связана церемония. А вовсе не с ранениями. Солдат ранят каждый день. Речь идет о сверхсрочниках. Сейчас в армии очень не хватает новобранцев. И нас, сверхсрочников, хотят использовать в качестве рекламы. В том смысле, что нам так там понравилось, что мы спим и видим, как бы вернуться обратно в армию. Вот так.

– И у вас появились сомнения?

Люси кивнула.

– У меня такое ощущение, что я скоро свихнусь. Я не могу спать, не могу заниматься любовью с мужем, не могу ничего делать… Я чувствую свое одиночество… и я боюсь. Страшно скучаю по семье. Но конечно же, понимаю, что мы делаем там что-то чрезвычайно важное, спасаем многих людей. И я не могу принять решение. Просто не могу.

– А что будет, если вы скажете им, что передумали?

– Не знаю. Мягко говоря, им это очень не понравится. Ну конечно, под трибунал не отдадут. Мне самой надо принять какое-то решение. Я столкнулась с очень сложной проблемой. Я ведь должна разочаровать товарищей. Складывается впечатление, что я пытаюсь увильнуть от сложностей. А я ведь никогда в жизни так не поступала. Мне придется нарушить обещание.

Кэтрин мгновение размышляла, потягивая содовую.

– Я не могу вам ничего советовать. Но хочу, чтобы вы поняли одно: моя работа заключается в том, чтобы находить истину. В основном я имею дело с преступниками. Они-то прекрасно знают правду, но лгут, чтобы спасти свою задницу. А кроме них, я встречаюсь с множеством разных людей, которые лгут сами себе. И часто они даже не сознают этого. Тем не менее лжете ли вы полиции, матери, мужу, друзьям или самой себе, симптомы лжи одинаковы. Вы подавлены, раздражены, озлоблены. Ложь уродует человека. Истина делает его прекрасным… Иногда кажется, что истина нам не нужна, что она мешает. Знаете, сколько раз после того, как я добивалась от подозреваемого признания, я видела на его лице искреннее выражение облегчения. Порой оно производит жутковатое впечатление. И представьте, бывают случаи, когда они даже благодарят вас за то, что вы заставили их сознаться.

– Вы хотите сказать, что мне известна правда?

– Конечно. Вполне. Просто она хорошо спрятана. И возможно, она вам не понравится, когда вы ее обнаружите.

– Но как мне ее найти? Провести допрос самой себя?

Кэтрин рассмеялась:

– Знаете, вы очень верно все определили. Вам следует сделать то, что делаю я: поискать причины озлобления, депрессии, отвержения, недомолвок. Нужно постараться ответить на вопрос: когда я ощущаю нечто подобное и почему? Что стоит за этим чувством? И нужно постоянно быть начеку, чтобы вновь не впасть в самообман. И вы поймете, в чем действительно нуждаетесь.

Люси наклонилась к Кэтрин и обняла ее – редко кто из допрашиваемых ею свидетелей когда-либо решался на подобное. Люси улыбнулась:

– У меня есть хорошая идея для вас. Давайте напишем книжку. «Руководство для девушек по самодопросу». Она обязательно станет бестселлером.

– В свободное время займемся. – Дэнс рассмеялась.

Они звонко чокнулись бутылками с водой.

Пятнадцать минут спустя они уже пили кофе с черничными оладьями, которые заказала Кэтрин, и тут вдруг зачирикал ее мобильный. Она бросила взгляд на номер, покачала головой и рассмеялась.

В доме Райма зазвенел звонок. Мгновение спустя в лаборатории появился Том в сопровождении Кэтрин Дэнс. Волосы у нее были распущены по плечам, а не заплетены в тугую косу, как раньше, а наушники болтались на шее. Она сняла тонкое пальто и, отдавая его Тому, приветствовала Амелию и только что прибывшего Мэла Купера.

Кэтрин нагнулась и почесала Джексона за ухом.

– Ну, как вам нравится наш прощальный подарок? – спросил ее Том.

Кэтрин рассмеялась:

– Он восхитителен, но по количеству животных в доме – как двуногих, так и четвероногих – я уже перекрыла все лимиты.

Ей позвонил Райм и попросил помочь им еще раз.

– Обещаю, это последний раз, – пробормотал он.

– Что случилось? – спросила она.

– В нашем расследовании возникла заминка. И мне нужна ваша помощь.

– Чем я могу быть вам полезна?

– Я вспомнил, что вы рассказывали мне о деле Хэнсона в Калифорнии. Просматривая стенограмму допроса, вы поняли, что у него было на уме.

Она кивнула.

– Я бы хотел, чтобы вы для нас сделали то же самое.

Райм изложил ей историю убийства друга Дункана Эндрю Калберта, которое заставило самого Дункана заняться разоблачением Бейкера и Уоллеса.

– Криминалистическая экспертиза не находит никакой связи полицейских с упомянутым убийством.

Кэтрин снова кивнула.

– Тем не менее мы обнаружили в деле очень странные вещи. У Калберта был карманный компьютер, но не было сотового. Что очень необычно. У любого бизнесмена в наше время есть сотовый… Кроме того, у него был блок бумаги для записей с двумя заметками на ней. Одна из них – «шардонне». Возможно, он хотел напомнить себе о необходимости купить вино. Вторая запись – «мужская туалетная комната». С какой стати нужно что-то подобное записывать? Я размышлял над этим, и мне пришло в голову, что такие вещи записывают, когда у человека какие-то проблемы с речью или со слухом. Заказывая вино в ресторане и спрашивая, где находятся соответствующие помещения. Да и к тому же отсутствие сотового. И я подумал: возможно, он был глухой.

– Поэтому, – продолжила Кэтрин, – друг Дункана был убит, потому что грабитель потерял терпение, когда бизнесмен не понял, что от него требуется, или замешкался, вытаскивая бумажник. Возможно, Дункан просто считал, что Бейкер убил его друга, а на самом деле это было всего лишь совпадение.

– Ситуация на самом деле еще более запутанная, – откликнулась Амелия.

– Я нашел вдову Калберта в Дулуте, – продолжил Райм. – Она сообщила мне, что он был глухонемой от рождения.

– Но, – добавила Амелия, – Дункан говорил нам, что Калберт спас ему жизнь в армии. Если он был глухонемым, никто бы не взял его в армию.

– Я думаю, – подвел итог Райм, – что Дункан просто прочитал в газете о жертве ограбления и назвал его своим другом, чтобы сделать правдоподобнее свой план изобличения Бейкера. – Криминалист пожал плечами. – Вообще-то ничего особенно страшного в этом нет. Мы арестовали Бейкера. Но остаются несколько вопросов. Просмотрите, пожалуйста, запись допроса Часовщика и скажите нам о своих выводах.

– Да, конечно.

Райм кивнул Куперу, и тот ввел какие-то команды в компьютер.

Мгновение спустя на мониторе появилось широкоугольное изображение Джеральда Дункана. Он удобно расположился в комнате для допросов, а голос Лона Селлитто описывал подробности дела. Затем началась собственно дача показаний. Дункан почти слово в слово воспроизвел все то, что уже сообщил Райму, сидя на тротуаре рядом с последним местом преступления «серийного убийцы».

Дэнс внимательно смотрела на экран и медленно кивала. Когда просмотр закончился, Купер нажал кнопку паузы, и лицо Дункана застыло на мониторе. Кэтрин повернулась к Райму:

– Это все?

– Да.

Он заметил, как застыло ее лицо.

– И что вы думаете? – спросил криминалист.

После некоторого колебания Кэтрин произнесла:

– Мне представляется, что дело не только в истории с убийством его друга. У меня такое ощущение, что все, что он здесь говорил, ложь от начала и до конца.

Воцарилось гробовое молчание.

Наконец Райм отвел глаза от картинки с Джеральдом Дунканом на экране и сказал:

– Продолжайте.

– Я определила его базовый уровень, когда он воспроизводил для нас детали своего плана, нацеленного на арест Бейкера. Нам известно, что определенные аспекты этого вполне соответствуют истине. Потом стрессовые уровни начали меняться, и у меня возникло подозрение, что он лжет. Наиболее сильные отклонения от базового уровня я заметила, когда он говорил о своем предполагаемом друге. И кстати, я думаю, что зовут его вовсе не Дункан. И живет он не на Среднем Западе. Да и заботит его совсем не Деннис Бейкер. Он не проявил никакого эмоционального интереса к аресту полицейского. Здесь есть что-то еще, гораздо более значимое для него.

Она бросила взгляд на экран и кивнула:

– Можно перемотать на середину? Там есть место, где он касается щеки.

Купер переключил на реверс.

– Да, вот здесь.

«Я никогда никому не причинял настоящего вреда. Я просто не способен ни на что подобное. Конечно, я тоже могу немного нарушить закон…»

Дэнс покачала головой и нахмурилась.

– Ну что? – спросила Амелия.

– Его глаза… – прошептала Кэтрин. – Вот в чем проблема.

– Почему?

– Я думаю, что он опасен, очень опасен. Я провела несколько месяцев, изучая записи допросов Теда Банди, серийного убийцы. Он был чистейший социопат, считавший, что может обмануть любого полицейского, не оставив ни малейших внешних следов. Но единственным, что я заметила в Банди, была незначительная на первый взгляд реакция глаз, когда он говорил, что никого никогда не убивал. Реакция не была типичной для обмана. В ней скорее проявлялось разочарование в самом себе. Он пытался отрицать что-то очень существенное для его личности и самооценки. – Кэтрин кивнула на экран: – В точности то же самое делал сейчас и Дункан.

– Вы уверены? – переспросила Амелия.

– Конечно, не на все сто процентов. Но мне кажется, вы должны задать ему еще ряд вопросов.

– Что бы он там ни замышлял, пока мы не выясним все до конца и не избавимся от оставшихся сомнений, лучше перевести его на третий уровень задержания.

Так как считалось, что Джеральд Дункан задержан за незначительные ненасильственные преступления, его отправили в тюремное помещение на Сентрал-стрит, охрана которого оставляла желать лучшего. Сбежать оттуда было трудно, но при определенной смекалке вполне возможно. Райм попросил, чтобы его соединили с начальником тюрьмы на Манхэттене.

Райм представился и предложил перевести Дункана в более надежно охраняемую камеру.

Собеседник ничего не ответил. Райм подумал, что он не желает выполнять приказы гражданского лица.

Ох уж эта бюрократия…

Он скорчил кислую мину и взглянул на Амелию, подразумевая, что перевод Дункана должна санкционировать она. Но тут стала понятна истинная причина молчания тюремного начальника.

– Извините, детектив Райм, – запинаясь, произнес тот в трубку, – он у нас находился всего несколько минут. Мы ведь даже не зарегистрировали его.

– Что?!

– Прокурор… ну, в общем, он, кажется, с кем-то там договорился, и вчера вечером Дункана отпустили. Я думал, вы знаете.

Глава 35

10.03

Чарлз Веспасиан Хейл, человек, выдававший себя за Джеральда Дункана, Часовщика, ехал на метро. Он бросил взгляд на наручные часы (карманный брегет, который он успел полюбить, для его нынешней роли не подходил).

Все в точности соответствовало его плану. Охваченный предвкушением давно ожидаемого, немного волнуясь и в то же время пребывая в почти полной гармонии с самим собой, он сел на метро в Бруклине, там, где с самого начала и располагалась его квартира.

Очень немногое из того, что Хейл рассказал Винсенту Рейнольдсу о своем прошлом, соответствовало действительности. Да и с какой стати он стал бы говорить ему правду? Хейл планировал большую и яркую карьеру в своей профессии и прекрасно понимал, что жирный насильник все разболтает полицейским при первой же угрозе.

Хейл родился в Чикаго в семье школьного учителя латыни (отсюда и его второе имя – в честь благородного римского императора) и управляющей отделом детских вещей в пригородном магазине «Сиэрс». Родители почти не общались между собой. Каждый вечер после тихого немногословного ужина все расходились по своим углам: отец возвращался к книгам, мать – к швейной машинке. Вместе они собирались еще только перед маленьким телевизором, устраиваясь в двух креслах подальше друг от друга, и смотрели ситкомы и вполне предсказуемые полицейские сериалы. Телевизор предоставлял им

уникальную возможность делать комментарии по поводу увиденного и выражать в них свои желания, злобу и зависть, которые у них никогда бы не хватило мужества проявить напрямую.

Тишина…

Мальчик большую часть жизни провел в одиночестве. Он, несомненно, был одаренным ребенком, родители же проявляли в общении с ним апатичное равнодушие, ограничиваясь демонстрацией хороших манер, и некоторое любопытство, словно он был редкостным экзотическим растением, правил ухода за которым они точно не знали. Часы скуки и одиночества в детском возрасте стали причиной неизбывной тоски, которая, в свою очередь, породила острое желание как-то занять время, чтобы не задохнуться от жуткой тишины дома.

Почти целый день Чарлз проводил на улице, бродил по пригородам или лазал по деревьям. Почему-то так получалось, что одиночество на улице не казалось ему столь мучительным, как дома. Здесь всегда находилось что-то интересное, за каждым холмом тебя ожидало нечто новое и неизведанное, так же как и на каждой ветке старого клена. В школе он записался в биологический кружок. Отправляясь в экспедиции, всегда первым переходил канатный мост, прыгал в реку со скалы, спускался на веревке со склона горы.

Если же мальчику приходилось по каким-то причинам оставаться дома, то он занимал свое время, приводя вещи в порядок. Расстановкой и раскладыванием письменных принадлежностей, книги игрушек он мог заполнять мучительные часы вынужденного заточения. Отдаваясь этому занятию с головой, Чарлз не страдал от скуки и не боялся тишины.

Он не терпел беспорядка, необязательности или халтуры, приходя в неистовство даже от совсем незначительных отклонений от идеала «совершенства», как, например, слегка перекошенные железнодорожные пути или погнутая велосипедная спица. Любые нарушения, заминки и сбои вызывали в нем нервную дрожь, сходную с той, которая возникает у некоторых, когда они слышат звук ногтя, царапающего школьную доску.

Как, к примеру, брак его родителей. После их развода он больше ни с кем из них не разговаривал. Жизнь должна быть аккуратной и безупречной во всем. Если же названный идеал недостижим, следует уничтожить все дурно функционирующие компоненты до одного. Он никогда не молился (так как не располагал никакими эмпирическими доказательствами возможности упорядочить жизнь с помощью общения с божеством), но если бы когда-то что-то подобное пришло ему в голову,

Чарлз, несомненно, обратился бы к Богу с единственной просьбой – чтобы Он уничтожил любой беспорядок в мире.

Два года Хейл провел в армии. Здесь он был в своей стихии – в атмосфере порядка и дисциплины. Он поступил в офицерскую школу и сразу привлек внимание начальства. После присвоения офицерского звания Хейлу поручили преподавание военной истории, а также тактического и стратегического планирования, в чем он проявлял поистине блестящие способности.

После демобилизации он целый год провел, путешествуя по Европе и занимаясь альпинизмом. Затем вернулся в Америку, заинтересовался бизнесом, испробовал себя в банковских инвестициях и в качестве венчурного капиталиста, а по ночам изучал юриспруденцию.

Какое-то время работал адвокатом, блестяще организуя сделки. Чарлз зарабатывал неплохие деньги, но в жизни ему постоянно сопутствовало одиночество. Он избегал длительных связей с людьми, так как они были непредсказуемы и часто отличались совершенно нелогичным поведением. Страсть к планированию и порядку мало-помалу вытеснила из души Чарлза потребность в любви. И подобно любому, кто замещает реальные отношения некой навязчивой идеей, ему стали требоваться все более изощренные способы ее удовлетворения.

Чарлз нашел идеальное решение шесть лет назад. Он убил первого человека.

Хейл, который в то время жил в Сан-Диего, узнал, что один его знакомый, коллега по бизнесу, попал в автокатастрофу и серьезно пострадал. Какой-то пьяный подросток въехал в его машину. В результате бизнесмен получил перелом бедра и обеих ног, одну из которых пришлось ампутировать. Пьяный водитель не выразил ни малейшего сожаления по поводу случившегося, не признал за собой никакой вины и даже пытался все свалить на жертву наезда. Негодяя тем не менее привлекли к суду, но из-за того, что это была его первая судимость, он отделался легким наказанием. После суда он начал преследовать знакомого Хейла угрозами.

И Хейл решил, что настало время действовать. Он разработал изощренный план с целью запугать подонка. Однако, продумывая свой замысел, Чарлз вдруг понял, что ему почему-то вдруг становилось от него не по себе, он начинал страшно нервничать. В нем отсутствовало необходимое совершенство, он был какой-то неуклюжий. В плане не было идеального завершения. И в конце концов Хейл понял, в чем дело. По его замыслу жертва должна была быть насмерть напугана, но при этом остаться в живых. Если бы парень погиб, совершенство было бы

достигнуто, и не осталось бы следов, которые могли бы привести к Хейлу и его другу.

Но способен ли он был на самом деле убить человека? Сама мысль о подобном преступлении казалась чудовищной.

Так да или нет?

Дождливым октябрьским вечером Хейл принял решение.

Убийство было совершено безупречно, и полиция даже не заподозрила, что молодой человек мог погибнуть по какой-то другой причине, а не из-за случайного удара током, который он получил по неосторожности.

Хейл готовился переживать угрызения совести. И не почувствовал ни малейших. Вместо них он испытал необычайный экстаз. Его план был реализован столь блестяще, что сам факт убийства утратил всякое значение.

И как наркоман, он уже не мог остановиться.

Некоторое время спустя Хейл участвовал в бизнес-проекте в Мехико – строительстве комплекса шикарных вилл. Из-за одного коррумпированного бюрократа, руководившего реализацией упомянутого проекта, у них возникло столько препятствий, что сделка грозила лопнуть, поглотив массу средств. Компаньон Хейла, мексиканец, сообщил ему, что этот чиновник уже много раз заваливал бизнес-проекты, если не получал требуемые взятки.

– Какая жалость, что его никак нельзя убрать! – робко заметил Хейл.

– О! Его не убрать ни при каких обстоятельствах! – отозвался мексиканец. – Он, как говорится, неуязвим.

Последняя реплика компаньона привлекла внимание Хейла.

– Ну и почему он так неуязвим? – спросил он.

Продажный чиновник, объяснил мексиканец, буквально одержим собственной безопасностью. Он ездит в сопровождении группы вооруженных охранников в громадном бронированном внедорожнике, изготовленном по индивидуальному заказу. Компания, обеспечивающая безопасность, постоянно меняет пути его передвижения между домом, офисом и местами встреч. Он часто перемещает членов своей семьи из одного принадлежащего ему дома в другой, да и сам время от времени живет не в собственных домах, а у родственников, друзей или просто на съемной квартире. Чаще всего он ездит с младшим сыном, и ходит слух,

что он держит мальчишку в качестве щита. Кроме всего перечисленного, он пользуется всеми охранными привилегиями любого высокопоставленного государственного чиновника.

– Вот почему я говорю, что он практически неуязвим, – заключил мексиканец, наливая Чарлзу текилу очень дорогой марки – «Патрон».

– Неуязвим, – повторил за ним Хейл шепотом и кивнул.

Вскоре после их встречи в «Эль геральдо де Мексико» от 23 октября появились пять на первый взгляд совершенно не связанных между собой статей.

• Пожар в офисе охранной компании «Мексикана сегуридад привада». Все сотрудники эвакуированы. О серьезных повреждениях и жертвах не сообщается.

• Хакер вывел из строя центральный компьютер компании-провайдера услуг мобильной связи, в результате в ряде районов Мехико и его южных пригородах в течение примерно двух часов отсутствовала связь.

• Посередине шоссе № 160 к югу от Мехико, рядом с Чалко, загорелся грузовик, движение в северном направлении было полностью перекрыто.

• Генри Порфирио, глава комиссии по лицензированию строительных проектов «Дистрикт федерале» погиб, когда его внедорожник сорвался с моста с односторонним движением, врезался в цистерну с пропаном, припаркованную там, и взорвался. Инцидент произошел, когда водители, следуя инструкциям сигнальщика, съезжали с шоссе на боковую дорогу, чтобы не создавать более серьезную пробку. Другие автомобили вполне успешно справились с переездом по мосту, но бронированная машина чиновника оказалась слишком тяжелой для старых конструкций, несмотря на то что, судя подорожному знаку, мост должен был выдержать внедорожник. Глава охраны Порфирио знал о пробке и пытался связаться с ним, чтобы предложить более безопасный путь, но мобильный телефон чиновника не работал. Пострадал только автомобиль Порфирио.

Сына Порфирио, который практически постоянно сопровождает своего отца, не было в автомобиле, так как у мальчика накануне проявились признаки легкого отравления и он остался дома с матерью.

• Эразмо Салено, высокопоставленный чиновник в мексиканском федеральном правительстве, был арестован после того, как по чьей-то подсказке полиция устроила обыск в его загородном доме и обнаружила

там запасы кокаина (интересно, что, кроме полиции, были оповещены и журналисты, включая и фотографа из «Лос-Анджелес таймс»).

И все в новостях одного дня.

Месяц спустя проект Хейла сдвинулся с мертвой точки, и он получил от своих компаньонов в Мехико бонус в 500 ООО долларов наличными.

Его, конечно же, порадовали деньги. Но гораздо больше обрадовали те связи, которые ему удалось завязать через мексиканского бизнесмена. Прошло совсем немного времени, и этот человек познакомил его с неким американцем, который нуждался в подобных услугах.

И теперь несколько раз в год в промежутках между реализацией своих вполне законных бизнес-проектов Хейл принимал подобные заказы. Как правило, речь шла об убийствах, хотя время от времени он участвовал также в финансовых аферах, мошенничестве при страховании и даже в паре изощреннейших ограблений. Хейл соглашался работать на любого; мотивы преступления, на которое он с удовольствием шел, его не интересовали. Ему было абсолютно безразлично, почему кому-то понадобилось преступить закон. Дважды он убивал мужей, дурно обращавшихся со своими женами. За неделю до того, как убить бизнесменшу, жертвовавшую огромные суммы на благотворительность и помощь детям, Хейл расправился с растлителем малолетних.

Понятия добра и зла для Чарлза Веспасиана Хейла отличались от обычных человеческих. Добром был для него элегантный план, блестяще реализованный. Злом – либо недостаточно продуманный замысел, либо замысел, плохо исполненный.

Добром было все то, что вызывало в нем интеллектуальный трепет; а злом – все то, что порождало скуку.

Нынешний замысел Хейла – бесспорно, самый изощренный и запутанный – пока разворачивался идеально.

«Бог создал невероятно сложный механизм Вселенной, завел и запустил его…»

Хейл вышел из подземки на улицу. Нос у него пощипывало от мороза, глаза начали немного слезиться. Он поспешно зашагал по тротуару, намереваясь вот-вот нажать на кнопку, которая приведет в движение его настоящий хронограф.

Лон Селлитто вернулся в лабораторию Райма и теперь возбужденно мерил шагами лабораторию.

Как выяснилось, адвокат Дункана встретился с помощником районного прокурора и в обмен на письменное показание под присягой, выплату ста тысяч долларов за отвлечение сил полиции и пожарной охраны, а также в обмен на письменную гарантию свидетельствовать против Бейкера все другие обвинения с Дункана были сняты с условием, что они будут вновь ему предъявлены в случае, если он не явится в качестве свидетеля в суд над Бейкером. У Дункана даже не были взяты отпечатки пальцев, и он не прошел процедуру регистрации.

Толстяк детектив в помятой рубашке злобно уставился на микрофон, уперев руки в бока, так, словно устройство перед ним было тем самым некомпетентным идиотом, который отпустил на свободу потенциального убийцу.

Прокурор изо всех сил пытался отстоять правильность своего решения.

– Это был единственный способ заставить его сотрудничать, – настаивал он. – Его интересы представлял адвокат из Рида. Он продемонстрировал его паспорт... В нем не было никаких нарушений. Дункан согласился не покидать территорию судебного округа до суда над Бейкером. Я поселил его в отеле в городе под охраной полицейского. Он никуда оттуда не скроется. И зачем из такой ерунды раздувать трагедию? Я делал подобное сотни раз.

– А как насчет Уэстчестера? – спросил Райм. – Я имею в виду похищение трупа.

– Они согласились не подавать иск. Я пообещал помочь им в нескольких других делах, в которых они нуждались в нашей поддержке.

Прокурор был убежден, что в его карьере настал звездный час. Раскрытие большой аферы в полицейском ведомстве могло в одночасье вознести его на самые верхи популярности.

Райм, побагровев, покачал головой. Некомпетентность и эгоистические амбиции выводили его из себя. Работа у него была достаточно тяжелая и без подобных осложнений. Почему, черт возьми, никто перед тем, как выпустить Дункана, не позвонил ему и не посоветовался? Даже до того, как Кэтрин Дэнс просмотрела интервью и высказала свои сомнения, оставалось слишком много вопросов к Дункану, чтобы его можно было так легко отпустить.

– Где он?! – рявкнул Селлитто.

– Как бы то ни было, какие основания…

– Где он, черт подери? – окончательно рассвирепел Селлитто.

После некоторых колебаний прокурор дал им название отеля в центре и номер мобильного телефона полицейского, охранявшего его.

– Я звоню, – сообщил Купер, набирая телефон.

– Имя его адвоката? – продолжал Селлитто.

Помощник районного прокурора дал им его имя.

– Я в самом деле не могу понять, откуда столько суеты… – произнес нервный голос.

Селлитто отключил связь. Взглянул на Дэнс:

– Мне придется начать серьезные разборки. Вы понимаете, что я имею в виду?

Дэнс кивнула:

– У нас в Калифорнии подобного дерьма тоже хватает. Но я абсолютно уверена в своем мнении относительно Дункана. Сделайте все, что в ваших силах, чтобы как можно скорее его отыскать. Я скажу то же самое любому начальнику, который пожелает услышать мое мнение. Руководителю управления, мэру, губернатору.

– Узнай, что о нем известно адвокату, – обратился Райм к Амелии.

Она взяла данные, открыла свой мобильный. Райм, конечно, знал о Риде. Это была большая респектабельная фирма на Бродвее. Тамошние юристы работали с крупными делами и преступлениями, совершаемыми высокопоставленными лицами.

Послышался мрачный голос Купера:

– У нас проблема. Я только что говорил с полицейским, охранявшим Дункана в отеле. Несколько минут назад он заходил в его комнату. Дункан исчез, Линкольн.

– Что?

– Полицейский сказал, что прошлым вечером он рано лег спать, заявив, что плохо себя чувствует и что сегодняшний день хотел бы провести в

постели. Скорее всего он спустился по пожарной лестнице. Полицейский не знает, когда это случилось. Возможно, нынешней ночью.

Амелия захлопнула телефон.

– В компании у Рида не работает человек с именем, которое он дал прокурору. И Дункан никогда не был их клиентом.

– О черт! – вырвалось у Райма.

– Ну что ж, – процедил сквозь зубы Селлитто, – настало время для кавалерийской атаки. – Он позвонил Бобу Хауманну и сказал, что им опять понадобилось поймать их подозреваемого, – только теперь неизвестно, где он находится.

Реакция Хауманна, которую Райм не мог слышать, тем не менее была понятна по выражению лица Селлитто.

– Да не надо мне это говорить, Бо. Я сам все прекрасно понимаю.

Селлитто отправил сообщение главному прокурору, а затем позвонил в управление, чтобы проинформировать начальство о возникшей проблеме.

– Мне нужна о нем дополнительная информация, – обратился Райм к Куперу. – Мы проявили преступное легкомыслие. Задали ему слишком мало вопросов. – Он бросил взгляд на Дэнс: – Кэтрин, мне крайне неприятно просить вас в который уже раз...

Она отложила в сторону телефон.

– Я уже сообщила, что не улетаю.

– Извините. Мы вас так обременяем делом, которое к вам не имеет никакого отношения.

– Оно имеет ко мне самое непосредственное отношение с того момента, как я во вторник допросила Кобба.

Купер просматривал информацию, которой они располагали по Джеральду Дункану. Он составил список телефонов и начал звонить по ним. Закончив несколько разговоров, оповестил всех присутствующих:

– Послушайте, он вообще никакой не Дункан. Полиция штата Миссури послала автомобиль по адресу в его правах. Он действительно принадлежит Джеральду Дункану. Но совсем другому Джеральду Дункану. Человек, проживавший там, по работе на шесть месяцев

переехал в Анкоридж, на Аляску. Дом стоит пустой и сдается в аренду. Вот фотография владельца.

На снимке из водительских прав был запечатлен мужчина, совершенно не похожий на того, которого они арестовали несколько часов назад.

Райм кивнул:

– Блистательно. Он просмотрел газеты в поисках списка недвижимости, сдающейся в аренду, обнаружил дом, который фигурирует там уже достаточно давно, и пришел к выводу, что в ближайшие несколько недель его все равно никто не снимет из-за рождественских каникул. Та же тактика, что и с церковью. И он подделал водительские права, которые мы видели. Паспорт тоже. Мы с самого начала недооценивали этого парня.

Вновь послышался голос Купера, не отводившего глаз от компьютера:

– У владельца, у настоящего Дункана, были проблемы с кредитными картами. Кто-то воспользовался его именем.

Линкольн Райм почувствовал холодок в самом центре своего существа, там, где теоретически вообще ничего не должен был чувствовать. У него возникло ощущение, что где-то поблизости быстро разворачивается какая-то незримая катастрофа.

Кэтрин всматривалась в кадр с изображением лица Дункана с тем же напряженным вниманием, с которым Райм смотрел на свои схемы.

– Что же он задумал? – размышляла она.

Никто не мог дать ответа на ее вопрос.

Зазвонил телефон Селлитто. Нахмурившись, он говорил несколько секунд.

– Попытаемся выяснить.

Райм с надеждой взглянул на него. Может быть, наметился какой-то сдвиг, подумал он.

– Это Хауманн. Ему только что позвонил менеджер службы доставки, расположенной на том же этаже, что и компания, в которую проник Часовщик. Он сообщил, что с ним связался один из клиентов. Упаковка, которая должна была поступить ему вчера, так и не была доставлена. Создается впечатление, что, пока мы носились по офисам в поисках

Часовщика, кто-то проник в их помещение и похитил ее. Менеджер спросил, не известно ли нам что-нибудь о ее судьбе.

Райм перевел взгляд на фотографии коридоров, сделанные Сакс. Какая же она молодец, сфотографировала практически весь этаж. Ниже названия службы по доставке были видны слова: «Высочайшая надежность – гарантия доставки ценных вещей. Компания лицензирована и имеет превосходную репутацию».

Райм погрузился в собственные мысли. До него доносились голоса людей, собравшихся у него в лаборатории, но слов он не разбирал. Он переводил взгляд с фотографии на другие свидетельства и с них снова на фотографии.

– Доступ, – прошептал он.

– Что? – переспросил Селлитто, нахмурившись.

– Мы до такой степени сосредоточились на Часовщике и на игре в убийства, а затем на аресте Бейкера и его группы, что не обратили внимания на кое-что еще.

– И на что же? – спросила Амелия.

– На незаконное проникновение. Преступлением, которое он на самом деле совершил, было проникновение на чужую территорию. Все офисы на этом этаже какое-то время были пусты. Эвакуируя здание, двери оставили не запертыми?

– Да, кажется, да, – ответил Селлитто.

Амелия покачала головой.

– Поэтому пока мы были сосредоточены на проверке компании, Часовщик, возможно, надел форму или даже нацепил бляху, а затем вошел прямо в помещение службы доставки и забрал тот пакет.

«Доступ…»

– Позвоните туда. Выясните, что было в том пакете, кто послал его и куда. Сейчас же.

Глава 36

10.32

Такси остановилось перед музеем «Метрополитен» на Пятой авеню. Громадное здание было украшено к Рождеству, демонстрируя подобранное с безупречным вкусом убранство в викторианском стиле, столь характерном для Верхнего Ист-Сайда. Празднично, но без вульгарности.

Выходя из такси, Чарлз Веспасиан Хейл огляделся по сторонам. Шанс, что полиция следит за ним, хотя и микроскопический, но все же существовал. Однако было крайне маловероятно, что они продолжают держать его под наблюдением. Тем не менее Хейл неторопливо и очень тщательно осматривал улицу вокруг: не проявляет ли к нему кто-то хоть какое-то внимание? И не заметил ничего такого, что могло бы его встревожить.

Он наклонился к открытому окошку такси и расплатился с водителем, подав деньги рукой в перчатке. Затем, перебросив через плечо черную холщовую сумку, взбежал по ступенькам в обширный вестибюль, напоминающий притвор огромного храма, оглашаемый звуком множества голосов, в основном молодых. Музей буквально кишел школьниками. Повсюду вечнозеленые растения, золото, украшения и тюль. Сквозь гул голосов прорывалась мелодия клавесина, эхом оглашая высокий музейный грот, – инвенции Баха.

Хейл сдал черную сумку в гардероб, но пальто и шляпу снимать не стал. Гардеробщик открыл сумку, посмотрел внутрь, увидел четыре книги по искусству, снова закрыл ее и пожелал Хейлу приятного времяпрепровождения. Хейл заплатил за билет. Улыбнувшись с легким поклоном охранникам у входа в основную часть музея, он проследовал внутрь.

– Дельфийский механизм… – Райм беседовал с директором музея «Метрополитен», – он все еще выставлен?

– Да, детектив, – с неуверенностью в голосе ответил директор. – Он здесь у нас уже две недели. Как часть выставочного турне по ряду городов…

– Прекрасно, прекрасно. Он хорошо охраняется?

– Да, конечно. Я…

– Существует вероятность того, что его попытаются украсть.

– Украсть? Вы уверены? Этот объект не имеет аналогов. Он абсолютно уникален. Похититель все равно никогда никому не сможет его показать и тем более продать.

– Он и не собирается его продавать, – ответил Райм. – Я полагаю, он хочет его похитить для себя.

Далее криминалист пояснил. Посылка, украденная из службы доставки в здании на 32-й улице, была от богатого мецената и предназначалась для музея «Метрополитен». В ней находилась большая папка с рисунками антикварных предметов мебели, предлагавшихся для коллекции музея.

Музей «Метрополитен»? Райм задумался. Затем вспомнил каталоги, обнаруженные в церкви. Он спросил Винсента Рейнольдса и продавца часов Виктора Халлерштайна, говорил ли Дункан с ними о музее «Метрополитен». Как выяснилось, Часовщик проводил там довольно много времени и особый интерес проявлял к Дельфийскому механизму.

– Мы полагаем, он украл посылку, – сказал Райм директору. – Хочет что-то пронести в музей. Возможно, инструменты или программное обеспечение, чтобы вывести из строя охранные системы. Точно мы не знаем. Вы должны проявлять максимальную бдительность.

– Боже мой!.. Хорошо. И что нам теперь делать?

Райм бросил взгляд на Купера, тот кивнул, и криминалист продолжил:

– Мы только что переслали вам по электронной почте его фотографию. Не могли бы вы распечатать ее и раздать всем сотрудникам, охране и в гардероб? Возможно, они узнают его.

– Я сейчас же это сделаю. Не могли бы вы подождать у телефона?

– Конечно.

Через несколько минут снова раздался голос директора.

– Детектив Райм? – Голос его срывался. – Он здесь! Он сдавал сумку минут десять назад. Работник гардероба узнал его.

– Сумка все еще в гардеробе?

– Да. Он не уходил.

Райм кивнул Селлитто. Тот поднял трубку, вызвал Боба Хауманна, подразделения которого были уже на пути к музею, и сообщил ему последние новости.

– Охранник у механизма вооружен? – спросил Райм.

– Нет. Вы думаете, у вора может быть оружие? У входа у нас нет металлодетекторов. И он мог свободно пронести пистолет.

– Вполне возможно. – Райм взглянул на Селлитто и приподнял бровь.

– Группе Хауманна войти незаметно? Переодетыми? – спросил детектив.

– Он сдал сумку… И он хорошо разбирается в часах. Кто-нибудь смотрел содержимое его сумки? – спросил он директора.

– Я узнаю. Минутку. – Мгновение спустя он вернулся. – Книги. Книги по искусству. Но сотрудник гардероба в них не заглядывал.

– Бомба, чтобы отвлечь внимание? – спросил Селлитто.

– Вполне возможно. Скорее всего просто какая-нибудь дымовая шашка, но среди посетителей все равно начнется паника. В любом случае возможны человеческие жертвы.

По рации раздался хриплый голос Хауманна:

– Наши группы у всех выходов из музея, основных и служебных.

Райм повернул голову к Дэнс:

– Вы уверены, что он намерен совершить убийство?

– Абсолютно уверена.

Райм размышлял над потрясающей способностью этого человека выстраивать замысловатые планы и затем с таким блеском воплощать их в жизнь. Был ли у него какой-то запасной зловещий вариант на случай, если он поймет, что его могут арестовать прямо в музее? Райм принял решение.

– Эвакуировать, – сказал он.

– Весь музей? – переспросил Селлитто.

– Думаю, да. Наш главный приоритет – человеческие жизни. Очистите гардеробные помещения, основной вестибюль, а затем выведите и всех остальных. Пусть люди Хауманна проверят выходящих. Обеспечьте всех его фотографией.

Директор музея услышал рекомендации Райма.

– Вы полагаете, это необходимо?

– Да. И немедленно.

– Знаете ли, у нас канун Рождества. Один из самых многолюдных дней в году в нашем музее.

– Тем более важно начать мероприятия по эвакуации как можно скорее, – ответил Райм.

– Хорошо, только я не представляю, каким образом механизм можно похитить, – заявил директор. – Он находится за защитным пуленепробиваемым стеклом в дюйм толщиной. И стенд с ним невозможно открыть до дня завершения выставки, то есть до следующего вторника.

– Что значит – невозможно открыть? – спросил Райм.

– Он находится в одном из наших специальных выставочных стендов.

– Почему же он не откроется до вторника?

– Потому что в нем имеется компьютеризированный замок с часовым механизмом, который через спутник связан с какими-то там часами в правительстве. Меня заверили, что никто не может его взломать. И в нем мы размещаем самые ценные экспонаты.

Директор продолжал говорить, но Райм уже не слушал его и смотрел в сторону. Чего-то во всем этом явно не хватало. И тут он вспомнил.

– Тот поджог, – Райм обратился к Амелии, – в расследовании которого Фред Дельрей просил нас помочь. Где он был?

Амелия нахмурилась:

– В каком-то правительственном здании. Кажется, в Институте стандартов и технологий. А что?

– Поищите информацию о нем, Мэл.

Эксперт вошел в Интернет.

– НИСИТ – новое название Национального бюро стандартов и…

– Бюро стандартов? – прервал его Райм. – Там отвечают за точность атомных часов страны… Неужели он это задумал? Замок с часовым механизмом в музее связан с часами в НИСИТ. По-видимому, он

собирается изменить время, «убедить» замок в том, что уже наступил следующий вторник. И сейф сам автоматически откроется.

– И он способен сделать подобное? – спросила Кэтрин.

– Не знаю. Но если кто-то и сможет, то только Часовщик. Могу поспорить, поджог в НИСИТ для того и предназначался, чтобы замаскировать сам факт проникновения туда… – И тут Райм осекся, ему внезапно стали ясны все возможные последствия действий Часовщика. – О Господи…

– Что такое?

Райм вспомнил слова Кэтрин Дэнс относительно того, что для Часовщика человеческая жизнь не имеет никакого значения.

– Время по всей стране регулируется атомными часами США, – сказал он. – Отлеты и приземление самолетов, оборона страны, функционирование энергосистем, работа компьютерных сетей… все. Вы понимаете, что может произойти, если он переведет их на другое время?

В дешевой гостинице в центре города на старой кушетке, пропахшей плесенью и едой, сидели мужчина и женщина средних лет. Они смотрели телевизор.

Коренастая женщина по имени Шарлотта Аллертон накануне выступала в роли сестры Тедди Адамса, первой «жертвы» Часовщика. Мужчина рядом с ней – Бад Аллертон, ее муж, разыгравший роль адвоката, добившегося освобождения Джеральда Дункана под обещание, что его клиент выступит с потрясающими свидетельствами на скандальном процессе против коррумпированных полицейских.

Бад и в самом деле был адвокатом, хоть и не практиковал уже в течение нескольких лет. Ему пришлось реанимировать свои юридические познания ради осуществления плана Дункана, по которому Бад должен был исполнить роль адвоката по уголовным делам из престижной адвокатской конторы Рида. Помощник районного прокурора попался в расставленные для него силки, не позаботившись даже позвонить в контору и проверить, есть ли у них такой сотрудник. Джеральд Дункан совершенно правильно рассчитал, что прокурора будет занимать только возможность сделать себе громкое имя на деле о коррупции в полиции и он поверит любой лжи. Да и к тому же кому придет в голову спрашивать у адвоката удостоверение личности?

Внимание Шарлотты и Бада было приковано к экрану телевизора. Они смотрели новости. Специальный выпуск об обеспечении безопасности рождественской елки. На мгновение Шарлотта оторвала взгляд от экрана телевизора и посмотрела в сторону главной спальни в их гостиничном номере, где их хорошенькая худенькая дочурка читала книжку. Девочка смотрела сквозь приоткрытую дверь на мать и отчима тем же суровым взглядом своих темных глаз, который был характерен для нее в последние месяцы.

Ох уж эта девчонка…

Шарлотта вновь повернулась к телеэкрану.

– Не слишком ли долго? – спросила она.

Бад ничего не ответил. Он сидел, сжав руки, наклонившись вперед, сгорбившись и упершись локтями в колени. Как будто молится, подумала Шарлотта. Он частенько молился.

Мгновение спустя репортер, задача которого заключалась в том, чтобы спасти счастливые семейства от страшной напасти – пожаров, возникающих из-за возгораний рождественских елок, исчез, и на экране появилась надпись: «Специальный выпуск новостей».

Глава 37

11.07

Занимаясь исследованиями часового дела с целью создания правдоподобного образа убийцы-мстителя, Чарлз Хейл познакомился с идеей «усложнения».

Под «усложнением» понимается дополнительная функция в часах, сообщающая о чем-то еще, помимо времени суток. К примеру, крошечные циферблаты, имеющиеся в некоторых хронометрах, предоставляющие информацию о дне и дате, о часовых поясах, так называемая «репетиция» (мелодия, звучащая через определенные интервалы). Часовщики всегда считали добавление возможно большего количества различных усложнений свидетельством особого мастерства создателя часов. Типичным примером этого является «Патек-Филипп-стар калибр 2000» – часы, имеющие более тысячи деталей. Их усложнения предлагают владельцу такую информацию, как время восхода и заката солнца, вечный календарь, день недели, дату, месяц, время года, фазы и характеристики вращения луны, несколько мелодий и тому подобное.

Проблема с усложнениями состоит, однако, в том, что они имеют тенденцию отвлекать от важнейшей цели часов – показывать точное время суток. Брайтлинг, к примеру, выпускает великолепную продукцию, но в некоторых из его моделей марки «Профешнл» и «Навитаймер» такое количество циферблатов, стрелок и побочных функций, от секундомеров до логарифмических линеек, что основные стрелки легко не заметить.

Впрочем, Чарлзу Хейлу как раз и были нужны именно «усложнения». Целый их ряд он встроил здесь в Нью-Йорке в собственные «часы» – в свой грандиозный план, – чтобы отвлечь полицию от своей истинной цели. Ведь существовала большая вероятность того, что Райм и его группа обнаружат его побег и выяснят, что он вовсе не Джеральд Дункан и что его основной замысел заключался совсем не в том, чтобы разделаться с полицейским-вымогателем.

Поэтому понадобилось еще одно «усложнение», чтобы сосредоточить внимание полиции на чем-то второстепенном.

Завибрировал сотовый. Хейл взглянул на текстовое сообщение от Шарлотты Аллертон.

«Музей закрыт. Полиция разыскивает вас там».

Хейл положил телефон обратно в карман.

И пережил мгновение острого, почти сексуального, удовольствия.

По поступившему сообщению он понял самое важное. Хотя Райм теперь и знает, что Дункан вовсе не тот, за кого себя выдает, тем не менее в полиции все-таки продолжают не замечать главного, они все еще полностью сосредоточены на «усложнении» с музеем «Метрополитен». Хейл подбросил полиции очередную ложную подсказку, что он якобы планирует похитить знаменитый Дельфийский механизм. Он разбросал в той церкви, где они скрывались с Винсентом, проспекты с хорологических[13] выставок в Бостоне и Тампе. Он постоянно твердил Винсенту о пресловутом механизме. Он упомянул торговцу часами о своей страсти к старым хронографам и, в частности, говорил о механизме и об интересе к выставке в музее «Метрополитен». Небольшой пожар, устроенный им в Национальном институте стандартов и технологий в Бруклине, наведет их на мысль, что он собирается каким-то образом изменить ход главных цезиевых часов страны, чтобы вывести из строя систему безопасности в музее и украсть механизм.

План похищения механизма должен был представляться полиции очень хитрым и убедительным мотивом действий Хейла. Сотрудники органов

часами будут рыскать по музею и по близлежащему Центральному парку в поисках Часовщика и со всех сторон прощупывать его холщовую сумку. В ней находились четыре толстых тома с вырезанными страницами и вложенными туда двумя пакетами питьевой соды, небольшой сканер и, конечно, часы – дешевый электронный будильник. Все это были абсолютные «пустышки», но полиция будет занята ими несколько часов.

«Усложнения» в его плане были столь же элегантны и почти столь же многочисленны, как и в самых сложных в мире наручных часах, изготовленных Джеральдом Джентой.

В данный момент Хейл находился уже достаточно далеко от музея, который он покинул полчаса назад. Вскоре после того, как он вошел туда и оставил в гардеробе сумку, Хейл проследовал в кабинку туалета, где снял пальто, под которым была военная форма майора. Вслед за этим он надел очки и пилотку, которая до того момента была спрятана в кармане пальто, и поспешно покинул музей. В настоящее время Хейл находился в центре, на Манхэттене, медленно продвигаясь сквозь охранные кордоны по направлению к зданию управления городского строительства.

Очень скоро несколько военнослужащих и членов их семей будут присутствовать на параде, проводимом на Бродвее в их честь городскими властями, министерством обороны и государственным департаментом. Вслед за этим состоится торжественная церемония в здании управления городского строительства. Чиновники будут приветствовать военных, вернувшихся из дальних стран, где они участвовали в конфликтах, и их близких, вручать им похвальные письма за безупречную службу и благодарить за желание продолжить ее. После того как церемония закончится, а затем и все обязательные фотографирования и банальные заявления для прессы, гости разойдутся, генералы же и государственные чиновники соберутся вновь, чтобы обсудить дальнейшие усилия по распространению демократии по самым отдаленным уголкам земли.

Именно эти правительственные чиновники, а также военнослужащие, члены их семей и представители прессы, присутствующие на церемонии, и были истинной целью Чарлза Хейла.

Его наняли с очень простым, в чем-то даже примитивным заданием – убить как можно больше тех, кому случится там оказаться.

* * *

За рулем сидел ее крепкий, постоянно улыбающийся Боб, а рядом она сама, Люси Рихтер. Они направлялись к месту проверки документов у здания Управления городского строительства.

Там им придется сидеть на зверском холоде (между прошлым четвергом и сегодняшним днем Люси пришлось пережить стоградусный перепад в температуре[14]) и наблюдать за тем, как мимо проходят оркестранты, участники военного парада, ее сослуживцы, а затем самим пройти в здание для участия в церемонии.

Люси сидела молча, положив руку на мускулистое бедро мужа.

«Хонда» двигалась в густом потоке автомобилей. Боб пытался поддерживать беседу, что-то говорил о вечеринке, которую его родители назначили для них на завтра. Люси рассеянно отвечала. Ее вновь начали мучить мысли о том «большом душевном конфликте», по поводу которого она советовалась с Кэтрин Дэнс. Следует ли ей возобновить контракт или лучше уйти из армии?

«Самодопрос…»

Когда она согласилась возобновить контракт месяц назад, была ли она по-настоящему честна с собой?

Нужно искать в себе то, о чем говорила ей агент Дэнс: злобу, раздражение, депрессию… Лжет ли она себе?

Люси попыталась выбросить эти мысли из головы.

Они приблизились к зданию управления городского строительства, и на противоположной стороне улицы Люси увидела группу протестующих. Они выступали против участия Америки в целом ряде вооруженных конфликтов за рубежом. Ее друзья и сослуживцы презирали таких вот «нытиков», но, как ни странно, Люси не разделяла их негодования и раздражения. Она считала, что сам факт того, что кому-то в ее стране разрешено протестовать и организовывать демонстрации, не опасаясь оказаться в тюрьме, подтверждает правильность сделанного ею выбора.

Они приблизились к месту проверки документов на перекрестке у здания управления. Два солдата подошли к ним, намереваясь осмотреть машину.

Люси рассмеялась.

– Что случилось? – спросил Боб.

– Посмотри, – ответила она.

Он опустил глаза. Ее рука лежала на правом бедре, там, где, находясь на службе, она обычно носила оружие.

– Уже собиралась стрелять? – усмехнулся Боб.

– Рефлекс. В местах проверки. – Люси рассмеялась. Смех получился мрачным.

«Горький туман…»

Боб кивнул солдатам и улыбнулся жене:

– Думаю, мы более или менее в безопасности. Мы ведь не в Багдаде и не в Кабуле.

Люси сжала ему руку, и они проехали дальше на стоянку для гостей.

Чарлза Хейла ни в коем случае нельзя было назвать абсолютно аполитичным. Он имел свою точку зрения по поводу демократии, теократии, коммунизма, фашизма и так далее. Но его взгляды не выходили за рамки тех примитивных представлений, которые отличают слушателей, звонящих на «Раш лимбо» или радио «Эн-пи-ар», то есть ничего радикального или даже определенного. Поэтому, когда в октябре прошлого года Шарлотта и Бад Аллертон наняли его, чтобы «направить послание» народам по поводу необдуманного вмешательства Америки в дела «варварских» иностранных государств, Хейла одолела интеллектуальная зевота.

Однако когда он наконец задумался над их предложением, оно неожиданно его заинтриговало.

– Мы вели переговоры с шестью разными людьми, и никто не согласился, – сообщил ему Бад Аллертон. – Они сочли это практически невыполнимым.

Чарлзу Веспасиану Хейлу понравилось слово «невыполнимый». Скука тебе явно не грозит, если берешься за осуществление «невыполнимого». Оно чем-то напомнило ему другое слово – «неуязвимый».

Шарлотта и Бад, ее второй муж, были членами маргинальной террористической группировки праворадикального толка, в течение многих лет организовывавшей нападения на сотрудников и здания федерального правительства, а также устраивавшей провокации против ООН. Некоторое время назад они ушли в подполье, но совсем недавно, возмущенные активным вмешательством США в дела зарубежных государств, Шарлотта и другие члены ее безымянной организации решили, что настало время для чего-то по-настоящему значительного.

Планируемое нападение должно было не только «направить послание», столь важное для них, но и причинить врагу серьезный вред: ведь будут убиты крупные военные и правительственные чиновники, предавшие те принципы, на которых была основана Америка, и пославшие наших ребят и – да смилуется над нами Господь! – девушек на верную смерть на чужой земле ради благополучия каких-то отсталых варваров, которые даже и христианами-то не являются.

Хейлу удалось пропустить мимо ушей тягостную риторику своих клиентов и приступить к выполнению задания. Он прибыл в Нью-Йорк во время празднования Хэллоуина, поселился в безопасном месте, о котором никому не было известно, и следующие полтора месяца провел «собирая свой хронометр», то есть приобретая необходимое оборудование, подыскивая ничего не подозревающих помощников (Денниса Бейкера и Винсента Рейнольдса), пытаясь как можно больше узнать о предполагаемых жертвах Часовщика и внимательно осматривая здание управления строительства.

Именно к нему он сейчас и приближался по пронизывающему утреннему холоду.

Названное здание было выбрано для проведения подобных церемоний и встреч не из-за характера деятельности самого управления, которое к обороне и военным операциям за рубежом не имело никакого отношения. Предпочтение ему отдавалось потому, что оно было федеральным зданием с самой надежной системой безопасности на всем Нижнем Манхэттене. Стены в нем из толстого известняка. Если террористу удалось бы каким-то способом преодолеть кордоны вокруг и взорвать рядом со зданием автомобиль, последствия были бы гораздо менее разрушительными, нежели от подобного же взрыва рядом с каким-нибудь суперсовременным строением со стеклянным фасадом. Управление строительства, кроме того, было и заметно ниже других правительственных зданий, что делало его почти неуязвимым для ракет и самолетов с пилотами-камикадзе. В нем было не очень много входов и выходов, что облегчало контроль. Напротив зала, в котором планировалось проведение церемонии награждения и затем заседание по стратегическому планированию, находилась глухая стена здания на противоположной стороне переулка – тем самым исключалась опасность обстрела снайпером.

А при том, что оно охранялось двумя дюжинами солдат и полицейских, вооруженных автоматическим оружием и расположившихся на близлежащих улицах и на крышах домов, здание становилось практически неуязвимым.

Снаружи…

Никому и в голову не приходило, что угроза может исходить изнутри.

Чарлз Хейл предъявил свои три воинских удостоверения, два из которых были специально отпечатаны для сегодняшнего мероприятия и выданы приглашенным только во вторник. Ему кивком предложили пройти через металлодетектор, а затем ощупали.

Последний из охранников, капрал по званию, проверил документы во второй раз, а затем отсалютовал ему. Хейл поприветствовал его в ответ и вошел в здание.

Управление строительства представляло собой настоящий лабиринт, но Хейл без всяких затруднений проследовал прямо в подвал. Он превосходно знал расположение здешних помещений, так как пятая предполагаемая жертва маньяка-часовщика работала оценщиком в компании, занимавшейся покрытием полов и поставлявшей сюда линолеум и ковры три года назад. Хейл получил упомянутую информацию из открытой документации по заключению правительственных контрактов. В папках Сары Стэнтон он обнаружил точные чертежи всех комнат и коридоров в управлении. (Названная компания находилась в том же коридоре, что и фирма доставки, куда он звонил, чтобы пожаловаться на утрату посылки, предназначавшейся для музея «Метрополитен», тем самым добавляя убедительности версии о намерении Часовщика похитить Дельфийский механизм.)

По сути дела, все «нападения» Часовщика в течение этой недели – за исключением мнимого кровавого «убийства» на пирсе – являлись важными шагами, приближавшими его к сегодняшней цели: компания по покрытию полов, квартира Люси Рихтер, переулок на Сидар-стрит и мастерская флористки.

Он залез в квартиру Люси, чтобы перефотографировать, а затем подделать особые пропуска, наличие которых требовалось от военнослужащих, приглашенных на церемонию по вручению наград (ее имя он узнал из газетной статьи, посвященной намеченному мероприятию). Позднее Хейл также скопировал и заучил наизусть предоставленную ей секретную директиву министерства обороны по поводу самого события и всех охранных процедур, планировавшихся на сегодняшний день в департаменте строительства.

Даже мнимое убийство выдуманного Хейлом Тедди Адамса сослужило ему определенную службу. В переулке именно за этим зданием Хейл положил тело жертвы уэстчестерской автомобильной катастрофы. Когда прибыла Шарлотта Аллертон, исполнявшая роль убитой горем сестры погибшего, охранники пропустили несчастную женщину через запасной вход в здание управления и позволили ей воспользоваться туалетом на

нижнем этаже. Оказавшись внутри, она оставила там то, что в данный момент Хейл извлекал из встроенного в стену мусорного ящика: пистолет 22-го калибра с глушителем и два небольших металлических диска. Никакого другого способа пронести оружие в здание, снабженное несколькими металлоискателями и надежной охраной, не было. Хейл спрятал пистолет в карман и проследовал в конференц-зал, расположенный на седьмом этаже.

Войдя в зал, Хейл сразу же заметил то, что он рассматривал в качестве главной пружины своего плана, – два громадных букета, составленных Джоанной Харпер для церемонии. Один находился впереди, другой – сзади. В управлении по связям с поставщиками правительственных учреждений Хейл узнал, что Джоанна Харпер заключила контракт на поставку цветов и букетов на мероприятия, проводимые в управлении строительства. Пробравшись в ее мастерскую на Спринг-стрит, он спрятал кое-что в вазах, которые, как он надеялся, не вызовут у охраны особого любопытства, так как управление сотрудничало с Джоанной на протяжении нескольких лет и доверяло ей. Когда Хейл проник в мастерскую, у него в сумке было кое-что еще, помимо луноликих часов и инструментов, – два баллончика со взрывчаткой, известной под названием «Астролит». Обладая значительно большей мощностью, нежели тринитротолуол или нитроглицерин, «Астролит» представлял собой прозрачную жидкость, сохранявшую взрывные характеристики даже при впитывании другими веществами. Хейл просмотрел список заказов и установил, какие конкретно букеты предназначались для управления. Он налил «Астролит» на дно ваз.

Конечно, Хейл мог проникнуть во все четыре места и без маски Часовщика, но если бы кто-то заметил взломщика или обнаружил какие-то неполадки, сразу возник бы вопрос: что он замышляет? Поэтому Хейл и придумал ряд многоступенчатых мотивов для каждого из своих проникновений. Его исходный план заключался в том, чтобы, прикинувшись серийным убийцей, проникнуть во все четыре помещения, пожертвовав своим туповатым сообщником Винсентом Рейнольдсом, и тем самым убедить полицию в том, что Часовщик на самом деле тот, за кого себя выдает.

Затем в середине ноября по случайному совпадению ему позвонил один знакомый из мафии и сообщил, что нью-йоркский полицейский по имени Деннис Бейкер ищет наемного убийцу, чтобы устранить другого полицейского. Мафия не желала пятнать себя таким убийством, но, возможно, Хейл заинтересуется? Само по себе предложение интереса у него не вызвало, однако он сразу смекнул, что сможет использовать Бейкера в качестве второго «усложнения» в своем плане: честный гражданин своей страны, решившийся на месть преступному сотруднику полиции. И в самом конце Хейл добавил к своему плану последнюю

блистательную виньетку – историю с намерением похитить Дельфийский механизм.

«Наличие явного мотива – самый верный способ попасться. Убирая мотив, вы снимаете с себя все подозрения…»

Хейл подошел к переднему букету, установленному в конференц-зале, и поправил его – так поступили бы многие достойные офицеры, гордящиеся своим участием в мероприятии подобного рода. Убедившись, что никто не смотрит в его сторону, Хейл опустил один из металлических дисков (компьютеризированный детонатор), которые извлек из мусорного ящика, во взрывчатку, нажал кнопку и немного поворошил мох, чтобы прикрыть устройство. То же самое он проделал и с другим букетом. Второе устройство будет приведено в действие с помощью радиосигнала из первого.

Оба восхитительных букета теперь представляли собой смертоносные бомбы – в них содержалось достаточно взрывчатки, чтобы стереть с лица земли весь зал со всеми присутствующими.

Напряжение в лаборатории Райма нарастало.

Все, за исключением Пуласки, отправленного Раймом с поручением, не сводили глаз с криминалиста, который, в свою очередь, уставился на схемы, окружавшие его, подобно батальонам, ожидающим приказаний командующего.

– Остается еще очень много вопросов, – заметил Селлитто. – Ты ведь должен понимать, что произойдет, если мы нажмем эту кнопку.

Райм бросил взгляд на Амелию Сакс.

– А ты что думаешь? – спросил он.

Она поджала губы.

– Не думаю, что у нас есть выбор. Я говорю – да.

– О черт! – воскликнул Селлитто.

– Звони! – решительно произнес Райм, обращаясь к толстяку лейтенанту.

Лон Селлитто набрал мало кому известный номер, соединивший его напрямую с телефоном на рабочем столе мэра Нью-Йорка.

Стоя в конференц-зале управления строительства, постепенно наполнявшемся военнослужащими и гостями, Чарлз Хейл почувствовал виброзвонок своего телефона. Он извлек его из кармана и взглянул на текстовое сообщение. Его направила Шарлотта Аллертон.

«Только что услышала в новостях: Федеральное авиационное агентство отменило все рейсы в аэропортах. Поезда остановлены. Специальное подразделение направлено в офис НИСИТа, проверяют атомные часы США. Все идет, как запланировано. Да благословит нас Бог».

Великолепно, подумал Чарлз. В полиции поверили в «усложнение» относительно Дельфийского механизма и в его замысел взломать компьютерную систему, управлявшую главными цезиевыми часами страны.

Хейл сделал шаг назад, оглядел комнату, и на его лице появилось удовлетворенное выражение. Затем он вышел из зала и на лифте спустился в главный вестибюль. Он вышел на улицу, обратив внимание на несколько лимузинов, прибывших к управлению с высочайшими мерами безопасности. Хейл прошел в толпу, собравшуюся на противоположной стороне от бетонных кордонов. Некоторые из стоявших там размахивали флагами, некоторые аплодировали.

Хейл бросил взгляд на протестующих. В основном неряшливая молодежь, стареющие хиппи, революционно настроенные университетские преподаватели с супругами. В руках у них были плакаты, и они что-то скандировали, но что, Хейл так и не смог разобрать. Хотя суть их выкриков была очевидна: недовольство внешней политикой Соединенных Штатов.

– Подождите чуть-чуть, – шепотом произнес он. – Может быть, и ваши усилия не пройдут даром.

Глава 38

11.42

Входя в конференц-зал вместе с семнадцатью другими военнослужащими, представлявшими различные армейские подразделения, сержант армии США Люси Рихтер улыбнулась мужу. Подмигнула родственникам – родителям и тетке, – сидевшим напротив.

Ее приветствия могли кому-то показаться излишне торопливыми или даже холодными. Но она пришла сюда не как жена Боба и не как дочь

или племянница. Люси пригласили сюда как солдата, заслужившего награду. Она находилась здесь в обществе старших офицеров и ее товарищей по оружию.

После парада на Бродвее военнослужащие собрались на нижнем этаже здания, а члены их семей и друзья поднялись наверх, в конференц-зал. Ожидая официального открытия, Люси болтала с молодым техасцем – санитаром из ВВС. Он приехал в Штаты на лечение (причиной ранения была одна из тех суперсовременных гранат, рикошетировавшая от его нагрудного парашюта и взорвавшаяся на расстоянии нескольких ярдов).

– Так хочется вернуться домой, – сказал он.

– Домой? – переспросила она. – А я думала, мы находимся здесь для продления контракта.

Он заморгал.

– Да я про то и говорю. Про свое подразделение. Оно и есть мой дом.

Люси чувствовала себя крайне неловко, стоя перед своим креслом и посматривая на множество собравшихся здесь репортеров. Они оглядывали награждаемых и, подобно снайперам, намечающим жертвы, выискивали тех, от кого можно было ожидать увлекательной истории. Люси стало не по себе. Но ей все-таки удалось забыть о них, и она перевела взгляд на изображения, развешанные по стенам специально к церемонии. Там было все, что могло внушить патриотические чувства. Люси всегда трогали изображение американского флага, фотография башен-близнецов, военные знамена и символы. Вокруг было множество офицеров, увешанных наградами, с рядами планок на груди, по которым можно было определить, сколько времени и где они служили.

И тем не менее в Люси ни на мгновение не утихала внутренняя борьба. Постоянно мысленно возвращаясь к тем советам, что дала ей Кэтрин Дэнс, она задавалась вопросом: и в чем же для нее состоит истина?

Вернуться в страну горького тумана?

Или остаться здесь?

Да или нет?

Боковые двери распахнулись, и в зал вошли двое мужчин с пристальными подозрительными взглядами – сотрудники секретной службы, – за ними полдюжины людей в штатском и в военной форме со знаками различия высших офицеров, лентами и медалями на груди. Люси сразу узнала нескольких крупных шишек из Вашингтона и

Нью-Йорка, хотя гораздо больше ее взволновало присутствие представителей высшего руководства Пентагона, так как они принадлежали к тому миру, который в последнее время стал важнейшей частью ее жизни.

Тем не менее мучительный спор в душе продолжался.

Да или нет…

Истина… в чем же истина?

Как только чиновники расселись по местам, генерал из Нью-Джерси произнес несколько вступительных слов и представил строгого красивого мужчину в темно-синей форме. Генерал Роджер Пулен, председатель объединенного комитета начальников штабов, поднялся со своего места и прошел к микрофону.

Пулен кивнул предыдущему выступающему и всем присутствующим. Густым приятным басом он начал свою речь:

– Генералы, уважаемые представители министерства обороны, государственного департамента, руководители мэрии Нью-Йорка, коллеги по службе и гости… Я рад приветствовать вас здесь сегодня на торжественном заседании, посвященном чествованию восемнадцати отважных солдат, тех, кто с риском для жизни продемонстрировал искреннее стремление совершить все, что от них потребуется, ради сохранения свободы в своей стране и распространения демократии по всей земле.

Взрыв аплодисментов, гости встают.

Когда буря эмоций немного улеглась, генерал Пулен продолжил свою речь.

Поначалу Люси Рихтер пыталась внимательно слушать, но вскоре ее отвлекли совсем другие мысли. Она смотрела на присутствующих здесь штатских: членов семей и друзей награждаемых военнослужащих. На людей, подобных ее отцу и матери, мужу и тетке; на жен, мужей, детей, родителей, дедушек и бабушек, просто знакомых.

Эти люди после окончания церемонии вернутся к себе на работу или домой. К своим обычным занятиям, к той незамысловатой жизни, что исчислялась днями, часами, минутами.

Иногда минуты не имели никакого значения, а иногда служили гранью, разделяющей жизнь и смерть.

«Шестьдесят секунд…»

Воинские привычки не допускали улыбок в подобной ситуации, но Люси тем не менее ощутила, как расслабляется ее лицо, как исчезает напряжение в плечах, словно горький туман, рассеиваемый горячим ветром.

Раздражение, депрессия, отвержение себя – все, что советовала ей Кэтрин Дэнс искать в себе и от чего следовало избавляться, – внезапно исчезли.

На мгновение Люси закрыла глаза, а затем вновь все свое внимание обратила на человека, который после президента Соединенных Штатов являлся ее главным руководителем. Теперь она совершенно ясно осознавала: что бы ни случилось в ее жизни, она приняла единственно правильное решение.

Чарлз Хейл находился в мужском туалете небольшого кафе, располагавшегося неподалеку от здания департамента строительства. Зайдя в грязную кабинку, он вытащил из-под майки мешок для мусора, снял военную форму и надел джинсы, свитер, перчатки и куртку. Все это он только что приобрел. Форму, пальто и шляпу затолкал в мешок, но пистолет оставил. Из телефона извлек батарейку и сим-карту и тоже бросил в мешок. Затем, дождавшись, пока туалет опустеет, сунул мешок в ящик для мусора и вышел на улицу.

Здесь он первым делом купил новый мобильный телефон с предоплатой и прошел три квартала от управления строительства. Отсюда открывался неплохой вид на заднюю часть здания и на переулок, где была обнаружена первая жертва Часовщика. Правда, была видна только узкая полоска окна конференц-зала, где проходила церемония.

Куртка оказалась тонковата, и Хейл подумал, что должен быстро замерзнуть в ней, но из-за волнения он совершенно не ощущал холода. Он взглянул на свои электронные часы, которые были синхронизированы с таймерами в детонаторах взрывчатки.

Было 12 часов 14 минут 19 секунд. Церемония началась ровно в полдень. Готовя свой теракт и занимаясь тщательным изучением соответствующих материалов, Чарлз пришел к выводу, что взрыв должен произойти спустя определенное время после начала мероприятия, когда люди усядутся, все опаздывающие соберутся, охрана расслабится.

12.14.29.

Одной приятной стороной этих взрывных устройств, размышлял Хейл, в определенном смысле даже сюрпризом, будет то, что флористка Джоанна наполнила вазы сотнями крошечных стеклянных шариков. Все, кого не убьет или не ранит сам взрыв, будут изуродованы осколками стекол.

12.14.44.

Хейл наклонился вперед. Всегда существовала вероятность того, что что-нибудь пойдет не так, как планировалось, что кто-то из охраны в последнюю минуту перед началом церемонии начнет проверку на наличие взрывных устройств или что кто-то заметит на видеокамере, как он входил в здание и затем спустя короткое время выходил оттуда.

12.14.52.

И все же риск провала делал победу над скукой еще более сладостной. Он перевел взгляд на переулок за зданием управления строительства.

12.14.55.

12.14.56.

12.14.57.

12.14.58.

12.14.59.

12.15.00…

Хейл не услышал шума, а лишь увидел язык пламени в окне конференц-зала. И только полсекунды спустя до его ушей донесся звук самого взрыва.

Затем послышались голоса вокруг:

– О Боже! Что это?

Вопли.

– Посмотрите туда! Что там такое?

– Боже, нет!

– Позвоните девять-один-один! Кто-нибудь...

Пешеходы собирались кучками на тротуаре, уставившись на здание.

– Бомба? Или самолет?

С озабоченным лицом Хейл покачал головой и на мгновение задержался рядом со зданием, упиваясь успехом. Взрыв показался ему гораздо более мощным, чем он ожидал, следовательно, и жертв будет больше, чем предполагали Шарлотта и Бад. Вряд ли вообще кто-то из находившихся в зале выжил.

Хейл медленно повернулся и пошел по улице; на ближайшем входе в метро он спустился в подземку и сел на электричку, следовавшую от центра. Он вышел на той остановке, где располагался отель, в котором проживали Аллертоны. Хейл намеревался забрать остаток своего гонорара.

Чарлз Хейл был вполне удовлетворен. Он в очередной раз победил неизбывную скуку и заработал неплохие деньги.

Но самым главным для него было ни с чем не сравнимое изящество того, что он совершил. Он разработал план и идеально реализовал его. Этот план был подобен совершенным часам, подумал Хейл и с некоторым смущением улыбнулся собственному сравнению.

Глава 39

12.21

– Спасибо, – с чувством прошептала Шарлотта, обращаясь одновременно к Иисусу и к человеку, который столь успешно осуществил их поручение.

Она не отрываясь смотрела на экран телевизора, придвинувшись к нему как можно ближе. Специальный выпуск новостей, посвященный эвакуации из музея «Метрополитен» и остановке общественного транспорта, был прерван сообщением о взрыве бомбы в здании управления строительства. Шарлотта сжала руку мужа. Он наклонился к ней и поцеловал, улыбаясь, как ребенок.

Лицо у телеведущей было суровое, несмотря на едва сдерживаемое удовольствие от того, что ей на долю выпало сообщать о столь важном событии. Она торжественно перечисляла подробности происшедшего: бомба взорвалась в здании управления строительства на Нижнем Манхэттене в тот момент, когда несколько крупных правительственных чиновников и представителей министерства обороны собрались там для

проведения торжественной церемонии. Присутствовали заместитель государственного секретаря и руководитель объединенного комитета начальников штабов. Камеры показали клубы дыма, вырывающиеся из окон конференц-зала. Однако важнейшая подробность, количество жертв, по какой-то причине не была упомянута, хотя в зале собралось не меньше пятидесяти человек.

На экране появилась голова комментатора. Абсолютная неосведомленность о том, что же все-таки на самом деле произошло, не удержала его от уверенного вывода: имевший место теракт – дело рук исламских фундаменталистов. О, скоро они поймут, как заблуждались!

– Посмотри, милая, это наша победа! – крикнула Шарлотта дочери, которая продолжала сидеть в спальне, погрузившись в чтение. (Опять эта сатанинская книжка. «Гарри Поттер»! Шарлотта уже две такие выбросила. Где же девчонке удалось отыскать еще одну?)

Девочка раздраженно вздохнула и вернулась к чтению.

На мгновение Шарлоттой овладела ярость. Захотелось ворваться в спальню и изо всех сил отхлестать девчонку по щекам. Они одержали такую грандиозную победу, а маленькая нахалка демонстрирует полное неуважение к ней. Бад несколько раз спрашивал Шарлотту, не настало ли время девчоночьей заднице испробовать хорошей ореховой розги. Раньше Шарлотта возражала против подобной жестокости, но теперь предложение Бада показалось ей вполне разумным.

Однако ярость быстро прошла, как только она вспомнила об их сегодняшней победе.

Шарлотта встала с кресла.

– Нам надо собираться. – Она выключила телевизор и начала укладывать чемодан. Бад прошел в спальню, чтобы заняться тем же. Они собирались доехать на машине до Филадельфии, а там сесть на самолет до Сент-Луиса. Дункан посоветовал им избегать нью-йоркских аэропортов. Затем они вернутся в свое укрытие в лесах Миссури и будут ждать следующей возможности заявить о себе.

Скоро придет Джеральд Дункан. Он заберет остаток своего гонорара и тоже уедет из города. Шарлотта задумалась: а может быть, им и его удастся привлечь к борьбе. Она беседовала с ним на эту тему, но он остался равнодушен, хотя и заверил, что всегда с радостью готов помочь, если перед ними встанут новые чрезвычайно сложные задачи и если его удовлетворит сумма гонорара.

Стук в дверь.

Дункан пришел вовремя.

Смеясь, Шарлотта проследовала к двери и распахнула ее.

– Вы герой! Я…

Восклицание оборвалось на полуслове, улыбка исчезла. Полицейский в черном шлеме и боевой форме ворвался в комнату, оттолкнув ее в сторону. За ним следовала Амелия Сакс с искаженным злобой лицом, держа в руке большой черный пистолет и пристально оглядывая помещение.

За ней в номер влетело еще полдюжины полицейских.

– Полиция! Всем стоять!

– О Боже, нет! – воскликнула Шарлотта. Она отшатнулась и успела отступить всего на шаг, прежде чем ей скрутили руки.

У находившегося в спальне Бада Аллертона от ужаса перехватило дыхание, когда он услышал вопли жены и топот ног. Он захлопнул дверь, запер ее, вытащил из чемодана автомат, вставил магазин.

– Нет! – крикнула его падчерица, выронив книгу и бросившись к двери.

– Тихо! – злобно процедил он сквозь зубы и схватил ее за руку. Она закричала еще громче. Он швырнул ее на кровать, и, ударившись головой о стену, девочка затихла. Баду никогда не нравилась падчерица, ее отношение к нему и к миру в целом, ее сарказм и бунтарство. Дети рождаются, чтобы повиноваться – в особенности девочки, – а если они не желают покоряться, то должны терпеть наказания.

Он подошел к двери и прислушался. Судя по звукам, в главной комнате их номера находилось где-то около дюжины полицейских. У Аллертона было не слишком много времени для молитвы. Однако в этой ситуации он не мог обойтись без нее.

«Мой Господь и Спаситель Иисус Христос, спасибо Тебе зато, что Ты прославил нас, истинно верных Тебе. Пожалуйста, дай мне силы достойно завершить мою земную жизнь и ускорь мое возвращение к Тебе. И позволь мне отправить в ад как можно больше тех, кто пришел сюда, чтобы противостоять воле Твоей».

В обойме у него было пятнадцать патронов. Он сможет забрать с собой очень многих, если у него хватит выдержки и Господь даст ему сил не чувствовать боль от ран, которые он неизбежно получит. Но они, конечно, намного превосходят его по своим возможностям. Необходимо в чем-то обойти их.

Бад повернулся к своей плачущей падчерице. Девчонка сидела на кровати и всхлипывала, держась за окровавленную голову. Аллертон добавил к своей молитве коду, которая, как он считал, должна в данных обстоятельствах придать его обращению к Богу возвышенную человеколюбивую тональность.

«И когда Ты примешь это дитя в небесную Свою обитель, пожалуйста, прости ей все грехи, совершенные против Тебя. Она не ведала, что творила».

Бад встал, подошел к девчонке и схватил ее за волосы.

– Аллертон там? – крикнула Амелия Сакс, обращаясь к Шарлотте и кивнув на закрытую дверь.

Шарлотта ничего не ответила.

– Девочка?

Внизу портье объяснил им, какой номер занимают супруги Аллертон вместе с дочерью, и описал им расположение комнат. Он был абсолютно уверен, что в данный момент они наверху. Портье узнал фотографию Часовщика и сказал, что этот человек несколько раз бывал в отеле, но сегодня еще не заходил.

– Где Аллертон? – крикнула Амелия. Ей хотелось схватить Шарлотту и встряхнуть ее.

Шарлотта продолжала молчать, не сводя злобного взгляда с Амелии.

– В ванной никого нет, – послышался голос кого-то из группы захвата.

– Вторая спальня пуста.

– Кладовка пуста! – крикнул Рон Пуласки. Стройный молодой полицейский выглядел комично в толстом бронежилете и шлеме.

Оставалась только спальня с закрытой дверью. Сакс подошла к двери, прислонилась к стене и жестом приказала другим полицейским освободить линию огня.

– Находящиеся в спальне, послушайте меня! Я офицер полиции. Немедленно откройте дверь!

Никакого ответа.

Амелия проверила ручку. Дверь была не заперта. Глубокий вдох, пистолет поднят вверх.

Она распахнула дверь. Первое, что увидела Амелия, была девочка, которая сидела в автомобиле Шарлотты у «места преступления» Часовщика. Руки связаны скотчем, им же заклеены рот и нос. У нее посинела кожа, и она билась в судорогах на кровати, задыхаясь. До полного удушья бедняжке оставалось всего несколько секунд.

– Посмотри, окно открыто! – крикнул Рон Пуласки, кивнув в сторону окна спальни. – Он уходит! – Молодой полицейский бросился вперед.

Сакс схватила его за край бронежилета.

– Что такое? – спросил он.

– Это небезопасно. – Она кивнула в сторону гостиной. – Проверь пожарную лестницу оттуда. Посмотри, снаружи ли он. И будь осторожен. Возможно, он держит окно под прицелом.

Рон подбежал к центральному окну комнаты и выглянул на улицу.

– Никого! Наверное, уже сбежал! – крикнул он. И по рации передал оставшимся снаружи, чтобы осмотрели переулок за отелем.

На мгновение Амелия задумалась. Времени нет. Да и особого выбора тоже. Прежде всего необходимо спасти девочку. Она сделала шаг вперед.

И тут же остановилась. Несмотря на удушье и почти агонию, дочь Шарлотты посылала ей какие-то знаки. Она мотала головой из стороны в сторону, а это могло означать только одно: в спальне засада. Девочка отвела глаза направо, показывая, где находится Аллертон, Дункан или кто-то еще, приготовившийся стрелять в каждого входящего.

Сакс присела.

– Находящиеся в спальне, бросьте оружие! Ложитесь лицом вниз посередине комнаты!

Тишина.

Бедная девочка с глазами навыкате билась в судорогах.

– Бросьте оружие!

Молчание.

К спальне приблизились несколько человек из группы захвата. Один из них поднял шоковую гранату, предназначенную для того, чтобы дезориентировать нападающих. Но даже оглушенные и ослепшие, те, кто находятся в комнате, могут открыть стрельбу. Амелия боялась, что в ходе беспорядочной стрельбы они ранят или убьют девочку. Она отрицательно покачала головой, взглянув на гранату, и направила пистолет в комнату сквозь приоткрытую дверь. Нужно покончить с этим сейчас же, иначе ребенок погибнет.

Девочка снова замотала головой. Она огромным усилием воли попыталась справиться с судорогами и перевела взгляд направо, а затем вниз.

Даже умирая, она направляла действия Амелии.

Сакс прицелилась; человек в комнате находился гораздо правее, чем она первоначально предполагала. Если она сейчас выстрелит в ту сторону, он, поняв, где она, вероятно, выстрелит по ней в ответ.

Девочка кивнула.

И все-таки Амелия колебалась. Правильно ли она поняла знаки девочки, и вообще, знаки ли это? Ребенок проявлял необычайный самоконтроль, немногие взрослые могли сравняться с ней в выдержке, и потому Сакс просто не имела права неправильно истолковать ее жесты. Риск причинить вред невинным людям был слишком велик.

Она вспомнила взгляд девочки в тот первый раз, когда увидела ее в машине в переулке неподалеку от Сидар-стрит. Тогда в нем теплилась надежда. А сейчас в нем светилось настоящее мужество.

Амелия сжала пистолет и произвела шесть выстрелов в том направлении, куда указывала девочка. И, не задерживаясь ни секунды, влетела в комнату. Группа захвата следовала за ней.

– Возьмите девочку! – крикнула она, а сама направила пистолет направо, в сторону ванной и стенного шкафа. Один из группы захвата прикрывал товарищей автоматом «МР-5», пока они, сняв девочку с

кровати, срывали с нее скотч. Амелия услышала звук захлебывающегося дыхания, а затем громкие всхлипы.

Амелия распахнула дверь стенного шкафа и отступила в сторону; оттуда прямо на нее выпало изрешеченное пулями тело мужчины. Она отбросила в сторону его оружие, осмотрела стенной шкаф и ванну, а затем и душевую кабинку, пространство под кроватью и пожарную лестницу.

Минуту спустя осмотр номера был завершен. Шарлотта, плачущая и покрасневшая от ненависти и негодования, сидела на кушетке в наручниках, а девочку врачи откачивали кислородом в коридоре. С ней, в общем, все в порядке, сообщили они, серьезного вреда ей причинить не успели.

Шарлотта отказалась что-либо говорить о Джеральде Дункане, и первоначальный обыск не дал никакой информации о нем. Амелия нашла конверт с четвертью миллиона долларов наличными. Это означало, что Дункан должен прийти сюда за вознаграждением. Она передала по рации Селлитто, чтобы очистил улицу от всех подозрительных автомобилей и расставил там переодетые группы захвата.

К ним ехал Райм в полном вооружении для проведения криминалистической экспертизы на месте. Сакс позвонила ему и предупредила, чтобы его группа прошла через запасной выход на случай, если вдруг появится Дункан. Затем прошла в коридор взглянуть на девочку.

– Ну, как у тебя дела?

– Да вроде все нормально. Только лицо немного болит.

– Просто с тебя слишком быстро содрали скотч.

– Наверное, да.

– Спасибо тебе. Ты ведь многим спасла жизнь. В том числе и мне.

Девочка с любопытством взглянула на Амелию, а затем опустила глаза. Детектив протянула ей книгу о Гарри Поттере, которую нашла в спальне, и спросила, известно ли ей что-нибудь о Джеральде Дункане.

– Он такой страшный. Какой-то жуткий. Смотрит на вас так, как будто вы камень, автомобиль или стол. А не человек.

– А ты, случайно, не знаешь, где он может быть?

Она отрицательно покачала головой.

– Я знаю только то, что говорила мама. Он снимает квартиру где-то в Бруклине. Не знаю точно где. Но он должен обязательно прийти, чтобы забрать деньги.

Амелия отвела Пуласки в сторону и попросила его проверить все звонки с телефонов Шарлотты и Бада и звонки к ним, а также с телефона в гостиничном номере.

– Как насчет телефона в вестибюле? Я имею в виду телефон-автомат. И телефоны на улице.

Амелия приподняла бровь:

– Неплохая идея.

Молодой полицейский отправился выполнять поручение. Амелия дала девочке банку газированной воды. Та открыла ее и одним залпом выпила половину, затем как-то странно взглянула на Амелию и рассмеялась.

– Что случилось? – спросила Амелия.

– Вы, наверное, меня не помните. А ведь мы встречались.

– В переулке во вторник. Конечно, помню.

– Нет-нет. Намного раньше.

Сакс прищурилась. Она вспомнила, что, когда увидела девочку в автомобиле на месте первого «преступления» Часовщика, у нее возникло ощущение, что лицо ребенка ей очень знакомо. Теперь же это ощущение превратилось в уверенность. Но вспомнить, где она могла ее видеть раньше вторника, Амелия не сумела.

– Извини, я что-то не припоминаю.

– Вы спасли мне жизнь, когда я была совсем маленькая.

– Давно... – Амелия прищурилась, перевела взгляд на мать, более пристально рассматривая Шарлотту, и наконец с ужасом выдохнула: – О Господи!..

Глава 40

13.32

Сакс рассказывала Райму то, что ей удалось выяснить, а он, слушая ее, недоверчиво качал головой. Они впервые познакомились с Шарлоттой несколько лет назад, когда та приехала в Нью-Йорк под псевдонимом Кэрол Ганц. Она с дочерью по имени Пэмми стала жертвой в первом деле, над расследованием которого Амелия и Райм работали совместно, тот самом, о котором Райм накануне вспоминал, – деле о похитителе с патологической страстью к человеческим костям. Маньяк по уму и жестокости практически не уступал Часовщику.

В качестве помощника, который стал бы его глазами, ушами и ногами на месте преступления, Райм привлек Амелию, и вместе им удалось спасти женщину и ее дочь. Позднее они узнали, что Кэрол на самом деле Шарлотта Виллоуби, участница праворадикального движения, протестующего против вмешательства правительства США во внутренние дела других стран. После спасения и воссоединения с дочерью женщина вместо благодарности подбросила бомбу в штаб-квартиру ООН на Манхэттене. В результате взрыва погибли шесть человек.

Райм и Сакс начали расследование и этого дела, но Шарлотта вместе с девочкой бесследно исчезли, вероятно, скрылись где-то на Среднем или Дальнем Западе.

Время от времени Райм и Сакс просматривали отчеты ФБР и местной полиции по праворадикальным группировкам, однако никаких следов Шарлотты и Пэмми обнаружить не могли. Амелия часто вспоминала о девочке, беспокоясь за ее будущее, и порой, даже лежа ночью в постели рядом с Раймом, вслух начинала рассуждать о том, как может складываться сейчас ее судьба. Амелия, которой всегда хотелось иметь детей, приходила в ужас от одной мысли о том, в какой кошмар способна Шарлотта превратить жизнь несчастного ребенка – необходимость постоянно скрываться, невозможность иметь друзей своего возраста и ходить в нормальную школу. И все ради какой-то безумной идеи.

И вот теперь Шарлотта со своим новым мужем Бадом Аллертоном вернулись в Нью-Йорк с новой террористической миссией. А Райм и Сакс вновь оказались следователями, занимающимися их делом.

Шарлотта со злобой смотрела на Райма. Глаза ее были полны слез и ненависти.

– Вы убили Бада! Вы, проклятые фашисты! Вы убили его! – Она презрительно усмехнулась. – Но мы все-таки победили! Скольких мы убили сегодня? Пятьдесят? Семьдесят пять? И сколько же начальников из Пентагона?

Сакс наклонилась к ней:

– А вы знали, что в зале были дети? Мужья и жены награждаемых солдат? Их родители? Бабушки и дедушки? Вы это знали?

– Конечно, знали, – ответила Шарлотта.

– И они тоже были частью вашего жертвоприношения, да?

– Ради высокой и достойной цели, – провозгласила Шарлотта.

Возможно, так звучал лозунг их группы, с которого они начинали свои тайные сходки.

Райм встретился взглядом с Амелией.

– Может быть, вам будет небесполезным посмотреть на результаты ваших трудов, – заметил он.

Амелия кивнула и включила телевизор. На экране появилась фигура комментатора.

– ...незначительное ранение. Офицер из антитеррористической группы, управлявший роботом, обезвреживавшим бомбы, был легко ранен шрапнелью. Ему оказана медицинская помощь. В настоящее время он уже выписан из госпиталя. Ущерб, причиненный зданию и находящемуся в нем имуществу, оценивается в пятьсот тысяч долларов. Вопреки уже появившимся в прессе заявлениям ни «Аль-Каида», ни какая-либо другая исламская террористическая группировка к данному теракту не причастна. Как сообщила представитель управления полиции, он был организован и осуществлен американской террористической группировкой. Итак, если вы недавно включили телевизор, повторяем: сегодня около полудня две бомбы взорвались в здании управления строительства на Нижнем Манхэттене. Однако, к счастью, человеческих жертв удалось избежать, и только один полицейский получил незначительное ранение. Среди планировавшихся жертв террористов были заместитель государственного секретаря и глава объединенного комитета начальников штабов...

Сакс уменьшила звук и мрачно уставилась на Шарлотту.

– Нет! – выдохнула женщина. – О нет!.. Что?..

– Совершенно очевидно, – пояснил Райм. – Мы догадались, что должно произойти, и эвакуировали всех.

Шарлотта была потрясена.

– Но… невозможно. Нет… Аэропорты были закрыты, вылеты отменены, поезда…

– А, это… – презрительно произнес Райм. – Нам просто нужно было выиграть время. Поначалу, конечно, я попался на удочку и полагал, что он в самом деле намерен похитить Дельфийский механизм, но затем понял, что мы имеем дело с очередной уловкой. Что, в свою очередь, нисколько не исключало, что он вполне мог повредить часы в НИСИТ. Поэтому, пока выясняли, что же на самом деле задумал Дункан, мы позвонили мэру и попросили его приостановить все полеты и общественные перевозки в Нью-Йорке и прилегающих районах.

«Вы понимаете, что произойдет, если мы нажмем эту кнопку…»

Шарлотта заглянула в комнату, в которой только что совершенно бессмысленно погиб ее муж. В ней вновь проснулся фанатик. Она холодно произнесла:

– Вам все равно нас не победить. Вы можете выиграть одно или два сражения. Но мы в конце концов все равно отобьем у вас страну. Мы…

– Эй ты, обойдемся как-нибудь без твоей риторики… – Слова принадлежали долговязому негру, только что вошедшему в комнату. Это был спецагент ФБР Фред Дельрей. Когда он узнал о том, что к взрыву причастны американцы, тут же отложил в сторону дело о финансовых аферах. Приказ о передаче ему дела о теракте в здании управления строительства не заставил себя ждать.

На Дельрее были светло-синий костюм и ярко-зеленая рубашка под коричневым пальто примерно 1975 года выпуска. Вкус агента был столь же ужасным, как и его манеры. Он окинул Шарлотту презрительным взглядом:

– Да, да, да, кажется, мы попались в собственный капкан. – Шарлотта взглянула на него с высокомерным вызовом. Дельрей рассмеялся. – Ах, как жаль, что придется отправляться в тюрьму на… на всю оставшуюся жизнь практически ни за что. Не поделишься ли, милашка, своим эмоциональным опытом, как это – чувствовать себя полным лузером?

Стиль допросов Дельрея кардинальным образом отличался от стиля Кэтрин Дэнс. Райм подозревал, что она бы его не одобрила.

Амелия арестовала Шарлотту по обвинению в преступлении по уголовному праву штата, теперь настало время Дельрею арестовать ее по обвинению в преступлении по федеральному уголовному праву, собственно, даже за несколько преступлений: за взрыв бомбы в здании

ООН, за участие в перестрелке в здании федерального суда в Сан-Франциско и ряд других более мелких дел.

Шарлотта заявила, что прекрасно осведомлена о своих правах, и начала очередную проповедь.

Дельрей погрозил ей пальцем.

– Минуточку, дорогуша. – Он повернулся к Райму: – Ну и как тебе удалось ее вычислить, Линкольн? Мы много всякого слышали по этому делу. Про каких-то там парней в форме, которые брали деньги у богачей, и про какого-то умника, повсюду оставлявшего часы в качестве визитных карточек. А тут до нас доходит, что уже и аэропорты закрываются. А я было собирался подремать немного, как вдруг мне сообщают: готовность номер один в здании управления строительства.

Райм подробно описал поспешный процесс криминалистического и кинетического расследования, который и привел их к прояснению истинного плана Часовщика. Кэтрин Дэнс высказала предположение, что он лжет относительно своих намерений в Нью-Йорке. И им пришлось заново проанализировать все собранные улики. Некоторые из них свидетельствовали о том, что он, возможно, замышляет похищение редкого экспоната из музея «Метрополитен».

Чем больше Райм думал над этим, тем больше сомнений у него возникало. В конце концов он пришел к выводу, что Дункан придумал историю с недоставленной посылкой, чтобы заставить их полностью сосредоточиться на версии с музеем. Такой осторожный преступник, как Часовщик, ни в коем случае не оставил бы подобных следов. Он подбросил им Винсента, заранее зная, что придурок все расскажет о церкви, в которой они прятались и в которой он разбросал массу музейных каталогов с упоминаниями о Дельфийском механизме. Кроме того, он говорил о нем не только Винсенту, но и Халлерштайну. Из чего Райм и заключил, что на самом деле у Часовщика на уме нечто совершенно иное. Но что? Кэтрин Дэнс еще несколько раз пересмотрела запись его допроса и решила, что Дункан скорее всего лжет, когда говорит, что выбирал свои «жертвы» исключительно из соображений удобства и безопасности.

– А это, в свою очередь, означало, – продолжал Райм, – что он отбирал их с какой-то другой целью. Поэтому нам нужно было установить, есть ли между ними что-то общее?

И тут Райм вспомнил кое-что относительно места первого «преступления» Часовщика. Ари Кобб сказал, что внедорожник был вначале припаркован в конце переулка, а затем он проехал в его начало,

чтобы оставить тело. Единственная причина состояла в том, что ему нужно было положить жертву именно там.

А что находится поблизости? Черный вход в управление строительства.

Затем Райм затребовал список клиентов компании, в которой Дункан оставил свой «огнетушитель», и обнаружил, что она поставляла в управление напольные покрытия и плитку.

– Я послал своего сотрудника, чтобы повнимательнее рассмотрел тамошнее окружение. И он обнаружил, что на противоположной стороне Сидар-стрит производится ремонт здания. Неделю назад, как раз накануне начала холодов, рабочие гудронировали на нем крышу. Хлопья смолы соответствовали тем, что мы обнаружили на обуви нашего преступника. А с упомянутой крыши открывается идеальный вид на здание управления.

Это также помогло объяснить, зачем Часовщик рассыпал песок на месте «преступления», а потом сметал его. Чтобы наверняка уничтожить все следы, по которым можно было бы установить, что именно он приходил туда позже для зарядки своих взрывных устройств.

Кроме того, Райму удалось установить, что и другие «жертвы» были как-то связаны с упомянутым зданием. Люси Рихтер должна была сегодня получать награду, поэтому у нее имелись все необходимые документы и пропуска, с помощью которых она могла пройти в любую часть управления.

Что касается Джоанны Харпер, то она готовила букеты и цветочные украшения для церемонии – великолепный способ пронести в здание что угодно.

– Я пришел к выводу, что это должна быть бомба. Мы связались с мэром. Он попросил представителей прессы воздержаться от сообщений об эвакуации здания, чтобы не вспугнуть преступников. Правда, устройство взорвалось до того, как антитеррористическая группа сумела его обезвредить. – Райм покачал головой. – Самое отвратительное, когда такая прекрасная улика взрывается. Представляешь, насколько сложно брать отпечатки пальцев с кусков металла, пролетевших по воздуху со скоростью тридцать тысяч футов в секунду.

– Но как тебе удалось выйти на мисс Конгениальность, которая сейчас делает нам честь своим присутствием? – спросил Дельрей, кивнув на Шарлотту.

– Ну, это было совсем просто, – ответил Райм с усмешкой. – Она проявила элементарную неосторожность. Если Дункан был фальшивкой, значит, и женщина, помогавшая ему на месте первого «преступления» в переулке, тоже подставная. Наш молодой сотрудник, как обычно, немного перестарался в хорошем смысле слова и записал номера всех машин вокруг переулка рядом с Сидар-стрит. Мнимая сестра мнимого убитого приехала на автомобиле марки «Авис», который арендовала Шарлотта Аллертон. Мы проверили почти все отели в городе, пока нашли ее. Дельрей восхищенно покачал головой.

– Ну а самый главный ваш объект? Господин Часовых Дел Мастер?

– А, наш Часовщик? – пробормотал Райм. – С ним немного сложнее. – Райм сообщил Дельрею, что дочь Шарлотты Пэм слышала, будто живет он где-то в Бруклине, но где точно, она не знает. – Пока никакой другой информации.

Дельрей наклонился к Шарлотте:

– Где в Бруклине? Мне нужно знать. И немедленно!

– Какой же вы жалкий! – с высокомерным презрением ответила ему Шарлотта. – Вы все! Мелкие прислужники вашингтонской бюрократии. Торгуете душой своей страны и…

Дельрей снова наклонился к ней и произнес прямо в лицо, прищелкнув языком:

– Э-э-э. Никакой политики и никакой философии… Нам нужны только ответы на вопросы. Понятно?

– Идите вы… – ответила ему Шарлотта.

– Куда мне против такого интеллекта, – простонал Дельрей, попытавшись губами сымитировать звук тромбона.

Райм сожалел, что здесь с ними нет Кэтрин Дэнс, которая смогла бы квалифицированно допросить Шарлотту, хотя, как он понимал, и ей пришлось бы очень долго вытягивать информацию из этой фанатички. Он подался вперед в своей инвалидной коляске и шепотом произнес, так, чтобы не услышала Пэмми:

– Если вы нам поможете, я смогу устроить, чтобы вы время от времени виделись с дочерью в тюрьме. А если откажетесь, я гарантирую, что вы больше никогда в жизни ее не увидите.

Шарлотта выглянула в коридор, где на стуле сидела Пэм, с вызовом сжимая в руках «Гарри Поттера». Девочка была хорошенькая, темноволосая, с тонкими чертами лица, но уж слишком худенькая. На ней были потертые джинсы и темно-синий свитер. Под глазами большие темные круги. Девочка нервно хрустела пальцами. Она явно нуждалась в помощи множества разных специалистов.

Шарлотта повернулась к Райму и спокойно произнесла:

– Я предпочту больше никогда ее не увидеть.

Дельрей заморгал, услышав ее слова, его обычно совсем неэмоциональное лицо перекосило от отвращения.

Воображение Райма иссякло – он не представлял, на какую еще приманку поймать эту женщину.

И тут в комнату вбежал Рон Пуласки. Несколько мгновений ему потребовалось на то, чтобы отдышаться.

– Что случилось? – спросил Райм.

Ушло мгновение, прежде чем Рон смог ответить. Наконец он произнес:

– Телефоны… Часовщик…

– Давай, выкладывай скорее, Рон.

– Извините… – Глубокий вдох. – Мы не смогли отследить его мобильный, но гостиничный портье видел, как она, Шарлотта, каждый день около полуночи куда-то звонила на протяжении последних четырех или пяти дней. Я связался с телефонной компанией. Выяснил номер, по которому она звонила. И они нашли его. Это платный телефон в Бруклине. Вот здесь, на перекрестке. – Он протянул обрывок бумаги Селлитто, который передал его Бобу Хауманну и ребятам из группы захвата.

– Отличная работа, – похвалил Селлитто Пуласки, позвонил помощнику инспектора полиции округа, в котором располагался телефон, и попросил начать осмотр района. А Мэл Купер тем временем переслал туда по электронной почте фоторобот Часовщика.

Райм высказал предположение, что Часовщик мог жить и далеко от телефона – это бы не удивило криминалиста, – но спустя каких-нибудь пятнадцать минут они получили подтверждение от патрульного полицейского, отыскавшего нескольких жителей района, которые сразу же узнали Дункана по фотографии.

Селлитто записал номер дома и передал его Бобу Хауманну.

– Я позвоню оттуда, – бросила на ходу Сакс.

– Подожди, – остановил ее Райм. – Тебе бы лучше остаться здесь. Боб сам со всем справится. У него в распоряжении будет достаточно тактических мощностей.

Райм не мог забыть о намерении Амелии уйти из полиции, и ему вспомнилось поверье, распространенное среди полицейских, что у тех, кому осталось недолго работать, гораздо больше шансов погибнуть или получить тяжелое ранение. Естественно, Райм не верил никаким приметам. Впрочем, это не имело принципиального значения. Ему просто не хотелось, чтобы она уходила.

Амелия думала примерно о том же. И не могла скрыть колебаний. И тут он заметил, что она смотрит в коридор на Пэм Виллоуби. Мгновение спустя Амелия снова повернулась к Райму. Их взгляды встретились. Он едва заметно улыбнулся и кивнул.

Амелия схватила свою кожаную куртку и направилась к двери.

По тротуару в тихом квартале Бруклина медленно продвигался десяток полицейских. Еще шестеро крались по переулку за бунгало.

Это был район скромных домиков и маленьких двориков, украшенных рождественской мишурой. Крошечные размеры участков ничуть не повлияли на желание владельцев заполнить их возможно большим количеством Санта-Клаусов, оленей и эльфов.

Амелия медленно двигалась по тротуару во главе группы захвата. Она поддерживала постоянную радиосвязь с Раймом.

– Мы уже на месте, – сообщила она ему почти шепотом.

– Ну и что там?

– Мы осмотрели здания с обеих сторон и сзади.

На противоположной стороне улицы находился общественный огород. Посередине крошечного участка стояло чучело в изодранном халате. На груди у него было что-то написано.

– Неплохое местечко для проведения захвата. Мы… постой-ка, Райм. – В одной из комнат погас свет. Полицейские остановились и присели. – Он все еще здесь… Я отключаю связь.

– Давай, бери его, Сакс. – Амелия услышала в его голосе необычную решительность. Она понимала, Райма очень расстроило то, что Часовщику удалось бежать. Конечно, они спасли людей в здании управления строительства и арестовали Шарлотту. Но как бы то ни было, Райм не успокоится, пока не поймает всех, причастных к этому делу.

Только он в отличие от Амелии не был уверен, что ей удастся схватить Часовщика. А ей очень хотелось преподнести Дункана Райму в качестве памятного подарка об их последнем совместном деле.

Она сменила частоту в рации и произнесла в микрофон:

– Детектив пять-восемь-восемь-пять вызывает группу «А».

Боб Хауманн, находившийся на расстоянии одного квартала, вышел на связь.

– Говорите.

– Он здесь. Только что видела свет в одной из комнат.

– Принято. Группа «В», слышишь?

Бо обращался к полицейским, находившимся за бунгало.

– Командир группы «В» вызывает группу «А». Мы… Минутку. Да, он наверху. Только что видели, как там зажегся свет. Кажется, в задней спальне.

– Имейте в виду, он может быть не один, – предупредила Амелия. – Вдруг там кто-то еще из организации Шарлотты. Или у него нашелся новый сообщник.

– Поисковые группы, что у вас там? – спросил Хауманн своим скрипучим голосом.

Поисковые группы как раз занимали позиции на крыше жилого здания за домом Часовщика и в огороде на противоположной стороне улицы и направляли свой инструментарий на жилище преступника.

– Поисковая группа «А» вызывает основную группу «А». Все жалюзи опущены. Невозможно ничего разглядеть. В задней части дома повышение инфракрасного излучения. Находящийся там человек не

движется. На чердаке свет, но внутрь мы заглянуть не можем, так как все окна закрывают жалюзи.

– Поисковая группа «B». У нас то же самое. Ничего не видно. Тепло наверху. На первом этаже ничего. Секунду назад слышали щелчок или два.

– Оружие?

– Возможно. А может быть, просто какие-нибудь бытовые приборы или обогреватель.

Офицер группы захвата, находившийся рядом с Сакс, жестами отдавал приказания подчиненным. Он, Амелия и еще двое собрались у входной двери. Еще одна группа из четверых полицейских следовала за ними. Один нес таран. Трое других следили за окнами на первом и втором этажах.

– Группа «B» вызывает группу «A». Мы заняли позицию. Установили лестницу к окну освещенной комнаты.

– Группа «A» заняла позицию, – шепотом радировал еще один участник захвата.

– По счету три световые гранаты – в освещенные помещения. Бросайте сильнее, так, чтобы они пробили жалюзи. На счет «один» одновременное проникновение в здание с обоих входов. Группа «B» разделяется и осматривает первый этаж и подвал. Группа «A» идет прямо наверх. В первую очередь ищите взрывные устройства. Помните, этот парень знает, как с ними работать.

Несмотря на морозный воздух, ладони Амелии вспотели в узких перчатках «Номекс». Она стянула одну из них и подула в нее. Затем так же поступила и с другой. Потом подтянула бронежилет и отстегнула чехол запасной обоймы. У других полицейских были автоматы, но Амелия не любила такое оружие. Она предпочитала изящество одного точно сделанного выстрела потоку свинца.

Амелия и трое полицейских из первой группы молча кивнули друг другу.

Хриплый голос Хауманна начал отсчет:

– Шесть... пять... четыре... три...

Морозный воздух огласил звук разбитого стекла. Это в окна полетели световые шоковые гранаты.

Хауманн спокойно продолжал считать:

– Два… один.

От громкого треска гранат задрожали стекла, и дом наполнился вспышками яркого света. Здоровенный полицейский с тараном в руках саданул им во входную дверь. Она распахнулась от первого же толчка, и через несколько секунд участники штурма уже бежали по скудно обставленным помещениям.

С фонариком в одной руке и пистолетом в другой Амелия вместе со своей группой поднималась по лестнице на второй этаж.

Она слышала голоса полицейских из других групп, осматривавших подвал и комнаты первого этажа.

Первая спальня на втором этаже была пуста. Вторая тоже.

Вскоре стало ясно, что в здании пусты все помещения.

– Где он, черт побери? – пробормотала Амелия.

– Всегда одно и то же, – усмехнулся кто-то.

– Преступник-невидимка, – отозвался другой.

В наушниках послышалось:

– Поисковая группа «А». Свет на чердаке только что погас. Он там.

В самом конце маленькой спальни они обнаружили люк в потолке, с него свисала толстая веревка. Складная лестница. Мужчины отступили на шаг, целясь в люк, а Амелия схватила веревку и резко потянула. Дверца со скрипом подалась вниз, у них на глазах раскрылась складная лестница.

Амелия погасила свет в спальне, чтобы их труднее было разглядеть. При этом она прекрасно понимала, что человек наверху находится в значительно более выгодном положении по сравнению с ними. Любой, кто станет подниматься по лестнице, будет представлять для него превосходную мишень.

Командир группы крикнул:

– Эй вы там, на чердаке! Немедленно спускайтесь вниз! Вы меня слышите? Это ваш последний шанс.

В ответ ни звука.

– Световую гранату! – приказал он.

Один из полицейских отвязал гранату с пояса и кивнул. Командир группы положил руку на лестницу, но Амелия покачала головой:

– Я возьму его.

– Вы уверены?

Сакс кивнула.

– Только, пожалуйста, одолжите мне кто-нибудь шлем.

Кто-то протянул ей шлем, и она надела его.

– Мы готовы, детектив.

– Пошли! – Амелия взобралась почти до самого верха лестницы – боли в коленях, которой она ожидала, практически не было – и вынула световую гранату. Вырвала чеку, зажмурилась, чтобы вспышка не ослепила ее и чтобы немного приспособиться к темноте на чердаке. И, опустив голову, швырнула гранату вверх.

Через три секунды она взорвалась, и Амелия, открыв глаза, влезла в узкое пространство, заполненное дымом и воняющее осадком от взрывчатого вещества. Она откатилась от входа, зажгла свой фонарь и, поводив им по сторонам, нашла какую-то стойку, к которой и подползла как к единственному доступному укрытию.

Никого справа, никого в центре, никого…

Именно в это мгновение она поняла, что пол вовсе не деревянный, каким показался поначалу, а из картона, покрытого всяким изолирующим барахлом. Правой ногой она уже пробила его насквозь, и та уже торчала из потолка спальни. Амелия попала в капкан. Она не могла пошевелиться, резкая боль в колене током пронзила тело. Она не смогла сдержать крик.

– Детектив! – Амелия повернула фонарь и пистолет в единственном направлении, которое могла видеть, – прямо перед собой. Преступника там не было.

Это означало, что он у нее за спиной.

И тут над головой загорелся свет, сделав из Амелии идеальную мишень.

Она изо всех сил попыталась повернуться, в любое мгновение ожидая сухого треска выстрела и удара пули в голову, в шею или в спину.

Амелия вспомнила об отце.

Вспомнила о Линкольне Райме.

«Ты и я, Сакс…»

Затем решила, что ни при каких обстоятельствах не позволит, чтобы ее одолели вот так просто, без сопротивления. Амелия взяла пистолет в зубы и, опираясь на обе руки, стала поворачиваться, чтобы найти свою мишень.

Она услышала звук тяжелой обуви на лестнице – кто-то спешил ей на помощь. Конечно, именно этого и ждет Часовщик – возможности убить как можно больше полицейских. Он воспользовался Амелией в качестве приманки, чтобы завлечь ее товарищей на верную гибель в надежде самому скрыться в начавшейся неразберихе.

– Берегись! – крикнула она, сжимая пистолет. – Он…

– Где он? – спросил командир группы «А». Он взбежал вверх по лестнице, за ним по пятам следовали два других полицейских. Они торопливо оглядывали помещение, в том числе и ту часть, что находилась за спиной Амелии.

Ее сердце учащенно билось, она изо всех сил пыталась взглянуть назад.

– Вы что, его не видите? – с недоверием в голосе спросила она. – Но он должен там быть.

– Никого там нет.

Оба офицера наклонились, схватили Амелию за бронежилет и вытащили из картонного пола. Она обернулась. Помещение было пусто.

– Как ему удалось выбраться? – пробормотал один из офицеров.

Амелия обратила внимание на предмет, лежавший на полу, и печально рассмеялась.

– Его здесь и не было. Ни наверху, ни внизу. Он, вероятно, смылся отсюда уже несколько часов назад.

– А свет? Кто-то ведь включал и выключал его.

– Ошибаетесь. Вот, взгляните. – Она указала на маленький футляр бежевого цвета, соединенный с коробкой с предохранителями. – Ему хотелось, чтобы мы думали, что он все еще здесь. И дали ему возможность скрыться.

– Что это такое?

– Нетрудно догадаться. Таймер.

Глава 41

15.17

Амелия закончила обыск дома в Бруклине и отослала Райму то небольшое количество улик, которые ей удалось там собрать.

Сняла «Тайвек», натянула куртку и по пронизывающему холоду поспешила к автомобилю Селлитто. На заднем сиденье расположилась Пэм Виллоуби. Она сжимала в руках своего любимого «Гарри Поттера» и потягивала горячий шоколад, который ей купил толстяк детектив. Сам он пока оставался в доме Часовщика, завершал оформление документов. Амелия села в машину рядом с Пэм. По предложению Кэтрин Дэнс они взяли с собой девочку, чтобы та смогла осмотреть дом. Вдруг что-то пробудит в ней какие-нибудь ассоциации. Но жилец практически ничего не оставил, и осмотр дома не вызвал у Пэмми никаких особых воспоминаний по поводу Часовщика.

Улыбаясь, Амелия оглядела девочку, вспомнив то странное выражение надежды, которое она увидела на лице у девочки в переулке рядом с Сидар-стрит.

– Мы тебя постоянно искали, – призналась Амелия. – И все эти годы я часто о тебе вспоминала.

– Я тоже, – ответила девочка, заглядывая на дно своей чашки.

– А куда вы поехали из Нью-Йорка?

– Вернулись в Миссури и спрятались в лесах. Мама часто оставляла меня с другими людьми. Мне было, в общем, все равно. Некоторые из них, конечно, были очень гадкие. Правда, попадались и хорошие. В основном я сидела там одна и читала. Я ни с кем особенно не дружила. С ними было очень тяжело. Если ты думал по-другому, не так, как они, они начинали тебя презирать. Большинство там учились дома. Мне очень хотелось пойти в настоящую школу, и я просила родителей об этом. Бад ни за что не соглашался, но мама в конце концов решила меня отпустить, только предупредила, что если я кому-то расскажу про них, то попаду

вместе с ними в тюрьму как помощница… Нет, как соучастница. А там, в тюрьме, мужчины будут делать со мной всякие страшные вещи. Вы понимаете, о чем я говорю.

– Милая моя маленькая девочка. – Амелия сжала ей руку. Амелии очень хотелось иметь детей, и она твердо знала, что рано или поздно они у нее будут. Ей было жутко слышать, что мать способна обречь собственное дитя на подобные испытания.

– А иногда, когда становилось совсем плохо, я вспоминала вас и представляла, что вы моя настоящая мать. Я ведь не знала, как вас зовут. Может быть, я и слышала ваше имя раз или два, но уже успела забыть. И поэтому я придумала для вас новое имя – Артемида. Я прочитала его в книге по мифологии. Она была богиней охоты. Вы же убили ту бешеную собаку, которая напала на меня. – Девочка опустила глаза. – Вообще-то, конечно, глупое имя.

– О нет, нет, имя прекрасное. Мне оно очень нравится… ты ведь меня узнала тогда в переулке во вторник? Когда сидела в машине?

– Да. Я знала, что вы должны были там оказаться, чтобы снова спасти меня. Вы верите, что такое бывает в жизни?

Нет, Амелия не верила. Вслух она произнесла только:

– Жизнь иногда выкидывает странные штуки…

Рядом с ними остановился автомобиль, и из него вылезла знакомая Сакс женщина-соцработник и подошла к ним.

– Привет. – Приятная негритянка потирала замерзшие руки над решеткой радиатора. – Официально для нас еще даже не началась зима. Как-то несправедливо. Мы нашли пару очень хороших приемных семей. Одну в Ривердейле. Их я знаю уже много лет. Ты у них побудешь несколько дней, а мы пока поищем кого-нибудь из твоих родственников.

Пэмми нахмурилась:

– А мне можно взять новое имя?

– Новое имя?..

– Мне не хочется больше носить старое. Я больше никогда не хочу разговаривать с матерью. Я не хочу, чтобы кто-то из тех людей, с кем мы там жили, отыскал меня.

Амелия опередила соцработника, сказав:

– Конечно же, мы позаботимся, чтобы с тобой ничего не случилось, Пэмми. Обещаю.

Пэмми обняла ее.

– Значит, мы скоро снова встретимся? – спросила Амелия.

Изо всех сил стараясь сдержать свою радость, девочка ответила:

– Наверное. Если вы не против.

– А как насчет того, чтобы завтра пройтись по магазинам?

– Да, конечно.

Амелии пришла в голову идея.

– Пэм, а ты любишь собак?

– Да, в одной семье, в которой я жила в Миссури, была собака. Мне она нравилась больше, чем ее хозяева.

Амелия позвонила Райму домой и позвала к телефону Тома.

– У меня вопрос.

– Выкладывай.

– Кто-нибудь на Джексона претендует?

– Нет. Пока он свободен.

– Можешь считать, что у него уже есть владелец. – Сакс отключила телефон и повернулась к Пэм: – Я приготовила тебе один интересный рождественский подарок.

* * *

Порой даже самые идеальные часы почему-то не работают.

Оторопь берет, когда подумаешь о том, насколько же хрупки эти механизмы. Пятьсот, а то и тысяча мельчайших движущихся деталей, почти микроскопические винтики, пружинки и камни, и все на своем месте. Десятки разнообразных частей, движущихся по-разному, но с удивительной согласованностью… Опасность поломки существует всегда, и причины ее бесчисленны. Иногда виною всему просчет часовщика, иногда в механизм попадает бракованный кусочек металла, иногда

владелец пережимает пружину при заводе. Порой просто роняет часы. Бывают случаи, когда внутрь попадает влага.

Нужно принимать во внимание и те случаи, когда часы идеально идут в одном месте и отказывают в другом. Даже прославленные «Ролекс ойстер перпетуал», революционная для своего времени высококлассная и дорогая модель – наручные часы для ныряльщиков, – не способны противостоять высокому давлению под большой толщей воды.

И вот теперь, сидя в машине, на которой он приехал из Сан-Диего (не оставляешь никаких следов, если за бензин расплачиваешься наличными и избегаешь платных шоссе), Чарлз Веспасиан Хейл размышлял над тем, что же не сработало в его плане.

Он пришел к выводу, что главной причиной была полиция, а точнее, Линкольн Райм. Хейл сделал все, чтобы предвидеть их шаги. Но в последний момент им все-таки удалось опередить его. Райм совершил то, чего так опасался Хейл, – проанализировав функцию нескольких, на первый взгляд незначительных рычажков и шестеренок, он составил совершенно верное представление о структуре и функции всего механизма Хейла в целом.

Впрочем, у Хейла будет много времени, чтобы поразмыслить над своими ошибками и над тем, как избежать их впредь. Сейчас он намеревался немедленно отправиться в Калифорнию. Он взглянул на свою физиономию в зеркале заднего обзора. Волосам вновь вернулся их естественный цвет, он удалил голубые контактные линзы, но коллаген, благодаря которому утолщался нос, щеки делались пухлыми и появлялся двойной подбородок, еще частично оставался под кожей.

Пройдет несколько месяцев, прежде чем он сможет сбросить те сорок фунтов, которые набрал ради выполнения задания, и снова стать самим собой в полном смысле слова. Хейл чувствовал себя отяжелевшим и вялым после нескольких недель, проведенных в Нью-Йорке. Ему необходимо было вернуться в родные просторы, к любимым горам.

Да, он проиграл. Но, как Хейл часто говорил Винсенту Рейнольдсу, для великого плана Вселенной это не имеет принципиального значения. Его совершенно не расстроил и не испугал арест Шарлотты Аллертон. Аллертонам ничего не было известно о том, кем он на самом деле является (они полагали, что его зовут Дунканом), а первоначальные контакты с ними проходили через посредство в высшей степени осторожных людей, услугами которых он пользовался для поиска заказов.

Более того, теперь он понял, что в его провале был и положительный аспект. Хейл узнал нечто такое, что преобразило его жизнь. Он создал маску Часовщика просто потому, что данный персонаж в его представлении должен был производить жутковатое впечатление и привлечь внимание публики и полиции, соответствующим образом настроенной на подобные типы бесчисленными детективными телесериалами.

Но чем больше он входил в роль, тем больше чувствовал, что в этом персонаже обнаружил самое точное воплощение своего истинного «я». Исполнение роли Часовщика стало для Хейла чем-то вроде процесса самореализации. Он увлекся часами, всякого рода старинными хронометрами и самой концепцией времени. (К тому же у него возник совершенно искренний интерес к Дельфийскому механизму. Вообще-то когда-нибудь в будущем можно будет на самом деле заняться его похищением.)

Часовщик…

Чарлз Хейл сам ведь был не более чем большими и очень сложными часами. Ими можно пользоваться, как известно, с разными, порой прямо противоположными целями. Радостными, как, например, измерять продолжительность родовых схваток при рождении ребенка. Или страшными – при планировании времени налета с целью уничтожения женщин и детей.

Время превыше нравственности.

Хейл опустил глаза на то, что лежало на сиденье рядом с ним, – золотой карманный брегет. Рукой в перчатке он поднял его, медленно завел – всегда лучше недокрутить, чем перекрутить – и осторожно опустил между двумя кусками специальной прокладки в большой белый конверт. Затем запечатал конверт и повернул ключ зажигания.

Никаких очевидных нитей, ведущих к Часовщику, не было.

Райм, Селлитто, Купер и Пуласки сидели в лаборатории Райма на Сентрал-парк-Уэст и просматривали те материалы, которые удалось обнаружить в бруклинском доме преступника.

Амелия Сакс отсутствовала. Она не сообщила, куда направляется. Да, собственно, от нее подобная информация и не требовалась. Она только сообщила Тому, что будет поблизости, если в ней возникнет необходимость, и дала телефон места, где ее можно будет найти. Райм

тайком проверил его по справочнику. Оказалось, она дала телефоны основного офиса «Арджайл секьюрити».

Впрочем, Райм мгновенно забыл об этом. Все его мысли были заняты поисками Часовщика, кем бы он ни был.

Делая ретроспективный анализ происшедшего, Райм составил примерный сценарий событий. О церемонии было объявлено 25 октября, значит, Кэрол и Бад связались с Часовщиком вскоре после названной даты. Он прибыл в Нью-Йорк около 1 ноября – начало аренды бруклинского дома. В середине ноября Амелия Сакс взялась за дело Крили, и вскоре Бейкер с Уоллесом решили с ней расправиться.

– Где-то в течение следующих нескольких недель им удалось связаться с Часовщиком. Что он там нам говорил, когда мы еще принимали его за Дункана? Об их встрече?

– Что кто-то в клубе свел их, – ответил Селлитто, – в клубе, в котором Бейкер якобы пристал к его другу.

– Он явно лгал. Никакого клуба не существовало… – Райм покачал головой. – Кто-то их свел. Кто-то знает Часовщика. И возможно, кто-то здесь, в Нью-Йорке. Если бы мы могли найти этих людей, мы бы получили настоящую нить… Бейкер начал давать показания?

– Нет, ни слова. Никто из них не желает говорить.

Пуласки покачал головой:

– Задача, мягко говоря, не из легких. Я к тому, что вы сами можете себе представить, сколько преступных группировок в городе и вокруг. Чтобы найти того, кто нам нужен, потребуется целая вечность. Да и они, я думаю, не склонны с нами сотрудничать.

Криминалист нахмурился:

– О чем ты? Какое отношение к тому, о чем мы говорим, имеют преступные группировки?

– Ну, я просто предположил, что их свел кто-то имеющий отношение к организованной преступности.

– Почему ты так думаешь?

– Бейкер хочет убить полицейского, верно? Но не может сделать это так, чтобы самому не запачкаться, поэтому ему необходимо кого-то нанять. Он связывается с кем-то, кто имеет выход на мафию. Тот парень сам не

желает убивать полицейского, зато знакомит Бейкера с человеком, который не прочь взяться за грязное дело – с Часовщиком.

Все молчали. Пуласки покраснел и опустил глаза.

– Не знаю, правильно ли я мыслю. Просто пришло в голову.

– Голова у тебя неплохая, парень, – заметил Селлитто.

– Да?

Райм кивнул:

– Мысль, в общем, неплохая. Давайте позвоним в отдел организованной преступности и посмотрим, смогут ли они нам что-нибудь предложить. И Дельрею тоже позвоните... А теперь вернемся к имеющимся у нас материалам.

В бруклинском доме Часовщика полиция обнаружила несколько отпечатков, но в электронной базе никаких соответствий не нашлось. Не совпали они и с отпечатками с предыдущих мест деятельности Часовщика. Договор об аренде дома был заключен под еще одним выдуманным именем, и Часовщик предоставил несуществующий адрес предшествующего места проживания. За аренду он заплатил наличными. Проверка Интернета показала, что из дома Часовщика производились периодические выходы в несколько ближайших сетей. Электронные письма он не отправлял, только просматривал сайты. Чаще всего он посещал сайт книжного магазина, торговавшего книгами и учебниками по ряду медицинских специальностей.

– Черт! Наверное, кто-то еще уже нанял его, – вырвалось у Селлитто.

Не исключено, подумал Райм, кивая.

– Он выходит на новую цель. Возможно, прямо сейчас прорабатывает план. Только представьте себе вред, который он может причинить, прикинувшись врачом.

«А я ведь упустил его...»

В материалах, собранных Амелией, они обнаружили лишь волокна шерсти барашка и несколько кусочков зеленого растения, пропитанного морской водой, которые, как выяснилось, не совпадали с теми водорослями и океанской водой, которую нашли у яхты Роберта Уоллеса на Лонг-Айленде.

Позвонил помощник инспектора Бруклинского округа и сообщил, что проверка прилегающих к дому кварталов ничего не дала. Несколько жителей вспомнили, что видели Часовщика, но никто никакой конкретной информацией о нем не располагал.

Что касается Шарлотты и ее покойного мужа Бада Аллертона, то здесь изыскания полиции были значительно более успешны. Парочка оказалась гораздо менее осторожной, нежели Часовщик. Сакс удалось накопать большое количество сведений о подпольных террористических группировках, с которыми они были связаны, включая довольно крупную организацию в Миссури и печально известную «Ассамблею патриотов», базировавшуюся в штате Нью-Йорк. С ней Райм и Сакс уже сталкивались в прошлом. Телефонные звонки, отпечатки пальцев, обмен электронными посланиями предоставляли ФБР и местной полиции обширный материал для работы.

В дверь позвонили, и Том вышел встретить гостя. Через минуту он вернулся вместе с женщиной в военной форме. Это была Люси Рихтер, четвертая «жертва» Часовщика. Райм обратил внимание, что ее больше поразило оборудование его лаборатории, чем то состояние, в котором он находился. И тут он вспомнил, что перед ним стоит женщина-солдат, для которой оторванные конечности, переломанные позвоночники, прикованные к постели раненые совсем не в новинку. Состояние Райма нисколько не потрясло ее.

Люси объяснила, что незадолго до прихода позвонила Кэтрин Дэнс и сообщила, что хотела бы побеседовать со следователями, и та посоветовала ей обратиться непосредственно к Райму.

Том предложил Люси на выбор кофе и чай. Как правило, Райма раздражали визитеры, и он совсем не стремился задерживать их у себя надолго. На сей раз все обстояло как раз наоборот, он злобно посмотрел на своего помощника и раздраженно бросил:

– Девушка, возможно, голодна, Том. Или, может быть, ей хочется чего-нибудь покрепче. Виски, к примеру.

– На вас не угодишь, – пробурчал Том. – Я и не предполагал, что в кодексе Райма существуют специальные правила вежливости для приема военнослужащих.

– Спасибо, не беспокойтесь из-за меня, – сказала Люси. – Я ненадолго. Кэтрин Дэнс у вас нет?

– Пока нет. Но обязательно заедет по пути в аэропорт.

– Если мы разминемся, передайте ей, пожалуйста, что я обязательно позвоню. – Люси улыбнулась Райму. – Но прежде всего я хочу поблагодарить вас. За то, что спасли мне жизнь. Дважды.

– На самом деле, – заметил Селлитто, – в первый раз вам никакая опасность не угрожала. Часовщик не собирался причинять вред никому из «жертв». Что касается второго раза – то да, принимаем благодарность, ведь он хотел там разнести все на мелкие кусочки.

– На церемонии присутствовала практически вся моя семья, – напомнила Люси. – Вы спасли и их. Как бы я ни благодарила вас, все равно будет мало.

И, как всегда, Райм чувствовал себя крайне неуютно, выслушивая благодарность, хотя и сопровождал ее излияния периодическими кивками.

– Кроме того, я обнаружила нечто такое, что, как мне кажется, может вам помочь. Я разговаривала с соседями о том, как тот человек пробрался ко мне в квартиру. И один из соседей, проживающий через три дома от меня, рассказал мне, что вчера, забирая что-то с заднего двора, он обнаружил веревку, которая свисала с крыши в переулок. Я подумала, что преступник убежал, воспользовавшись ею.

– Интересно, – заметил Райм.

– Есть и кое-что еще. Мой муж сходил туда посмотреть на веревку. Боб служил два года в ВМС…

– Моряк? А вы, значит, представляете в семье сухопутную армию, – рассмеялся Пуласки.

Люси улыбнулась:

– Время от времени у нас с ним бывают интересные дискуссии. Особенно в футбольный сезон. Как бы то ни было, взглянув на веревку, он сказал: тот, кто ее завязывал, неплохо разбирается в своем деле. Он использовал редкий узел, чаще всего применяемый в альпинизме при спуске с гор. Он называется «мертвый узел». У нас в стране с ним редко можно встретиться; гораздо больше он распространен в Европе. Должно быть, преступник много занимался альпинизмом, и в основном за океаном.

– Да, информация действительно полезная. – Райм мрачно взглянул на Пуласки. – И позор для нас, что находит ее жертва преступления. Нам самим следовало бы давно ее получить. – Он вновь повернулся к Люси: – Веревка на месте?

– Да.

– Отлично… Вы пока не собираетесь уезжать? Если нам удастся его поймать, мы будем вынуждены просить вас выступить в качестве свидетеля на суде.

– Скоро я снова отправляюсь по месту назначения. Но уверена, что на суд смогу приехать. Мне должны дать специальный отпуск.

– Сколько еще времени вы собираетесь там провести?

– Я подписала контракт на два года.

– Вы все-таки решились? – спросил Селлитто.

– Я долго раздумывала. Там очень тяжело. И в конце концов все-таки решила вернуться туда.

– Из-за теракта?

– Нет, я приняла решение раньше. Я смотрела на солдат, присутствовавших на церемонии, членов их семей и думала, что жизнь часто забрасывает тебя туда, где ты никогда не предполагал оказаться. И ты вдруг понимаешь, что именно там ты находишься на своем месте и делаешь что-то по-настоящему значительное и важное. Поэтому, – она надела куртку, – если я вам понадоблюсь, то получу отпуск без проблем.

Они распрощались, и Том проводил Люси до двери.

Когда он вернулся, Райм попросил:

– Добавь ее информацию в досье. Альпинист или скалолаз, подготовку получил в Европе. – И обратился к Пуласки: – Пусть кто-нибудь съездит и заберет веревку, на которую ты не обратил внимания…

– Но ведь не я один проводил осмотр…

– …и найди какого-нибудь эксперта по альпинизму. Я должен знать точно, где Часовщик получил подготовку. И с веревкой разберись. Где он купил ее и когда.

– Слушаюсь, сэр.

Минут через пятнадцать вновь зазвенел звонок, и Том вошел с Кэтрин Дэнс. Она приветствовала всех присутствующих. В руках Кэтрин держала белый конверт 8,5 на 11 дюймов.

– Привет, – сказал Пуласки.

Райм в знак приветствия приподнял бровь.

– Я еду в аэропорт, – сообщила Дэнс. – Просто хотела попрощаться. Кстати, это я нашла на пороге.

Она протянула конверт Тому. Том взглянул на него:

– Без обратного адреса, – и нахмурился.

– В первую очередь следует думать о безопасности, – заметил Райм. – В корзину.

Селлитто взял конверт и прошел к большому контейнеру из переплетенных стальных полос, но тем не менее чем-то напоминавшему корзину для грязного белья. Он бросил конверт внутрь и захлопнул крышку. Все неопознанные пакеты отправлялись в эту «корзину для бомб» – в ней имелись специальные сенсоры, которые устанавливали наличие нитратов и других распространенных взрывчатых веществ.

Компьютер проанализировал пары, исходящие от конверта, и сообщил, что взрывчатки в нем нет.

И что же в нем тогда такое? – подумал Райм.

Натянув латексные перчатки, Купер извлек его из корзины и внимательно осмотрел. На конверте была наклейка, отпечатанная на компьютере со словами: «Линкольну Райму».

– Самоклеящаяся, – добавил молодой эксперт разочарованно. Криминалисты предпочитали старомодные конверты, которые преступникам приходилось лизать, прежде чем заклеить. С подобных конвертов можно легко получить отличный образец ДНК. Но тот конверт, который он держал в руках, был совсем другим. Ему был хорошо знаком этот их тип. Они продавались во всех магазинах, и их практически невозможно было отследить.

Райм подъехал поближе к Куперу и вместе с Дэнс стал наблюдать за тем, как тот извлекал карманные часы и записку, также отпечатанную на принтере. Письмо лежало на пороге не больше четверти часа – промежуток времени между уходом Люси Рихтер и приходом Кэтрин. Селлитто позвонил в центр и попросил, чтобы несколько полицейских машин из ближайшего 20-го отделения отправили осматривать местность вокруг дома Райма. А Купер направил в отделение фоторобот Часовщика.

Часы шли и показывали точное время. Они были из золота с несколькими маленькими циферблатами помимо основного.

– Тяжелые, – заметил Купер. Он надел очки со специальными увеличительными стеклами, чтобы рассмотреть подарок Часовщика во всех подробностях. – Довольно старые, много признаков долгой службы… Никакой гравировки, которая свидетельствовала бы о владельце. – Он взял щеточку из верблюжьей шерсти и смел пыль с часов на кусок газеты. То же самое он сделал и с конвертом. Ничего.

– Вот записка, Линкольн.

Дорогой мистер Райм.

К тому времени, когда вы получите мое послание, меня уже не будет в городе. На данный момент мне известно, что никто из участников собрания серьезно не пострадал. Из чего я заключил, что вы догадались о моих планах. Я же, в свою очередь, догадался о ваших и отложил визит в отель, где жила Шарлотта, хотя и внимательно наблюдал за действиями ваших людей. Полагаю, вы спасли ее дочь. Признаюсь откровенно, меня это радует. Она заслуживает лучшей судьбы, чем та, что выпала ей на долю.

Итак, я хотел бы вас поздравить. Мне казалось, что мой план идеален. Но, как видно, я ошибался.

Карманные часы, которые я вам посылаю, – настоящий брегет. Один из моих самых любимых образцов. Он был изготовлен в начале 1800-х годов, в нем имеются рубиновый цилиндр, служащий регулятором хода, вечный календарь и специальное противоударное устройство. Надеюсь, что вас в свете наших недавних приключений особенно заинтересует окошко с фазами луны. В мире существует очень немного подобных образцов. Я посылаю его вам в качестве подарка и с выражением глубочайшего уважения. До сих пор никому ни разу не удалось помешать мне реализовать мои планы; вы самый лучший полицейский, которого я когда-либо встречал. (Я бы даже сказал, что вы можете сравниться со мной. Однако это будет не совсем верно. Ведь вам так и не удалось поймать меня.) Заводите брегет регулярно (но без излишнего нажима); он будет считать время до нашей следующей встречи.

И один совет напоследок: на вашем месте я бы вел счет каждой оставшейся секунде.

Селлитто скорчил гримасу.

– Что такое? – спросил Райм.

– Какие стильные угрозы тебе присылают, Лин, можно даже позавидовать. Мои подопечные обычно просто говорят: «Подожди, легавый, я с тобой еще разделаюсь…» А это что такое? – Он указал на послание. – Точка с запятой? Он тебе угрожает и вставляет сюда точку с запятой. Нет, у него явно ум за разум зашел.

Райм не рассмеялся. Он все еще страшно злился на себя, так как преступнику удалось уйти. Теперь же его выводило из себя и то, что негодяй явно не собирается успокаиваться на достигнутом.

– Лон, когда ты наконец утомишься от своих примитивных шуточек, внимательно перечитай его письмо и попытайся усвоить, что значит идеальная грамматика и синтаксис. Кстати, это дает нам кое-какие дополнительные сведения о нем. Мы имеем дело с человеком, обладающим превосходным образованием. Частная школа? Классическое образование? Филолог? Выпускник университета, закончивший с отличием? Том, помести все перечисленное в нашу схему.

Тирада Райма совершенно не тронула Селлитто.

– Чертова точка с запятой!

– Кажется, что-то нашел, – вмешался вдруг Купер, оторвав глаза от компьютера. – Зелень, которую нашли у него на бруклинской квартире. Уверен, что это Caulerpa taxifolia. Довольно вредное растение.

– Что?

– Водоросль, способная к очень активному росту и размножению. Вызывает массу проблем. В США она уничтожается всеми способами.

– И полагаю, если она распространяется так активно, ее можно отыскать практически везде, – мрачно заметил Райм. – Другими словами, как вещественное доказательство совершенно бесполезно.

– На самом деле не совсем так, – возразил Купер. – До сих пор ее обнаруживали только на Тихоокеанском побережье Северной Америки.

– От Мексики до Канады?

– Да, и очень много.

– Ну что ж, мы получили почти точный адрес, – саркастически прокомментировал Райм. – Вызовите спецподразделение.

В это мгновение в их беседу вмешалась Кэтрин Дэнс.

– Вы говорите, Западное побережье?.. – На секунду она задумалась. – Покажите мне еще разок запись его допроса.

Мэл Купер нашел его без особого труда, нажал кнопку воспроизведения, и вот уже в десятый раз они стали выслушивать ложь, которую убийца говорил в камеру. Кэтрин наклонилась вперед, внимательно всматриваясь в лицо допрашиваемого, чем напомнила Райму его самого, когда он рассматривал материалы следствия.

Райм уже столько раз видел запись, что слова, произносимые Часовщиком, потеряли для него всякий смысл. Он не представлял, что там еще можно услышать нового. Кэтрин внезапно рассмеялась:

– У меня появилась интересная мысль.

– И какая же?

– Ну, точного адреса, положим, я вам дать не смогу, зато назову штат. Думаю, он родом из Калифорнии. Или жил там довольно долгое время.

– Почему вы так думаете?

Она попросила перемотать пленку, а затем предложила им еще раз просмотреть ту часть допроса, где он излагает историю о поездке на Лонг-Айленд за конфискованным внедорожником.

Кэтрин остановила запись и сказала:

– Я изучала характерные местные выражения. Калифорнийцы обычно, говоря о своих местных дорогах, употребляют слово «эта» или «это». «Эта Четвертая» или «Эта Пятая» в Лос-Анджелесе. И при допросе он четыреста девяносто пятое шоссе здесь, в Нью-Йорке, назвал «этим четыреста девяносто пятым». И потом, помните, он часто употребляет слово «автострада». В Калифорнии оно гораздо более употребительно, чем «шоссе».

Не исключено, что ее наблюдение окажется полезным, подумал Райм. Еще один кирпич в стену улик.

– Занесите в схему, – приказал он.

– Когда вернусь домой, тут же начну формальную процедуру расследования у себя, – пообещала Кэтрин. – Всю информацию, которой мы располагаем, я распространю по отделениям полиции штата. И посмотрим, будут ли какие-нибудь результаты. Ну что ж, а теперь мне пора. Буду рада видеть вас в Калифорнии.

Том бросил взгляд на Райма.

– Ему нужно чаше путешествовать. Он постоянно говорит, что не любит ездить, но как только куда-нибудь попадает, ему сразу там начинает нравиться. Главное, чтобы ему хватало виски и интересных преступлений.

– Я живу в Северной Калифорнии, – сообщила Дэнс. – Виноградный край. Поэтому мы предпочитаем вино. А вот что касается преступлений, можете не беспокоиться, у нас их хватает с избытком.

– Посмотрим, – откликнулся Райм, сохраняя непроницаемое выражение. – Но вот в одном, пожалуйста, окажите мне услугу.

– Все, что попросите, будет выполнено.

– Отключите сотовый. Боюсь, у меня возникнет непреодолимое желание позвонить вам, если у нас тут появятся какие-нибудь новые материалы.

Кэтрин рассмеялась:

– Если бы мне не нужно было возвращаться к детям, я была бы совсем не против.

Селлитто снова поблагодарил ее, и Том проводил до дверей.

– Рон, у меня к тебе просьба.

Парень взглянул на схемы.

– Я уже позвонил по поводу каната, если вы об этом.

– Нет, я не об этом, – пробормотал Райм и молча кивнул на бутылку виски на полке в противоположном конце комнаты.

– А, да, без проблем.

– Наливай на двоих, – пробурчал Селлитто. – И не скупись.

Пуласки налил виски и протянул два бокала. Купер отказался. Райм нахмурился и заметил:

– А себя что, забыл?

– Я ж при исполнении.

Селлитто подавил смешок.

– Ладно. Немножко можно.

Пуласки налил себе и сделал глоток крепкого и очень дорогого напитка.

– Неплохо, – произнес Рон, хотя по глазам было видно, что он слукавил. – Правда, можно было бы немного разбавить имбирным пивом или спрайтом.

Глава 42

17.18

«До и После».

Люди проходят…

По разным причинам люди проходят, и то, что было «до», становится «после».

Эти слова проносились в голове Линкольна Райма снова и снова. Словно заевшая пластинка. Люди проходят…

Он сам когда-то произнес их, когда говорил жене вскоре после несчастного случая, что хочет развода. Они уже некоторое время были чужими друг другу, и Райм решил, что, если ему суждено выжить, он будет тянуть свою лямку сам, так как не желает портить ей жизнь необходимостью постоянного ухода за неподвижным инвалидом.

Но тогда слово «проходят» значило для Райма нечто совершенно иное, нежели сейчас. Та жизнь, которую он с такими усилиями создал для себя в течение нескольких последних лет, жизнь, в общем, довольно хрупкая, должна была вот-вот принципиальным образом измениться. И проблема состояла в том, что, уходя в «Арджайл секьюрити», Амелия вовсе не «проходила», а возвращалась.

Селлитто ушел, Райм с Пуласки сидели в лаборатории перед столом с вещественными доказательствами по делу о 118-м отделении. В конце концов, осознав убедительность имеющихся против них улик и то, что

они, сами того не ведая, наняли профессионального террориста, Бейкер, Уоллес и Хенсон написали просьбу о снисхождении и выдали практически всех, кто был причастен к их преступлениям. (Хотя ни словом не упомянули о том, кто нашел Часовщика для Бейкера. Причина ясна. Нельзя выдавать имя члена мафиозной организации, занимающего более высокую ступеньку в иерархии, если есть шанс, что он из-за твоего свидетельства попадет в одну тюрьму с тобой.)

Готовясь к уходу Амелии, Райм пришел к заключению, что Рон Пуласки со временем может ее заменить как эксперт достаточно высокого уровня. Он парень сообразительный, неглупый и не менее упертый, чем Лон Селлитто. А за годик или даже меньше Райм его пообтешет… Вместе с Роном они будут осматривать места преступлений, анализировать полученные материалы, находить преступников и отправлять их в тюрьму. Система будет продолжать работать без перебоев. Процесс защиты законности и порядка в стране гораздо важнее чувств отдельно взятых мужчины или женщины. Так устроена жизнь, и ничего тут не поделаешь.

Да, система будет продолжать функционировать… Но было невероятно трудно представить себе эту систему без Амелии Сакс.

«Черт с ними, с распроклятыми чувствами! – злобно произнес про себя Райм и взглянул на доску со схемами. – Он где-то там. Я обязательно его найду. Он… не… уйдет».

– Что? – переспросил Пуласки.

– Я ничего не говорил, – рявкнул Райм.

– Нет, говорили. Я только что… – Он умолк под злобным взглядом Райма.

Вернувшись к просмотру материалов, Пуласки спросил:

– Заметки, которые я нашел в машине Бейкера, сделаны на дешевой бумаге. Мне нужно применять нингидрин для проявления того, что там может быть написано скрытыми чернилами?

Райм начал отвечать, но его перебил женский голос:

– Нет. Вначале нужно попробовать пары йода. Затем нингидрин. А потом нитрат серебра. Анализ делается всегда только в такой последовательности.

Райм поднял голову и увидел на пороге Амелию. И сразу попытался изобразить вполне доброжелательное выражение лица. Будем учиться лицемерить. Быть великодушными. Быть взрослыми.

– В противном случае, – продолжала Амелия, – может начаться химическая реакция, и ты испортишь отпечатки.

Пуласки кивнул. Молчание.

Как-то чертовски неуклюже все выглядит, подумал криминалист.

Амелия быстрым взглядом окинула собранные материалы.

Райм не отрываясь смотрел на свои схемы, и напряженное молчание между ними стало подобно ледяному декабрьскому ветру, дувшему за окном.

– Извини, – произнесла она наконец.

Было так необычно слышать от Амелии подобные слова. Она извинялась примерно так же часто, как и Райм. То есть практически никогда.

Райм ничего не ответил. Он не отрывал взгляда от схем.

– Да, мне в самом деле очень жаль.

Раздраженный слюнявой рождественской сентиментальностью, он отвернулся, нахмурившись и с трудом сдерживая гнев. И только тут понял, что она обращается совсем не к нему. Она смотрела на Пуласки.

– Я постараюсь это тебе как-то компенсировать. Ты сможешь поработать со следующим местом преступления. А я буду тебе помогать. Или даже с двумя.

– Каким образом? – спросил Рон.

– Ты ведь наверняка слышал, что я ухожу.

Он кивнул.

– Я передумала.

– Ты остаешься? – переспросил Пуласки.

– Остаюсь.

– Ну и никаких проблем. Я совсем не против совместной работы.

Чувство облегчения при мысли о том, что он не будет единственной мурашкой, на которую Линкольн Райм устремит свое увеличительное стекло и критический взгляд, явно перевесило разочарование от возвращения на не слишком почетную роль ассистента.

Амелия пододвинула стул и поставила его так, чтобы смотреть Райму прямо в глаза.

– А я думал, ты в «Арджайле», – сказал он.

– Я действительно ходила туда. Чтобы отклонить их предложение.

– И можно мне спросить почему?

– Мне позвонили. Сюзанна Крили. Жена Бена Крили. Она поблагодарила меня зато, что я ей поверила, и зато, что я нашла убийц ее мужа. Она плакала и говорила, что для нее была невыносима мысль, что ее муж покончил с собой. Убийство ужасно, но самоубийство любимого человека подрывало те основы, на которых в течение многих лет строилась ее жизнь. – Амелия рассмеялась. – Узел на веревке и сломанный палец… И я поняла, что в этом-то и заключена основная суть нашей работы, Райм. А не в том дерьме, в котором я на какое-то время увязла, с политикой, отцом, с попытками Бейкера и Уоллеса расправиться со мной… Не надо все усложнять. Быть полицейским – значит пытаться найти истину, скрывающуюся за узлом на веревке и сломанным пальцем.

«Ты и я, Сакс…»

– Ну, – спросила она, кивнув на доски, – как дела у нашего плохого парня? Есть что-нибудь новое?

Райм кратко обобщил имеющиеся сведения о Часовщике:

– Скалолаз или альпинист, подготовку получил в Европе. Много времени провел в Калифорнии на побережье. Был там совсем недавно. Возможно, проживает там и сейчас. Блестяще образован. Безупречная грамматика, синтаксис и пунктуация. Я собираюсь просмотреть каждый винтик и колесико в часах, которые он мне подарил. Он ведь на самом деле Часовщик. А это значит, что скорее всего он в них копался. И если там осталась хоть молекула его следов, я ее найду. – Райм кивнул на записку преступника и добавил: – Он признается, что наблюдал за отелем, в котором жила Шарлотта, когда вы производили арест. Необходимо тщательно осмотреть все места, с которых он мог производить наблюдение. Вот, Рон, тебе и нашлась работа.

– Понял.

– И кстати, не забывай о том, что нам о нем известно. Возможно, он уехал, а может, и нет. Будь всегда начеку и оружие держи наготове. Над «Тайвеком», а не под ним. Помни…

– «Внимательно все осматривай, но не забудь прикрыть задницу»? – вспомнил Пуласки известную фразу Райма.

– Пятерка за хорошую память, – отозвался криминалист. – А теперь приступай к работе.

Часть IV

Понедельник

Что такое время? Когда никто меня об этом не спрашивает, я знаю, что оно такое.

Но когда меня просят объяснить, что такое время, я не могу этого сделать.

Блаженный Августин

Глава 43

12.18

Декабрьский день не был особенно холодным, но старый котел в доме Райма практически вышел из строя, и все в лаборатории сидели скорчившись, в толстых куртках. У рта вились клубы пара, а руки приобрели ярко-красный цвет. Амелия натянула два свитера, а на Пуласки была зеленая куртка на теплой подкладке, на которой, словно медали солдата-ветерана, висели билеты на лыжный фуникулер.

Полицейский-лыжник, подумал Райм. Это показалось ему немного странным, хотя он и не знал почему. Не исключено, что его сомнения связаны с возможностью падения с горы с заряженным пистолетом под лыжным костюмом.

– Где чертов слесарь, который должен починить котел? – рявкнул Райм Тому.

– Обещал прийти между часом и пятью.

На Томе была твидовая куртка, подарок Райма на прошлое Рождество, и темно-лиловый кашемировый шарф – один из подарков Амелии.

– Ах, между часом и пятью. Часом и пятью. Позвони ему и…

– Это его собственные слова…

– Нет, послушай меня. Позвони ему и скажи: получено сообщение, что в его районе на свободе разгуливает спятивший с ума маньяк и нам необходимо между часом и пятью ехать туда и отлавливать его. Посмотрим, как он отреагирует на такую новость.

– Линкольн, – начал терпеливый помощник, – я не…

– Он вообще понимает, чем мы тут занимаемся? Понимает, что мы работаем, чтобы защищать таких, как он? Позвони и скажи ему это.

Пуласки обратил внимание, что Том вовсе не спешит к телефону, и спросил:

– Может быть, мне? Позвонить?

Ах, наивная искренность юности…

– Не обращай на него внимания, – ответил Том молодому полицейскому. – Он похож на лающую собаку. Не обращай на нее внимания, и она замолчит.

– На собаку?! – возмущенно воскликнул Райм. – Я похож на лающую собаку?! Думается, все обстоит как раз наоборот, Том. Это ты кусаешь руку, которая тебя кормит. – Удовлетворенный остроумным, с его точки зрения, ответом, он добавил: – Скажи слесарю, что я вот-вот умру от переохлаждения. Кстати, так на самом деле и есть.

– Значит, вы можете чувствовать… – начал Рон и осекся.

– Да, черт возьми, я могу чувствовать себя неуютно, Пуласки.

– Извините, я не подумал.

– Эй! – смеясь, провозгласил Том. – Прими мои поздравления!

– Что такое? – ощущая нарастающую неловкость, спросил Рон.

– Тебя перевели на ступень обращения по фамилии. Теперь ты в его восприятии находишься несколько выше амебы… По фамилии он обращается к людям, которые ему по-настоящему нравятся. Я, к примеру, всего лишь Том, и только. Том навеки.

– Тем не менее, – вмешалась в их разговор Амелия, – еще раз извинись перед ним, Рон, и тебя снова понизят.

Тут позвонили в дверь, и вечный Том отправился встречать посетителя.

Райм посмотрел на часы. 13.02. Неужели слесарь настолько пунктуален?

Конечно, он ошибался – слесари никогда не оправдывают наших ожиданий. Пришел Лон Селлитто. Он начал было стаскивать с себя пальто, но практически сразу же передумал, бросив взгляд на облачко пара, исторгаемое изо рта вместе с дыханием.

– Господи, Линк, при тех деньгах, что тебе платит город, ты мог бы себе позволить отопление и получше. Это кофе? Он горячий?

Том налил ему кофе, Селлитто взял его одной рукой, а другой открыл портфель.

– Наконец-то получил. – Он кивнул на старую папку, обезображенную выцветшими чернилами и карандашными заметками. Множество надписей было перечеркнуто, что свидетельствовало о длительном сроке ее использования не слишком обеспеченным муниципальным ведомством.

– Дело Люпонте? – спросил Райм.

– Точно!

– Мне оно было нужно на прошлой неделе, – проворчал криминалист. Нос у него уже начало щипать от холода. Наверное, надо сказать слесарю, что он оплатит его счет в срок от одного до пяти месяцев. Райм бросил взгляд на папку. – Я уж почти отчаялся. Знаю, как ты любишь всякие присловья, Лон. А как тебе понравится, к примеру, такое: «На часок опоздал – доллар потерял»?

– Не-а… – дружелюбно протянул детектив. – Мне на ум пришла другая: «Оказал кому-то услугу, а он недоволен – пошли его на…»

– Тоже неплохо, – согласился Линкольн Райм.

– Кстати, ты мне не сообщил уровень секретности дела. Пришлось самому выяснять. И мне понадобилась помощь Рона Скотта.

Райм не сводил глаз с детектива, когда тот открывал папку и просматривал ее. Ему было не по себе. То, что он найдет там, может оказаться интересным, а может и катастрофическим.

– Там где-то должен лежать официальный доклад. Найди его.

Селлитто продолжал копаться в папке. Наконец он разыскал нужный документ. На титульном листе была отпечатанная на машинке наклейка «Энтони К. Люпонте, помощник уполномоченного». Листы были заклеены выцветшим куском красной ленты, на которой значилось: «Секретно».

– Вскрыть? – спросил Селлитто.

На лице у Райма появилось свирепое выражение.

– Линк, может, мне подождать, пока у тебя наступит фаза хорошего настроения?

– Положи документ на вращающийся пюпитр. Пожалуйста и спасибо.

Селлитто вскрыл ленту и протянул бумаги Тому.

Помощник водрузил доклад на специальное приспособление, похожее на держатель для кулинарных книг, к которому была присоединена резиновая арматура, переворачивавшая страницы при малейшем прикосновении пальца Райма к сенсорному устройству. Он начал листать документ, стараясь сдержать нараставшее волнение.

– Люпонте? – спросила Амелия, подняв глаза от стола с материалами следствия.

Райм перевернул еще одну страницу.

– Вот.

Он читал абзац за абзацем стенограмму многословной дискуссии городского руководства.

«Ну же, ну, – думал он злобно, – переходите наконец к делу…»

И что он там найдет: то, что ответит на его вопросы, или то, что окончательно развеет его надежды?

– Что-то касающееся Часовщика? – спросила Амелия.

На данный момент никаких сведений о нем найти не удалось ни в Нью-Йорке, ни в Калифорнии, где Кэтрин Дэнс начала собственное расследование.

– Это не имеет к нему никакого отношения, – ответил Райм.

Амелия покачала головой:

– Тебе ведь потребовалось дело Люпонте для расследования преступлений Часовщика.

– Отнюдь. Ты сама сделала такой ни на чем не основанный вывод.

– Ну и чего оно в таком случае касается, какого из других твоих дел? – спросила Амелия и перевела взгляд на старые доски, на которых отмечался ход нескольких зашедших в тупик расследований.

– Не этих.

– А каких?

– Если ты меня не будешь перебивать, то скоро узнаешь.

Амелия разочарованно вздохнула.

Наконец Райм дошел до нужного раздела. Остановился, выглянул в окно на голые коричневые ветви деревьев Центрального парка. В душе его теплилась надежда, что в докладе найдет ответ на свои вопросы. Но Линкольн Райм прежде всего был ученым и не доверял нашептываниям своего сердца.

«Истина – единственная цель…»

И какую же истину откроют слова из лежавшего перед ним доклада?

Он вновь взглянул на пюпитр и быстро прочел нужный ему отрывок. Затем перечитал снова.

Мгновение спустя Райм обратился к Амелии со словами:

– Я хочу тебе кое-что прочитать.

– Хорошо. Я слушаю.

Райм коснулся правым пальцем сенсорного устройства, и страницы перелистались в обратном порядке.

– Вот, из самого начала документа. Слушаешь?

– Я ведь уже сказала.

– Отлично. «Данное судебное разбирательство осуществлялось в условиях строжайшей секретности. На процессе, проходившем с 18 июня

по 29 июня 1974 г., несколько нью-йоркских полицейских были признаны виновными Большим жюри присяжных по обвинению в вымогательстве у владельцев магазинов и бизнесменов Манхэттена и Бруклина, а также в получении взяток за прекращение следствия по ряду уголовных дел. Дополнительно к упомянутому четверо полицейских признаны виновными в применении физического насилия к жертвам вымогательства. Упомянутые двенадцать сотрудников полиции являлись членами организации, получившей название «Клуб Шестнадцатой авеню». Это наименование стало символом самых отвратительных проявлений коррупции в полиции».

Райм почувствовал, что Амелия затаила дыхание. Он поднял глаза от отчета и обнаружил, что Амелия смотрит на страницы так, как дети смотрят на змею, которую они нашли на заднем дворе.

Райм продолжил чтение.

– «Не существует большего доверия, чем то, которое питают граждане Соединенных Штатов к сотрудникам правоохранительных органов, кому доверена защита законных интересов жителей страны. Полицейские из «Клуба Шестнадцатой авеню» своим поведением не только подорвали названное священное доверие и не только совершили ряд преступлений, которые призваны были предотвращать, но навлекли позор на своих мужественных товарищей, честно выполняющих свой долг перед страной и ее народом.

На основании всего выше сказанного я, мэр города Нью-Йорка, награждаю следующих офицеров, сотрудников полиции, медалью за мужество в знак признания их заслуг в том, что постыдным преступлениям был положен конец и виновные в них предстали перед судом: офицера патрульной службы Винсента Паццини, офицера патрульной службы Германа Сакса и детектива третьего класса Лоуренса Кёпеля».

– Что?! – прошептала Амелия.

Райм продолжал чтение:

– «Все перечисленные здесь офицеры много раз рисковали жизнью, собирая информацию о злоумышленниках и улики, которые впоследствии могли быть представлены на суде. Из-за особого характера выполнявшегося ими задания и опасности, которая все еще угрожает им и членам их семей, награды вручаются им сегодня в обстановке строжайшей секретности, а отчет о церемонии награждения будет храниться в специальном архиве. Но я хочу заверить всех трех мужественных героев, удостаиваемых сегодня высокой награды:

несмотря на то что мы выражаем им свою глубочайшую признательность в столь узком кругу, это признательность от имени всех честных граждан нашего большого города».

Амелия Сакс не отрываясь широко раскрытыми глазами смотрела на Райма.

– Он?..

Райм кивнул на папку с документами:

– Твой отец был хорошим парнем, Амелия. Он был одним из тех трех, кому удалось «выйти сухими из воды». Вот только они не преступники. Они работали на службу внутренней безопасности полиции. Твой отец в такой же мере принадлежал к «клубу Шестнадцатой авеню», как ты группе из «Сент-Джеймса». Только в отличие от тебя он действовал как секретный агент.

– Откуда ты узнал?

– А я и не знал. Я кое-что помнил о докладе Люпонте и о процессах о коррупции, но не знал, что твой отец тоже был к ним причастен. Просто хотел проверить свои подозрения.

– Ах вот оно что, – пробормотал Селлитто с набитым ртом. Он жевал большой кусок пирожного, запивая его кофе.

– Не отвлекайся, Лон. Здесь есть кое-что еще.

Детектив пролистал документы, лежавшие в папке, и извлек оттуда сертификат и медаль на ленточке. Медаль за мужество Нью-йоркского департамента полиции, одна из самых высоких наград этого ведомства. Селлитто протянул ее Амелии. Глаза Амелии сверкали гордостью, когда она принимала у него из рук документ на дорогом пергаменте, на котором стояло имя ее отца. Медаль слегка покачивалась в ее дрожащих руках.

– Да, классно! – протянул Пуласки, кивнув на сертификат. – Посмотри-ка, какие тут завитки и виньетки.

Райм поворотом головы указал на папку на вращающемся пюпитре.

– Из бумаг, находящихся здесь, все становится ясно, Сакс. Его руководитель из отдела внутренней безопасности должен был удостовериться, что другие полицейские доверяют твоему отцу. Он давал ему по паре тысяч в месяц для распределения между участниками, и создавалось впечатление, что патрульный офицер Сакс тоже в деле. Все

должно было выглядеть вполне правдоподобным, так как, если бы у кого-то возникли подозрения, что он доносчик, с ним, не задумываясь, расправились бы, ведь в этой истории был замешан сам Тони Галланте. Поэтому против твоего отца в отделе внутренней безопасности тоже начали расследование, чтобы никто ни к чему не смог подкопаться. То самое дело, которое потом пришлось закрыть якобы за недостаточностью улик. С ними сотрудничала группа экспертов по обследованию места преступления, поэтому в конце концов необходимые документы были либо утрачены, либо выписаны с грубыми ошибками.

Амелия опустила голову. А потом тихо рассмеялась.

– Папа всегда был потрясающе скромным. Это так на него похоже – самую свою высокую награду он получил тайно. Он никогда ни словом о ней не упомянул.

– Можешь прочесть все, что тебя здесь заинтересует… Твой отец согласился быть агентом и поклялся собрать необходимую информацию о Галланте и других капо, участвовавших в деле. Но естественно, он не давал показаний на открытом процессе. Он не мог подставить под удар тебя и твою мать.

Амелия не сводила глаз с медали, раскачивавшейся у нее в руке… Подобно маятнику часов, с иронией подумал Райм.

После немного затянувшейся паузы Лон Селлитто потер руки.

– Послушайте, ребята, – проворчал он, – хорошие новости – это, конечно, прекрасно. Но как насчет того, чтобы убраться из здешней холодины и пойти к «Мэнни»? Я не прочь чего-нибудь перекусить. И могу поклясться, они там исправно платят за отопление, Линк.

– Я, в общем, не возражаю, – отозвался Райм с несколько наигранной искренностью, которая, как ему казалось, скрывала его абсолютное нежелание выбираться из дома и катить по холодным и обледенелым улицам в инвалидной коляске. – Но я тут собрался написать заметку для «Таймс». – Он кивнул на компьютер. – Кроме того, мне надо дождаться слесаря. А он, как вы все слышали, соблаговолит явиться где-то между часом и пятью.

Том начал было что-то говорить, пытаясь убедить Райма, что ему необходимо выехать на прогулку, но его прервала Амелия:

– Извините. Боюсь, у меня другие планы.

На что Райм тут же возразил:

– Если твои планы тоже включают снег и лед, то, к сожалению, я должен их отклонить.

Он решил, что она намерена отправиться на прогулку с Пэмми и теперь уже принадлежащим девочке Джексоном.

Но у Амелии на уме было нечто совсем другое.

– Включают, включают и снег, и лед, – сказала она с усмешкой и поцеловала его. – Вот только тебя они не включают.

– Слава Богу! – воскликнул Райм, выдохнув облако пара в потолок и поворачиваясь к компьютеру.

* * *

– Вы?

– Привет, детектив, как поживаете? – спросила Амелия Сакс.

Арт Шнайдер пристально всматривался в нее с порога своего бунгало. Сегодня он выглядел немного лучше, чем в ту последнюю их встречу, когда лежал на заднем сиденье фургона. Но был так же зол. Арт не сводил с Амелии своих красных глаз закоренелого пьяницы.

Впрочем, если у вас такая профессия, что вам почти постоянно угрожает опасность получить пулю из-за угла, несколько злобных взглядов для вас ничего не значат. Сакс улыбнулась старику:

– Я пришла вас поблагодарить.

– Вот как? И за что же?

В руках он держал пустой кофейник. Амелия издалека заметила, что на барной полке появилось несколько новых бутылок. Бросалось в глаза и то, что проекты по обновлению интерьера бунгало не продвинулись ни на шаг.

– Мы закрыли дело «Сент-Джеймс».

– Да, я слышал.

– Здесь у вас на пороге холодновато, детектив.

– Милый? – позвала из кухни коренастая женщина с коротко остриженными каштановыми волосами и жизнерадостным выражением на моложавом лице.

– Да тут ко мне пришли с бывшей работы.

– Ну так пригласи девушку в гостиную. Я сварю кофе.

– Она очень занятая дама, – желчно откликнулся Шнайдер. – Ездит по всему городу, делает сразу десять дел, всех обо всем расспрашивает. У нее, наверное, нет времени.

– Я тут у вас задницу отморожу.

– Арт! Пусть она войдет.

Он тяжело вздохнул и молча вошел в дом. Амелия проследовала за ним и закрыла за собой дверь. Сняла пальто и бросила его на стул.

К ним подошла жена Шнайдера. Женщины обменялись рукопожатием.

– Пригласи девушку сесть, Арт, – с укором в голосе произнесла она.

Амелия уселась в потертое кресло, а Шнайдер – на диван, тяжело вздохнувший под ним. Он не стал уменьшать звук телевизора, на экране которого шло напряженное баскетбольное сражение.

Его жена принесла две чашки кофе и сделала звук меньше.

– Мне не надо, – пробурчал Шнайдер.

– Я уже налила. Хочешь, чтоб я его вылила? Такой хороший кофе? – Она оставила его на столе и отправилась на кухню, откуда шел сильный аромат жарящегося чеснока.

Сакс в полном молчании пила свой очень крепкий кофе, а Шнайдер не отрывал глаз от телеэкрана. Он следил взглядом за движением мяча, и кулаки его нервно сжимались всякий раз, когда тот подлетал к корзине.

Демонстрация матча прервалась рекламным роликом. Шнайдер сразу же переключил канал.

Амелия вспомнила слова Кэтрин Дэнс о том, что полная тишина может заставить человека разговориться, и потому продолжала сидеть, маленькими глотками потягивая свой кофе и не произнося ни слова.

Наконец Шнайдер раздраженно спросил:

– Вы по поводу дела «Сент-Джеймс»?

– Угу.

– Я читал, что там за всем стоял Деннис Бейкер. И помощник мэра.

– Да.

– Я несколько раз встречал Бейкера. Он казался мне вполне нормальным парнем. И когда я узнал, что он занимался вымогательством, меня это очень удивило. – Лицо Шнайдера посуровело. – Убийства тоже их рук дело? Сарковски и того другого парня.

Амелия кивнула.

– И попытки убийства тоже. – Она не стала говорить Шнайдеру, что и сама была намечавшейся жертвой.

Он мрачно покачал головой:

– Деньги ладно. Но вот чтобы ни в чем не повинных людей кончать… Здесь уж совсем другая игра начинается.

Аминь…

– Значит, одним из преступников был тот парень, о котором я вам говорил? Тот, у которого была недвижимость в Мэриленде?

Амелия решила, что Шнайдер заслуживает некоторого поощрения.

– Это был Уоллес. И речь шла не о недвижимости, а как раз о «движимости». – И Амелия рассказала о яхте Уоллеса.

Шнайдер мрачно рассмеялся:

– Без шуток? «Мэриленд Монро»? Ну дает парень.

– Если бы не ваша помощь, возможно, мы бы не сдвинулись с места в расследовании, – заявила Амелия.

Шнайдер пережил миллисекунду удовлетворения. Но тут же вспомнил, что зол на Сакс. И потому подчеркнуто встал, вздохнув, и наполнил бокал виски. Затем снова сел. Его чашка с кофе оставалась нетронутой.

– Мне можно задать вам один вопрос? – спросила Амелия.

– А разве я могу вам запретить? – пробормотал он в ответ.

– Вы как-то говорили, что знали моего отца. Осталось совсем немного тех, кто его действительно знал. И мне просто захотелось расспросить вас о нем.

– О «Клубе Шестнадцатой авеню»?

– Нет. Это меня как раз совсем не интересует.

– Вашему папаше посчастливилось выйти сухим из воды, – заметил Шнайдер.

– Иногда удается увернуться и от пули, которая летит прямо в вас.

Шнайдер кивнул.

– По крайней мере он потом загладил вину. Слышал, что после он честно исполнял свой долг.

– Вы говорили, что служили с ним. Сам-то отец очень мало рассказывал о работе. И мне всегда было интересно, что значило служить в полиции в те годы. Мне хотелось даже что-нибудь написать на эту тему.

– Для внуков?

– Возможно.

Нехотя Шнайдер произнес:

– Вместе мы никогда не работали.

– Но вы ведь его знали.

После некоторого колебания:

– Да.

– Расскажите мне, пожалуйста, историю с тем командиром… Сумасшедшим. Мне давно хотелось ее услышать.

– С каким таким сумасшедшим? – хмыкнул Шнайдер. – У нас их хватало.

– Про того, который послал тактическую группу не туда, куда надо.

– А… Карузерс.

– Да, кажется. Отец был одним из тех, кто, пока не прибыло спецподразделение, принял на себя преступника, захватившего заложника.

– Да-да. Помню, помню. Что за придурок был этот Карузерс! Полный идиот… Слава Богу, никто не пострадал. О, и в тот же день он забыл вставить батарейки в свой мегафон… Про него можно много чего порассказать. Вот, к примеру, свои туфли он всегда заставлял чистить молодых ребят – новичков в полиции. И каждому давал за работу чаевые. Знаете, давать чаевые молодому копу само по себе мерзость. Да и что за чаевые? Какие-нибудь дерьмовые пять центов.

Арт уменьшил звук в телевизоре на несколько делений и рассмеялся.

– А не хотите послушать одну интересную историю?

– Конечно, хочу.

– Ну, в общем, ваш отец, я и еще несколько ребят пошли после службы в Бруклинский ботанический сад. Там проводились какие-то соревнования. И тут появляется парень с «зипом». Знаете, что такое «зип»?

Амелия знала, но солгала и сказала, что не знает.

– Ну, в общем, такой самодельный пистолет. В него можно вставить один патрон двадцать второго калибра. И вот представляете, этот бедняга нападает на нас. Прямо посередине Тридцать четвертой улицы. Мы протягиваем ему бумажники. И тут ваш отец роняет деньги на мостовую, ну, как бы случайно, вы понимаете. И парень наклоняется, чтобы поднять их. А когда выпрямляется, видит, что на него направлены дула четырех «смитти», готовых в любое мгновение изрыгнуть в него свое содержимое. Естественно, он от страху в штаны наделал. А вы бы посмотрели на выражение его физиономии… И знаете, что он нам выдал? «Верно, не мой сегодня день». Ну как вам такое? Ведь классика, правда? «Верно, не мой сегодня день». Мы весь вечер потом просмеялись, животы надорвали. – Арт улыбнулся. – А вот вам еще одна история…

Пока он говорил, Амелия кивала и делала заметки. На самом деле многое из того, что он сейчас вспоминал, было ей уже давно знакомо. Герман Сакс любил рассказывать дочке о работе. Они часами проводили в гараже, копаясь в коробке передач или ремонтируя топливный насос, а Герман Сакс тем временем разворачивал перед Амелией яркую картину жизни полицейского, неведомо для себя закладывая основы ее профессионального будущего.

Впрочем, к Шнайдеру Амелия, конечно, пришла не затем, чтобы узнать историю своей семьи. Нет, она пришла к нему, подчиняясь зову долга, чувствуя необходимость помочь коллеге. Амелия твердо решила для

себя, что не позволит бывшему детективу Арту Шнайдеру опуститься. Если его так называемые друзья не желали встречаться с ним потому, что он помог в раскрытии дела «Сент-Джеймс», она найдет Арту других, настоящих, друзей. Ими для него станут Селлитто, Райм, Рон Пуласки, Фред Дельрей, Роланд Белл, Нэнси Симпсон, Фрэнк Реттиг и еще десятки честных полицейских, ну и, конечно, она сама.

Она задавала Шнайдеру очень много вопросов, и он отвечал, иногда с удовольствием, иногда с раздражением, порой равнодушно, но всегда сообщал что-то интересное. Пару раз Шнайдер поднимался и наполнял стакан виски, посматривая на часы, как бы намекая: а разве вы, девушка, сегодня никуда не торопитесь?

Она еще удобнее устроилась в кресло, задала еще несколько вопросов и даже рассказала несколько историй из собственного опыта. Амелия Сакс уже никуда не торопилась. У нее впереди было очень много времени.

Примечания

1

Нью-йоркское управление полиции

2

Человек, разрабатывающий текст рекламы

3

По Фаренгейту

4

В штате Калифорния

5

Без (фр.)

6

Члены мафии (ит.)

7

Комедийный телесериал о нью-йоркской семье

8

Коктейль с водкой

9

Говядина, приготовленная в красном винном соусе из бургундского с добавлением грибов и мелких целых луковиц

10

Да (исп.)

11

Разновидность макарон

12

Креветки в чесночном соусе с лимоном

13

Хорология – отрасль биологии, рассматривающая разные биологические явления в пространственной перспективе

14

По Фаренгейту